

Фредерик ПОЛ

ПУТЬ
НА ВРАТА

ПУТЬ
НА ВРАТА

Фредерик ПОЛ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

1. Торговцы космосом
В поисках неба
Гладиатор по закону
2. Предпочтительный риск
Невольничий корабль
Волчья отрава
3. Походка пьяницы
Чума питонов
Рассказы
4. Рифы Космоса
Дитя Звезд
Блуждающая звезда
5. Кискин век
Человек-плюс
Рассказы
6. Врата
За синим горизонтом событий
7. Свидание с хичи
Анналы хичи
8. Путь на Врата
Нашествие Квантовых Котов

АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ФАНТАСТИКА

XX века

Пол АНДЕРСОН
Кеннет БАЛМЕР
Джеймс БЛИШ
Джеймс БАЛЛАРД
Джон БРАННЕР
Мэрион Зиммер БРЭДЛИ
Альфред ВАН ВОГТ
Стэнли ВЕЙНБАУМ
Джин ВУЛФ
Джек ВЭНС
Гордон ДИКСОН
Абрахам МЕРРИТ
Ларри НАЙВЕН
Андрэ НОРТОН
Брайан ОЛДИСС
Эдгар ПАНГБОРН
Фредерик ПОЛ
Джерри ПУРНЕЛЛЬ
Джоанна РАСС
Фред САБЕРХАГЕН
Роберт СИЛЬВЕРБЕРГ
Джек УИЛЬЯМСОН
Филипп Хосе ФАРМЕР
Фрэнк ХЕРБЕРТ
Пирс ЭНТОНИ

Фредерик ПОЛ

Путь на Врата
(Рассказы и очерки о хичи)

Нашествие Квантовых
Котов

«Амбер, Лтд»
«Сигма-пресс»
1995

ББК 84.4 США
П 24

Перевод с английского
Д. Арсеньева

Ответственный за выпуск
Ильгар Гусейнов

Ф. Пол

П24 Собрание сочинений. Том восьмой (дополнительный). Путь на Врата: Рассказы и очерки. Нашествие Квантовых Котов: Роман /Пер. с англ. Д. Арсеньева.— Ангарск: «Амбер, Лтд», М.: «Сигма-пресс», 1995. — 400 с.

П $\frac{4703010100-09}{И 22 (03)}$ без объявл.

ISBN 5—88358—058—0

THE GATEWAY TRIP
TALES AND VAGNETTES OF THE HEECHEE

© By F. Poul, 1990 г.

THE COMING OF THE QUANTUM CATS

© By F. Poul, 1986 г.

© Перевод с англ. Д. Арсеньева, 1994 г.

ПУТЬ НА ВРАТА

(Рассказы и очерки о хичи)

Часть первая

ПОСЕЩЕНИЕ

Давным-давно, около полумиллиона лет назад, в окрестностях Солнечной системы появились новые соседи. Они хотели дружить — конечно, если удастся найти тех, с кем можно дружить. И поэтому однажды они высадились на третьей планете системы, той самой, которая нам известна под названием Земля, чтобы посмотреть, кто дома.

Но время для визита оказалось неподходящим. О, на Земле была жизнь, много жизни. Планета кишела ею. Были пещерные медведи и саблезубые кошки, были животные, подобные слонам, и животные, подобные оленям. Были змеи и рыбы, птицы и крокодилы; были болезнетворные микроорганизмы и стервятники; были леса, саванны и самая разнообразная растительность. Но в каталоге живых земных существ отсутствовало одно. К сожалению, именно его и искали посетители.

Гости из космоса не могли найти на планете разум. Он еще не был придуман.

Посетители искали его очень тщательно. Ближе всего к искомому оказалось маленькое мохнатое существо, не знающее языка и огня, не ведающее социальных институтов, но у него по крайней мере были многообещающие умения (например, оно умело делать грубые орудия из осколков кремня). Когда появился современный человек и принялся отыскивать свои эволюционные корни, он назвал это превobyтное

гуманоидное существо австралопитеком. Посетители никак его не называли... для них это было еще одно разочарование в поиске собратьев по разуму в космосе.

Маленькие животные были не очень высоки — ростом с современного шестилетнего ребенка. Но посетители их в этом не винили. У них не было для сравнения с малышами современных людей, да и сами они были не так уж высоки.

А время было опасное — плейстоцен, когда наступал и отступал ледник в Европе и Северной Америке, когда африканские тропические леса то увеличивались, то уменьшались, и для любого вида, который хотел выжить, ключевым словом становилась приспособляемость. Посетители застали племя своих маленьких зверьков в холмистой сухой саванне, поросшей травой и дикими цветами. Австралопитеки поселились на лугу, на берегах мелкого медленного ручья, впадавшего в огромное соленое озеро в нескольких километрах. На западе уходили вдаль горы. Их предгорья начинались поблизости. Горы были вулканами, хотя, конечно, австралопитеки понятия не имели, что такое вулкан. Конечно, у них был огонь: настолько далеко они продвинулись в своем технологическом развитии. Вернее огонь был у них большую часть времени, когда молния поджигала сухую траву (или когда горячий пепел извержений убивал поблизости, хотя это, к счастью для малышей, случалось редко). Они не часто пользовались огнем. Например, возможность готовить на нем еду еще не пришла им в голову. Но они обнаружили, что огонь прогоняет крупных ночных хищников, и иногда это их спасало.

Днем они могли хорошо позаботиться о себе. Носили с собой «каменные топоры» — не очень сложное орудие, просто куски камня, обколотые и принявшие форму толстой раковины с острыми краями — дубины, которые выглядели еще менее внушительно: обычные необработанные берцовые кости похожих на оленей копытных животных, на которых охотились австралопитеки. Такое орудие не способно остановить саблезубого тигра. Но если таких орудий много и ими размахивают вопящие обезьянолюди, этого достаточно, чтобы отпугнуть гиен. Убивать гиен случалось не часто, но обычно удавалось убедить этих животных, что лучше

потратить время на поиски более беззащитной добычи.

Время от времени, конечно, хищники похищали ребенка или старика, жизнь которого из-за изношенных зубов все равно становилась ненадежной. Это австралопитеки могли выдержать. Более важных для благополучия племени особей они теряли редко — за исключением охоты, конечно. Но у них не было выбора, охотиться все равно приходилось. Охотиться, чтобы есть.

Несмотря на малый рост, австралопитеки были очень сильны. Животы у них были большие, но ягодичные мышцы — маленькие, даже у самок по существу не было бедер. Лица их не очень напоминали человеческие: никакого достойного упоминания подбородка, широкий нос, крошечные уши, почти скрывающиеся в густой шерсти на голове — волосами ее еще нельзя было назвать. У среднего австралопитека в черепе было мало места для мозга. Если мозг из этого низкого черепа переложить в пивную кружку объемом с пинту, мозг, возможно, перельется через край, но совсем немного.

Конечно, ни один современный любитель пива так не поступит, но мохнатые малыши так сделали бы — с радостью. В их диете мозги были деликатесом. Даже мозги других австралопитеков.

Посетителям не очень нравились диетические привычки мохнатых малышей. Тем не менее одна анатомическая характеристика этих существ заинтересовала гостей — своими сексуальными последствиями. Подобно посетителям, австралопитеки были двуногими. В отличие от посетителей ноги у них располагались так близко друг к другу, что буквально терлись при ходьбе. И посетителям казалось, что это представляет собой серьезную проблему, по крайней мере для самцов, так как мужские половые органы подвешены между ногами.

(Несколько сотен тысяч лет спустя повелители земной жизни — люди — будут задаваться аналогичными вопросами о давно исчезнувших посетителях... и тоже не сумеют понять.)

* * *

Итак, посетители из космоса некоторое время наблюдали за мохматыми малышами, разочарованно

почирикали друг с другом, вернулись на свои космические корабли и мрачно удалились.

Тем не менее посещение не было абсолютным провалом. Планета, обладающая жизнью, — редкая драгоценность в Галактике. Конечно, они надеялись на более развитую жизнь, надеялись найти друзей, обменяться с ними мнениями, обсудить проблемы. Маленькие мохнатые животные, разумеется, для этого не годились. Но посетители не покинули их, ничего не предприняв. По собственному богатому опыту они знали, что перспективный вид может легко вымереть, может где-нибудь на дороге эволюции сделать неверный поворот и тем самым никогда не осуществить свой потенциал. Поэтому посетители выработали политику создания... назовем это «заповедниками для сохранения дичи». И поэтому, улетая, прихватили с собой в своих космических кораблях нескольких австралопитеков. Они поместили маленьких животных в безопасное место в надежде, что на что-нибудь они пригодятся. После чего посетители удалились.

Проходило время... очень много времени.

Австралопитеки на Земле ничего не добились. Но тут появились их близкие родственники — вид Ното, более известный, как вы, и я, и все наши друзья. У людей вида Ното получилось гораздо лучше. В сущности через пятьсот тысяч лет они добились всего, что посетители надеялись увидеть у австралопитеков.

Эти «люди», как они себя называли, оказались очень изобретательны. И за прошедшие века наизобретали много: колесо, сельское хозяйство, тягловые животные, города, рычаг и парусные корабли, двигатели внутреннего сгорания, кредитная карточка, радар и космические корабли. Конечно, они изобрели это все не сразу. И не все их изобретения оказались благом, потому что параллельно они изобретали дубины и мечи, луки и катапульты, пушки и атомные бомбы. Люди очень талантливо умеют все запутывать.

Например, очень многие их изобретения такого типа: они должны делать одно, а в действительности делают нечто совершенно другое. Таковы их «миротворческие» изобретения, которые совсем не способствуют сохранению мира. Или «медицина». Они изобрели то, что называли «медициной», очень рано, то есть начали делать

всевозможные странные процедуры с людьми, которым не повезло и они заболели. Внешне эти процедуры должны были вылечить больного, часто происходило наоборот. В лучшем случае они просто не помогали. Человек, умирающий от малярии, был благодарен местному знахарю, который надевал дьявольскую маску и плясал у его постели, тем не менее этот человек все равно умирал. К тому времени, когда шансы больного на выздоровление с врачом превысили эти же шансы без врача — на это потребовалось 499 900 лет из 500 000,— люди изобрели более эффективный способ все ставить вверх дном. Они изобрели деньги. Человеческая медицина научилась успешно лечить многие болезни, но людям становилось все труднее и труднее найти деньги, чтобы заплатить за лечение.

Примерно к этому же времени люди, живущие на маленькой зеленой планете под названием Земля, достигли такого уровня развития, что впервые смогли оторваться от нее. Начался космический век человечества.

В некотором смысле это было счастливое совпадение. Когда люди научились запускать космические корабли, пора было уже думать о том, чтобы бежать с Земли. Земля была очень хороша для богатых. Но для бедняков она стала невыносимой.

* * *

К этому времени существа, навещавшие австралопитеков, конечно, давно исчезли.

В своем стремлении найти другую разумную расу, с которой можно было бы поговорить, они обшарили пол-Галактики. Было несколько успехов, вернее почти успехов. Нашли несколько многообещающих видов — ну, по крайней мере не менее перспективных, чем бедные глупые австралопитеки.

Вероятно, ближе всех подошли к тому, что они искали, существа, названные ими медленными пловцами. Эти разумные существа (конечно, они не были людьми, но разумными были) жили на тяжелой планете в густой атмосфере из жидкого газа. Медленные пловцы по крайней мере владели речью. На самом деле они пели на своем языке бесконечные прекрасные песни, ко-

торые посетители сумели наконец расшифровать. У медленных пловцов были даже города, то есть жилые дома и общественные здания, которые плавали в густой грязи, в которой жили эти существа. Разговаривать с медленными пловцами было не очень интересно, главным образом потому — вам лучше в это сразу поверить, — что они ужасно медлительны. Если вы хотите поговорить с ними, вам нужно ждать неделю, пока собеседник произнесет слово, и год, чтобы он закончил несколько строк из песни. А чтобы поговорить по-настоящему, нужно несколько продолжительностей жизни. Это не вина медленных пловцов. Они живут при таких низких температурах, что все, что они делают, совершается на много порядков медленнее, чем в мире теплокровных дышащих кислородом существ, как люди — или как сами посетители.

Потом посетители отыскиали кое-кого еще... и то, что они нашли, их страшно перепугало.

И они совсем перестали искать.

* * *

Когда люди наконец вышли в космос, у них была своя повестка дня, не такая, как у их древних гостей. Они не искали другие разумные существа, во всяком случае искали не так. Телескопы и автоматические ракеты давно сообщили людям, что нет никаких других разумных существ, по крайней мере в их Солнечной системе. А улететь за ее пределы они почти не надеялись.

Люди могли бы поискать своих давних посетителей, если бы догадывались о их существовании. Но, конечно, они не догадывались.

Вероятно, чтобы отыскать другую разумную расу, лучше быть везучим, чем целеустремленным. Когда люди высадились на Венере, планета не показалась им многообещающей. Первые люди, увидевшие ее, на самом деле не «видели» — в этой чрезвычайно плотной и тусклой атмосфере много не увидишь, они просто покружили по орбите, нащупывая радаром поверхность. И то, что обнаружили, их не порадовало. Когда наконец первые ракеты сели в долине Ущелье вблизи Афродиты Терры и группы начали исследовать негостеприимную поверхность

Венеры, у ученых не было никакой надежды на обнаружение жизни.

Конечно, жизнь они не нашли. Но потом в районе Венеры, называемом Айно Планиция, геолог сделал открытие. Он обнаружил расселину — ее можно назвать туннелем, хотя первооткрыватели сочли ее лавовой трубой — под поверхностью планеты. Туннель оказался длинным, правильным... и никак не мог тут находиться.

Так первые исследователи Венеры без всякого предупреждения обнаружили следы полумиллионной давности посещения.

Часть вторая

ТОРГОВЦЫ НА ВЕНЕРЕ

1

Меня зовут Оди Уолтерс, я пилотирую воздушные аппараты, их можно назвать самолетами, живу на Венере — в Веретене или в туннелях хичи; там я по крайней мере сплю.

До двадцати пяти лет я жил на Земле, главным образом в Амарилло. Мой отец был заместителем губернатора Техаса. Он умер, когда я еще учился в колледже, но оставил мне достаточно средств, чтобы я окончил колледж, получил диплом бакалавра в области деловой администрации и выдержал экзамен на клерка-тайписта в журналистской Службе. Так что я был готов к жизни. Так решило бы большинство.

Прожив после этого несколько лет, я сделал открытие. Я обнаружил, что мне не нравится жизнь, к которой я готов. И вовсе не по тем причинам, каких вы ожидаете. Амарилло не так уж плох. Я не возражал против делового костюма, умел поладить с соседями, даже если их приходится по восемь тысяч на квадратную милю, терпеливо относился к шуму, мог защититься от банд подростков — нет, меня не устраивал совсем не Техас. Дело в том, что я делал со своей жизнью в Техасе. И вообще на Земле.

Поэтому я убрался с Земли.

Я продал свое журналистское удостоверение женщине, которой пришлось заложить квартиру родителей, чтобы

купить его; я заложил и собственную долю унаследованного дохода, забрал свои небольшие сбережения из банка... и купил билет в один конец на Венеру.

В этом нет ничего необычного. Каждый ребенок говорит, что он это сделает, когда вырастет. Разница в том, что я это сделал.

Вероятно, все обстояло бы по-другому, если бы у меня был шанс получить Настоящие Деньги. Если бы мой отец был губернатором, а не заместителем и располагал многочисленными выплатами, вознаграждениями и фондами, а не был бы рядовым неудачником на гражданской службе... Если бы наследство, которое он мне оставил, включало выплату за Полную Медицину... Если бы я находился на вершине, а не застрял в середине и со всех сторон на меня не давили...

Но так не получилось. И поэтому я пошел новой дорогой и попробовал зарабатывать на жизнь, обслуживая туристов с Земли в главном поселении Венеры — в Веретене.

Все видели фотографии Веретена, как и Колизея и尼亚гары. Разница, конечно, в том, что Веретено можно увидеть только изнутри. Оно находится под поверхностью Венеры, в месте, которое называется Альфа Реджио.

Как и все, на что стоит посмотреть на Венере, Веретено оставили хичи. Никто так и не установил, зачем хичи понадобилось подземное помещение в триста метров длиной и веретенообразной формы, но таким оно было. И мы им пользовались. Для Венеры оно служило своего рода Таймс-сквер или Елисейскими полями. Все туристы-земляне прежде всего отправлялись в Веретено, и поэтому именно здесь мы начинали стричь их.

Мое собственное дело — я имею в виду полеты с туристами на самолете — относительно законное; конечно, если не учитывать того обстоятельства, что на Венере нечего смотреть; только то, что оставили хичи. Другие ловушки для туристов в Веретене гораздо менее законны. Но туристам на это наплевать. Хотя, конечно, они догадываются, что их дурачат. Все они нагружаются молитвенными веерами хичи, головами кукол, легкими прозрачными пластиковыми контейнерами, в которых плавают шар Венеры в оранжево-коричневом снегопаде фальшивых кровавых бриллиантов, огненных жемчужин и летучего пепла. Ни один из этих сувениров не стоит той

платы, которую придется отдать за доставку его массы на Землю, но для туристов, которые вообще могут заплатить за межпланетный перелет, это, я полагаю, не имеет значения.

Однако для таких людей, как я, которые не могут себе многого позволить, туристские приманки играют очень существенную роль. Мы на них живем.

Я не хочу сказать, что мы на них загребаем деньги. Нет, только чтобы заплатить за еду и место для сна. Если мы этого не заработаем, мы умираем.

На Венере не очень много законных способов заработать. Во-первых, армия, если это можно назвать законным заработком, а в остальном — туризм и просто удача. Удача — это, например, выигрыш в лотерею, или ценная находка в туннелях хичи, или хорошо оплачиваемая работа в научной экспедиции, но все очень маловероятно. А в хлебе с маслом почти все жители Венеры зависят от земных туристов, и если мы не выдоим туриста досуха, когда представляется возможность, значит, не заслужили и хлеба с маслом.

Конечно, есть туристы — и туристы. Они существуют в трех разновидностях. Разница между ними в небесной механике.

Класс 3 — туристы торопливые и неразборчивые. На Земле они называются зажиточными людьми. Третий класс прибывает на Венеру каждые двадцать шесть месяцев по орбите Хоманна, которая требует минимальной энергии для полета с Земли. Поскольку орбита Хоманна предоставляет лишь небольшие промежутки для использования, такие туристы никогда не остаются на Венере больше чем на три недели. И поэтому они прилетают с намерением получить все, что возможно, за свои четверть миллиона долларов — столько стоит самая дешевая каюта, а деньги эти им подарили дедушка и бабушка на окончание колледжа, или они сами сберегли на второй медовый месяц, или что-то в этом роде. Плохо в них то, что у них не бывает лишних денег, они все их истратили на оплату дороги. А хорошо в них то, что их много. Когда прилетает туристический корабль, все комнаты, сдающиеся в аренду, бывают заняты. Иногда шесть пар занимают одно то же помещение с перегородкой, по две пары спят в три смены. А такие, как я, переселяются в туннели хичи, а собственные комнаты сдают и тем

самым зарабатывают деньги на жизнь еще на несколько месяцев.

Но на туристах третьего класса не заработаешь столько, чтобы дожить до следующего промежутка в орбите Хоманна, так что, когда появляются туристы второго класса, мы из-за них готовы перегрызть друг другу глотки.

Второй класс — относительно богатые. Их можно назвать бедными миллионерами; их годовой доход исчисляется семизначным числом. Они могут позволить себе прилететь по орбите с ускорением, затратив на это дней сто, вместе того чтобы долго и медленно лететь по орбите Хоманна. Такой перелет обходится в миллион долларов и выше, так что туристов класса 2 не очень много. Тем не менее ежемесячно в относительно благоприятные расположения планет они понемногу появляются. К тому же на Венере у них есть возможность потратить побольше. Многие относительно богатые туристы класса 2 ждут такой возможности, когда положение планет позволяет им посетить по низко-энергетической орбите сразу три планеты, и стоит это примерно столько же, сколько прямой перелет Земля—Венера. Если нам повезет, вначале они посещают нас, потом отправляются на Марс. (Как будто на Марсе есть что-нибудь стоящее!) Если они посещают нас на обратном пути, приходится довольствоваться тем, что оставили марсианские колонисты. Это плохо, потому что обычно они оставляют очень мало.

А вот очень богатые — о, эти очень богатые! Чудо первого класса! Они появляются в любое время, независимо от орбиты, и они могут тратить!

Когда мой информант на посадочной площадке сообщил о прилете «Юрия Гагарина» частным чартерным рейсом, мой денежный нос зачесался.

Прилетевший на этом корабле должен быть очень перспективен. Сейчас могут прилететь только очень богатые. И единственный вопрос: сколько моих конкурентов постараются перерезать мне глотку, чтобы первыми добраться до пассажиров «Юрия Гагарина»... а я конечно, постараюсь перерезать им.

Для меня это очень важно. Как раз тогда у меня возникла острая потребность в деньгах.

Туристический бизнес, связанный с полетами, требует гораздо больше капитала, чем, например, открытие киоска

с сувенирами. Мне повезло: я купил свой самолет дешево, когда умер тип, на которого я работал. Соперников у меня почти не было: несколько самолетов как раз в ремонте, другие улетели на раскопки хичи.

Так что, решил я, пассажиры «Гагарина», кем бы они ни были, могут достаться мне... конечно, если им захочется выйти за пределы Веретена.

Приходилось надеяться, что им захочется, потому что мне очень нужны были деньги. Видите ли, у меня выходила из строя печень. Положение близилось к полному отказу. Врачи объяснили, что есть три выбора: вернуться на Землю и какое-то время жить на искусственной печени. Найти денег и получить трансплантат. Или умереть.

2

Парня, нанявшего «Юрий Гагарин», звали Бойс Коченор. Возраст по внешней оценке — примерно сорок лет. Рост — около двух метров. Происхождение — ирландско-американо-французское.

Я сразу узнал этот тип: человек, привыкший везде быть хозяином. Он вошел в Веретено с таким видом, словно оно принадлежит ему и он подумывает о том, чтобы ликвидировать это свое владение. Сел в имитации кафе на парижском бульваре, принадлежащем Сабу Вастре.

— Скотч, — сказал он, даже не глядя, слушает ли его официант. Конечно, его слушали. Вастра торопливо полил лед виски и протянул ему леденящий губы напиток. — Курево, — сказал Коченор. — И тут же девушка зажгла сигарету и подала ему. — Ужасная дыра! — заметил он, оглядываясь, и Вастра скромно и торопливо поддакнул.

Я сидел поблизости — ну конечно, не за тем же столиком. Я даже не смотрел в их сторону. Но слышал все, что они говорили. Вастра тоже не смотрел на меня, но, конечно, видел, как я вошел, и знал, что я наметил себе эту многообещающую цель. Заказ у меня приняла третья жена Вастры, потому что сам Вастра, конечно, не собирался заниматься простой туннельной крысой, когда у него за столиком землянин с чартерного рейса.

— Как обычно, — сказал я третьей жене, имея в виду слабый эль. — И копия ваших сведений, — добавил я негромко. Она понимающе подмигнула мне из-под своей

вуали для флирта. Хитрая лисичка. Я по-дружески похлопал ее по руке и вложил свернутую банкноту. Потом она ушла.

Землянин осматривал окружение, которое включало и меня. Я посмотрел на него, вежливо, но равнодушно, он слегка кивнул мне и снова повернулся к Сабашу Вастре.

— Поскольку я уж здесь, — сказал Коченор пресыщенным тоном богатого туриста, — можно попробовать, что вы тут предлагаете. Что у нас есть?

Саб Вастра широко улыбнулся, как рослая костлявая лягушка.

— О, все, что угодно, сэр! Развлечения? У нас есть частные помещения, там вас развлекут лучшие артисты трех планет, танцовщицы, музыка, комики...

— Этого добра у нас достаточно в Цинциннати. Я на Венеру прилетел не для того, чтобы попасть в ночной клуб. — Коченор, конечно, не мог знать этого, но принял правильное решение: частные помещения Саба в самом низу списка ночных развлечений Венеры, а даже верх этого списка немногого стоит.

— Конечно, сэр! Тогда, может, вас интересует тур?

— Ага. — Коченор покачал головой. — Какой смысл бегать вокруг? Разве на этой планете что-то выглядит по-другому, чем посадочная площадка, с которой мы пришли? Сразу над нашими головами?

Вастра колебался. Я видел, что он быстро подсчитывает в уме, решает, стоит ли отдавать туриста мне за комиссионные. На меня он не смотрел. Честность победила — честность, подкрепленная быстрой оценкой степени доверчивости Коченора.

— Не очень много отличий, сэр, — признал Вастра. — На поверхности повсюду жарко и сухо. Но я говорил не о поверхности.

— О чем же тогда?

— О, о туннелях хичи, сэр! Под этим самым поселком их много миль. Можно найти надежного проводника...

— Не интересуюсь, — проворчал Коченор. — Зачем мне так близко?

— Сэр?

— Если проводник может провести по ним, — объяснил Коченор, — значит они исследованы, а это значит, что все хорошее в них уже разграблено. Какой в этом интерес?

— Конечно! — сразу воскликнул Вастра. — Я вас вполне понимаю, сэр. — Выглядел он довольным, и я чувствовал, как задевает меня его радар, хотя в мою сторону он по-прежнему не смотрел. — Конечно, — продолжал он важно, как специалист, разговаривающий с солидным клиентом. — Всегда есть шанс напасть на новые раскопки, сэр, конечно, если знаешь, где искать. Прав ли я, предполагая, что именно это вас интересует?

Третья жена Вастры принесла мне мою выпивку и тонкий листочек.

— Тридцать процентов, — прошептал я ей. — Скажу Сабу. Только никакой торговли и никаких других участников. — Она кивнула и подмигнула; конечно, она тоже прислушивалась и была уверена, что землянин на крючке.

Я собирался тянуть свою выпивку как можно дольше, пока цель зреет под искусным управлением Вастры. Похоже, впереди меня ждет процветание. И я готов был отпраздновать. Сделал со вкусом большой глоток.

К несчастью, на крючке не оказалось наживки. Землянин почему-то пожал плечами.

— Напрасная трата времени, — проворчал он. — Я хочу сказать: если кто-то знает, где поискать, почему бы ему самому не поискать, верно?

— Ах, мистер! — воскликнул Вастра; он был близок к панике. — Но уверяю вас, есть еще сотни неисследованных туннелей! Тысячи, сэр! А в них, кто знает: бесценные сокровища очень вероятны!

Коченор покачал головой.

— Оставим это, — сказал он. — Принесите нам еще выпить. И проследите, чтобы лед на этот раз был холодный.

* * *

Это меня потрясло. Неужели мой денежный нос ошибся?

Я поставил стакан и полуотвернулся, чтобы скрыть от землян то, что делаю. Собрался просмотреть копию факса Саба, которая могла бы объяснить, почему этот Коченор так неожиданно утратил интерес.

Но сведения не ответили на этот вопрос. Хотя многое сообщили мне. Женщину с Коченором зовут Доротой

Кифер. Она уже несколько лет путешествует с ним, согласно их паспортам, хотя впервые улетела с Земли. Никакого указания на то, что они в браке, — или что собираются вступить в брак, во всяком случае со стороны Коченора. Кифер чуть больше двадцати — настоящий возраст, без всяких стимуляторов и трансплантатов. А вот Коченору перевалило за девяносто.

Конечно, на девяносто он не выглядел. Я видел, как он идет к столу: походка у него легкая и упругая для такого рослого человека. Состояние у него в земле и нефтешине. Согласно сведениям, он один из первых нефтяных миллионеров, которые перестали продавать нефть как топливо для машин, а стали производить из нее пищу, выращивать на нефти водоросли и в обработанной форме продавать эти водоросли как человеческую пищу. Тогда он перестал быть миллионером и превратился в гораздо более богатого человека.

Это объясняло его внешний вид. Он жил на Полной Медицине со всеми добавками. В сообщении говорилось, что сердце у него титаново-пластиковое. Легкие пересажены от двадцатилетнего парня, погибшего в автокатастрофе. Кожа, мышцы, жир — не говоря уже о многочисленных железах — получали подкрепление гормонами и создателями клеток ценой в несколько тысяч долларов ежедневно.

Судя по тому, как он поглаживал бедро сидевшей рядом с ним девушки, он хорошо пользовался своими деньгами. Выглядел он и двигался как сорокалетний, не старше, если не считать его светло-голубых блестящих усталых и лишенных всяких иллюзий глаз.

Короче говоря, цель была превосходная.

Я не мог позволить ему уйти. Допив свою порцию эля, я кивком велел Третьей принести новую. Должен быть какой-то способ заставить его снять мой самолет.

И я должен найти этот способ.

Конечно, по другую сторону легкого ограждения, обособлявшего кафе Вастры от остального Веретена, половина туннельных крыс Венеры думала о том же самом. Сезон сейчас самый плохой. Толпы с орбиты Хоманна появятся еще через три месяца, и у нас у всех кончатся деньги. У меня лишь несколько более срочная потребность — в замене печени; из сотни туннельных обитателей, которых я видел краем глаза, девяносто

девять тоже должны были выдоить этого туриста, просто чтобы остаться в живых.

Все этого сделать не могут. Он, конечно, выглядит достаточно упитанным, но никто не может накормить нас всех. Двоих может, троих. Возможно, даже с полдесятка кое-что заработают. Но не больше.

Я должен быть одним из этих немногих.

Я глотнул из второй порции, щедро — и намеренно заметно — дал чаевые Третьей и небрежно повернулся так, чтобы оказаться лицом к землянам.

Девушка торговалась с несколькими продавцами сувениров, наклонившихся через ограждение.

— Бойс? — спросила она через плечо. — Для чего эта штука?

Он перегнулся через перила и всмотрелся.

— Похоже на веер, — ответил он ей.

— Верно, молитвенный веер хичи! — воскликнул торговец. Я его знал, Букер Аллеман, один из старожиллов Веретена. — Сам отыскал, мисс! Он исполняет желания, мы ежедневно получаем письма с невероятными результатами...

— Глупая приманка, — проворчал Коченор. — Покупай, если понравилось.

— Но что он делает? — спросила девушка.

Коченор неприятно рассмеялся и продемонстрировал.

— То же, что другие веера. Охлаждает. Но ты в этом не нуждаешься, — добавил он многозначительно и с улыбкой взглянул на меня.

Мой шанс.

Я прикончил выпивку, кивнул ему, встал и подошел к их столику.

— Добро пожаловать на Венеру, — сказал я. — Не могу ли я быть вам полезен?

Девушка вопросительно взглянула на Коченора, потом сказала:

— Мне нравится этот веер.

— Да, он красив, — согласился я. — Вам известна история хичи?

Я вопросительно взглянул на незанятый стул и, так как Коченор не попросил меня убраться, сел на него.

— Хичи построили эти туннели очень давно, может быть, четверть миллиона лет назад. А может, и больше. Они как будто жили в них какое-то время, столетие или

два. Потом снова ушли. Оставили много мусора и кое-что ценное. Среди прочего, тысячи таких вееров. Кто-то из местных мошенников — не Би-Джи, мне кажется, но кто-то похожий — назвал их молитвенными веерами. Их стали продавать туристам, говоря, что они исполняют желания.

Аллеман слушал каждое мое слово, пытаюсь догадаться, к чему я клоню.

— Отчасти это верно, — согласился он.

— Все верно. Но вы двое слишком умны для таких вещей. И все-таки, — добавил я, — взгляните на эти веера. Они очень красивы. Их приятно иметь, даже если они и не исполняют желания.

— Конечно! — воскликнул Аллеман. — Смотрите, как этот сверкает, мисс! А этот черно-серый кристалл так подходит к вашим светлым волосам!

Девушка развернула черно-серый веер. Он раскрылся, как свиток, конусообразный с одной стороны. Нужно было лишь слегка придерживать большим пальцем, чтобы он оставался открытым. Веер очень красиво блестел, когда девушка им обмахивалась. Как и все веера хичи, он весит около десяти граммов, не считая ручки из искусственной древесины, которую такие, как Би-Джи, к ним приделывают. Кристаллическая решетка материала веера улавливает свет, который испускают металлические стены туннелей хичи, и выпускает его назад сверкающими разноцветными искрами.

— Этого парня зовут Букер Гэри Аллеман, — сказал я землянам. — Он продаст вам то же, что другие, но не станет обманывать, как большинство, особенно когда я при этом присутствую.

Коченор кисло посмотрел на меня, потом подозвал Саба Вастру и заказал еще выпивки.

— Хорошо, — сказал он. — Если мы станем покупать, то купим у вас, Букер Гэри Аллеман. Но не сейчас. — Он повернулся ко мне. — А что я должен купить у вас?

Я сразу ответил:

— Мой самолет и меня самого. Если хотите взглянуть на новые туннели, мы к вашим услугам.

Он не стал колебаться.

— Сколько?

— Миллион долларов, — сразу ответил я. — Контракт на три недели, вы оплачиваете все расходы.

На этот раз он ответил не сразу, хотя мне приятно было отметить, что цена его не отпугнула. Выглядел он таким же внимательным и чуть скучающим, как всегда.

— Выпьем, — сказал он, и Вафра и его Третья обслужили нас. А он стаканом указал на Веретено. — Знаете, для чего это? — спросил он.

— Для чего его построили хичи? Хичи были не выше нас, так что оно велико не потому, что им нужно пространство над головой. И когда его нашли, оно было совершенно пустое.

Он без особого интереса осмотрел оживленную сцену. Веретено всегда полно народу. В наклонных стенах пещеры вырублены балконы, на них заведения для еды и питья, как кафе Вистры, и ряды сувенирных киосков. Большинство в такое время, конечно, пусты. Но все же вблизи Веретена живет несколько сотен туннельных крыс, и с тех пор как появились Коченор и девушка, количество зрителей все увеличивалось.

Коченор сказал:

— Тут особенно не на что посмотреть, верно? — Я не стал спорить. — Просто дыра в земле со множеством людей, старающихся отобрать у меня мелочь. — Я пожал плечами. Он улыбнулся мне: как будто не так ехидно, как раньше. — Так почему же я прилетел на Венеру, если так считаю? Хороший вопрос. Но так как вы не спрашиваете, я не стану отвечать.

Он взглянул на меня, словно ожидал, будто я стану спрашивать. Я молчал.

— В таком случае перейдем к делу, — продолжал он. — Вам нужен миллион долларов. Посмотрим, на что пойдут эти деньги. Аренда самолета обходится примерно в сто тысяч. Сто восемьдесят тысяч — аренда оборудования на неделю, нам нужно на три недели. Еда, припасы, разрешение — еще пятьдесят тысяч. Таким образом, получается около семисот тысяч, не считая вашего вознаграждения и комиссионных хозяину кафе. Правильно я подсчитал, Уолтерс?

Я не ожидал, что встречу с бухгалтером. С некоторым трудом проглотив выпивку, я вынужден был ответить:

— Достаточно правильно, мистер Коченор. — Я не считал нужным сообщать ему, что самолет принадлежит мне, так же как и большая часть необходимого оборудования: это единственный способ что-то заработать

после оплаты всех других расходов. Но я не удивился бы, обнаружив, что он и это знает.

И тут он меня удивил.

— Похоже на справедливую цену, — небрежно сказал он. — Договорились. Я хочу вылететь как можно скорее, то есть примерно в это же время завтра.

— Хорошо, — ответил я, вставая. — До встречи.

Выходя, я обошел Вастру. Тот стоял как пораженный громом. Мне нужно было кое-что сделать и кое о чем подумать. Коченор застал меня врасплох, а это плохо, когда не можешь позволить себе совершить ошибку. Я знал, что он не упустил того обстоятельства, что я назвал его по фамилии. Тут все в порядке. Он легко догадается, что я сразу навел справки, и его фамилия не единственное, что мне о нем известно.

Но меня удивило, что он знает, как зовут меня.

3

У меня было три главных дела. Первое — проверить оборудование и убедиться, что оно выдержит все те отвратительные штуки, которые выкидывает Венера относительно машины — или человека. Второе — отправиться в местную контору союза и зарегистрировать контракт с Бойсом Коченором, включив в него статью о комиссионных для Вастры.

А третье — повидаться с моим врачом. Печень какое-то время меня не беспокоила, но ведь я давно ничего не пил.

Оборудование оказалось в порядке. Мне понадобилось около часа, чтобы проверить его, но в конце этого времени я был относительно уверен, что у меня есть все необходимое, включая запчасти. Знахарская по пути в контору союза, поэтому я вначале заглянул к доктору Моррису. Много времени это не заняло. Новости оказались не хуже, чем то, к чему я готовился. Доктор направил на меня все свои инструменты и тщательно изучил результаты — тщательность примерно на сто пятьдесят долларов — и потом выразил осторожную надежду, что три недели вдали от его кабинета я проживу, если буду принимать все, что он мне даст, и не слишком отклоняться от предписанной мне диеты.

— А когда я вернусь? — спросил я.

— Я уже вам говорил, Оди, — жизнерадостно ответил он. — Можно ожидать полного отказа печени примерно... ну, скажем, через девяносто дней. — Он постучал пальцами, оптимистично глядя на меня. — Я слышал, вы сможете оплатить операцию. Хотите, я забронирую для вас трансплантат?

— И во сколько это мне обойдется? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Как обычно, — добродушно объяснил он мне. — Двести тысяч за новую печень плюс оплата пребывания в госпитале, плата анестезиологу, предоперационному психиатру, фармацевтам, моя собственная плата — вы ведь это уже знаете.

Я знал. И уже подсчитал, что с тем, что заработаю у Коченора, плюс мои сбережения, плюс заклад самолета, еле-еле хватит. Конечно, я буду разорен. Но жив.

— Кстати, у меня как раз есть печень вашего размера, — полушутливо сказал доктор Моррис.

Я в этом не сомневался. В знахарской всегда хватает запчастей. Потому что люди так или иначе все время гибнут, а наследники стараются увеличить наследство, продавая покойников на запчасти. Я встречался время от времени с одной знахаркой. Однажды после выпивки она отвела меня на холодный склад и показала множество замороженных сердец, легких, кишок и мочевых пузырей, все уже накачаны антиаллергенами, чтобы предотвратить отторжение, все с ярлычками и в упаковке, готовые к передаче платежеспособному клиенту. Жаль, что я не относился к этому классу, потому что доктор Моррис мог бы тут же вытащить одну печенку, разогреть ее в микроволновой печи и пришить мне. Когда я пошутил — я сказал ей, что шучу, — как бы стянуть одну хорошенькую печенку для меня, девушка скисла, а вскоре после этого упаковалась и улетела на Землю.

Я принял решение.

— Оставьте ее для меня, — сказал я. — Операция через три недели. — И оставил его довольным, похожим на бирманского крестьянина, ожидающего хороший урожай риса. Дорогой папочка. Почему он не послал меня в медицинскую школу, вместо того чтобы давать общее образование?

Было бы отлично, если бы хичи ростом равнялись людям, а не были чуть короче их. Это сказывалось на их туннелях. Особенно в маленьких, таких, как тот, в котором расположено местное 88-е отделение союза. Идти приходилось пригнувшись.

Помощник организатора ждал меня. У него один из немногих на Венере видов работы, которая не зависит от туристов, — во всяком случае не прямо. Он сказал:

— Мне позвонил Сабаш Вастра. Говорит, вы сговорились на тридцати процентах. Кроме того, вы ушли, не заплатив Третьей по счету.

— Признаю и то и другое.

Он что-то записал.

— И кое-что вы должны мне, Оди. Триста долларов за копию факса относительно вашего голубя. Еще сотню за подтверждение вашего контракта с Вастрой. Вам к тому же потребуется новая лицензия проводника; за это семьсот долларов.

Я дал ему свою кредитную карточку, и он снял сумму с моего счета. Потом я подписал контракт, который он подготовил, и приложил к нему карточку. Тридцать процентов Вастры не со всего миллиона, а только с моего гонорара. Тем не менее он заработает почти столько же, сколько и я, по крайней мере в наличных, потому что мне еще придется доплачивать за оборудование. Банки согласны поддержать человека, но хотят, чтобы с ними расплачивались, когда есть деньги... Никто ведь не знает, когда удастся заработать в следующий раз.

Помощник зарегистрировал подписанный контракт.

— Тогда все. Я могу еще что-нибудь для вас сделать?

— Не за вашу цену, — ответил я.

Он пристально, с оттенком зависти посмотрел на меня.

— Не прикидывайтесь, Оди. «Бойс Коченор и Дорота Кифер, прибывшие на «Юрии Гагарине», одесский регистр, других пассажиров нет», — процитировал он строчку из сообщения, перехваченного им для нас. — Других пассажиров нет. Да ведь вы станете богаты, Оди, если правильно обойдетесь с этим клиентом.

— Богатый — для меня это слишком. Я хочу только быть живым, — ответил я.

Конечно, это не совсем так. Кое-какие надежды у меня были — не очень большие, и говорить не о чем, да я ни с кем о них и не говорил. Тем не менее я надеялся после этого дела остаться не только живым, но и богатым.

Однако возникала проблема.

Если мы и найдем что-нибудь, большую часть получит Бойс Коченор. Если турист класса Коченора в сопровождении проводника отправляется на поиски в туннели хичи и находит что-нибудь ценное — так бывало, знаете ли; не часто, но достаточно, чтобы поддерживать в них надежды, — львиную долю получает тот, кто оплатил тур. Проводник может откусить кусочек, но и только. Мы просто работаем на тех, кто оплачивает счета.

Конечно, я в любое время могу отправиться один и искать самостоятельно. И тогда все найденное будет принадлежать мне. Но в моем случае это была не такая уж хорошая мысль. Если я попытаюсь сделать это сам и потерплю неудачу, значит я потратил время и припасы на сто пятьдесят тысяч, подверг износу оборудование и самолет. И если потерплю неудачу, то очень скоро умру, когда моя печенка окончательно откажет.

Чтобы остаться живым, мне нужен каждый пенни из того, что заплатит Коченор. Найдем мы что-либо или не найдем, моя оплата останется той же.

К несчастью для собственного спокойствия, я считал, что знаю, где можно найти кое-что интересное. И проблема в том, что пока у нас с Коченором стандартный контракт, я не могу позволить себе что-то находить.

* * *

Последнюю остановку я сделал в своей комнате. Под кроватью в сейфе у меня находились кое-какие документы, которые отныне должны лежать у меня в кармане.

Видите ли, когда я отправился на Венеру, меня не интересовали ее виды. Я хотел разбогатеть.

Ни тогда, ни в течение последующих двух лет я поверхности Венеры почти не видел. Из космического корабля при посадке на Венеру много не увидишь. Чтобы выдержать поверхностное давление в девяносто тысяч миллибар, нужен прочный корпус, не такой, как у пузырей, летающих на Луну, на Марс и дальше. Поэтому в кораблях, летящих на Венеру, нет окон. Впрочем, это

неважно, потому что мало что можно увидеть на поверхности Венеры. Все, что может сфотографировать турист, находится под поверхностью, и почти все это оставлено хичи.

Мы мало что знаем о хичи. Мы даже не знаем, каково их настоящее имя. «Хичи» — это не имя. Просто так кто-то передал звуки, которые производит огненная жемчужина, когда ее погладишь. И так как это единственный звук, который можно связать с хичи, он и стал их именем.

Гесперологи (от *Hesperus*, «вечерняя звезда», одно из названий Венеры. — *Прим. перев.*) понятия не имеют, откуда пришли эти хичи, хотя иногда встречаются чертежи, похожие на звездные карты; впрочем, на них все равно ничего не понятно. Если бы мы знали точное положение каждой звезды в Галактике несколько сотен тысяч лет назад, возможно, мы смогли бы что-то понять. Может быть. Конечно, предполагая, что хичи пришли из нашей Галактики.

Иногда я думаю, что им было нужно. Они спасались с умирающей планеты? Политические беженцы? Туристы, прогулочный корабль которых потерпел катастрофу, и они задержались на ремонт, а потом улетели дальше? Не знаю. И никто не знает.

И хоть хичи прибрали все за собой, уходя, оставили только пустые туннели и помещения, иногда тут и там находят забытые или брошенные предметы: все эти «молитвенные веера», огромное количество пустых контейнеров — похоже на площадку для пикников в конце летнего сезона, разные другие мелочи и пустяки. Мне кажется, лучшим из этих «пустяков» стала анизокинетическая сумка, углеродный кристалл, который изменяет направление удара на девяносто градусов. Тот, кому повезло ее найти, стал богаче на несколько миллиардов: он был достаточно умен, чтобы подвергнуть ее анализу и сдублировать. Но это лучший результат. А то, что мы находим обычно, просто мусор. А когда-то здесь были приборы, в миллионы раз ценнее мусора.

Неужели хичи все забрали с собой?

Это еще одна вещь, которой никто не знает. Я тоже не знаю, но мне кажется, знаю кое-что, имеющее к этому отношение.

Мне казалось, что я знаю место, где в туннеле хичи кое-что есть. В этом туннеле давно никто не бывал; да и расположен он далеко от всех поселений.

Я не обманывал себя. Я знал, что никакой гарантии у меня нет.

Но было кое-что для начала. Может, когда улетали последние корабли, хичи теряли терпение и, может быть, не очень тщательно убирали за собой.

И вокруг этого все крутится на Венере.

Какая еще может быть причина, чтобы оставаться здесь? Жизнь туннельной крысы в лучшем случае висит на волоске. Нужно не менее пятидесяти тысяч в год, чтобы оставаться живым: налог на воздух, подушный налог, плата за воду, плата за пропитание. Если хочешь есть мясо чаще раза в месяц, если тебе нужна отдельная комната для сна, это стоит гораздо дороже.

Лицензия проводника стоит недельного содержания. Покупая лицензию, мы рискуем этой неделей. Либо найдем что-то, либо заработаем на туристах достаточно, чтобы вернуться на Землю. Там по крайней мере не задохнешься, как здесь, когда тебя выбрасывают на поверхность, в крематорий венерианской атмосферы. И не просто вернуться на Землю — вернуться так, как мечтает всякая туннельная крыса, улета в первый раз в сторону Солнца — с достаточными средствами, чтобы купить себе Полную Медицину.

Вот что мне нужно — большая удача.

4

Последнее, что я сделал в тот вечер, — посетил Зал Открытий. Дело не просто в капризе. Я договорился о встрече с третьей женой Вастры.

Третья подмигнула мне из-под своей вуали для флирта и повернулась к своей спутнице, которая оглянулась и узнала меня.

— Здравствуйте, мистер Уолтерс, — сказала она.

— Я так и думал, что застану вас здесь, — сказал я, и сказал правду. Но как назвать женщину, не знал. Моя собственная мать была достаточно старомодна, чтобы взять фамилию отца, когда они поженились, но тут, конечно, это неприменимо. «Мисс Кифер» достаточно

точно, «миссис Коченор» — дипломатично. Я решил проблему, сказав:

— Поскольку нам придется много времени провести вместе, не перейти ли на имена?

— Значит, Оди?

Я одарил ее улыбкой в двенадцать зубов.

— Мать у меня шведка, отец — прирожденный техасец. Это имя часто встречается в нашей семье ... Дорота.

Третья Вастры слилась с фоном, а я принялся показывать Дороте Кифер чудеса Зала Открытий.

Зал должен разогреть интерес земных туристов, чтобы они побольше денег потратили на раскопках хичи. В нем всего понемногу, от карт раскопок и большой меркаторовой карты Венеры до образцов всех находок. Я показал ей копию анизокинетической сумки и оригинал пьезофона, который сделал его открывателя почти таким же богатым, как и обладателя сумки. Тут было с полдюжины настоящих огненных жемчужин размером в четверть дюйма; она лежали на подушечках под бронированным стеклом и сверкали холодным молочным светом.

— Они делают возможными эти пьезофоны, — сказал я Дороте. — Сам прибор — человеческое изобретение: но действует он благодаря огненным жемчужинам, они преобразуют механическую энергию в электрическую, и наоборот.

— Они красивые, — сказала она. — Но зачем их так охранять? Я видела более крупные на прилавках в Веретене, и никто за ними не смотрит.

— Тут небольшая разница, Дорота, — объяснил я. — Эти настоящие.

Она вслух рассмеялась. Мне понравился ее смех. Ни одна женщина не выглядит красивой, когда смеется, и девушки, которые заботятся о том, как они выглядят, стараются не смеяться. Дорота Кифер выглядела как здоровая хорошенькая женщина, которая неплохо проводит время. Если подумать, то это лучшая женская внешность.

Впрочем, она выглядела не настолько хорошо, чтобы заставить меня забыть о новой печени, поэтому я перешел к делу.

— Маленькие красные шарики вон там — кровавые бриллианты, — сказал я. — Они радиоактивны. Недостаточно, чтобы причинить вред, но они остаются

теплыми. Это один способ отличить настоящие от поддельных. Другой: все крупнее трех сантиметров — подделка. Большие камни излучают слишком много тепла. Закон кубов, знаете ли. И потому они расплавляются.

— Значит, тот, что хотел мне продать ваш друг...

— Подделка. Верно.

Она кивнула, продолжая улыбаться.

— А вы что пытаетесь нам продать, Оди? Что-то настоящее или подделку?

* * *

К этому времени Третья дома Вастры незаметно исчезла, так что я перевел дыхание и сказал Дороте правду. Не всю правду, может быть, но ничего, кроме правды.

— Все то, что здесь, — сказал я, — результат поисков тысяч людей во множестве раскопок. Не очень много. Сумка, пьезофон, два-три других устройства, которые мы можем заставить работать; несколько предметов, которые еще изучаются; и много пустяков. Вот и все.

— Так я и слышала, — ответила она. — И еще одно. Все стоящие открытия сделаны не менее двадцати лет назад. — Она оказалась умнее и лучше информированной, чем я ожидал.

— Следовательно, можно вывести заключение, — согласился я, — так как нового ничего не находят, что планета выдоена досуха. Вы правы. Так может действительно показаться. Первые старатели нашли все, что можно отыскать полезного... пока.

— А вы считаете, что есть еще.

— Надеюсь, что есть еще. Послушайте. Пункт первый. Стены туннелей. Они все одинаковы — синие стены, абсолютно ровные, свет исходит из их глубины и никогда не меняется, они очень твердые. Как их сделали хичи?

— Откуда мне знать?

— Я тоже не знаю. И никто не знает. Но все туннели хичи одинаковы. Если докапываться до них снаружи, везде одно и то же: вначале обычная скала, потом пограничный слой из полукамня и полуметалла, потом сама стена. Вывод: хичи не прорывали туннели и потом обкладывали стены металлом, у них что-то ползло под поверхностью, как земляной червь, оставляя за собой туннели. И еще одно: масса лишних раскопок. То есть

такого множества туннелей им не нужно, многие из них никуда не ведут, они никогда ни для чего не использовались. Это вам ничего не говорит?

— Их производство должно быть дешевым и легким? — предположила она.

Я кивнул.

— Следовательно, это была автоматически действующая машина, и где-то на планете должна остаться хоть одна такая. Пункт второй. Воздух. Они, как и мы, дышали кислородом и должны были получать его откуда-то. Откуда?

— Из атмосферы. Он ведь там есть?

— Почти нет. Меньше половины процента. И большая часть не в свободном, а в связанном виде, в двуокиси углерода и прочей дряни. Да и водяных паров в атмосфере тоже нет. Есть немного, но не столько, как, скажем, двуокиси серы. Когда вода пробивается сквозь скалы, не получается свежего чистого ключа. Вода тут же испаряется. И поднимается вверх — молекулы воды легче молекул двуокиси серы. Когда поднимается достаточно высоко, за молекулы принимается солнце и раскалывает их. Выделяется кислород и водород. Кислород и половина водорода идут на превращение двуокиси серы в серную кислоту. А другая половина водорода рассеивается в космосе.

Она вопросительно посмотрела на меня.

— Оди, — мягко сказала она, — я уже поверила, что вы специалист по Венере.

Я улыбнулся.

— Вы уловили общую картину?

— Мне кажется, да. Картина не очень приятная.

— Она очень неприятная, и тем не менее хичи умудрились получать достаточно кислорода из этой мешанины, дешево и легко — вспомните лишние туннели, которые они заполнили, — наряду с инертными газами типа азота. И сделали из всего пригодную для дыхания смесь. Как? Не знаю, но если это делала машина, я бы хотел ее отыскать. Следующий пункт: воздушное сообщение. Хичи много летали над поверхностью Венеры.

— Вы тоже, Оди! Разве вы не пилот?

— Пилот воздушного аппарата, да. Но подумайте, чего стоит поднять самолет. На поверхности температура семьсот тридцать пять градусов Кельвина (+462 градуса по

Цельсию. — *Прим. перев.)* и недостаточно кислорода, чтобы зажечь сигарету. Поэтому моему самолету нужны два бака: один для горючего, другой для атмосферы, в которой горит это горючее. Тут не просто бензин и воздух, знаете ли.

— Правда?

— Не на Венере, Дорота. Не при той температуре и давлении, что у нас. Нужно специальное горючее для таких условий. Слыхали когда-нибудь о парне по имени Карно?

— Древний ученый? Автор цикла Карно?

— Опять верно. — Я осторожно отметил, что она в третий раз удивила меня. — Согласно Карно, эффективность двигателя выражается его максимальной температурой — температура сжигания, допустим, — деленной на температуру выхлопа. Но температура выхлопа не может быть ниже температуры окружающей среды, в которой происходит выхлоп. Иначе получится не двигатель, а холодильник. А вас окружает атмосфера с температурой в семьсот тридцать пять градусов, так что даже со специальным горючим двигатель у вас малоэффективный. Любой тепловой двигатель на Венере работает плохо. Вы не задавали себе вопрос, почему здесь так мало самолетов? Мне-то как раз это выгодно: позволяет держать нечто вроде монополии. Но причина в том, что их использование очень дорого обходится.

— А у хичи это получалось лучше?

— Я думаю, да.

Она снова рассмеялась, неожиданно и опять очень привлекательно.

— Бедняга, — с улыбкой сказала она, — вы увлечены тем, что продаете. Считаете, что когда-нибудь найдете главный туннель и заработаете несколько миллиардов долларов, продавая добро хичи!

Мне не понравилось то, как она это выразила. Мне вообще не понравилась эта встреча, организованная с помощью третьей жены Вастры. Я рассчитывал, что без своего приятеля Дорота Кифер мне все о нем выложит. Не получилось. Она дала мне понять, что сама является личностью, — само по себе это интересное развитие событий. Невозможно думать о цели как о цели, если видишь при этом перед собой живого человека.

Хуже того, она заставила меня оглянуться на себя самого.

Поэтому я сказал:

— Вероятно, вы правы. Но я тем не менее хочу попытаться.

— Вы рассердились?

— Нет, — солгал я. — Просто, может, немного устал. Нам завтра предстоит трудный день, так что лучше я отведу вас назад в Веретено, мисс Кифер.

5

Мой самолет стоял на краю космодрома, и добираться до него нужно так же, как до космодрома: лифтом до поверхностного шлюза, потом в герметически закрытом тракторе, который движется по сухой скалистой измученной поверхности Венеры, наклоняясь под порывами плотного ветра. Конечно, мой самолет под пенным куполом. Ничего нельзя оставлять на поверхности Венеры без защиты, если хотите увидеть свою вещь невредимой, когда вернетесь. Даже если она сделана из хромовой стали. Прежде всего пришлось утром смыть пену, потом проверить самолет и заправиться. Теперь я был готов. В иллюминаторы краулера сквозь ревущие желто-зеленые сумерки снаружи я его видел.

Коченор и его девушка тоже могли бы его увидеть, если бы знали, куда смотреть, но вряд ли узнали бы в нем машину, способную летать.

— Вы с Дорри поцапались? — крикнул мне в ухо Коченор.

— Нет, — крикнул я в ответ.

— Мне все равно. Просто хотел узнать. Вам не нужно нравиться друг другу, просто делайте, что я говорю. — Он немного помолчал, давая отдохнуть голосовым связкам. — Боже, что за ветер!

— Это зефир, — ответил я. Больше ничего не стал говорить: увидит сам. Вокруг космодрома природная тихая местность, по венерианским стандартам. Орографический подъем перебрасывает самые сильные потоки через нас, и мы получаем только небольшой остаточный вихрь. Поэтому здесь относительно легко садиться и взлетать. Плохо же то, что некоторые тяжелые металлические составляющие атмосферы оседают на поле. Воздух на Венере состоит из огромного количества ртутной

серы и хлорида ртути в нижних слоях, а когда поднимаешься выше, к перистым облакам, которые видят туристы на пути вниз, обнаруживаешь, что это капли серной, гидрохлористой и гидрофтористой кислоты.

Но против этого есть свои хитрости. Навигация на Венере требует трехмерного мастерства. Достаточно легко добраться из пункта А в пункт В по поверхности. Транспондеры включатся в радиосеть и будут постоянно отмсчать ваше положение на карте. Трудно найти нужную высоту. Для этого нужен опыт и, возможно, интуиция. И именно поэтому мой самолет и я сам обходимся в миллион долларов таким, как Бойс Коченор.

К этому времени мы были уже у самолета, и телескопический выход краулера соединился со шлюзом. Коченор смотрел в иллюминатор.

— У него нет крыльев! — закричал он, словно я его обманул.

— А также парусов и гусениц, — крикнул я в ответ. — Забирайтесь на борт, если хотите поговорить! Там легче.

Мы пробрались через узкий выход, я открыл шлюз, и мы без особых трудов перебрались в самолет.

У нас даже не было неприятностей, которые я мог бы сам создать себе. Видите ли, у меня большой аппарат. Мне чертовски повезло, когда я смог его купить. И не будем ходить вокруг да около: можно сказать, что я его любил. В нем без оборудования могло поместиться десять человек. Но с тем, что нам продал Саб Вастра и что отделение 88 посчитало обязательным, внутри стало тесно и для троих.

Я подготовился по крайней мере к сарказму. Но Коченор только омотрелся, отыскал самую удобную койку, подошел к ней и заявил, что она его. Девушка спокойно восприняла неудобства. А я сидел, напряженно ожидая критики, и никто не критиковал.

Внутри машины было гораздо тише. Конечно, шум ветра слышен, но он только раздражает. Я раздал всем ушные затычки с фильтром, и шум вообще перестал беспокоить.

— Садитесь и привяжитесь, — приказал я, и когда они послушались, поднял машину.

При девяноста тысячах миллибар крылья не просто бесполезны, они опасны. У моего самолета досточно подъемной силы в раковинообразном корпусе. Я послал

в термодвигатели двойной запас топлива, мы подпрыгнули на относительно ровной поверхности поля (каждую неделю ее выравнивают бульдозерами, поэтому она и остается такой же ровной) и погрузились вначале в дикую желто-зеленую мешанину, потом в дикую коричнево-серую мешанину после пробега не более пятидесяти метров.

Коченор для удобства застегнул ремни не очень тесно. Я с удовольствием слушал, как он кричит, когда мы проходили через короткий период яростных бросков. На высоте в тысячу метров я нашел постоянное течение, толчки стали слабее, и я смог отстегнуть пояс и встать.

Достав из ушей затычки, я знаком велел Коченору и девушке сделать то же самое.

Он потирал голову, которой ударился о стойку с картами, но при этом слегка улыбался.

— Весьма возбуждает, — признался он, роясь в кармане. — Не возражаете, если я закурю?

— Легкие ваши.

Он улыбнулся шире.

— Теперь да, — согласился он. — Слушайте, а почему вы не дали нам эти затычки еще в тракторе?

* * *

У проводника есть две возможности. Либо позволить туристам закидать тебя вопросами, а потом все время потратить на то, чтобы объяснить, что значит, когда эта забавная маленькая шкала краснеет... или держать рот на замке, делать свое дело и зарабатывать деньги. И передо мной выбор. Все зависит от того, нравятся мне Коченор и его девушка или нет.

Нужно постараться быть с ними вежливыми. Больше чем вежливыми. Жить втроем в течение трех недель на пространстве площадью примерно с кухню обычной квартиры — для этого нужно очень стараться не ссориться, если мы не хотим кончить взаимной ненавистью. И так как мне платят, чтобы я был хорошим, мне следует показывать пример.

С другой стороны, иногда бывает очень трудно выносить Коченоров мир. И если этот случай таков, чем меньше разговоров, тем лучше, а на такие вопросы лучше отвечать просто «забыл».

Но он совсем не старался быть невыносимым. А девушка была даже явно дружелюбно настроена. Поэтому я выбрал вежливость.

— Это интересно. Видите ли, вы слышите из-за разницы в давлении. Когда самолет поднимался, затычки отсекали часть звука — то есть волны давления, но когда я крикнул, чтобы вы пристегнулись, затычки передали давление, созданное моим голосом, и вы слышали. Но у них есть предел. Свыше ста двадцати децибел — это единица громкости звука...

— Я знаю, что такое децибел, — проворчал Коченор.

— Конечно. Свыше ста двадцати децибел барабанная перепонка перестает реагировать. В краулере просто слишком громко. Звук проходит не только через корпус, но и от поверхности через гусеницы. Если бы вы заткнули уши, вы бы вообще ничего не слышали, — закончил я.

Дорота слушала, восстанавливая косметику на глазах.

— А что бы мы не слышали? — спросила она.

Я решил разговаривать по-дружески, по крайней мере первое время.

— Ну, например приказ надеть скафандры. При несчастном случае, я хочу сказать. Порыв может просто перевернуть краулер, иногда какой-нибудь предмет прилетит с холмов и ударится в корпус.

Она трясла головой и смеялась.

— Прекрасное место ты для нас выюрал, Бойс, — заметила она.

Он не обращал на нее внимания. Его интересовало нечто другое.

— Почему вы не управляете этой штукой? — спросил он.

Я встал и активировал виртуальный шар.

— Правильно. Пора поговорить об этом. Сейчас мой самолет на автопилоте, он движется в общем направлении этого квадранта вниз. Точное место назначения нам еще предстоит выбрать.

Дорри Кифер осмотрела шар. Он не реален, конечно; просто висящее в воздухе трехмерное изображение, его можно проткнуть пальцем.

— Не очень красиво выглядит Венера, — заметила она.

— Линии, которые вы видите, — объяснил я, — просто радиотметки расстояния. Внизу на поверхности вы их не увидите. У Венеры нет океанов и континентов, поэтому

карта здесь — совсем не то же, что на Земле. Видите эту яркую точку? Это мы. Теперь смотрите.

Я наложил на радиорешетку и контурные цвета геологические данные.

— Вот эти кровавые круги — обозначения масконов. Знаете, что такое маскон?

— Концентрация массы. Какое-то тяжелое вещество, — предположила Дорота.

— Правильно. Теперь я накладываю расположение известных раскопок хичи.

Я коснулся приборов, и на шаре возник золотой рисунок раскопок, словно всю планету прорыли черви. Дорота сразу сказала:

— Они все в масконах.

Коченор одобрительно взглянул на нее, я тоже.

— Не все, — поправил я. — Но почти все. Почему? Не знаю. Никто не знает. Масконы — это обычно древние плотные породы, базальт и тому подобное. Может, хичи чувствовали себя в безопасности, когда под ногами прочная скала. — В своей переписке с профессором Хеграметом с Земли в те дни, когда у меня не отказывала печень и я мог интересоваться абстрактными знаниями, мы обсуждали возможность того, что машины хичи могли работать только в плотных породах или в породах определенного химического состава. Но сейчас я не был готов обсуждать идеи профессора Хеграмета.

Я чуть повернул виртуальный шар с помощью шкалы.

— Смотрите сюда. Мы сейчас вот здесь. Эта формация называется Альфа Реджио. Тут самые большие раскопки. Мы вылетели из них. Видны очертания Веретена. Маскон, в котором расположено Веретено, называется Серендип. Его открыл гесперологический...

— Гесперологический?

— Геологическая экспедиция, изучающая Венеру. Поэтому гесперологическая. Они засекли концентрацию массы с орбиты, высадились и принялись бурить, чтобы взять образцы. И наткнулись на первые раскопки хичи. Видите, все раскопки на северном полушарии расположены в этой группе связанных масконов? Между ними есть вкрапления менее плотных пород, и через них проходят соединительные туннели, но раскопки все в масконах.

— Они все на севере, — резко сказал Коченор. — А мы летим на юг. Почему?

Интересно, что он читает виртуальный шар. Но я ничего не сказал об этом. Сказал только:

— Те, что уже обозначены, бесполезны. Их уже обыскиали.

— Некоторые кажутся еще больше Веретена.

— Намного больше, правильно. Но в них ничего нет. И даже если есть, то вряд ли в хорошем состоянии. Сто тысяч лет назад, может, больше их заполнили подповерхностные жидкости. Многие пытались их откачать и раскапывать, но ничего не нашли. Можете меня спросить. Я был одним из них.

— Я не знал, что на Венере есть жидкая вода, — возразил Коченор.

— Я ведь не сказал вода. Но, кстати, иногда и вода, что-то вроде жидкой грязи. Очевидно, вода выходит из породы, и проходит какое-то время, прежде чем она достигнет поверхности, несколько тысяч лет, потом она выступает наружу, вскипает, разделяется на кислород и водород и утрачивается. На случай если не знаете, некоторое количество воды есть и под Веретеном. Именно ее вы пьете и ею дышите, когда живете там.

— Мы не дышим водой, — поправил он.

— Конечно, нет. Мы дышим воздухом, который из нее получен. Но иногда в туннелях сохраняется свой воздух — я имею в виду первоначальный воздух, тот, который оставили хичи. Конечно, после нескольких сотен тысяч лет туннели превращаются в печь. Все органическое там может испечься. Возможно, поэтому мы находим так мало, скажем, органических останков — они кремированы. Так вот... иногда в туннеле можно найти воздух, но никогда не слышал, чтобы находили пригодную для питья воду.

Дорота сказала:

— Бойс, все это очень интересно, но мне жарко, я грязная, и весь этот разговор о воде действует мне на нервы. Нельзя ли сменить тему?

Коченор залаял: смехом это не назовешь.

— Подсознательное побуждение. Согласны, Уолтерс? И немного старомодной притворной стыдливости. Я думаю, на самом деле Дорри хочет в туалет.

Я слегка смутился. Но девушка, очевидно, привыкла к таким выходкам. Она только сказала:

— Если мы собираемся прожить здесь три недели, я хочу посмотреть, что это такое.

— Конечно, мисс Кифер, — сказал я.

— Дорота. Дорри, если вам так больше нравится.

— Конечно, Дорри. Ну, видите, что у нас есть. Пять коек. Можно опустить перегородку и спать вдвоем, если захотим, но мы не хотим. Два стоячих душа. Кажется, тесновато и не намылишься, но если постараться, можно обойтись. В этих отделениях два химических туалета. Вон там кухня — печь и кладовка. Выбирайте какую хотите койку, Дорри. Вот этот экран опускается, если хотите переодеться и тому подобное. Или если мы просто вам надоедим.

Коченор сказал:

— Давай, Дорри, делай что хочешь. А я хочу, чтобы Уолтерс показал мне, как управлять этой штукой.

* * *

Начало неплохое. У меня бывало и похуже. Иногда бывало просто ужасно, когда группы садились пьяными и напивались все больше, иногда бывали пары, ссорившиеся все время, когда не спали: объединялись они лишь иногда, чтобы вместе наброситься на меня. А этот полет выглядел совсем неплохо, не говоря уже о том, что я надеялся: он спасет мне жизнь.

Чтобы управлять самолетом, большого мастерства не требуется — во всяком случае если просто хочешь двигаться в нужном направлении. Венерианская атмосфера обладает достаточной подъемной силой; можно не беспокоиться, что заглохнет двигатель; да и вообще приборы берут на себя большую часть работы.

Коченор учился быстро. Оказалось, он водил самолеты на Земле, а также в юности управлял глубоководными одноместными подводными лодками на морских нефтяных месторождениях своей юности. Когда я ему сказал, что самая трудная часть пилотажа на Венере — это выбор нужной высоты и правильная ее смена, когда необходимо, он сразу понял. Но понял также, что этому за день не научишься. И даже за три недели.

— Какого дьявола, Уолтерс, — достаточно добродушно сказал он. — Я ведь могу направить его, куда хочу, — если вы вдруг застрянете в туннеле. Или вас подстрелит ревнивый муж.

Я улыбнулся ему как мог приятно, то есть не очень.

— И еще я могу готовить, — продолжал он. — Вы хороши в этом деле? Я думаю, нет. Ну, я слишком дорого заплатил за этот желудок, чтобы забивать его всякой дрянью, поэтому готовить буду я. Дорри так и не смогла этому научиться. Точно как се бабушка. Самая красивая женщина в мире, но ей казалось, что этого достаточно, чтобы владеть этим миром.

Я принял это за какую-то шутку. Этот юный девяностолетний атлет полон самых неожиданных штук. Он сказал:

— Хорошо. Теперь, пока Дорри использует всю воду в душе...

— Не беспокойтесь, она рециклируется.

— Все равно. Пока она моется, заканчивайте свою лекцию. Куда же мы направляемся?

— Хорошо. — Я слегка повернул шар. Пока мы говорили, яркая точка, обозначающая наше положение, продолжала медленно двигаться на юг. — Видите, вот здесь наш маршрут пересекается с сеткой, вблизи Лизе Мейтнер (известный австрийский физик и радиохимик. — *Прим. перев.*).

— А кто такая Лизе Мейтнер? — спросил он.

— Кто-то, в честь кого назвали формацию, это все, что мне известно. Видите, на что я показываю?

— Да. Тут рядом пять больших масконов. И не указаны никакие раскопки. Мы туда направемся?

— В общем смысле да.

— Почему только в общем?

— Ну, я кое-что вам не рассказал. Думаю, вы не станете сердиться из-за этого, иначе мне тоже придется рассердиться и сказать вам, что надо сначала получше узнать Венеру, а потом уже исследовать ее.

Он внимательно разглядывал меня некоторое время. Из душа неслышно вышла Дорри в длинном халате, волосы у нее было обвязаны полотенцем. Она остановилась рядом с Коченором, глядя на меня.

— Все зависит от того, много ли вы мне не рассказали, друг. — Прозвучало это совсем не по-дружески.

— Вот эта часть — район безопасности Южного полюса, — сказал я. Здесь стоят ракеты парней из Оборона. Все их оружие здесь сосредоточено. Штатским сюда заходить не разрешается.

Он взглянул на карту.

— Но за этими пределами остается только небольшая часть маскона!

— Вот именно в эту небольшую часть мы и направляемся.

6

Для человека старше девяноста лет Бойс Коченор необыкновенно проворен. Я имею в виду не только то, что он здоров. Это обеспечивает Полная Медицина, потому что вам заменят любой орган, который вышел из строя или вообще начал плохо работать. Но мозг заменить нельзя. Поэтому обычно богатые старики — это бронзовое мускулистое тело, которое трясется, колеблется и все вечно роняет.

В этом отношении Коченору повезло.

Провести с ним три недели будет нелегко. Он уже настоял, чтобы я показал ему, как пилотировать мой аппарат, и учился он быстро. Когда я решил не тратить зря время и сделать дополнительную проверку охлаждающей системы, он помогал мне снимать кожухи, проверять уровни охлаждения и прочищать фильтры. Потом решил приготовить нам ленч.

Я принялся передвигать припасы, доставая звуковые искатели, а Дорри Кифер помогала мне. При том уровне шума, который создает работающий двигатель, наши голоса Коченор не может услышать, он стоит у печи в нескольких метрах от нас. И я решил, пока проверяем искатели, порасспросить девушку о нем. Но потом передумал. Все самое важное о Коченоре я уже знал, а именно: если повезет, он оплатит мою новую печень. И мне совсем не нужно знать, что он и Дорри думают друг о друге.

И потому мы говорили об искателях. О том, как они помещают заряд в венерианскую породу, а потом засекают время возвращения эха взрыва. И о том, что у нас неплохие шансы найти что-нибудь интересное. («Ну, каковы шансы выиграть на скачках? Для любого отдельного владельца билета они не так уж высоки. Но кто-нибудь всегда выигрывает!») И о том, что заставило меня прилететь на Венеру. Я упомянул имя своего отца, но она никогда не слышала о заместителе губернатора Техаса. Слишком

молода, конечно. Да и вообще родилась и выросла в южном Огайо, где Коченор работал подростком и куда вернулся, став миллиардером. Она без всяких расспросов с моей стороны рассказала, что он строил там новый обрабатывающий центр и сколько это головной боли стоило — неприятности с профсоюзами, неприятности с банками, большие неприятности с правительством, и поэтому он решил взять отпуск и как следует побездельничать. Я посмотрел на Коченора, мешавшего соус, и сказал:

— Таких крепких людей редко увидишь.

— Он помешан на работе, Оди. Наверно, так и становятся богатыми. — Машина нырнула, я бросил все и кинулся к приборам. Услышал, как заорал у печи Коченор, но был слишком занят, отыскивая новый подходящий эшелон. К тому времени, когда я поднялся еще на тысячу метров и снова включил автопилот, он растирал запястье и бранился.

— Простите, — сказал я.

Он кисло ответил:

— Я не против ожога на руке. Всегда можно купить новую кожу. Но я чуть не пролил соус.

Я проверил виртуальный шар. Яркая точка проделала уже две трети пути к цели. — Скоро ли будет готов ленч? — спросил я. — Прибудем примерно через час.

Впервые он удивился.

— Так быстро? Мне казалось, вы говорили, что скорость у самолета дозвуковая.

— Да, говорил. Мы на Венере, мистер Коченор. А на этой высоте звук распространяется гораздо быстрее, чем на Земле.

Он задумался, но сказал только:

— Ну, что ж, есть можно будет через несколько минут. — А чуть позже, когда мы ели, добавил: — Кажется, я знаю об этой планете меньше, чем считал. Если прочтете нам лекцию, как наш гид, мы послушаем.

— Главное вы знаете, — ответил я. — Послушайте, мистер Коченор, вы отличный повар. Я сам паковал всю провизию, но понятия не имею, из чего это.

— Если заглянете в мой офис в Цинциннати, — ответил он, — спрашивайте мистера Коченора. А пока мы живем под мышками друг у друга, можете называть меня Бойс. И если вам нравится фрикасе, почему вы его не едите?

Ответ таков: потому что оно может убить меня. Но я не хотел обсуждать, почему мне так отчаянно нужны его деньги.

— Приказ врача, — сказал я. — Нужно немного попоститься. Мне кажется, мой врач считает, что я слишком поправился.

Коченор оценивающе взглянул на меня, но сказал только:

— Так как же лекция?

— Ну хорошо, начнем с самого главного, — сказал я, осторожно наливая кофе. — Пока мы находимся внутри машины, можете делать что угодно: ходить, есть, пить, курить, если есть что, — все. Охлаждающая система рассчитана на втрое большее количество людей, включая приготовление пищи для них и прочие потребности, с двойным запасом надежности. Воды и воздуха у нас достаточно на два месяца. Топлива — на три полета туда и обратно плюс маневры. Если что-нибудь случится, мы запросим помощь, и кто-то часа через два обязательно появится. Скорее всего, парни из Оборонительных Сил, потому что они ближе всех и у них самые скоростные самолеты. Хуже всего, если будет пробит корпус и к нам явится вся венерианская атмосфера. Если это произойдет быстро, мы умрем. Но это никогда не происходит быстро. У нас будет время надеть скафандры, а в них мы проживем тридцать часов. Задолго до конца этого времени нас найдут.

— Конечно, если одновременно ничего не случится с радио.

— Верно. Если радио в порядке. Но вы ведь знаете, что погибнуть можно везде, если произойдет несколько совпадений.

Он налил себе еще чашку кофе и добавил немного коньяку.

— Продолжайте.

— Ну, снаружи дела сложнее. Вас предохраняет от смерти только скафандр, а, как я сказал, в нем можно прожить тридцать часов. Все дело в охлаждении. У вас достаточный запас воздуха и воды, а о еде за такой промежуток времени можно не беспокоиться, но чтобы избавиться от тепла, нужна энергия. А энергия означает топливо. Охлаждающая система тратит много топлива, и когда оно кончится, вам лучше вернуться в самолет. Жара

не худший способ смерти. Задолго до того как станет больно, теряешь сознание. Но все равно умрешь. Кроме того, вам следует проверять скафандр каждый раз перед тем, как вы его надеваете. Испытайте его под давлением и проверьте, не протекают ли клапаны. Я это тоже проверяю, но не полагайтесь на меня. Это ваша жизнь. И следите за лицевой пластиной. Она очень прочна, ею можно гвозди заколачивать, и она не разобьется, но если ударить очень сильно, все равно может треснуть. В таком случае вы тоже умрете.

Дорри спокойно спросила:

— А у вас гибли туристы?

— Нет. — Но я тут же добавил: — Гибли у других. Ежегодно гибнет примерно пять человек.

— С такими шансами я играю, — серьезно сказал Коченор. — Но я не эту лекцию хотел послушать, Оди. То есть, конечно, я хочу услышать, как оставаться живым, но, наверно, вы все равно это бы нам рассказали, перед тем как мы выйдем из корабля. Я хотел узнать, почему для поисков вы выбрали именно этот маскон?

Старикашка с мускулистым телом молодого пляжника начинал меня беспокоить; у него неприятная привычка задавать вопросы, на которые я не хочу отвечать. Конечно, я не случайно выбрал это место. Для этого потребовались пять лет изучения, множество раскопок и переписка стоимостью в четверть миллиона долларов, учитывая оплату космических расстояний, с такими людьми, как профессор Хеграмет с Земли.

Но я говорить об этих причинах не хотел. Мне хотелось проверить с десяток раскопок. И если это место как раз окажется удачным, Коченор получит с этого гораздо больше меня. Так говорится в контракте: сорок процентов нанимателю, пять процентов — проводнику, остальное правительству. Для него этого достаточно. А если здесь не повезет, я бы не хотел, чтобы он нанял другого проводника и отправился к остальным отмеченным мною местам.

Поэтому я только сказал:

— Назовем это догадкой, основанной на информации. Я пообещал вам отыскать неисследованный туннель и надеюсь сдержать обещание. А теперь давайте убирать еду: нам осталось десять минут полета.

Когда все было убрано и мы сами пристегнулись, я

вывел самолет из относительно спокойных верхних слоев, и мы снова оказались в области ветров над поверхностью.

Мы находились над большим центрально-южным массивом, примерно на такой же высоте, на какой расположено Веретено. Именно на такой высоте разворачивается большинство событий на Венере. На низинах и в глубоких речных руслах давление достигает ста двадцати тысяч миллибар и больше. Такое давление мой самолет долго бы не выдержал. Да и ничей не выдержал бы. Есть только несколько специальных аппаратов, исследовательских и военных. К счастью, похоже, хичи тоже не любили низины. В местностях с давлением выше девяноста бар пока не найдено ничего им принадлежащего. Конечно, это не значит, что там ничего нет.

Проверив нашу позицию по виртуальному шару и подробной карте, я выпустил три звуковых искателя.

Как только они высвободились, ветер разметал их по всему месту. Но это правильно. Неважно, где приземлится искатель — в достаточно широких пределах. Вначале они падают, как копья, затем летят по ветру, как соломинки, пока не включаются их маленькие двигатели и приборы поиска не нацелят их на поверхность.

Все приземлились благополучно. Не всегда так везет, так что начало у нас хорошее.

Я отметил их положение на крупномасштабной карте. Получился почти равносторонний треугольник, то есть самое благоприятное расположение. Потом я проверил, что все хорошо пристегнулись, включил сканер и начал облст.

— Что дальше? — крикнул Коченор. Я заметил, что девушка встала в ушные затычки, но он не хотел ничего упустить.

— Теперь мы подождем, пока искатели не обнаружат туннели хичи. Это может занять несколько часов. — Говоря это, я опускал самолет через поверхностные слои атмосферы. Порывы начали сильно бросать нас.

Но я нашел то, что искал, — поверхностное образование, похожее на тупик сухого русла, и всего с несколькими резкими толчками ввел в него машину. Коченор внимательно наблюдал, и я улыбнулся про себя. Вот где нужен хороший пилот, а не на туристических маршрутах или на подготовленном поле у Веретена. Когда

он сумеет так, как я, сможет без меня обходиться — но не раньше.

Позиция выглядела нормальной, поэтому я выстрелил четырьмя держателями. Это такие столбы с головками, которые взрываются, коснувшись поверхности. Испытал их лебедкой, все держали хорошо.

Это тоже хороший признак. Относительно довольный собой, я расстегнул ремень и встал.

— Мы проведем здесь день-два, — сказал я. — Или больше, если повезет. Не хотите ли пройтись?

Стены русла превратили рев ветра просто в крик, и Дорри извлекла из ушей затычки.

— Хорошо, что меня не укачивает, — сказала она.

Коченор не говорил, но думал. Зажег сигарету и принялся разглядывать приборы контроля.

Дорота сказала:

— Один вопрос, Оди. Почему бы не подняться повыше, где спокойней?

— Топливо. У нас достаточно для перелетов, но не для того, чтобы висеть днями. Шум вас тревожит?

Она скорчила гримасу.

— Привыкнете. Все равно что жить рядом с космопортом. Вначале вы удивляетесь, как можно выдержать такой шум целый час. Но поживете немного, и вам будет его не хватать, если шум прекратится.

Она подошла к иллюминатору и задумчиво посмотрела на местность. Мы перелетели в ночную зону, и смотреть было не на что. Видны только пыль и какие-то мелкие обломки в лучах наружных прожекторов.

— Меня беспокоит именно первая неделя, — сказала она.

Я включил экраны искателей. Они взрывали небольшие заряды и измеряли эхо друг друга. Но пока еще рано для выводов. На экране только начал появляться теневой рисунок. В нем больше пробелов, чем подробностей.

Наконец заговорил Коченор.

— Когда вы сможете сделать вывод по этим данным? — спросил он. Еще один момент: он не спросил, что это такое.

— Зависит от близости расположения и размера. Примерно через час можно будет строить предположения, но я предпочел бы получить все данные. От шести до восьми часов, я бы сказал. Торопиться некуда.

Он проворчал:

— Я тороплюсь, Уолтерс.

Вмешалась девушка.

— А чем займемся, Оди? Сыграем в бридж на троих?

— Чем хотите, но я посоветовал бы вам поспать. Если мы что-то найдем — и помните, что шансы на это при первой же попытке очень малы, — какое-то время нам будет не до сна.

— Хорошо, — сказала Дорота и направилась к койкам, но Коченор остановил ее.

— А вы сами? — спросил он.

— Тоже скоро лягу. Я кое-чего жду.

Он не стал спрашивать чего. Вероятно, подумал я, потому что и так знает. И решил, что, когда лягу, снотворное принимать не буду. Коченор не только самый богатый турист из тех, с кем я имел дело, он еще и самый информированный. И мне хотелось немного подумать об этом.

* * *

Так что никто сразу не лег спать, и мне пришлось ждать почти час. Парни на базе стали что-то нерасторопны, им давно следовало бы поинтересоваться нами.

Но вот радио зажужжало, потом заговорило:

— Неустановленный аппарат на один-три-пять, ноль-семь, четыре-восемь и семь-два, пять-один, пять-четыре! Пожалуйста, назовитесь и объясните свою цель.

Коченор вопросительно поднял голову от карт, они с девушкой играли в кункен.

— Пока они говорят «пожалуйста», проблем нет, — сказал я и включил передатчик.

— Говорит пилот Оди Уолтер, аппарат Поппа Тар девять-один, из Веретена. Мы получили лицензию и утвержденные полетные планы. На борту два туриста с Земли, цель — исследования для отдыха и развлечения.

— Принято. Пожалуйста, подождите, — проревело радио. Военные всегда передают на максимуме мощности. Несомненно, похмелье после дней сержантской муштры.

Я отключил микрофон и объяснил пассажирам:

— Проверяют наши полетные планы. Пока беспокоить не о чем.

Через несколько мгновений передатчик Обороны снова ожил. И как всегда громко.

— Вы в одиннадцать точка четыре километрах на два-восемь-три градуса от границы закрытой зоны. Действуйте осторожно. По правилам воинских ограничений один семь и один-восемь, раздел...

— Я знаю правила, — прервал я. — У меня лицензия проводника, и я объяснил ограничения пассажирам.

— Принято, — проревело радио. — Мы будем наблюдать за вами. Если заметите в атмосфере или на поверхности наши машины, это пограничные команды. Ни в коем случае не мешайте им. На любое требование идентификации или информации отвечайте немедленно.

— Они нервничают, — заметил Коченор.

— Нет. Они всегда такие. К таким, как мы, они привыкли. Просто им больше нечем заняться, вот и все. Дорри неуверенно сказала:

— Оди, вы сказали, что объяснили нам ограничения. Я этого не помню.

— Конечно, объяснил. Мы должны оставаться за пределами закрытой зоны, иначе они начнут стрелять. Вот и весь закон.

7

Я поставил будильник на четыре часа. Остальные услышали, как я встаю, и тоже встали. Дорри разлила кофе из нагревателя, и мы пили стоя и разглядывали рисунок на экране.

Мне потребовалось на это несколько минут, хотя рисунок ясен с первого взгляда. На нем восемь больших аномалий, которые могут быть туннелями хичи. И одна прямо у нас за дверью. Даже не придется перемещать самолет.

Я одну за другой показал им эти аномалии. Коченор только задумчиво смотрел на них. Дорота спросила:

— Вы хотите сказать, что все эти пятна — неисследованные туннели?

— Нет. Хотел бы. Но даже если это туннели, во-первых, они могут быть уже исследованы кем-то, кто не позаботился зарегистрировать свои раскопки. Во-вторых, это не обязательно туннели. Могут быть трещины, канавы, реки какого-то расплавленного материала, который застыл миллиард лет назад. Единственное, что я могу сказать

относительно уверенно: никаких неисследованных туннелей, кроме как в этих восьми местах, здесь нет.

— Что же мы будем делать?

— Копать. И посмотрим, что выкопаем.

Коченор спросил:

— Где начнем?

Я указал на яркое дельтообразное пятно, изображающее наш аппарат.

— Прямо здесь.

— Это лучший вариант?

— Не обязательно. — Я обдумал, что сказать ему, и решил попробовать правду. — Есть три места, которые выглядят получше остальных, вот я их сейчас отмечу. — Я поиграл приборами, и на рисунке появились буквы А, В и С. — А — это место, которое находится прямо под нашим руслом, так что начнем с него.

— Лучшие — это самые яркие, верно?

Я кивнул.

— Но С ярче всех. Почему бы не начать с него?

Я тщательно подбирал слова.

— Отчасти потому, что пришлось бы перемещать самолет. Отчасти потому, что это место на краю исследованной зоны; это означает, что результаты поиска тут менее надежны. Но главное не в этом. Самая главная причина — это место на самом краю закрытой зоны, а наши приятели, у которых пальцы на курках чешутся, уже сказали, чтобы мы держались подальше.

Коченор недоверчиво усмехнулся.

— Вы хотите сказать, что найдете многообещающий туннель хичи и не пойдете к нему, потому что какой-то солдат вам не велел?

Я ответил.

— Эта проблема не возникнет. У нас есть семь аномалий, где мы можем искать законно. К тому же военные время от времени будут проверять нас.

— Ну хорошо, — настаивал Коченор. — Предположим, все законные окажутся пустыми. Что тогда?

— Я никогда не напрашиваюсь на неприятности.

— Но предположим?

— Черт возьми, Бойс! Откуда мне знать?

Тогда он сдался, подмигнул Дорри и хихикнул.

— Что я тебе говорил, милая? Он гораздо больший бандит, чем я!

Но она смотрела на меня, а когда заговорила, спросила:
— Почему вы такого цвета?

Я как-то отговорился, но, посмотрев в зеркало, увидел, что даже глаза у меня позеленели.

* * *

Следующие несколько часов мы были слишком заняты, чтобы говорить о теоретических возможностях. Приходилось беспокоиться о конкретных фактах.

Самый главный конкретный факт — нужно было не дать газу высокой температуры и под огромным давлением убить нас. Для этого предназначены скафандры. Мой собственный изготовлен по заказу, конечно, и его нужно только проверить. У Бойса и девушки скафандры взяты в аренду. Я хорошо за них заплатил, и они хороши. Но хорошо еще не значит совершенно. Я с полдесятка раз заставлял их надевать и снимать скафандры, проверял все клапаны, подгонял костюмы, пока не добился всего, чего можно в этих условиях. Скафандры двенадцатислойные, с девяностопроцентной свободой в самых существенных суставах, у них автономные топливные батареи. Они не подведут. Об этом я не беспокоился. Беспокоился я об удобствах: небольшой зуд становится серьезной проблемой, если невозможно почесаться.

Наконец я признал их годными к испытанию. Мы все столпились в шлюзе, открыли люк и вышли на поверхность Венеры.

Мы по-прежнему находились в ночной зоне, но рассеянного света солнца хватает, так что было не очень темно. Я дал им попрактиковаться в ходьбе у самолета, наклоняясь на ветру, держась за корпус корабля и посадочные столбы, а сам тем временем готовился к раскопкам.

Я вытащил первое мгновенное иглу, расположил его и зажег. Оно тут же загорелось и затрещало, как детская игрушка, которая называется «змей фараона», при этом она производит легкий, но прочный пепел, который все растет, соединяется и образует купол без всяких швов. Я уже подготовил шлюз и, пока стены росли, умудрился с первого раза достичь великолепного соединения.

Дорри и Коченор не мешали мне, наблюдали от корабля через лицевые пластины. Я включил радио.

— Хотите посмотреть, как я начну? — крикнул я.

Они оба кивнули в шлемах головами, я видел это движение через пластины.

— Идите сюда, — крикнул я и пополз в шлюз. Сделав им знак следовать за мной, я оставил его открытым.

Внутри, с нами тремя и оборудованием для раскопок, в иглу было еще теснее, чем в самолете. Они как можно дальше отошли от меня, прижались к изогнутой стене иглу, а я включил буры, проверил их вертикальное расположение и наблюдал за первыми спиральными надрезами.

Пенное иглу отражает часть звука, часть поглощает; все же шум внутри гораздо хуже рева ветра снаружи; резцы работают очень шумно. Решив, что для первого раза они видели достаточно, я показал на шлюз, мы все выбрались, я закрыл шлюз, и мы вернулись в самолет.

— Пока все хорошо, — сказал я, сняв шлем и выбираясь из скафандра. — Я считаю, что предстоит прорезать примерно сорок метров. Можно подождать внутри.

— А сколько это займет?

— Около часа. Можете заняться, чем хотите, а я приму душ. Потом посмотрим, насколько мы продвинулись.

Одно из преимуществ того, что на борту только три человека: не слишком соблюдается водная дисциплина. Поразительно, как освежает короткий душ после жаркого скафандра. Закончив, я почувствовал себя готовым к чему угодно.

Я готов был даже поесть трехтысячекалорийные гурманские блюда, приготовленные Бойсом Коченором, но, к счастью, в этом не было необходимости. Кухней занялась Дорри и приготовила простую, легкую и неядовитую еду. На ее еде я, возможно, и доживу до получения своей платы. Вначале я удивился, почему она сторонница здоровой диеты, но потом решил, что, конечно, хочет сохранить Коченору жизнь. Со всеми этими запасными органами у него, наверно, диетические проблемы похуже моих.

Ну, может, не похуже. От своих проблем он явно не умрет.

Поверхность Венеры в этом месте покрыта похожим на пепел песком. Сверла быстро прорезали ее. Слишком быстро. Когда я забрался в иглу, оно почти заполнилось отходами сверления. Мне пришлось поработать, чтобы подобраться к машинам и повернуть их так, чтобы отходы вылетали через шлюз.

Грязная работа, но она не заняла много времени.

Я не стал возвращаться в самолет. По радио связался с Коченором и девушкой. Они были видны мне в иллюминатор. Я сказал им, что мы близко.

Но как близко, не сказал.

На самом деле мы были всего в метре от аномалии, так близко, что я не позаботился убрать все отбросы. Просто расчистил место, чтобы можно было передвигаться в иглу.

Потом изменил направление движения сверл. И через пять минут показались следы голубого металла хичи — признак настоящего туннеля.

8

Еще десять минут спустя я включил микрофон в шлеме и крикнул:

— Бойс! Дорри! Мы нашли туннель!

Либо они уже были в скафандрах, либо оделись быстрее любой туннельной крысы. Я только раскрыл шлюз и выбрался, чтобы помочь им... а они уже выходили из самолета, держась за руки и сопротивляясь давлению ветра.

Оба выкрикивали вопросы и поздравления, но я их остановил.

— Внутрь, — приказал я. — Увидите сами. — Кстати, им и необязательно заходить. Голубое сияние они могли увидеть, заглянув в шлюз.

Я прополз вслед за ними и закрыл внешний вход в шлюз. Причина очень проста. Пока туннель не прорезан, неважно, что вы делаете наверху. Но в нетронutom туннеле хичи внутреннее давление лишь чуть превышает нормальное земное. Если вы не запечатали иглу, как только вы вскрыли туннель, в него врывается девятостотысячемиллибарная атмосфера Венеры вместе с вы-

сокой температурой, разрушительным действием воды и едких химикалиев и всем прочим. Если туннель пуст или то, что в нем, достаточно прочно, тревожиться нечего. Но в музеях можно увидеть странные куски и обломки — тот, кто обнаружил эти машины хичи, впустил предварительно атмосферу, и они превратились в хлам. Если вы нашли сокровище, то можете в одну секунду уничтожить то, что сотни тысяч лет ждало открытия.

Мы собрались вокруг шахты, и я указал вниз. Сверла прорыли ровный ствол с круглыми стенками диаметром от семидесяти до ста сантиметров. А на дне виднелось холодное голубое сияние наружности туннеля. Сверла лишь чуть поцарапали эту поверхность и забросали отходами бурения, которые я не успел убрать.

— Что теперь? — спросил Коченор. Голос его звучал хрипло от возбуждения — впрочем, это естественно, решил я.

— Будем прожигать стенку.

Я как можно дальше, насколько позволяло иглу, отвел своих клиентов от ствола, они прижались к оставшимся грудам отходов. Затем высвободил огненные резак. Сам расположился, раздвинув ноги, над стволом. Огнеметы аккуратно спустились на кабеле, пока не повисли в нескольких сантиметрах над поверхностью туннеля.

Я включил их.

Можно подумать, что человек не в состоянии создать что-нибудь более горячее, чем Венера, но огнеметы — это совсем особое дело. В ограниченном пространстве иглу нас охватил жар. Охладительная система скафандров заработала с перегрузкой.

Дорри ахнула.

— Ох! Мне кажется, я...

Коченор схватил ее за руку.

— Если хочешь, падай в обморок, — яростно сказал он, — но смотри, чтобы тебя не вырвало в шлем. Уолтерс! Сколько это будет продолжаться?

Мне было так же трудно, как и ему. Практика не помогает привыкнуть к тому, что стоишь перед печью с раскрытой дверцей.

— Может, минуту, — выдохнул я. — Держитесь, все в порядке.

На самом деле потребовалось чуть больше, может, секунд девяносто. Больше половины этого времени приборы моего скафандра тревожно сигналили о перегрузке. Но скафандр рассчитан на перегрузки. Если не испечешься в нем, сам скафандр выдержит.

Потом мы прошли. Полуметровый круглый участок поверхности туннеля провис, опустился и повис, раскачиваясь.

Я выключил огнеметы. Все несколько минут усиленно отдувались, охладители скафандров постепенно восстанавливали температуру.

— Ух ты! — сказала Дорота. — Ничего себе!

В свете, выходящем из шахты, я видел, что Коченор хмурится. Я молчал. Включил огнеметы еще на пять секунд, чтобы срезать круглый участок. Тот со стуком, как камень, упал на дно туннеля.

Потом я включил микрофон.

— Нет разницы в давлении, — сказал я.

Коченор не перестал хмуриться, но продолжал молчать.

— Это означает, что туннель уже вскрыт, — продолжал я. — Кто-то нашел его, вскрыл, вероятно, очистил, если там что-то было, и просто не сообщил об этом. Пойдемте в самолет, помоемся.

Дорота закричала:

— Оди, что с вами? Я хочу спуститься и посмотреть, что там внутри!

— Заткнись, Дорри, — с горечью сказал Коченор. — Ты разве не слышала, что он сказал? Это выстрел впустую.

* * *

Конечно, всегда есть вероятность, что туннель вскрыт каким-нибудь сейсмологическим происшествием, а не туннельной крысой с режущим огнеметом. В таком случае там может остаться что-нибудь интересное. И мне не хватило совести одним ударом покончить с энтузиазмом Дороты.

Поэтому мы один за другим спустились вниз по тросу и оказались в туннеле хичи. Осмотрелись. Насколько можно видеть, он пуст, как и большинство других. Впрочем, видеть можно недалеко. Еще один недостаток вскрытых туннелей — чтобы их исследовать, нужно

специальное оборудование. С испытанной перегрузкой наши скафандрыгодились еще на пару часов, но и только.

Поэтому мы прошли по туннелю с километр, видели голые стены, иногда на них срубленные наросты, которые некогда могли что-то удерживать, но ничего подвижного. Даже мусора не было.

Коченор и Дорри захотели вернуться и подняться по тросу к самолету. Коченор справился самостоятельно. Дорота тоже, хотя я готов был ей помочь. Но она поднялась сама с помощью петель на тросе.

Мы вымылись и приготовили еду. Есть нужно, но Коченор был не в настроении для своих гурманских блюд. Дорота молча бросила в нагреватель таблетки, и мы мрачно поели блюда из полуфабрикатов.

— Ну, что, это всего лишь первый, — сказала наконец Дорота, решив приободриться. — И всего наш второй день.

Коченор сказал:

— Заткнись, Дорри. Если я чего-то не умею, так это проигрывать. — Он смотрел на рисунок, по-прежнему оставшийся на экране. — Уолтерс, сколько еще туннелей не обозначены, но пусты, как этот?

— Откуда мне знать? Если они не обозначены, о них нет никаких данных.

— Тогда эти следы могут ничего не значить, верно? Можем раскопать все восемь, и все окажутся пустышками.

Я кивнул.

— Возможно, Бойс.

Он пристально посмотрел на меня.

— И что?

— И то, что это не самое плохое. По крайней мере этот след означал реальный туннель. Я водил группы, которые сошли бы с ума от радости, если бы им удалось найти даже вскрытый туннель после нескольких недель, когда мы раскапывали только пустоты и интрузии. Вполне вероятно, что в семи остальных вообще ничего нет. Не придирайтесь, Бойс. Вы за свои деньги по крайней мере кое-что получили.

Он отмахнулся от моих слов.

— Вы выбрали это место, Уолтерс. Вы что, не знали, что делаете?

Знал ли я, что делаю? Единственная возможность доказать, что знал, найти нескрытый туннель, конечно.

Я мог бы рассказать ему о том, как месяцами изучал данные, собранные после первой высадки. Как пришлось стараться, сколько правил я нарушил, чтобы заглянуть в данные военных, как далеко пришлось мне поехать, чтобы поговорить с людьми из Обороны, которые принимали участие в одной из ранних раскопок. Я бы мог даже рассказать, какого труда мне стоило отыскать старого Джоролемона Хеграмета, который сейчас преподаёт экзотическую археологию в Теннесси. Но я сказал только:

— То, что мы нашли этот туннель, доказывает, что я знаю свое дело. Вы за это и платите. Вам решать, будем мы продолжать или нет.

Он задумчиво смотрел на свои ногти.

— Подбодрись, Бойс, — жизнерадостно сказала Дорри. — Посмотри, как нам уже повезло. И если даже ничего не найдем, как забавно будет рассказывать об этом в Цинциннати.

Он даже не посмотрел на нее, просто сказал:

— Есть ли способ определить, вскрыт ли туннель, не заглядывая в него?

— Конечно. Я могу сказать, простучав снаружи оболочку. Разница в звуке ощутима.

— Но вначале нужно до него докопаться?

— Верно.

На этом мы покончили. Я снова забрался в скафандр, чтобы снять бесполезное теперь иглу, чтобы можно было извлечь сверла.

Я не хотел дальнейшего обсуждения, потому что не хотел слышать вопрос, на который пришлось бы солгать. Я всегда стараюсь придерживаться правды, потому что так легче помнить, что ты говорил.

С другой стороны, я к этому не отношусь как фанатик. Я не считаю, что не мое дело исправлять ошибочное впечатление. Например, Коченор предполагает, что я не позаботился простучать туннель, прежде чем вскрывать его.

Но, конечно я простучал. Это первое, что я сделал, как только убрал сверла. И когда услышал звук высокого давления, это разбило мне сердце. Пришлось подождать несколько минут, прежде чем объявить, что мы добрались до внешней стенки.

В тот момент я не смог бы ответить, что стал бы делать, если бы обнаружил, что туннель не вскрыт.

Бойс Коченор и Дорри Кифер были пятнадцатой или шестнадцатой группой, которую я водил на раскопки хичи. И я не удивился, что они готовы работать, как кули. Какими бы ленивыми и скучающими ни начинали земные туристы, к тому времени, когда появляется надежда найти что-то принадлежавшее совершенно неизвестному народу чужаков, который исчез, когда на Земле самым близким к человеку было низколобое мохнатое существо, которое научилось убивать других животных ударами антилопных костей по голове... к этому времени туристов охватывала исследовательская лихорадка.

Так что это двое работали напряженно. И меня подгоняли. А я был возбужден не меньше их. Может, больше, потому что проходили дни, и мне все чаще приходилось потирать правый бок, как раз ниже ребер, и потирать все сильнее и сильнее.

Несколько раз на нас поглядывали парни из Обороны. Они пролетали над нами в своих скоростных аппаратах с полдесятка раз в первые дни. Много не разговаривали, только стандартный идентификационный запрос по радио. Правила требуют, чтобы об открытиях сразу сообщалось. Вопреки требованиям Коченора, я сообщил о находке первого вскрытого туннеля, что несколько удивило военных, я думаю.

Но больше докладывать было не о чем.

Район В оказался пегматитовой дамбой. Еще в двух относительно ярких местах, которые я обозначил как D и E, вообще ничего не оказалось после раскопок; это означало, что аномалия в отражении звука вызвана невидимыми вкраплениями в породе, пепел или гравий.

Я возражал против раскопок в районе С, самом перспективном.

Коченор настаивал, но я держался. Время от времени военные продолжали поглядывать на нас, и я не хотел еще ближе подходить к их периметру. Я сказал, что, может быть, если больше нигде не повезет, мы тайком вернемся в район С и быстро копнем перед возвращением в Веретено. И так мы и порешили.

Мы подняли самолет, перелетели на новую позицию и снова пустили в ход искатели.

К концу второй недели мы сделали девять раскопок,

и все девять оказались пустыми. Кончались иглу и искатели. И совершенно кончилась наша терпимость по отношению друг к другу.

Коченор стал мрачен и раздражителен. Встретив этого человека, я не собирался становиться его ближайшим другом, но не ожидал, что его общество будет так трудно переносить. И не считал, что у него есть право так воспринимать неудачу: ведь для него это явно только игра. Со всем его состоянием те деньги, которые он заработал бы, найдя новые артефакты хичи, мало что для него значили — несколько добавочных чисел в банковском счете, но он вел себя так, словно от этого зависит его жизнь.

Конечно, и сам я был не очень любезен. Дело в том, что пилюли, выданные мне в знахарской, переставали действовать. Во рту было такое ощущение, словно в нем поселились крысы. У меня болела голова, и время от времени она так кружилась, что я начинал ронять вещи.

Печень регулирует вашу внутреннюю диету. Она отфильтровывает яды. Одни углеводы она превращает в другие, которые организм может использовать. Аминокислоты она объединяет в протеины. Если она этого не делает, вы умираете.

Врач мне все это объяснил. У туннельных крыс часто страдает печень; дело в том, что нередко приходится работать при повышенном давлении в скафандре, при этом газы в ваших кишках сжимаются и давят на печень. Врач показал мне картинки. Я мог представить себе, что происходит в моих внутренностях, как красные клетки печени умирают и замещаются желтоватыми клетками жира. Отвратительная картинка. И самое ужасное, что я ничего не мог с этим сделать. Только продолжать принимать пилюли, а они больше не действовали. Я считал дни до «прощай, печень, здравствуй, отказ печени».

Так что мы были не очень веселым обществом. Я вел себя мерзко, потому что чувствовал себя все более больным и впадал в отчаяние. Коченор держался отвратительно, потому что такова его природа. И единственным приличным человеком на борту оказалась девушка.

Дорри старалась изо всех сил, на самом деле. Она была мила (а иногда даже хороша) и всегда готова пойти навстречу сильным, то есть Коченору и мне.

Ей явно приходилось нелегко. Дорота Кифер была всего лишь ребенком. Какой бы взрослой она ни казалась, она просто недостаточно прожила, чтобы справиться с такой концентрированной злобой. Добавьте к этому, что мы уже начали ненавидеть вид, звук и запах друг друга (а в тесном аппарате скоро многое узнаешь о запахах друг друга), так что Дорри Кифер не много веселья получала от туристической поездки на Венеру.

И от нас тоже... особенно когда я сообщил, что у нас осталось последнее иглу.

Коченор откашлялся. Не очень вежливый звук. Скорее начало военного клича. Словно пилот сверхзвукового истребителя, готовясь к схватке, снял покровы с пушек. Дорри постаралась отвлечь его.

— Оди, — радостно сказала она, — вы знаете, что, по-моему, мы можем сделать? Вернуться в район С, тот самый, что возле границы военных.

Отвлечение не в ту сторону. Я покачал головой.

— Нет.

— Какого дьявола значит это ваше «нет»? — взревел Коченор, готовый к битве.

— То, что я сказал. Нет. Слишком близко к парням из Обороны. Если там есть туннель, он пройдет прямо в закрытую зону, и они на нас обрушатся. — Я старался говорить убедительно. — Это отчаянный шаг, а я еще не впал в отчаяние.

— Уолтерс, — рявкнул он, — вы будете в отчаянии, если я вам велю. Я могу вообще вам не заплатить.

Я поправил его.

— Нет, не можете. Союз вам не позволит. Правила на этот счет совершенно ясны. Вы платите, если я выполнил ваши законные требования. А то, что вы предлагаете, незаконно. Раскопки внутри закрытой зоны — явное нарушение закона.

Он перешел к холодной войне.

— Вы ошибаетесь, — негромко сказал он. — Незаконными они будут, только если суд примет такое решение. Вы были бы правы, если бы ваши адвокаты оказались умнее моих. Но, откровенно говоря, Уолтерс, это невозможно. Я плачу своим адвокатам, чтобы они были самыми умными.

Мое положение не позволяло спорить. Коченор говорил правду. И к тому же у него оказался мощный

союзник. Моя печень была на его стороне. Я определенно не мог потратить время на суды, потому что, не купив трансплантат, просто до них не доживу.

Дорри слушала с птичьим выражением дружелюбного интереса. Она встала между нами.

— А как насчет этого? Мы уже на месте. Почему бы не посмотреть, что покажут искатели? Может, мы найдем что-нибудь получше С...

— Тут ничего хорошего не будет, — ответил Коченор, не отрывая от меня взгляда.

— Бойс, откуда ты это знаешь? Мы ведь даже не закончили прослушивание.

Он сказал:

— Дорота, выслушай меня хоть раз внимательно, а потом заткнись. Уолтерс играет со мной. Разве ты не видишь, чем мы занимаемся?

Он протиснулся мимо меня и вызвал на экран полную карту. Это несколько удивило меня. Я не знал, что он это умеет. Появилась карта. На ней была наша позиция, были отмечены уже проделанные шахты, также указана неровная граница военной зоны плюс все масконы и навигационные знаки.

— Разве ты не видишь? Мы сейчас даже не в районе концентрации высокой плотности. Верно, Уолтерс? Вы хотите сказать, что мы испробовали все хорошие места?

— Нет, — ответил я. — Отчасти вы правы, мистер Коченор. Но только отчасти. Я с вами не играю. Это место перспективно. Можете сами увидеть это на карте. Конечно, мы сейчас не над масконом, но непосредственно между двумя, и они очень близки друг к другу. Это хороший признак. Иногда находят туннели, соединяющие два комплекса, и бывает, что соединительный туннель ближе к поверхности, чем остальные части системы. Конечно, я не гарантирую, что мы тут что-то найдем. Но попробовать стоит.

— Но это не очень вероятно, верно?

— Ну, не хуже, чем в других местах. Я неделю назад сказал вам, что вы уже оправдали свои деньги, просто найдя вообще туннель хичи. Даже вскрытый. В Веретене есть туннельные крысы, которые лет по пять и такого не видели. — Я немного подумал. — Я заключу с вами договор.

— Слушаю.

— Мы уже на поверхности. Есть шанс на что-то наткнуться. Попробуем. Запустим искатели и посмотрим, что они нам покажут. Если получим хороший след, начнем раскопки. Не получим... ну, что ж, тогда я подумаю о возвращении в район С.

— Подумаете?! — взревел он.

— Не подталкивайте меня, Коченор. Вы сами не понимаете, во что ввязываетесь. С военными из закрытой зоны не стоит шутить. Это парни сначала стреляют, а потом задают вопросы, и никакой полицейский тут вам не поможет.

— Не знаю, — сказал он после недолгого раздумья.

— Конечно, не знаете, мистер Коченор. А я знаю. За это вы мне и платите.

Он кивнул.

— Да, вероятно, вы знаете, Уолтерс. Но правду ли вы говорите о том, что знаете, совсем другой вопрос. Хеграмет ничего не говорил мне о раскопках между масконами.

И посмотрел на меня с непроницаемым лицом: как я на этоотреагирую.

Я ничего не ответил. Смотрел на него так же бесстрастно. Не сказал ни слова. Только ждал, что будет дальше. Я был уверен, что он не станет объяснять, откуда знает профессора Хеграмета и какие у него дела с крупнейшим земным авторитетом в области раскопок хичи.

Конечно, он не объяснил.

— Запускайте ваши искатели, — сказал он наконец. — Еще раз попробуем по-вашему.

* * *

Я выстрелил искатели, надежно закрепил их все и включил запись эха. Потом просто сидел и ждал, глядя на появившиеся на экране первые линии рисунка, как будто надеялся получить от них какую-то информацию. Конечно, еще долго информации не будет, но мне просто хотелось подумать без помех.

Подумать о Коченоре. Он явился на Венеру не для забавы. Он планировал заняться раскопками туннелей хичи еще на Земле. И нашел время ознакомиться с инструментами, которые можно найти в моем воздушном аппарате.

Мои рекламные рассказы о сокровищах хичи — напрасная трата времени: клиент принял решение покупать по крайней мере с полгода назад и на расстоянии в десять миллионов миль отсюда.

Я понял все это. Но чем больше понимал, тем яснее видел, что не понимаю. Хотел бы я сунуть Коченору пару баксов и отправить поиграть в казино, чтобы поговорить наедине с девушкой. К несчастью, отправлять его было некуда. Я сделал вид, что зеваю, пожаловался, что скучно ждать, и предложил всем прикорнуть ненадолго. Конечно, я не надеялся, что он уснет и даст мне возможность поговорить с Дорри. И добился только того, что она предложила понаблюдать за экраном и разбудить меня, если увидит что-нибудь интересное.

Поэтому я подумал, к дьяволу это все, и лег сам.

Спал я плохо, потому что пока засыпал, у меня было время заметить, как плохо я себя чувствую, и не только в одном отношении. Во рту у меня теперь постоянный вкус желчи — не так, как перед рвотой, а словно меня только что вырвало. Глаза начали слезиться, и на краю поля зрения начали возникать какие-то призрачные картины.

Я встал, чтобы проглотить пару пилюль. Не стал считать, сколько их осталось. Не хотел знать.

Я настроил свой личный будильник так, чтобы проснуться через три часа, думая, что, может быть, к этому времени Коченор ляжет, а Дорри еще нет и, может, она будет разговорчива. Но когда я проснулся, старик не спал, он готовил себе травяной омлет с последним из наших стерильных яиц.

— Вы были правы, Уолтерс, — улыбнулся он. — Мне захотелось спать. Поэтому я отлично поспал. Теперь готов к чему угодно. Хотите яйца?

Я хотел. И не одно. Но, конечно, не посмел поесть, поэтому я мрачно проглотил питательные, но очень невкусные таблетки, которые позволили мне есть диетический отдел знахарской, глядя, как ест Коченор. Несправедливо, что человек в девяносто лет может быть таким здоровым, что даже не думает о своем пищеварении, в то время как я...

Ну, в таких мыслях никакого толка. Я предложил послушать музыку, чтобы провести время. Дорри выбрала «Лебединое озеро», и я включил запись.

И тут у меня появилась мысль. Я направился в

инструментальный отдел. Там на самом деле проверка не нужна. Головки сверл уже скоро нужно будет заменять, но я не стану этого делать: наши запчасти кончаются. Дело в том, что инструментальный дальше всего от кухни, но все же внутри самолета.

Я надеялся, что Дорри пойдет за мной. И она пошла.

— Нужна помощь, Оди?

— Рад буду получить, — ответил я. — Вот, подержите это. Смотрите не выпачкайте одежду. — Я не думал, что она спросит, зачем это нужно держать. Она не спросила. Только рассмеялась при мысли о грязной одежде.

— Я такая грязная, что немного лишней смазки и не замечу. Мы все были бы рады вернуться к цивилизации.

Коченор не обращал на нас внимания. Я сказал:

— О какой цивилизации вы говорите? О Веретене или о возвращении на Землю?

Я хотел, чтобы она поговорила о Земле, но получилось наоборот.

— Веретено, — сказала она. — Я никогда не думала, что окажусь на этой планете, Оди! Мне так понравилось! Как интересно все здесь живут, всегда вместе. Мы почти ничего не видели. Особенно люди, как этот индус, владелец ресторана. Кассирша его жена, верно?

— Одна из жен. Она жена Вастры номер один. Официантка — номер три, и еще одна жена у него в доме с детьми. Их пятеро, детей, от всех трех жен. — Но я хотел изменить тему и потому сказал: — На Земле то же самое. Вастра владел бы туристическим рестораном в Бомбее, если бы не оказался здесь, а здесь он не оказался бы, если бы не улетел с военными. Я думаю, что, если бы не был на Венере, работал бы проводником в Техасе. Конечно, если там есть еще свободная местность, где нужны проводники. Может, вдоль Канадской реки. А как вы?

Все время я перебирал одни и те же четыре-пять инструментов, разглядывал их серийные номера и клал назад. Она этого не заметила.

— О чем вы?

— Ну, что вы делали на Земле, прежде чем прилетели сюда?

— О, я немного работала в офисе Бойса.

Это меня подбодрило. Может, она вспомнит что-то связанное с профессором Хеграметом.

— Вы были его секретаршей?

Она недружелюбно посмотрела на меня.

— Что-то в этом роде.

Я смутился. Она решила, что я вынюхиваю... ну, конечно, я это делал, но меня совсем не интересовали грязные подробности того, как такая юная девушка стала любовницей старикашки. К тому же Коченор, несмотря на свой возраст и отвратительный характер, исключительно привлекательная для женщин фигура. Стараясь смягчить ее, я сказал:

— Конечно, это не мое дело.

— Да, не ваше, — согласилась она. А потом спросила: — А это что?

Это был вызов по радио, вот что.

— Так отвечайте, — рявкнул Коченор через самолет, отрываясь от своего омлета.

Я обрадовался этому перерыву. Вызов только голосом, без изображения, и это меня немного удивило. Но я так и оставил. Больше того, я надел наушники, так как в моей природе осторожность в некоторых делах. В самолете не так уж много возможностей уединиться, и надо использовать их все.

Вызывала база. Женщина-сержант, связистка, я ее прозвал Литтлн (Маленькие Колени. — *Прим. перев.*). Я раздраженно вздохнул, глядя, как Дорри садится рядом с Бойсом Коченором.

— Личное сообщение для тебя, Оди, — сказала сержант Литтлн. — Этот сагиб где-нибудь поблизости?

Мы с Литтлн часто болтали по радио. Но что-то в ее веселом тоне насторожило меня. Я повернулся спиной к Коченору. Я знал, что он слушает, но только мою часть разговора, конечно, из-за наушников.

— В данной области, но в настоящее время отсутствует, — ответил я. — Что у вас есть для меня?

— Небольшая новость, — промурлыкала сержант. — Получили несколько минут назад. Только для информации. Это означает, что мы ничего не будем предпринимать, но, может, ты предпримешь, милый.

— Готов к приему, — ответил я, глядя на пластмассовый корпус радио.

Сержант захихикала.

— Капитан чартерного рейса твоего сагиба хотел бы поговорить с ним, когда отыщет. Дело срочное, капитан буквально обмочился.

— Да, база, — подтвердил я. — Ваш сигнал получен, частота десять.

Сержант Аманда Литтлни снова засмеялась, но на этот раз получилось не хихиканье, а настоящий смех.

— Дело в том, — сказала она, — что проверка показала: чек оплаты за рейс «Юрия Гагарина» фальшивый. Знаешь, что сказал банк? Ни за что не поверишь. «Необеспеченный чек», — вот что он сказал.

У меня постоянно болело под правыми ребрами, но теперь боль вдруг стала острее. Я стиснул зубы.

— Сержант, вы можете подтвердить эту оценку?

— Прости, милый, — прогудела она мне в ухо, — но никаких сомнений. Капитан связался с банком этого твоего Бойса Коченора, там подтвердили, что у него ничего нет. Когда твой наниматель вернется в Веретено, его будет ждать ордер на арест.

— Спасибо за синоптический прогноз, — сказал я мертвым голосом. — Перед стартом я с вами свяжусь.

Я выключил радио и посмотрел на своего клиента-миллиардера.

— Что с вами, Уолтерс? — спросил он.

Но я его не слышал. Я слышал только то, что сказал мне этот костопил из знахарской. Его уравнения забыть невозможно. Деньги = новая печень + счастливая жизнь. Отсутствие денег = полный отказ печени + смерть. А мой источник денег неожиданно иссяк.

10

Получив какую-то важную новость, вы должны пропустить ее через себя, немного привыкнуть только тогда что-то предпринимать. Вопрос не в том, чтобы увидеть все последствия. Я их сразу увидел, можете не сомневаться. Нужно попытаться достичь равновесия.

Поэтому несколько минут я размышлял. Слушал, как охотники на лебедей Чайковского готовятся к поимке их царицы (так у автора. — *Прим. перев.*). Проверил, выключено ли радио, чтобы зря не тратить энергию. Проверил, что видно на экране.

Конечно, было бы отлично, если бы там показалось что-нибудь замечательное, но, судя по тому, как обстоят дела, ничего там не покажется. Так и есть. Начинал

появляться слабый рисунок. Но ничего похожего на туннели хичи и ничего особенно яркого. Данные продолжали поступать, но я знал, что эти слабые линии никогда не превратятся в материнскую жилу, которая спасла бы нас, спасла бы даже разоренного мошенника и ублюдка Коченора.

Я даже посмотрел на небо в иллюминатор, чтобы узнать, какова погода. Конечно, это не имеет значения, но среди галоидных пурпурных и желтых пятен появились отдельные белые облака. Солнце всходит на западе.

Прекрасная картина, но мне она ненавистна.

Коченор доел омлет и задумчиво смотрел на меня. Дорри тоже. Она вернулась к пластиковой стойке и снова взяла в руки сверла в обертке со смазкой. Я улыбнулся ей.

— Красиво, — сказал я, имея в виду музыку. Оклендский филармонический перешел к той части, когда выходят маленькие лебеди и, держась за руки, исполняют на сцене падекатр. Это всегда было моим любимым местом в «Лебедином озере»... но не сейчас.

— Остальное послушаем позже, — сказал я и выключил запись.

Коченор рывкнул:

— Ну ладно, Уолтерс. Что происходит?

Я опустил пустой контейнер от иглу и закурил сигарету, потому что понял: больше мне можно не беспокоиться о сбережении кислорода.

— Есть несколько вопросов, которые меня тревожат, Коченор. Во-первых, почему вы связались с профессором Хеграметом?

Он улыбнулся и явно успокоился.

— О, так вот что вас беспокоит. Нет причин, почему бы не сказать вам. Я многое проверил и разузнал о Венере, прежде чем прилететь. А почему бы и нет?

— Конечно, но почему вы дали мне понять сначала, что ничего не знаете?

Коченор пожал плечами.

— Если у вас есть хоть немного мозгов, вы должны знать, что глупые не становятся богатыми. Думаете, я проделал столько миллионов миль, не зная, что тут обнаружу?

— Нет, конечно, но вы постарались убедить меня, что не знаете. Ну, неважно. Итак, вы обратились к кому-нибудь, чтобы узнать, что приличного можно стянуть на

Венере, и этот человек направил вас к Хеграмету. А дальше что? Хеграмет сказал вам, что я настолько глуп, что стану вашим мальчиком?

Коченор уже не выглядел таким спокойным, но и не стал еще агрессивным. Он спокойно сказал:

— Да, Хеграмет упомянул ваше имя. Сказал, что, если я хочу найти девственный туннель, лучший проводник вы. Потом ответил на множество вопросов о хичи и тому подобном. Итак, да, я знал, кто вы такой. Если бы вы не пришли к нам, я бы сам пришел к вам; вы мне сэкономили много сил.

Я сказал, испытывая при этом легкое удивление:

— Знаете, я думаю, вы говорите правду. Только об одном вы умолчали.

— О чем?

— Вы ведь здесь не для развлечения, верно? Вам нужны деньги. Очень нужны. — Я повернулся к Дороте, неподвижно стоявшей со сверлами в руках. — А как вы, Дорри? Вы знали, что старик разорен?

Не слишком умно с моей стороны так поступать. Я сразу понял, что она сделает, и отбросил упаковку с иглу. Но она успела уже выронить сверла. К счастью, они упали плашмя и режущие кромки не обломились.

Она уже ответила на мой вопрос.

— Вижу, он вам об этом не сказал, — заметил я. — Тяжело для вас, куколка. Его чек за полет на «Юрии Гагарине» недействителен, и думаю, тот, что он дал мне, не лучше. Надеюсь, свое в мехах и удовольствиях вы уже получили, Дорри. Советую спрятать все полученное, пока не затребовали кредиторы.

Она даже не взглянула на меня. Смотрела на Коченора, и его выражение дало ей нужное подтверждение.

Не знаю, чего я от нее ожидал: гнева, упреков, слез. Но она только прошептала:

— О, Бойс, дорогой. Как мне жаль. — Подошла и обняла его.

* * *

Я повернулся к ним спиной. Мне совсем не нравилось смотреть на Коченора. Сильный девяностолетний бык, выращенный на Полной Медицине, сразу превратился в разбитого старика. Впервые с того времени, как нахально

вошел в Веретено, он выглядел на свои девяносто, а может, и чуть больше. Рот у него провис, раскрылся, губы дрожали, прямая спина согнулась, блестящие глаза слезились. Дорри гладила его и ворковала, глядя на меня с выражением боли.

Мне и в голову не приходило, что он действительно что-то для нее значит.

Я повернулся и снова начал разглядывать рисунок на экране, потому что больше делать было нечего. Рисунок ясен, как никогда, и совершенно пуст. Он покрывал достаточно большую площадь, и я ясно видел, что и из-за привлекательных на первый взгляд царапин на краю тоже не стоит приходить в возбуждение. Мы их уже проверяли. Это призраки.

Никакого немедленного спасения здесь нет.

Как ни странно, но я успокоился. Есть что-то успокаивающее в сознании, что вам терять нечего. Начинаешь видеть мир в иной перспективе.

Не хочу сказать, что я сдался. Кое-что еще я могу сделать. Конечно, это ненадолго продлит мне жизнь — приходилось с этим смириться, но вкус во рту и боль в кишках все равно не давали мне наслаждаться жизнью.

Прежде всего нужно расстаться с добрым старым Оди Уолтерсом. Так как только чудо теперь может спасти меня от полного отказа печени через одну-две недели, надо признать, что долго я не проживу. И поэтому использовать оставшееся время на что-то иное.

Что еще? Ну, Дорри неплохая девочка. Я мог бы вернуться в Веретено, передать Коченора жандармам и потратить последние дни жизни, знакомя Дорри с людьми, которые смогут помочь ей. Может быть, помогут ей начать Вастра или Би-Джи. Она даже сможет заняться проституцией или рэкето́м. Скоро появятся туристы, а она вполне может успешно продавать в любом киоске молитвенные веера и другие сувениры хичи туристам с Земли.

Конечно, это немного, с чьей-нибудь точки зрения. Но капитан «Юрия Гагарина» безусловно не повезет ее назад в Цинциннати даром, а мелкое воровство в Веретене помогает не умереть с голоду. Иногда.

А может, и мне не стоит еще сдаваться? Я немного подумал об этом. Я могу отдаться на милость знахарской.

Возможно, они мне дадут новую печень в долг. Почему бы и нет?

Есть одна веская причина, почему нет: они так никогда не делают.

Я могу открыть топливные клапаны, позволить топливу смешиваться минут десять, а потом включить зажигание. Взрыв мало что оставит от самолета — и от нас, и ничего не останется от наших многочисленных проблем.

Или...

Я вздохнул.

— К дьяволу, — сказал я. — Подбодритесь, Коченор. С нами еще не покончено.

Он взглянул на меня, не спятил ли я. Потом потрепал Дорри по плечу и отстранил ее, достаточно мягко.

— Сейчас. Прости, Дорри. И простите насчет вашего чека, Уолтерс. Я знаю, вам нужны деньги.

— Вы понятия не имеете, как нужны.

Он с некоторым трудом сказал:

— Хотите, чтобы я объяснил?

— Не вижу, какая в этом разница. Но ладно, — согласился я, — из чистого любопытства.

Ему не понадобилось много времени. Говорил он сжато и четко и ничего важного не упустил, хотя я уже и так о многом догадался. (Но не вовремя. Угадать заранее было бы гораздо лучше.)

Главное заключалось в том, что человек в возрасте Коченора должен быть одним из двух. Либо очень-очень богат, либо мертв. Беда Коченора в том, что он оказался недостаточно богат. Ему приходилось тратить огромные деньги на трансплантаты и лечение, на кальцифилаксы и протезы, на регулировку протеина, на подавление холестерина, миллион сюда, миллион туда, сто тысяч в месяц на это... и так далее. Он пытался по-прежнему эффективно руководить предприятиями, откуда приходилось брать много денег. Все это мне было понятно.

— Вы понятия не имеете, — сказал он, не жалобно, а просто констатируя факт, — сколько стоит поддерживать жизнь столетнего человека, пока сами не попробуете.

Мне это не придется делать, сказал я, но про себя. И дал ему возможность продолжать рассказывать, как заволановались акционеры, как вцепились в него федеральные инспекторы... и потому он сбежал с Земли, чтобы составить себе новое состояние на Венере.

Но к концу его рассказа я слушал уже не так внимательно. Даже не обратил внимания на то, что он солгал насчет своего возраста. Представляете себе такое тщеславие! Он решил, лучше сказать, что ему девяносто!

У меня были более важные дела, чем заставлять еще корчиться Коченора. Не слушая, я стал писать на обороте навигационного бланка. Закончив, я протянул листок Коченору.

— Подписывайте.

— Что это?

— Какая разница? Насколько я понимаю, у вас нет выбора. Это отмена некоторых пунктов нашего соглашения. Вы признаете, что соглашение недействительно, что у вас нет ко мне никаких претензий, что ваш чек недействителен и что вы добровольно передаете мне права на все, что мы можем найти.

Он хмурился.

— А вот это в конце что такое?

— Я согласен выделить вам десять процентов от моей доли в том, что мы найдем, если мы найдем что-либо ценное.

— Это милосердно, — сказал он, глядя на меня. Но уже подписывая. — Не возражаю против небольшой подачки, особенно, как вы заметили, поскольку у меня нет выбора. Но я не хуже вас читаю этот рисунок, Уолтерс. Здесь нечего находить.

— Конечно, — согласился я, складывая бумагу и пряча ее в карман. — Эта местность так же пуста, как ваш счет. Но мы не будем тут копать. Возвращаемся в район С и покопаем там.

* * *

Я закурил еще одну сигарету — рак легких был тогда самым незначительным из моих опасений — и подумал еще с минуту, а они ждали, глядя на меня. Я думал, сколько можно им рассказать из того, что я узнал за пять лет поисков, все время заставляя себя ни одному человеку не намекнуть на них. Конечно, я был уверен, что мои слова ничего не изменят. Но сказывалась многолетняя привычка. Слова сами не хотели произноситься.

Мне потребовалось большое усилие, чтобы начать.

— Помните Сабаша Вастру, хозяина забегаловки, где мы встретились? Саб прилетел на Венеру, когда служил в армии. Он специалист по оружию. Но гражданской карьеры специалист по оружию не сделает, особенно на Венере, поэтому ему пришлось заняться кафе, и на это ушла почти вся его оплата по окончании контракта. Потом он послал за своими женами и всем семейством. Но на службе он считался лучшим специалистом по оружию.

— О чем вы говорите, Оди? — спросила Дорри. — Я никогда не слыхала об оружии хичи.

— Конечно. Никто никогда не находил оружие хичи. Но Саб считает, что обнаружили цели.

Следующую часть мне было просто физически трудно рассказывать. Тем не менее я продолжил.

— Ну, Саб Вафра считал, что это цели. Он сказал, что начальство ему не поверило, и мне кажется, дело это забыто. Нашли треугольные пластины из того же материала, что и стены туннелей, голубого, испускающего свет металла, которым выложены стены туннелей. Пластин много десятков. На всех рисунок из расходящихся от центра линий. Сабу они показались похожими на цели. И в них были дыры. Края отверстий словно посыпаны порошком талька. Кстати, вы не знаете, что может проделать такое с металлом хичи?

Дорри собиралась сказать, что не знает, но Коченор опередил ее:

— Это невозможно, — заявил он.

— Верно, так и сказали начальники Сабу Вафре. Они решили, что отверстия сделаны в процессе изготовления — для чего-то, что мы никогда не узнаем. Вафра с этим не согласился. Вафра говорит, что это то же самое, что бумажные цели, которые используют солдаты в тире. Отверстия расположены в разных местах. А линии ему показались похожими на определители точности попадания. Вот и все доказательство правоты Вафры. Никаких доказательств. Даже Вафра не считает это доказательством. Но это какое-то свидетельство.

— И вы считаете, что можете найти оружие, которое проделало эти отверстия, в районе С? — спросил Коченор.

Я колебался.

— Я бы не выразился так определенно. Назовем это надеждой. Может, очень слабой надеждой. Но есть кое-что еще.

— Эти цели или чем бы они ни были обнаружил старатель около сорока лет назад. Тогда здесь не было никакой военной закрытой зоны. Старатель попытался продать находку, но никто особенно не заинтересовался. Тогда он отправился искать что-нибудь поинтереснее и вскоре был убит. Так тогда часто случалось. Никто на эти штуки не обращал внимания, пока они не попались на глаза какому-то военному, и кому-то пришла в голову та же мысль, что и Вастре годы спустя. Тут к этому отнеслись серьезно. Определили район, где старатель сделал находку. Вблизи Южного полюса. На тысячу километров вокруг застолбили и объявили закрытой зоной. И начали копать. Отыскивали с десятков туннелей хичи, но все пустые или затопленные и растрескавшиеся. Ничего похожего на оружие не нашли.

— Тогда здесь ничего нет, — сказал Коченор, выглядел он задумчивым.

— Ничего не нашли, — поправил я его. — Вспомните, это было сорок лет назад.

Коченор удивленно посмотрел на меня, потом выражение его изменилось.

— О, — сказал он. — Расположение находки.

Я кивнул.

— Верно. В те дни старатели часто обманывали — если находили что-нибудь интересное, совсем не хотели, чтобы этим занимались другие. Так что тот старатель неверно указал расположение своего туннеля. В то время он жил с молодой женщиной, которая впоследствии вышла замуж за человека по фамилии Аллеман. Ее сын Букер — мой друг Би-Джи. Вы с ним знакомы. И у него была карта.

Коченор выглядел откровенно скептически.

— О, конечно, — кисло сказал он. — Знаменитая карта сокровищ. И он по дружбе отдал ее вам.

— Он ее мне продал, — поправил я.

— Удивительно. И как вы думаете, сколько еще копий он продал другим простакам?

— Не очень много. — Я не винил Коченора в том, что он сомневается, но он шел не в ту сторону. — Я купил карту, когда он вернулся после собственной попытки

отыскать раскопки. Больше у него не было возможности. — Я увидел, как Коченор открыл рот, и продолжал, чтобы опередить его: — Нет, он ничего не нашел. Да, он точно следовал карте. Именно поэтому мне не пришлось платить много. Но видите ли, я считаю, что правильное место он не нашел. Правильное расположение на карте, насколько я могу вычислить, — навигационная система тогда была совсем другой, — примерно в том месте, где мы высадились в первый раз, с небольшими отклонениями в разные стороны. Я там заметил следы раскопок. Очень старых. — Говоря, я достал из кармана магнитофишку и поместил ее на карту. Она показала точку в центре, оранжевый икс. — Я думаю, здесь мы найдем нужный туннель, где-то вблизи этого икса. Как видите, это совсем рядом с нашим районом С.

Минутная тишина. Я слушал отдаленный вой ветра и ждал, пока они что-нибудь скажут.

Дорри выглядела встревоженной.

— Не знаю, нравится ли мне мысль найти новое оружие, — сказала она. — Все равно что... вернуть прежние плохие дни.

Я пожал плечами.

Коченор все больше и больше походил на себя.

— Дело не в том, хотим ли мы найти оружие. Дело в том, что мы хотим найти нетронутый туннель хичи со всем его содержимым. Но военные считают, что тут где-то поблизости зарыто оружие, поэтому не разрешат нам раскапывать, верно?

— Не считают. Считали. Сомневаюсь, чтоб сейчас кто-нибудь в это верил.

— Все равно, они сначала расстреляют нас, а потом будут задавать вопросы. Вы ведь сами так сказали.

— Да, я сказал так. Никто не допускается на территорию закрытой зоны без разрешения. Не из-за оружия хичи: там теперь у них своего достаточно, на что никому нельзя смотреть.

Он кивнул.

— Как же вы собираетесь решить эту небольшую проблему?

Если быть совершенно откровенным, я бы сказал, что не думаю, будто мне удастся ее решить. Честно говоря, шансы очень малы. Нас легко обнаружат, хотя я не думал, что обязательно сразу начнут стрелять.

Но терять нам нечего. По крайней мере мне и Коченору. Я только сказал:

— Попробуем одурачить их. Отошлем самолет. Мы с вами останемся и проведем раскопки. Если они подумают, что мы улетели, наблюдать за нами не будут. Нужно только не попадаться на глаза обычным пограничным патрулям, но они не очень внимательны. Надеюсь.

— Оди! — воскликнула девушка. — Если вы с Бойсом останетесь, кто уведет самолет? Я не смогу!

— Не сможете, — согласился я. — Даже если я вам дам несколько уроков. Но эта штука может лететь сама. Конечно, вы потратите много топлива и немного порыщете. Но автопилот приведет вас куда нужно. Он даже посадит за вас самолет.

— Вы так не сажались, — заметил Коченор.

— Я ведь не сказал, что это хорошая посадка. Вам лучше будет лететь пристегнувшись. — На самом деле такая посадка напоминает катастрофу под контролем. Я постарался не думать, что произойдет с моим единственным самолетом. Но Дорри выживет. Девяносто девять процентов из ста.

— Что я должна буду делать? — спросила Дорри.

В этом месте в моем плане пробелы, но я и о них постарался не думать.

— Зависит от того, куда вы направляетесь. Я думаю, лучше всего вам сразу вернуться в Веретено.

— И оставить вас здесь? — спросила она, неожиданно вызываясь.

— Не навсегда. В Веретене вы отыщете моего друга Би-Джи Аллемана и расскажете ему о случившемся. Естественно, придется с ним поделиться, но это правильно: можем дать ему двадцать пять процентов, и он будет доволен. Я вам дам для него записку с координатами, он прилетит за нами. Скажем, через двадцать четыре часа.

— Мы справимся за день? — спросил Коченор.

— Конечно. Придется.

— А если Дорри не найдет его, или он заблудится, или еще что-нибудь?

— Она найдет его, и он не заблудится. Конечно, — признал я, — всегда есть возможность «чего-нибудь». Мы живем на самом краю. Если возьмем дополнительные баки с воздухом и горючим, продержимся сорок восемь часов. Но не больше. Мне кажется, времени достаточно.

Если он опоздает, конечно, тогда мы в беде. Но он не опоздает. Больше меня тревожит возможность того, что мы раскопаем и ничего не найдем. Тогда мы зря потратили время. Но если мы что-нибудь найдем... — Я замолчал.

— Весьма рискованно, — заметил Коченор, но смотрел он на Дорри, а не на меня. Она пожала плечами.

— Я ведь ничего не говорил о гарантиях, — ответил я ему. — Я сказал только, что есть возможность.

* * *

Мое мнение о Дороте Кифер все улучшалось. Она хороший человек, особенно учитывая ее возраст и обстоятельства, в которых она оказалась. Она сообразительна и вынослива. Но одного ей не хватало — уверенности в себе. Ее этому просто никогда не учили. Какую-то замену уверенности она находила в Коченоре, а перед этим — еще в ком-то. Опять-таки учитывая возраст, я думал, что это был ее отец. Создавалось впечатление, что она всегда жила рядом с какой-то сильной личностью.

Труднее всего было убедить Дорри, что она справится со своей задачей.

— Ничего не получится, — говорила она, когда я объяснял ей работу приборов. — Простите. Не в том дело, что я не хочу помочь. Хочу, но не могу. Просто не получится.

— Должно получиться.

Я считал, что должно. Впрочем, проверять не пришлось.

Мы с Коченором вдвоем наконец убедили Дорри попробовать. Все, что можно было оставить, вынесли наружу. Полетели назад, в сухое русло, сели и принялись готовиться к раскопкам. Но я чувствовал себя плохо — болела и кружилась голова, я стал неуклюжим, и, вероятно, у Коченора тоже возникли проблемы, хотя должен признать, что он не жаловался. Вдвоем мы сумели установить бур на место.

И вот когда я стоял с одной стороны, а Коченор раскачивался с другой, вся эта тяжелая машина рухнула на него.

Она его не убила. Но порвала скафандр, сломала ему ногу и оставила без сознания, и это лишило меня всякой надежды на его помощь в раскопках района С.

Прежде всего я проверил бурильную установку, не повреждена ли она. Не повреждена. Потом затащил Коченора в самолет.

Это отняло у меня все силы. Пришлось тащить Коченора в тяжелом скафандре, убирать с дороги тяжести, а мое состояние не улучшалось. Тем не менее я справился.

Дорри была великолепна. Ни истерики, ни глупых вопросов. Мы извлекли его из скафандра и осмотрели.

Семь-восемь слоев скафандра на ноге порваны, но он удержал бы воздух, если бы не давление. Коченор был жив. Без сознания, но дышал. У него был сложный перелом ноги, и кость порвала кровоточащую плоть. Из рта и носа у него тоже шла кровь, и его вырвало в шлеме.

В целом это был столетний старик в самом плохом состоянии — однако живой. Похоже, жара не затронула его мозг. Его сердце работало — я, конечно, имею в виду сердце, которое в нем. Хорошая инвестиция — сердце продолжало качать кровь. Что могли, мы обложили компрессами, кровотечение прекратилось само по себе, конечно, кроме ужасной раны на ноге.

Но тут нужна помощь специалиста. Дорри вызвала под моим руководством военную базу. Сначала связалась с Амандой Литтл, а та соединила ее с хирургом базы полковником Евой Маркузе. Доктор Маркузе оказалась приятелем моего врача из знахарской; я встречался с нею несколько раз, и она объяснила мне, что нужно сделать.

Вначале полковник Маркузе хотела, чтобы я привез Коченора к ней. Я отказался. Указал удовлетворительную причину, сказал, что сам я в плохой форме для пилотирования, и для Коченора это был бы тяжелый перелет. Истинную причину я, конечно, не назвал, а именно: я не хотел оказаться в закрытой зоне и потом выбираться оттуда. И вот она дала мне подробные инструкции, что делать с раненым.

Инструкции выполнить оказалось легко, и я сделал все, что она велела: сжал края раны, накачал Коченора антибиотиками широкого спектра, залепил рану специальным желе, напылил поверх повязку и наложил гипс. Это истощило наши запасы первой помощи и заняло час времени. Наверно, Коченор пришел бы в себя, но я дал ему снотворное.

Теперь он был в стабильном положении. Оставалось только измерять пульс, дыхание и кровяное давление, чтобы удовлетворить хирурга, и пообещать как можно скорее перевезти раненого в Веретено. Когда доктор Маркузе отключилась, по-прежнему раздраженная тем, что я отказался дать ей поиграть с Коченором — я думаю, ее прельщала мысль повозиться с человеком, почти полностью составленным из частей других людей, — на экране снова появилась сержант Литтлени.

Я сразу понял, что у нее на уме.

— Милый, как это случилось?

— Неожиданно из-под земли выскочил огромный хичи и укусил его прямо в ногу, — ответил я. — Я знаю, о чем ты думаешь. У тебя порочный склад ума. Несчастный случай.

— Конечно, — ответила она. — Просто я хотела сказать, что нисколько тебя не виню. — И она отключилась.

Дорри, как могла, вымыла старика. При этом она очень щедро пользовалась нашими запасными простынями и полотенцами, хотя стиральной машины на борту нет. Я оставил ее и приготовил себе кофе. Потом закурил, сел и принялся вырабатывать другой план.

Когда Дорри кончила с Коченором, она прибрала, что могла, и занялась не менее важным делом — восстановлением своей косметики. А я к этому времени нашел первоклассный выход.

В качестве первого шага я сделал Коченору пробуждающий укол.

Дорри гладила его и разговаривала с ним, пока он приходил в себя. Она не ворчала и не сердилась. С другой стороны, я немного раздражился. Я не так нежен, как она. Как только Коченор начал соображать, я заставил его встать, чтобы испытать мышцы — гораздо скорее, чем ему хотелось. Испарина на лбу говорила, что ему больно. Но мышцы действуют, и он смог даже ковылять на гипсе.

Даже смог улыбнуться.

— Старые кости, — сказал он. — Я знал, что нужно пройти очередной рекальцификакс. Вот что бывает, когда пытаешься сэкономить доллар.

Он тяжело сел, морщась, вытянув ногу перед собой. Сморщил нос, приносясь к себе.

— Прошу прощения за грязь в вашем чистом и аккуратном самолете, — добавил он.

— Бывало похуже. Хотите еще помыться?

Он удивился.

— Наверно, хорошо бы...

— Давайте побыстрее. Я хочу поговорить с вами обоими.

Он не спорил. Протянул руку, Дорри взяла ее. С ее помощью он проковылял к умывальнику. Собственно большую часть грязи Дорри уже убрала. Но он поплескал воды на лицо, прополоскал рот. И когда повернулся и посмотрел на меня, вполне пришел в себя.

— Ну, Уолтерс, что? Сдаемся и возвращаемся?

— Нет, — ответил я. — Сделаем по-другому.

— Но он не может, Оди! — воскликнула Дорри. — Вы только посмотрите на него. В своем скафандре он снаружи и часа не продержится, тем более не сможет помогать вам на раскопках.

— Я знаю, поэтому мы изменим план. Копать я буду сам. А вы вдвоем уведете самолет.

— О, храбрый герой, — улыбнулся Коченор. — Вы спятили? Кого вы обманываете? Это работа на двоих.

— Я уже делал ее в одиночку, Коченор.

— И каждые полчаса бегали в самолет охлаждаться. Конечно. Это совсем другое дело.

Я колебался.

— Будет трудно, — признал я. — Но возможно. Старатели-одиночки и раньше раскапывали туннели, хотя у них были несколько иные проблемы. Я знаю, для меня эти сорок восемь часов будут трудными, но надо попытаться — альтернативы нет.

— Неверно, — ответил Коченор. Он похлопал Дорри по бедру. — Эта девушка — сплошные мышцы. Она невелика ростом, но здорова. Вся в бабушку. Не спорьте, Уолтерс. Подумайте немного. Я улечу, она поможет вам здесь. Дорри будет в такой же безопасности, как и вы; вдвоем у вас больше шансов. Дорри поможет вам, прежде чем вы потеряете сознание от перегрева. Какие шансы у вас одного? Никаких.

Я не стал отвечать на последнее. Почему-то его слова привели меня в дурное настроение.

— Вы говорите так, словно ей самой нечего сказать.

— Ну что ж, — мягко заметила Дорри, — если подумать, то и вы говорите так же, Оди. Бойс прав. Я ценю вашу галантность и попытку облегчить мое положение, но,

честно говоря, думаю, что вы во мне нуждаетесь. Я многому научилась. И если хотите правду, вы выглядите хуже меня.

Я сказал, вложив в голос всю уверенность и презрение: — Забудьте об этом. Сделаем по-моему. Можете оба помогать мне с час, пока я все устанавливаю. Потом улетите. Никаких споров. Давайте начинать.

Ну, в этом заключались две ошибки.

Во-первых, мы не уложились в час. Подготовка заняла больше двух часов, и задолго до конца я покрылся липким маслянистым потом. Чувствовал себя очень плохо. Но мне уже было не до своего состояния: время от времени с легким чувством благодарности я замечал, что у меня еще бьется сердце.

Дорри оказалась сильна и работала усердно, как и обещала. Она сделала больше тяжелой работы, чем я, запустила иглу, поставила оборудование на место, а Коченор проверял инструменты и убеждался, что знает, как управлять самолетом. Он наотрез отказался возвращаться в Веретено. Сказал, что не желает рисковать. Он вполне может переждать двадцать четыре часа в нескольких сотнях километров от нас.

Потом я выпил две чашки крепкого кофе, налил в них большую порцию своего тайного запаса джина, закурил последнюю сигарету, немного посидел и вызвал базу.

Аманда Литтл слегка удивилась, когда я сказал ей, что мы улетаем из района базы. Куда улетаем, еще не определили. Но не стала спорить.

Потом мы с Дорри выбрались из шлюза, закрыв его за собой. Коченор сидел привязанный в кресле пилота.

Это была вторая моя ошибка. Несмотря ни на что, мы все-таки сделали так, как предложил Коченор. Я не давал своего согласия. Просто все так произошло.

Дорри постояла немного под пепельным небом, выглядя жалко. Но потом схватила меня за руку, и мы вдвоем сквозь бешеные порывы ветра двинулись к нашему последнему иглу. Дорри помнила мои наставления о том, что нужно держаться подальше от выхлопов. Внутри она легла и не шевелилась.

Я был менее осторожен. Не мог сдержаться. Мне нужно было видеть. Поэтому, как только судя по блеску сопла были отвернуты от нас, я высунул голову, чтобы посмотреть, как Коченор поднимается в полосах пепла.

Неплохой подъем. В подобных условиях плохим я бы

назвал полное разрушение самолета и гибель одного или нескольких человек в нем. Коченор этого избежал, но, как только поднялся выше стен русла, ветер подхватил самолет, и его начало сильно бросать. Для Коченора эти несколько сот километров к северу, которые выведут его за пределы обнаружения, будут нелегким полетом.

Я носком коснулся Дорри, и она встала. Провод телефона я просунул ей в клапан шлема: радио исключалось, потому что мог подслушать пограничный патруль, который мы не сможем увидеть.

— Еще не передумали? — спросил я.

Ядовитый вопрос, но она приняла его хорошо. Хихикнула. Я видел это, так как мы почти прижимались лицевыми пластинами шлемов. Но не слышал, что она говорит, пока она не догадалась включить микрофон, и тогда я услышал:

— ...романтично, мы только вдвоем.

Ну, для такой болтовни у нас не было времени. Я раздраженно сказал:

— Не будем тратить время. Помните, что я вам сказал. У нас воздуха, воды и энергии на сорок восемь часов, и все. Не рассчитывайте ни на какие добавки. Воды может хватить чуть дольше, чем остального, но чтобы оставаться в живых, нужно и остальное. Постарайтесь работать не очень напряженно. Чем медленнее у вас обмен веществ, тем лучше справятся системы переработки. Если найдем туннель, сможем там поесть немного, если, конечно, туннель нетронут и не нагревался за последние несколько сотен тысяч лет. Иначе даже не думайте о еде. И забудьте о сне: может, когда запустим сверла, сможем прилечь ненадолго, но...

— А кто это тратит время? Вы все это мне уже говорили. — Но голос ее по-прежнему звучал жизнерадостно.

Мы забрались в иглу и принялись за работу.

Прежде всего нужно было убрать породу, которая начала накапливаться, как только мы запустили буровую установку. Обычно в таком случае полагается изменять направление движения сверл, чтобы они выбрасывали породу. Но мы не могли тратить время на это: это означало бы на какой-то период прекращать бурение. Пришлось делать это трудным путем, то есть вручную.

Да, было трудно. Прежде всего неудобно работать в

скафандрах. Когда приходится в них работать, они ужасны. А когда работа тяжелая, а в иглу, кроме нас двоих, находится еще работающий бур, это почти невозможно.

Тем не менее мы справились.

Коченор не обманул меня насчет Дорри. Она оказалась партнером не хуже любого мужчины. Вопрос в том, достаточно ли этого. Потому с каждой минутой меня все больше беспокоил другой вопрос: достаточно ли хорош я сам.

Бог видит, как плохо я себя чувствовал. Голова раскалывалась, а когда приходилось двигаться резко, я едва не терял сознание. Все удивительно совпадало с прогнозом, который сделали в знахарской. Конечно, мне обещали три недели до отказа печени, но ведь они не знали, что мне предстоит такая тяжелая работа. Очевидно, она сократила срок.

Не очень приятные мысли.

Особенно когда прошли первые десять часов... и я понял, что шахта опустилась ниже отметок туннеля хичи... а никакого голубого свечения не видно.

Мы копаем сухой колодец.

* * *

Конечно, если бы у нас было достаточно времени и самолет поблизости, это всего лишь небольшая досадная помеха. Может, и большая, но не катастрофа. Пришлось бы возвращаться в самолет, вымыться, хорошо выспаться ночью, позавтракать и проверить заново рисунок. Вероятно, мы просто копаем не в том месте. Хорошо. Следующим шагом были бы раскопки в правильном месте. Изучать местность, выбрать пункт, поставить новое иглу, пустить в ход сверла и попытаться заново.

Так нужно было бы поступить.

Но ни одной из этих возможностей у нас не было. Не было самолета. Не было еды и возможности хорошо выспаться. Не было нового иглу. Даже невозможно проверять рисунок: наше время истекает, и с каждой минутой я чувствовал себя все хуже.

Я выбрался из иглу, сел под защитой от ветра и посмотрел на желто-зеленое небо.

Должен существовать какой-то выход. Нужно только до него додуматься.

Я приказал себе думать.

Посмотрим, сказал я себе. Могу ли я, например, передвинуть иглу и начать в другом месте?

Нет. Ничего не получится. Я могу с помощью сверл снять иглу, но как только это будет сделано, ветер подхватит его, и прощай, Чарли. Я больше никогда не увижу это иглу. К тому же не удастся снова сделать его герметичным.

Ладно. Как насчет сверления без иглу?

Возможно, решил я. Но бессмысленно. Допустим, нам повезет и мы докопаемся. Без иглу, отгораживающего от девяноста тысяч миллибар горячего разрушительного воздуха, мы уничтожим все в туннеле, прежде чем сумеем взглянуть на него.

Я почувствовал толчок в плечо и обнаружил, что рядом со мной сидит Дорри. Она ни о чем не спрашивала и вообще ничего не говорила. Я думаю, все и так было ясно.

По часам моего скафандра прошло тринадцать часов. Оставалось тридцать с небольшим до возвращения Коченора. Я не видел смысла в том, чтобы просидеть все это время.

Но, с другой стороны, не видел и смысла делать что-нибудь.

Конечно, подумал я, можно поспать немного... тут я проснулся и понял, что именно это и делал.

* * *

Дорри свернулась рядом со мной, она тоже спала.

Вы, возможно, удивляетесь, как можно спать в такой жаре. Это совсем нетрудно. Для этого нужно только быть абсолютно измученным и впасть в отчаяние. Сон не распутывает ваш клубок проблем, но позволяет отгородиться от мира, когда на него не хочется смотреть. Как на наш мир.

Но Венера, возможно, последнее прибежище пуританской этики. На Венере нужно работать. Те, кто считает иначе, отсеиваются в самом начале, потому что просто не выживают.

Конечно, это безумие. По любым логичным оценкам, я знал, что все равно что мертв, но чувствовал, что нужно что-то делать. Я отодвинулся от Дорри, проверил, закреплен ли ее пояс за кольцо иглу, и встал.

Чтобы встать, потребовалась огромная сосредоточенность усилий. Но это правильно. Почти так же хорошо, как уснуть и ни о чем не думать.

Мне пришло в голову — конечно, как нечто меня не касающееся, постороннее, — что, пока мы с Дорри спали, могло произойти что-то хорошее. Что-нибудь вроде... ну, скажем, где-нибудь в туннеле обнаружились восемьдесят живых хичи... они слышали, как мы стучимся, и открыли дно нашей шахты. Поэтому я заполз в иглу, чтобы проверить, так ли это.

Ничего подобного. Не открыли. Я всмотрелся в шахту, чтобы убедиться в этом, но там по-прежнему только слепая дыра, которая исчезает в грязной темноте на краю действия моего фонаря. Я выругал негостеприимных хичи — вероятно, за то, что они не существуют, — и пнул на их отсутствующие головы породу с края шахты.

Но пуританская этика продолжала грызть меня. Я подумал, что же еще должен сделать. У меня не очень большой выбор. Умереть? Конечно, но я и так на пути к этому. Нет ли чего-нибудь более конструктивного?

Пуританская этика напомнила мне, что место нужно оставлять таким же, каким застал его, поэтому я с помощью лебедки вытащил сверла и оставил их висеть, потом принялся сбрасывать породу в бесполезную дыру. Когда расчистилось достаточно места, я сел и принялся думать.

Я думал, что мы сделали неправильно — не с тем, чтобы сделать правильно, поймите меня, а просто как думают над старой шахматной задачей. Как получилось, что мы не смогли найти туннель?

После нескольких минут туманных рассуждений, я подумал, что нашел ответ.

Дело в том, что такое звуковая разведка. Люди, как Дорри и Коченор, считают, что сейсмические схемы похожи на подземные карты Далласа, на которых показаны все стоки, и отстойники, и водопроводные трубы, и проходы, и все так обозначено, что, когда попадаешь внутрь, достаточно посмотреть на карте, где что расположено, и там их найдешь.

На самом деле не так. Схемы отражают вероятность. Они строятся на основе приблизительных оценок. Они составляются минута за минутой по эху, которое приходит от взрыва искателей. И следы эти похожи на тень от паутины, они гораздо шире самих туннелей и на краях

совсем расплываются. Когда смотришь на эту тень, знаешь, что внизу есть нечто такое, что способно оставить такую тень. Может, это скальное вкрапление или карман гравия. Можно надеяться и на то, что это раскопки хичи. То есть там что-то есть, но что именно, вы не знаете. Если туннель достигает десяти метров в ширину — это достаточная оценка для соединительных туннелей хичи, — след паутины занимает не менее пятидесяти, а может занять и сто.

В таком случае где же копать?

Вот тут на первый план выступает искусство старателя. Вы должны сделать предположение на основе информации.

Возможно, вы будете копать точно в геометрическом центре — если знаете, где этот центр. Это самый простой путь. Или будете копать там, где тень самая густая, как поступает большинство старателей. Это действует не хуже других способов.

Но все это недостаточно хорошо для умного и умелого старины Оди Уолтерса. Я иду своим путем. Я пытаюсь рассуждать, как хичи. Я смотрю на всю карту и пытаюсь догадаться, какие пункты могли захотеть соединить хичи. Потом я прокладываю воображаемый курс между этими пунктами, где я проложил бы туннель, будь я старшим инженером хичи на строительстве, и копаю там, где прежде всего разместил бы этот туннель.

Так я и поступил. Очевидно, я поступил неверно.

Конечно, была еще одна возможность, почему я ошибся: просто там внизу карман гравия.

Очень возможное объяснение, но бесполезное. Если тут вообще никогда не было туннеля, нам сильно не повезло. Но я хотел получить более обнадеживающий ответ, и моему затуманенному мозгу показалось, что я его нашел.

Я представил себе, как выглядит трасса на экране. Самолет я посадил как можно ближе к этому месту. Конечно, прямо на этом месте я не мог копать, потому что мешал самолет. Поэтому мне пришлось поместить иглу на несколько метров в сторону и выше по склону.

И мне начинало казаться, что эти несколько метров и есть причина нашей неудачи.

Это туманное рассуждение было приятно моему затуманенному мозгу. Оно все объясняло. Восхитительно,

думал я, как мне все удалось распутать в таком состоянии. Конечно, я не видел, какое практическое отличие это составляет. Если бы у меня было другое иглу, я бы с радостью передвинулся на то место, где стоял самолет, конечно, если бы прожил достаточно долго.

Но все это не имеет значения, потому что второго иглу у меня нет.

И вот я сидел на краю темной шахты, одобрительно кивал тому, как я разумно рассуждаю, сидел, свесив ноги, и время от времени сбрасывал вниз породу. Вероятно, это что-то вроде желания смерти, потому что мне приходила в голову мысль: лучше всего мне просто прыгнуть вниз и закопаться в эту породу.

Но пуританская этика не позволяла мне сделать этого.

Таким образом я решил бы только свои личные проблемы. Но юной Дороте Кифер, которая похрапывала снаружи в жаре, это ничего не дало бы. Меня беспокоила Дорота Кифер. Я хотел для нее чего-то лучшего, чем мерзкая жизнь мелкого воришки в Веретене. Она такая милая и добрая, и...

Тут меня посетило откровение: одна из причин моей враждебности к Бойсу Коченору — то, что у него есть Дорри Кифер, а у меня нет.

Это тоже была интересная мысль. Предположим, думал я, чувствуя дурной вкус во рту и удары в голове, предположим, скафандр Коченора был прорван насквозь и он умер бы тут же. Предположим (заходя немного дальше), что затем мы нашли бы туннель и все то, что нам в нем нужно, и вернулись в Веретено, и стали богаты, и мы с Дорри...

Я много времени провел, думая, что мы с Дорри могли бы делать, если бы дела пошли немного по-другому и все это произошло на самом деле.

Но дела по-другому не пошли, и все это не произошло.

* * *

Я столкнул в шахту еще немного породы. Туннель, теперь я был в этом убежден, находится всего в нескольких метрах от пустого дна шахты. Я подумал, не спуститься ли вниз и не поскрести ли перчатками.

Мысль показалась мне хорошей.

Не могу сказать, насколько эти мысли были капризами мечты, насколько галлюцинациями больного. Я думал о странных вещах. О том, как хорошо было бы, если бы хичи все еще жили здесь и когда я спустился бы вниз и постучал в голубую стену туннеля, они открыли бы ее и впустили меня.

Это было бы очень мило. Я даже представил себе, как они должны выглядеть — дружелюбные и богоподобные. Может, они одеваются в тоги и предложат мне ароматные вина и редкие фрукты. Может, они даже умеют говорить по-английски, так что я смогу поговорить с ними и задать несколько тревожащих меня вопросов. «Хичи, для чего вам на самом деле молитвенные веера?» — спросил бы я их. Или: «Послушайте, хичи, я не люблю навязываться, но, может, в вашей медицинской сумке есть что-нибудь такое, что не даст мне умереть?» Или: «Хичи, простите за то, что мы насорили у вас на переднем дворе, но я постараюсь прибраться».

Может, именно эта последняя мысль заставила меня сбросить больше породы в шахту. Никакого лучшего занятия у меня не было. И кто знает, может, они это оценят.

Немного погодя шахта заполнилась наполовину и порода кончилась, за исключением той, что набросана снаружи иглу. Но идти за ней у меня не было сил. Я осмотрелся в поисках нового занятия. Я осмотрел сверла, заменил затупившиеся резцы последними острыми, изменил на двадцать градусов направление и снова запустил их.

Только тогда я заметил, что Дорри стоит рядом со мной, помогая первые метр-два удерживать сверла. До того я даже не сознавал, что выполняю новый план. Не помнил, чтобы составлял его. Не помнил даже, когда прснулась Дорри и вошла в иглу.

Я подумал, что план неплохой. Почему бы не попробовать этот склон? Нам все равно нечем заняться.

И вот мы занялись работой.

Когда сверла перестали дергаться в руках и начали устойчиво грызть камень, мы смогли оставить их. Я расчистил место у стены иглу и какое-то время бросал породу.

Потом мы просто сидели, смотрели, как сверла проделывают новое отверстие. Не разговаривали.

Вскоре я снова уснул.

И не просыпался, пока Дорри не заколотила по моему шлему. Мы были погребены в отходах бурения. Они светились голубым светом, так ярко, что у меня заболели глаза.

Сверла царапали металл хичи не меньше часа. Они даже проделали на нем бороздки.

Заглянув вниз, мы увидели уставившийся на нас круглый яркий голубой глаз туннеля. Туннель был прекрасный.

Мы не разговаривали.

Каким-то чудом я умудрился пробраться через породу к выходу из иглу. Герметически закрыл шлюз, выбросив наружу несколько кубических метров породы.

Потом начал пробираться к режущим факелам.

Наконец мне это удалось. Каким-то образом. В конце концов я их отыскал и сумел закрепить.

Мы отошли как можно дальше, и я включил их. И смотрел, как свет, вырывающийся из шахты, образует яркий рисунок на крыше иглу.

Потом слышался неожиданный короткий вскрик газа и стук: это внутрь провалились куски породы.

Мы прорезали туннель хичи.

Он был нетронут и ждал нас. Наша красавица оказалась девственницей. Мы с любовью лишили ее девственности и вошли в нее.

12

Должно быть, я снова потерял сознание, потому что когда пришел в себя, мы были на полу туннеля. Шлем у меня был открыт. Боковой шов скафандра тоже. Я дышал затхлым застоявшимся воздухом, которому четверть миллиона лет, и вонял он на все эти четверть миллиона.

Но это был воздух.

Плотнее обычного земного и не такой влажный, но парциальное давление кислорода почти такое же. Это доказывал факт, что я дышу этим воздухом и не умираю.

Рядом со мной была Дорри Кифер.

Шлем у нее тоже был открыт. Синий свет стен хичи не скрывал, не приглушал ее телосложения, и она казалась прозрачной, какой только может показаться красивая девушка. Вначале я не был уверен, что она дышит. Но

несмотря на то, что выглядела она ужасно, пульс у нее был ровный, легкие работали, и, почувствовав, что я ее трогаю, она открыла глаза.

— Боже, я вся избита, — сказала она. — Но мы это сделали!

Я ничего не сказал. Она уже все сказала за нас обоих. Мы сидели, глуповато улыбаясь друг другу и выглядели в голубом свете хичи как маски Хэллоуина.

Больше ничего в тот момент я не мог делать. Голова у меня кружилась. Прежде всего нужно было справиться с мыслью, что я еще жив. И я не хотел подвергать опасности это непрочное сознание своими движениями.

Впрочем, было очень неудобно, и спустя какое-то время я понял, что мне жарко. Я закрыл шлем, чтобы отгородиться от жары, но внутри пахло так отвратительно, что я тут же открыл его снова, решив, что жара лучше.

Тогда меня удивило, почему жара просто неприятна, она не сжигает нас мгновенно.

Металл, из которого сделаны стены туннелей хичи, очень плохо проводит тепло, но ведь прошли сотни тысяч лет. Мой старый печальный больной мозг некоторое время поворачивал эту мысль и наконец пришел к заключению: до самого недавнего времени, может, до последней тысячи лет, в туннеле искусственно поддерживалась относительно низкая температура. Следовательно, пришел я к мудрому заключению, должны для этого существовать какие-то автоматические механизмы. Ну и ну, сказал я себе. Их стоило бы отыскать. Пусть они сломаны. Именно из таких находок создаются состояния...

И тут я вспомнил, зачем мы вообще оказались здесь. Я посмотрел вверх и вниз по коридору в поисках добра хичи, которое сделает нас богатыми.

* * *

Когда я был школьником в Амарилло, моей любимой учительницей была калека по имени мисс Стивенсон. Она рассказывала нам истории из Балфинча и Гомера.

Однажды она испортила мне целый уик-энд рассказом об одном греческом парне, который больше всего хотел стать богом. Я понял, что в те дни это довольно обычная цель для умного молодого грека, хотя и не был уверен, часто ли ее удавалось достичь. Этот парень сразу сделал

несколько больших шагов по лестнице — он уже был королем маленького государства в Лидии, — но ему нужно было больше. Ему нужна была божественность. Боги даже разрешили ему прийти на Олимп, и похоже было, что у него получится... пока он все не испортил.

Не помню подробности, что именно он сделал, какое-то отношение к этому имела собака, и еще он проделал грязную шутку, заставив одного из богов съесть собственного сына. (Мне кажется, у этих греков были очень примитивные представления о юморе.) Как бы то ни было, его за это наказали. Получил он в награду одиночное заключение — вечное — и отбывал его, стоя по горло в прохладном озере, но не мог пить. Как только он открывал рот, вода уходила. Этого парня звали Тантал... и в туннеле хичи мне показалось, что у меня с ним много общего.

Да, мы нашли сокровище, которое искали. Но не могли дотянуться до него.

Вероятно, мы прокопали ход не к центральному туннелю. Похоже на боковое ответвление, отходящее под прямым углом. И оно с обоих концов было перекрыто.

— Как вы думаете, что это? — тоскливо спросила Дорри, пытаясь что-нибудь разглядеть в щели десятитонной плиты металла хичи, лежавшей перед ней. — Может, это оружие, о котором вы говорили?

Я помигал слезящимися глазами. За плитой машины самых разных видов, неправильные груды предметов, возможно, контейнеры для других предметов, какие-то другие штуки, как будто прогнившие и выплеснувшие содержимое, тоже прогнившее, на пол. Но у нас не было сил добраться до этого.

Я стоял, прижавшись шлемом к одной из плит, и чувствовал себя, как Алиса, которая всматривается в крошечный сад, а бутылочки «Выпей меня» у нее нет.

— Я знаю только, — сказал я, — что такого еще никто не находил.

И опустился на пол, утомленный, больной, но все равно довольный миром.

Дорри села рядом со мной, перед этими закрытыми воротами рая, и мы немного отдохнули.

— Бабушка была бы довольна, — сказала Дорри.

— Еще бы, — согласился я, чувствуя себя словно навеселе. — Бабушка?

— Ну да, моя бабушка, — объяснила она, и затем я, может быть, снова потерял сознание. А когда пришел в себя, она рассказывала, как ее бабушка много-много лет назад отказалась выйти замуж за Коченора. Казалось, это для Дороты Кифер очень важно, поэтому я постарался вежливо обратить внимание на ее слова, но все равно как-то они не имели смысла.

— Минутку, — сказал я. — Она не хотела за него выйти, потому что он был беден?

— Нет-нет! Не потому что беден, хотя он тогда не был богат. Потому что он работал на нефтяных полях, а она хотела чего-нибудь более надежного. Очень похоже на бабушку. А когда год назад Бойс появился снова...

— Он дал вам работу в качестве своей подружки, — сказал я, кивая, чтобы показать, что понимаю.

— Нет, черт возьми, — ответила она, разозлившись. — В своем офисе. Остальное... пришло позже. Мы влюбились друг в друга.

— О, конечно, — заметил я. Мне не нужны споры.

Она напряженно сказала:

— Он на самом деле хороший, Оди. Конечно, не в бизнесе. И он для меня все сделал бы.

— Он мог бы на вас жениться, — сказал я, чтобы продолжить разговор.

— Нет, Оди, — серьезно ответила она, — не мог. Он хотел жениться. Это я сказала «нет».

Она отвергла все его деньги? Я понимал. Не стал спрашивать, но она сама уяснила.

— Если я выйду замуж, — сказала она, — мне нужны будут дети, а Бойс о них и слышать не хотел. Он сказал, что, если бы мы встретились, когда он был помоложе, может, семидесяти пяти или восьмидесяти, у него был бы шанс, но сейчас он слишком стар, чтобы заводить семейство.

— Тогда вам следует поискать замену.

Она смотрела на меня в голубом сиянии.

— Я ему нужна, — просто сказала она. — Теперь больше, чем когда-либо.

Я немного подумал над этим. Потом мне пришло в голову проверить время.

Прошло сорок шесть часов с его отлета. Он сейчас может вернуться.

И если вернется, когда мы тут болтаем, постепенно сообразил я своими затуманенными мозгами, девяносто тысяч миллибар ядовитого газа обрушатся на нас. К тому же будет поврежден наш девственный туннель. Едкий газ быстро уничтожит все за этим барьером.

— Надо возвращаться, — сказал я Дорри, показывая время. Она улыбнулась.

— Временно, — ответила она, и мы встали, последний раз взглянули на сокровища Тантала за плитами и начали подниматься по шахте в иглу.

После веселого блеска туннеля хичи в иглу было еще более тесно и неудобно.

Что еще хуже, мой затуманенный мозг продолжал напоминать, что мы не должны оставаться в иглу. Коченор может не забыть закрыть шлюз с обоих концов, когда пройдет, — теперь уже в любую минуту, — но может и забыть. А мне нельзя мог рисковать и допустить, чтобы молот горячего воздуха опустился на нашу красавицу.

Я попытался придумать способ запечатать шахту, может, снова сбросить в нее всю породу, но хоть мозг мой работал не очень хорошо, я понял, что это глупо.

Итак, единственный способ решения проблемы — нужно выйти наружу, на ветреную венерианскую погоду. Единственное утешение — ждать придется недолго. К тому же к долгому ожиданию мы не подготовлены. Приборы, отмечающие запасы необходимого для жизни, уже горели тревожным красным светом. Коченору следовало уже появиться.

Но его не было.

Мы с Дорри выбрались из иглу, закрыли вход и принялись ждать.

Я почувствовал скрежет о шлем и обнаружил, что Дорри подключилась ко мне.

— Оди, я очень устала, — сказала она. Не жаловалась, просто сообщала факт, который, как она думает, мне нужно знать.

— Можете поспать, — ответил я. — Я подежурю. Коченор появится очень скоро, и я вас тогда разбужу.

Вероятно, она последовала моему совету, потому что легла, подождя, пока я снимал линию связи. Потом вытянулась и оставила меня спокойно размышлять.

Но я не был ей благодарен за эту возможность. Появившиеся у меня мысли не радовали.

Коченор по-прежнему не появлялся.

Я пытался вдуматься в смысл этого. Конечно, может быть масса причин для задержки. Он мог заблудиться. Его могли задержать военные. Он мог разбиться в самолете.

Но была и гораздо более отвратительная возможность, и мне она казалась все более вероятной.

Циферблат подсказал, что опоздание составляет уже пять часов, а приборы — что запасов воздуха и воды почти нет. Если бы мы несколько часов не дышали воздухом туннеля, сберегая тем самым запас в своих баках, мы были бы уже мертвы.

Коченор не может знать, что мы нашли пригодный для дыхания воздух в туннеле хичи. Он должен считать нас мертвыми.

Этот человек не солгал мне о себе. Он сказал, что не умеет проигрывать.

И потому решил и на этот раз не проиграть.

Несмотря на затуманенный мозг, я понимал, как это получилось. Когда положение стало критическим, в нем победил убудок. И разработал ход, который приводит к концу игры и дает ему выигрыш.

Я видел его так же ясно, словно находился с ним в самолете. Смотрит на часы, как подходит к концу наша жизнь. Готовит себе элегантный легкий ленч. Может быть, слушает до конца балет Чайковского, ожидая, пока мы умрем.

Меня эта мысль на самом деле не пугала. Я настолько близок к смерти, что технические различия меня не трогают... и настолько устал, что готов принять любой конец.

Но ведь я здесь не один.

Есть еще девушка. И единственная разумная мысль, которая задержалась в моем полуотравленном мозгу, была о том, что нечестно со стороны Коченора убивать нас обоих. Меня — да, согласен. Я видел, что с его точки зрения мною вполне можно пожертвовать. Но не ею!

Я понял, что должен что-то сделать. Поразмыслив, я начал толкать ее скафандр, пока она не пошевельнулась. С большими усилиями я дал ей понять, что она должна вернуться в туннель. Там она по крайней мере сможет дышать.

Потом я принялся готовиться к приему Коченора.

Есть два обстоятельства, которых он не знает. Он не знает, что мы нашли пригодный для дыхания воздух, и он не знает, что я могу раздобыть дополнительную энергию из батарей бурильной установки.

Несмотря на ярость, я способен был мыслить последовательно. Я могу заставить его врасплох — если он не задержится слишком надолго. Еще несколько часов я проживу...

И когда он вернется, ожидая увидеть нас мертвыми, вернется за наградой, которую мы для него добыли, он найдет меня ждущим.

* * *

Так он и поступил.

Для него, должно быть, было ужасным шоком, когда он через шлюз вошел в иглу, держа в руке гаечный ключ, склонился ко мне и обнаружил, что я жив и могу двигаться. Ведь он ожидал найти только поджаренное мясо.

Если у меня и были какие-нибудь сомнения, они тут же рассеялись: он сразу попытался ударить меня по шлему. Возраст, сломанная нога и удивление несколько не замедлили его реакцию. Но ему пришлось поменять позу в тесном пространстве, чтобы получше замахнуться, а я, будучи не только живым, но и готовым к бою, успел откатиться. А в руках у меня уже наготове сверло.

Оно пришлось ему прямо в грудь.

Я не видел его лица, но могу представить себе выражение.

После этого оставалось только сделать одновременно пять или шесть невозможных дел. Поднять Дорри из туннеля и переправить ее в самолет. Подняться вслед за ней, закрыть шлюз и наметить курс. Все эти невозможные дела... и еще одно, труднее остальных, но очень важное для меня. Дорри не понимала, зачем мне на борту тело Коченора. Наверно, решила, что это из почтения к мертвому, а я не стал ей объяснять.

Я едва успел выровнять самолет при посадке, но мы сидели в скафандрах и были привязаны, а когда наземная команда Веретена пришла взглянуть, мы с Дорри были еще живы.

В начале пришлось латать меня и три дня насыщать организм водой, прежде чем можно было ставить новую печень. Удивительно, как она пережила все испытания, но ее сразу извлекли, поместили в питательный раствор, как только смогли до нее добраться. И к тому времени, как я был готов к операции, ее аллергическую натуру укротили, и это была печень не хуже других — достаточно хороша, чтобы сохранить мне жизнь.

Большую часть времени я провел под наркозом. Знахари пробуждали меня на несколько часов, чтобы поучить, как управлять своим новым приобретением; они говорили, что нет смысла ставить мне новую печень, если я не сумею с нею справиться; другие люди будили меня, чтобы задать вопросы, но я все равно был в полусонном состоянии. Да я тогда и не хотел просыпаться. Бодрствование — это болезнь, боль, зуд. Хотел бы я, чтобы вернулись добрые старые дни. Тогда бы меня накачали анестезией, пока не закончили. Но, конечно, в добрые старые дни я бы просто умер.

Но на четвертый день я почти не испытывал боли — ну, конечно, когда не двигался. И мне разрешили принимать жидкости через рот, а не другими путями.

Я понял, что останусь жив. Очень хорошая новость, и когда я в нее поверил, меня начало интересовать окружающее.

Знахарская находилась в весеннем настроении, и мне это понравилось. Конечно, никаких времен года в Веретене нет, но знахари очень сентиментально относятся к традициям и связям с родной планетой, поэтому они для себя сохранили времена года. Весну создавали легкие белые кучевые облака на стенных панелях и запах лилий и молодой листвы, доносившийся через вентилятор.

— Счастливой весны, — сказал я доктору Моррису, когда он осматривал меня.

— Заткнитесь, — ответил он. Переместил несколько игл, пронзивших мой живот, глядя на приборы. — Гм, — сказал он.

— Я рад, что вы так считаете, — заметил я.

Он не обратил внимания на мои слова. Доктор Моррис не любит юмористических замечаний, если они исходят не от него. Он поджал губы и вытащил несколько игл.

— Ну, что ж, посмотрим, Уолтерс. Брюшной шпунт мы убрали. Ваша новая печень функционирует нормально — ни следа отторжения, но отходы образуются не так быстро, как следует. Вам придется поработать над этим. Ионный уровень мы почти вернули к норме, в этом смысле вы опять похожи на человека, и в большей части ваших тканей снова есть немного жидкости. Таким образом, — сказал он, задумчиво почесывая голову, — я сказал бы в общем, что вы выжили. Можно считать, что операция прошла успешно.

— Весьма остроумно, — ответил я.

— Вас кое-кто ждет, — продолжал он. — Третья Вастры и ваша подружка. Они принесли вам одежду.

Это меня заинтересовало.

— Значит, я могу уйти?

— Прямо сейчас, — сказал он. — Они поддержат вас какое-то время в постели, но ваша рента закончилась. Место нам нужно для клиентов, которые платят.

Одно из преимуществ чистой крови вместо ядовитого супа в том, что я снова начал рассуждать логично и последовательно.

Я сразу понял, что добрый комик старина доктор Моррис шутит. «Клиенты, которые платят». Я бы тут не находился, если бы не был платящим клиентом. И хоть не мог представить себе, кто оплатил мои счета, решил воздержаться от любопытства, пока не покину пределы знахарской.

Это не заняло много времени. Знахари упаковали меня во влажные простыни, и Дорри и Третья из дома Вастры провезли меня через все Веретено в дом Вастры. Дорри все еще выглядела бледной и усталой — последняя пара недель не была отпуском для нас обоих, но сказала, что нуждается лишь в небольшом отдыхе. Первая Саба выгнала из комнаты детей и вымыла ее для нас, а Третья суетилась вокруг нас, кормила плоским черствым хлебом, который любят индусы, и супом из баранины, потом пожелала хорошего сна. В комнате была только одна кровать, но Дорри, казалось, не возражает. Во всяком случае в тот момент вопрос был чисто академический. Позже — конечно, он перестанет быть таким. Через несколько дней я был на ногах и здоров, как никогда.

Тогда я и узнал, кто оплатил мой счет в знахарской.

На какое-то мгновение я надеялся, что это был я

сам — быстро разбогател на бесценных находках в туннеле, но я понимал, что это иллюзия. Туннель находится на территории военных. Никто, кроме военных, не получит его содержимого.

Если бы мы были здоровы и сильны, с помощью небольшой изобретательной лжи могли бы обойти это препятствие. Часть вещей мы могли бы переправить в другой туннель и объявить, что нашли там, и почти наверняка это нам бы удалось... но в таком состоянии. Мы слишком близки были к смерти, чтобы что-нибудь скрыть.

Так что все досталось военным.

Но они проявили нечто, чего я никак не ожидал. Оказалось, что и у них есть что-то вроде сердца. Они осмотрели находку, когда я еще кормился клизмами во сне, и то, что они там обнаружили, им чрезвычайно понравилось. Они решили заплатить мне нечто вроде премии за находку. Немного, конечно. Но достаточно, чтобы спасти мне жизнь. Достаточно, чтобы оплатить счет знахарской за ее плотницкую работу и аренду моей квартиры. И вот, когда я почувствовал себя хорошо, мы с Дорри смогли оставить дом Вастры и переселиться ко мне.

Конечно, за новую печень военные не платили. Она мне вообще ничего не стоила.

Какое-то время меня беспокоило, что военные не сообщат, что они нашли. Я попытался разузнать сам. Даже попытался подпоить сержанта Литтлн, чтобы вытянуть у нее, когда она на короткий отпуск прилетела в Веретено. Не получилось. Дорри была рядом, а можно ли как следует напоить одну девушку, когда другая наблюдает за вами? Наверно, Аманда Литтлн сама не знала. Никто не знал, кроме нескольких специалистов.

Но это было что-то значительное, и из-за премии, и главное потому, что военные не стали преследовать нас за нарушение границ запретной зоны. Так что мы вдвоем удачно отделались. Или троим.

Дорри отлично научилась продавать молитвенные веера и огненные жемчужины туристам с Земли, особенно когда стала заметна ее беременность. Разумеется, мы оба превратились в знаменитостей. Дорри в течение туристского сезона кормила нас обоих, а потом я обнаружил, что моя слава знаменитого открывателя туннелей чего-то стоит. Мне удалось взять кредит и

купить новый самолет. Для туннельных крыс мы жили очень даже неплохо. Я пообещал жениться на ней, если наш ребенок окажется мальчиком, но сделаю это в любом случае. Она очень помогла мне на раскопках.

Особенно в моем собственном частном проекте.

Дорри не знала, зачем я прихватил с собой тело Коченора. Не стала спорить, конечно. Как ни плохо себя чувствовала, помогла мне затащить мертвеца в самолет, когда мы возвращались в Веретено.

А мне это тело было очень нужно — особенно одна его часть.

Конечно, это не совсем новая печень. Вероятно, даже не из вторых рук. Бог знает, где Коченор купил ее, но я уверен, что это не его оригинальное оборудование.

Но она работает.

И хоть Коченор и ублюдок, мне он по-своему нравился, и я совсем не жалею, что во мне теперь есть его часть.

Часть третья

АСТЕРОИД ВРАТА

Величайшее сокровище, которое содержали туннели хичи на Венере, было уже открыто, хотя первые открыватели об этом не знали. Никто не знал — кроме одной одинокой туннельной крысы по имени Сильвестр Маклин. А он был не в состоянии рассказать, что нашел.

Сильвестр Маклин обнаружил космический корабль хичи.

Если бы он сообщил о своей находке, то стал бы самым богатым человеком в Солнечной системе. И смог бы жить, наслаждаясь своим богатством. Но Сильвестр Маклин был свихнувшимся одиночкой, как большинство туннельных крыс, и поступил он совсем по-другому.

Ему показалось, что корабль находится в хорошем состоянии. Может быть, подумал он, в нем даже можно летать.

К несчастью для него самого, ему это удалось.

* * *

Корабль Маклина сделал в точности то, что должны делать корабли хичи, а хичи были исключительными инженерами. Никто не знает, какие мыслительные процессы протекали в сознании Маклина, какой опыт и дедукция заставили его сделать то, что он сделал. Он не дожил до того, чтобы рассказать об этом. Но, очевидно, он забрался в корабль, закрыл люк и начал осматривать и

трогать внутри предметы, которые оказались приборами управления.

Как установили позже, на борту каждого корабля хичи есть штука, похожая на коровье вымя. Она приводит корабль в движение. Нажимая ее, словно включаешь автоматическое управление машиной. Корабль начинает полет. Куда он летит, зависит от установки курса в автоматической навигационной системе.

Маклин, разумеется, никакого курса не устанавливал. Он не знал, как это делается.

Поэтому корабль сделал то, к чему его в таких обстоятельствах подготовили его создатели хичи. Он просто вернулся туда, откуда прилетел, когда пилот хичи покинул его полмиллиона лет назад.

Как оказалось, этим местом был астероид.

Астероид необычный в нескольких отношениях. Необычный астрономически, потому что его орбита располагалась под прямым углом к эклиптике. Именно поэтому, хоть это была довольно большая скала и временами подходила совсем близко к орбите Земли, человеческие астрономы так ее и не открыли.

Другая необычность заключалась в том, что он был преобразован в нечто вроде ангара для космических кораблей хичи. В целом их там было почти тысяча.

Но чего на астероиде не было, так это еды и питья. Поэтому Сильвестр Маклин, который мог бы стать богатейшим человеком в истории, стал всего лишь иссохшим от голода трупом.

Но перед смертью Маклин сумел передать сигнал на Землю. Это не был призыв о помощи. Никто не сумел бы долететь вовремя, чтобы спасти ему жизнь. Маклин знал это. Он признал, что должен умереть; он просто хотел, чтобы люди знали, в каком чудесном месте он умирает. И спустя какое-то время другие астронавты в неуклюжих человеческих ракетах явились по его сигналу.

И нашли врата во вселенную.

* * *

В течение следующих десятилетий астероид Врата стал центром самой выгодной отрасли человеческой деятельности — исследования Галактики.

Маклин, конечно, не владел астероидом Врата, хоть и

открыл его. Настолько ему повезло. Он вообще ничем не владел, так как умер.

Во всяком случае вскоре стало ясно, что Врата слишком важны, чтобы ими владел кто-то один, даже одно государство. Вопрос этот годами обсуждался в ООН, и в Совете Безопасности, и на генеральных ассамблеях, и более чем один раз с помощью пушек и самолетов за пределами ООН. Кончилось тем, что сильнейшие державы мира создали корпорацию «Врата», консорциум пяти государств, который должен был управлять астероидом.

Астероид Врата не самое удобное место для жизни человека. Впрочем, он никогда и не планировался для этого. Он был создан для хичи, и они, уходя, все с него забрали. Это был камень размером с Манхеттен, прорезанный насквозь туннелями и комнатами, и больше ничего. Он не был даже круглым. Один из старателей Врат описал его как грушу, поклеванную птицами. Его внутренняя структура напоминает слои лука. Во внешней оболочке располагаются корабли хичи, их посадочные капсулы находятся в специальных углублениях. (Именно эти углубления снаружи кажутся местами, где клевали птицы). Внутри слои с большими пустыми пространствами, в которых люди хранили припасы и запчасти, большой резервуар для воды, который они называли озером Верхним. Ближе к центру жилые помещения: ряды маленьких комнаток, похожих на монастырские кельи. Там жили люди в ожидании своих кораблей. Хичи, по-видимому, нравились веретенообразные помещения, хотя никто не знал почему. Одно из таких помещений обитатели Врат использовали как место встреч — и место для выпивки, и для игр, и место, где можно забыть о том, что ждет впереди.

Врата пахли не очень хорошо. Воздух драгоценен. И поэтому особенно для свежих старателей, только что с Земли, он был почти невыносим. Астероид вращается медленно, поэтому нечто вроде микротяготения на нем есть, но не очень много. И всякий, кто на Вратах сделает резкое движение, взлетает в воздух.

Конечно, никто никогда не смотрел на астероид Врата как место для отдыха. Была только одна причина, по которой человек соглашался тратить деньги на полет, дышать мерзким воздухом, терпеть все неудобства. И причина эта — корабли хичи.

Для полета на корабле хичи нужно много смелости, и ничего больше. Каждый корабль совершенно такой же, как все корабли его класса. Самые большие из них, пятиместные, на самом деле совсем не большие — площадью с ванную комнату в отеле, и на этом пространстве должны жить пять человек. Корабли, называемые одноместными (в них мог летать только один человек), не просторнее самой ванны. На каждом корабле минимум мебели, и назначение большей части этой обстановки человеку совершенно непонятно. Обязательно присутствие золотого провода, который как будто имел отношение к двигателю: было замечено, что он меняет цвет в начале, в конце и в поворотном пункте каждого полета. Всегда на корабле имелся золотистый ящик в форме бриллианта размером с гроб. На некоторых кораблях был еще один загадочный предмет, похожий на изогнутый кристаллический стержень на черном основании; он вообще ничего не делал (но, как выяснилось много позже, был способен на поистине чудесные подвиги). Никто не знал, что находится внутри этих предметов, потому что, когда пытались их открыть, они взрывались. Потом, разумеется, была система управления, с очень непривычным неудобным сидением перед ней. Сучковатые выступы, вспыхивающие огоньки, стартовое время — то самое, что отправляет корабль в полет.

Конечно, на корабле не было многого, без чего человек не может обходиться; когда в кораблях стали летать люди, в них установили человеческие добавки: холодильники, более удобные сиденья, койки, кухонные принадлежности — и целый каталог фотокамер, радиоантенн и самых разнообразных научных приборов.

Летать в корабле хичи нетрудно. Управлять им любой может научиться за полчаса. Поворачиваешь колеса, устанавливающие курс, почти наугад, так как никто не знает, что означает их установка. На самом деле (как узнали намного позже) существовало 14 922 отдельные программы курсов на 731 пригодном к действию корабле — на астероиде было еще примерно 200 кораблей, но они просто не работали. Однако потребовалось много времени и много жизней, чтобы установить, каковы конечные пункты этих запрограммированных маршрутов.

Когда устанавливаешь определенную комбинацию (скрестив при этом пальцы), нажимаешь стартовое вымя. И оказываешься в пути. И больше ничего делать не нужно.

Поэтому стать старателем мог любой. Любой, кто мог оплатить пролет на Врата и заплатить еще за воздух, пищу, воду и жизненное пространство, пока находится на астероиде... и кто достаточно храб и достаточно отчаян, чтобы рискнуть. И часто этот риск приводил к ужасной смерти.

За годы многие люди, спасаясь от бедности на Земле, испытывали свое счастье на кораблях Врат. В целом таких золотоискателей было 13 842, прежде чем стало возможно сознательное управление кораблями хичи и программа исследований наобоум была прекращена.

Мало кто из этих старателей выжил. Многие стали знамениты. Очень немногие разбогатели. А остальных никто не помнил.

Часть четвертая

ИСКАТЕЛИ ЗВЕЗД

Когда один из этих отчаянно смелых слегка безумных ранних старателей вылетал на корабле хичи, он не думал, что корабль полетит туда, куда хочется старателю. Он (или почти в таком же количестве случаев — она) не мог рассчитывать на это по многим причинам, не говоря уже о том, что ранние старатели понятия не имели, каков конечный маршрут их полета. Но это невежество во всяком случае не влекло за собой наказания. Поскольку ни один старатель не знал, как управлять кораблем хичи, первые корабли следовали программе, установленной последним пилотом хичи, давным-давно покинувшим их борт.

Учитывая возможный риск, ранним старателям еще повезло, что хичи во многих отношениях оказались подобны людям. Например, хичи обладали врожденным человеческим свойством — любопытством. У них оно было в большом объеме. Это означало, что многие из целей так же интересны для людей, как и для древних хичи, и больше всего первым открытиям старателей радовались земные астрономы. Эти астрономы проявили большую изобретательность в выкачивании информации из фотонов, которые попадали в их инструменты, были ли это фотоны видимого света, рентгеновских лучей, инфракрасного излучения или других видов. Но фотоны не могут рассказать все, что хотели узнать астрономы. Астрономы вздыхали, ведь есть немало объектов, которые вообще не излучают: черные дыры, планеты, Бог знает

что еще! О таких объектах можно было только строить догадки.

Но теперь с помощью кораблей хичи можно было просто отправиться и посмотреть на них своими глазами!

Для астрономов это была замечательная возможность... хотя часто гораздо менее замечательная для мужчин и женщин, которые отправлялись посмотреть.

Астрономия, с точки зрения старателей, совершавших свои полеты вслепую, плоха тем, что нельзя продать, например, нейтронную звезду. А старатели летели за деньгами. Это означало, что, если повезет, они смогут найти какое-нибудь высокотехнологичное устройство хичи, которое можно привезти с собой, изучить, скопировать и заработать на нем состояние. Но коммерческого рынка для оболочек сверхновых звезд или межзвездных газовых облаков просто не существовало; эти штуки не помогали оплачивать счета.

Чтобы решить эту проблему, корпорация «Врата» начала программу научных премий для исследователей, возвращающихся со снимками и показаниями приборов, которые невозможно продать.

Со стороны корпорации «Врата» это был очень находчивый шаг — платить за знания, не имеющие коммерческой ценности. А также хороший повод побудить испуганных голодных людей совершать смертоносные полеты в маленьких кораблях.

К тому времени как корпорация действовала два года, состоялось свыше ста полетов, шестьдесят два корабля вернулись более или менее благополучно. (Не считая тех старателей, которые вернулись мертвыми, умирающими и выжившими от страха из ума.)

Корабли посетили по крайней мере сорок различных звезд — все типы звезд: молодые бело-голубые гиганты, огромные и короткоживущие, как Ригель, Спика или Альтаир; желтые звезды главной последовательности, как Процион А и его карликовый спутник Процион В; звезды типа Ж, подобные Солнцу, и их гигантские родственники, как Капелла. Красные гиганты всех типов, от Альдебарана до Арктура, и их сверхгигантские двойники, как Бетельгейзе и Антарес... и их крошечные родственники красные карлики, как Проксима Центавра и Волк 359.

Астрономы пришли в крайнее возбуждение. Результаты

каждого полета триумфально подтверждали то, что они считали — они знают о рождении и смерти звезд, и требовали коренного пресмотра того, что они тоже считали, что знают, но на самом деле не знали. Хозяева корпорации радовались значительно меньше. Конечно, хорошо раздвигать границы астрономической науки, но снимки двадцатого белого карлика выглядели точно так же, как снимки первого. Голодные миллиарды на Земле астрономическими фотографиями не накормишь. На орбите и так находилось уже несколько обсерваторий. И смотреть, как их результаты обесцениваются, тоже было неприятно.

Но даже корпорация была довольна некоторыми данными, добытыми старателями.

Полет «Пульсар»

Первая крупная научная премия была выплачена человеку по имени Чу Янгбо, и он мог бы не получить ее, если бы не прошел несколько элементарных научных курсов, прежде чем обнаружил, что даже диплом колледжа в эти дни не позволяет получить приличную работу в провинции Шэньси.

Когда корабль Чу вышел из стадии полета быстрее скорости света, Чу неловко было определить, какую цель установил пилот хичи.

В сущности видны были три объекта. И очень странные. Ничего подобного первому из них Чу никогда не видел, даже на голограммах в своем астрономическом курсе. И ни один человек не видел, разве что в воображении. Объект неправильной формы — конусообразный столб света, и даже на экране от него болели глаза.

Больше всего это походило на луч прожектора в тумане. Когда Чу присмотрелся внимательней и увеличил изображение, он увидел, что есть еще один такой луч, более слабый и туманный, уходящий в противоположном направлении. А в центре, откуда исходили оба луча, находился третий объект, такой маленький, что его почти не видно.

Чу увеличил изображение до максимума и разглядел, что в центре находится крошечная болезненного цвета звезда.

Для нормальной звезды она слишком мала. Это ограничивало возможности; но даже и в этом случае Чу потребовалось некоторое время, чтобы понять, что он находится рядом с пульсаром.

И тут он вспомнил свой курс «Астрономия. 101 урок». В середине двадцатого века Субрахманьян Чандрасекар рассчитал процесс рождения нейтронной звезды. Модель его была простой. Большая звезда, говорил Чандрасекар, тратит весь свой запас водородного топлива и коллапсирует. Внешнюю свою оболочку она сбрасывает как сверхновая. То, что остается, сжимается к центру почти со скоростью света, большая часть массы звезды оказывается спрессованной в объеме планеты, даже меньше, почти как несколько гор. Этот особый вид коллапса может происходить только с большими звездами, рассчитал Чандрасекар. Они должны составлять не менее 1,4 массы Солнца Земли, и это число было названо пределом Чандрасекара.

После взрыва сверхновой и коллапса остается объект — с массой звезды и объемом астероида, это и есть нейтронная звезда. Он стиснут такой невероятной силой тяготения, что электроны его атомов вдавились в протоны, создав частицы без заряда, которые называются нейтронами. Плотность его так велика, что один кубический дюйм весит не менее двух миллионов тонн: все равно что стиснуть массу огромного старинного супертанкера в пластинку размером с монету. Покинуть нейтронную звезду нелегко: ее огромная масса все притягивает к поверхности, и скорость убегания достигает 120 миллионов миль в секунду. Больше того: ее энергия вращения тоже «сжалась». Бело-голубой гигант, который делал один оборот вокруг оси за неделю, превратился в сверхтяжелый объект размером с астероид, вращающийся со скоростью много раз в секунду.

Чу знал, какие наблюдения ему нужно сделать: магнитные поля, рентгеновские лучи, инфракрасное излучение и многое другое. Наиболее важны оказались данные магнитометра. У нейтронной звезды поверхность состоит из сверхтекучей жидкости, и поэтому, вращаясь, она создает мощное магнитное поле — точно как Земля. Конечно, не совсем как Земля, потому что магнитное поле нейтронной звезды тоже сжато. Оно в триллион раз мощнее поля Земли. И, вращаясь, оно порождает

излучение. Но это излучение не может исходить от всей поверхности звезды одновременно, этому мешают магнитные поля. Оно может уйти от нейтронной звезды только на южном и северном магнитных полюсах.

Магнитные полюса объекта не обязательно совпадают с полюсами его вращения. (Северный магнитный полюс Земли находится в сотнях миль от точки, где встречаются меридианы.) И вот вся излучаемая энергия нейтронной звезды собирается в одной точке, часто вдалеке от полюсов вращения.

Это объясняло зрелище, которое увидел Чу. Конусы — это два луча, исходящие из северного и южного магнитных полюсов звезды, которая находится между ними. Конечно, Чу видел не сами лучи. Он видел освещенные ими облака газа и пыли.

Самое главное было в том, что Чу увидел их так, как не мог увидеть ни один земной астроном. С Земли можно увидеть луч нейтронной звезды только находясь на краю конического объема, который описывает луч при вращении. Да и то увидишь при этом только высокочастотные вспышки, которые первые наблюдатели приняли за сигналы космического разума. Они назвали этот сигнал МЗЧ (маленькие зеленые человечки), пока не разобрались, что это на самом деле тип звездного поведения.

И тогда такие объекты называли пульсарами.

За свое открытие Чу получил научную премию в четыреста тысяч долларов. Он не был алчен. Получив премию, он вернулся на Землю, где начал новую карьеру, выступал с лекциями в женских клубах и в колледжах, рассказывая о том, что значит быть старателем на Вратах. Он имел большой успех, потому что одним из первых вернулся на Землю живым.

Вернувшимся позже повезло не так. Например, был Полет «Ореол».

Полет «Ореол»

В некоторых отношениях полет «Ореол» самый печальный и прекрасный из всех. Корабль списали как потерянный, но это оказалось неверным. Потерялся не корабль, а только экипаж.

Корабль был небронированным трехместным. Когда он вернулся, это, конечно, вызвало удивление. Корабль

отсутствовал больше трех лет. Такой долгий полет не мог пережить никто. Действительно, никто и не пережил. Когда причальная команда Врат открыла люк, отшатнувшись от вони изнутри, оказалось, что Ян Марикевич, Рольф Стрет и Лех Шеликович оставили записки о своих испытаниях. Их прочли другие старатели с сочувствием, а астрономы с радостью.

«Когда наступил двухсотый день полета, а поворотного пункта не было, Стрет записал в своем дневнике: «Мы поняли, что удача нас покинула». Мы бросили жребий. Я выиграл. Может, следовало бы сказать, что я проиграл, но Ян и Лех приняли свои пилюли самоубийства, и я поместил их тела в холодильник.

Поворотный пункт наступил на 271 день. Я точно знал, что и мне не дожить до конца пути, хотя я остался в корабле один. Поэтому я настроил все на автоматику. Надеюсь, она сработает. Если корабль вернется, пожалуйста, отправьте наши письма».

Так уж получилось, что и письма, оставленные экипажем, не были отправлены. Их некому было получать. Все письма были адресованы другим старателям Врат, которые вместе с членами экипажа прибыли на одном корабле из Центральной Европы. И этим старателям всем не повезло. Все погибли в своих полетах.

Но данные, которые привез корабль, принадлежали всему миру.

Автоматика, налаженная Стретом, сработала. Корабль достиг пункта назначения. Инструменты тщательно все обследовали. Затем автоматически включилась программа возвращения, а труп Стрета тем временем, разбухший, лежал у приборов.

Записи показали, что корабль вылетел за пределы Галактики Млечного Пути.

Он привез первые снимки нашей Галактики, сделанные снаружи. На снимках видно было несколько слабых звезд и одно отдаленное шаровое звездное скопление — звезды и скопления образуют сферический ореол вокруг нашей Галактики, — но прежде всего видна была сама Галактика Млечного Пути, от ядра до спиральных рукавов, огромный осьминог со знакомыми щупальцами: рукав Персея, рукав Лебедя, рукав Стрельца (с нашим собственным маленьким рукавом Ориона, в небольшом выступе которого находится Земля), а также огромный далекий

рукав, которого земные астрономы никогда не видели. Вначале его называли просто Далекий рукав, но потом переименовали в рукав Стрета-Марикевича-Шеликовича в честь погибших первооткрывателей. А в центре огромного тела осьминога находилась звездная масса, отороченная газовыми и пылевыми облаками; там зарождались новые спиральные структуры, которые через сотни миллионов лет могут превратиться в рукава.

В центре видны были и другие, еще более интересные подробности, но тогда они остались неузнанными, пока некоторые другие события не заставили человечество пристальней присмотреться к ядру Галактики. Снимки получились прекрасные.

Так как из полета «Ореол» никто не вернулся живым, не было даже научной премии, но корпорация «Врата» объявила о специальном исключении из правила. Пять миллионов долларов были предназначены для наследников Марикевича, Шеликовича и Стрета.

Конечно, жест был щедрый, но, как выяснилось, еще и обошелся дешево. Премия осталась не востребованной. Подобно многим другим старателям, у тройки с корабля не было семей, наследников найти не смогли, и казначей корпорации молча и философски вернул деньги в общий фонд.

* * *

Первой, лучшей и самой яркой надеждой любого исследовательского экипажа было отыскать хорошую планету с сокровищами на ней. Кое-кому это удавалось, конечно, но заняло это немало времени. Большинство экипажей возвращалось только с фотографиями и рассказами об испытаниях — если возвращалось вообще.

Но кое-что из увиденного ими было удивительно. Воля Шадчук в одноместнике побывала в сердце планетарной туманности, зеленоватой от излучения атомов кислорода, и получила пятидесятитысячедолларовую премию. Билл Мерриан видел рождение новой, газы красного гиганта всасывались в белый карлик; к счастью, к этому моменту всосалось недостаточно материи для взрыва, но он получил премию в пятьдесят тысяч плюс добавочные десять тысяч «за опасность». И были еще Грантланды.

Их было пятеро, Грантландов: двое братьев, их жены и старший сын одной из пар. Они достигли шарового

скопления — десять тысяч старых звезд, в основном красных, в основном приближающихся к закату в нижней правой части диаграммы Гершпрунга-Рассела. Скопление было окружено гигантским ореолом, и, конечно, полет получился долгим. Никто из Грантландов не выжил. Полет в один конец занял 314 дней, и к этому времени все они были живы (хотя жили на сокращенных рационах). Они сделали снимки. Последняя из них, молодая вторая жена одного из братьев, умерла через тридцать три дня на обратном пути. Но снимки уцелели.

Не больше повезло трем сестрам Шен. Они тоже не вернулись. Опять-таки вернулся их корабль, но измятый и обожженный, и тела сестер были неузнаваемы.

Но и они перед смертью сделали несколько снимков. На снимках была изображена большая туманность — специалисты определили, что это туманность из созвездия Орион, видимая с Земли невооруженным глазом (американские индейцы называли ее «Курящая Звезда»). Сестры Шен должны были сразу понять, что у них неприятности, как только вышли из полета, потому что вокруг не было обычного космоса. Вокруг было то, что люди на Земле называют вакуумом, но все же в каждом кубическом сантиметре было не менее трехсот атомов, во много раз больше, чем должно быть в межзвездном пространстве.

Тем не менее сестры осмотрелись и начали снимать. Но снимали недолго. У них на это не было времени.

В туманности Ориона есть четыре яркие молодые звезды, так называемая Трапеция. В такой туманности газовые облака собираются вместе, и из них рождаются звезды. Астрономы предположили, что хичи знали это, и корабль хичи был направлен сюда, потому что астрономов хичи интересовали условия рождения звезд.

Но хичи запрограммировали корабль полмиллиона лет назад.

Многое произошло за эти полмиллиона лет. В туманности Ориона появилось пятое тело, «почти» звезда. Она возникла после того, как хичи бросили последний взгляд на этот район. Новое тело было названо объектом Беклин-Негебауера; он находился на начальной стадии реакции сжигания водорода, которая шла меньше ста тысяч лет. И похоже, сестрам Шен не повезло: они появились чуть не в самой середине этого объекта.

В экипаж входили Вильям Сакецу, Марианна Морзе, Хол М'Буна, Ричард Смит и Ирина Малатеста. Все были в полетах раньше — Малатеста пять раз, — но в тех полетах им не везло. Никто не заработал достаточно, чтобы оплатить счета Врат.

Поэтому для своего полета они выбрали бронированный пятиместник с хорошим прошлым. Предыдущий экипаж этого корабля заработал большую научную премию за новую; он сумел подойти достаточно близко к новой в процессе взрыва, хотя не настолько близко, чтобы погибнуть. Члены экипажа получили свои семь с половиной миллионов долларов и, радостные, вернулись на Землю. Но перед отлетом дали своему кораблю имя. Они назвали его «Победа».

Когда Сакецу и остальные добрались до конца маршрута, они прежде всего принялись искать планету — или звезду, или артефакт хичи, или любой интересный объект, который мог бы служить целью маршрута.

Они были разочарованы. Ничего подобного не было видно. Конечно, видны были звезды. Но ближайшая — в восьми световых годах. По всем данным они оказались в самом пустом и скучном районе межзвездного пространства Галактики. Даже газовых облаков поблизости не было.

Они не сдавались. Это были опытные старатели. Целую неделю они проверяли любые возможности. Во-первых, они убедились, что не пропустили ближайшие звезды: при помощи интерферометров измерили диаметр некоторых самых ярких звезд; по спектру определили их типы; сопоставление этих данных дало им расстояние до звезды.

Их первое впечатление оказалось верным. Они вынырнули в очень пустом участке неба.

Виден был только один замечательный объект — Марианна использовала слово «великолепный» — шаровое скопление. В поперечнике нескольких сотен световых лет сплетались орбиты тысяч ярких звезд. Зрелище, несомненно, было великолепное. Оно доминировало на небе. И оказалось гораздо ближе к ним, чем любой другой подобный объект на памяти человечества. Но до него было не менее тысячи световых лет.

Это шаровое скопление вдохновило старателей. Оно, конечно, далеко от Сакецу и экипажа «Победы», но по стандартам земных астрономов — совсем рядом. Шаровые скопления находятся на краю Галактики. В тесных спиральных рукавах, как тот, в котором расположена Земля, их нет. Самое близкое в двадцати тысячах световых лет от Земли, а это — в двадцать раз ближе, и следовательно, согласно закону обратных квадратов, в четыреста раз ярче. Не очень крупный экземпляр, какими бывают шаровые скопления — самые большие из них включают миллионы звезд; это скопление было гораздо меньше. Но все равно достаточно велико, чтобы вызывать возбуждение.

Но для инструментов «Победы» оно было недостаточно близко и велико, чтобы обнаружить что-то такое, чего не смогли обнаружить земные астрономы в обсерваториях с гораздо более мощными оптическими системами.

Поэтому почти не было шансов на то, что инструменты «Победы» смогут заработать своему экипажу приличную научную премию. Тем не менее инструменты сделали что могли. Экипаж упрямо заставил их работать. Они фотографировали скопление в красном свете, в синем свете, в ультрафиолетовом освещении и в нескольких полосах инфракрасного. Они замеряли радиоизлучение на тысячах частот, измеряли гамма-лучи и рентгеновские лучи. И вот в один из периодов сна, когда только Хол М'Буна работал у инструментов, он увидел то, что принесло этому полету премию.

Крик его разбудил весь экипаж.

— Что-то пожирает скопление!

Марианна Морзе первой добралась до экранов, весь экипаж столпился за ней. Туманный круг скопления больше не был кругом. В его нижней кромке появилась дуга. Похоже на печенье с укусом ребенка.

Но это не был укус.

Прямо у них на глазах происходили изменения. Звезды скопления не исчезали. Они медленно раздвигались, словно уступали кому-то путь.

— Боже мой, — прошептала Марианна. — Мы на орбите вокруг черной дыры.

Тут они прокляли потраченную неделю, потому что поняли, что это означает. Большие деньги! Черная дыра! Один из редчайших объектов (и потому один из наиболее высоко награждаемых научной премией) в наблюдаемой

вселенной — потому что черные дыры в сущности ненаблюдаемы.

Черная дыра совсем не «черная» в том смысле, в каком бывает черным обеденный пиджак или чернильная клякса на бумаге. Черная дыра гораздо чернее. Ни один человек не видел настоящей черноты, потому что чернота — это отсутствие всякого света. Ее невозможно увидеть. В ней нечего видеть. Самая черная краска отражает немного света — черная дыра ничего не отражает. Если вы попытаетесь осветить ее самым ярким светом во вселенной — сконцентрируете весь свет квазара в единый луч и направите на нее, вы ничего не увидите. Гигантская гравитация черной дыры всосет весь свет, и тот не выйдет наружу. Не сможет.

Все дело в скорости убегания. Скорость убегания на Земле составляет семь миль в секунду; с нейтронной звезды — 120 000 миль в секунду. Но скорость убегания на черной дыре выше скорости света. Свет не «падает назад», как камень, брошенный со скоростью меньше скорости убегания, падает на Землю. Световые лучи загигают тяготением. Радиация просто вращается вокруг черной дыры, бесконечно кружит по спирали, но никогда не освобождается.

А когда черная дыра проходит перед, скажем, шаровым скоплением, она не закрывает скопление. Она просто загигает вокруг себя его световые лучи.

Если экипаж «Победы» и потратил неделю, у него все равно оставалось припасов на пять дней, прежде чем пуститься в обратный путь к Вратам. И экипаж использовал их полностью. Они измеряли данные черной дыры, хотя и не видели ее. И когда вернулись назад, на Врата, обнаружили, что один, всего один из их снимков, оправдал все.

За снимки шарового скопления они получили премию в пятьсот тысяч долларов. Но один снимок, сделанный случайно, автоматически — они даже не смотрели в это время, — показал, что происходит, когда черная дыра закрывает яркую звезду типа Б-4 в нескольких сотнях световых лет. Звезда не двигалась ни вверх, ни вниз. Случайно она прошла точно за черной дырой. Ее свет окружил дыру ореолом, и это дало возможность измерить размер дыры...

А потом, много спустя после их возвращения на Врата,

исследовательская группа, изучавшая их результаты, наградила их еще половиной миллиона, сообщив, что им невероятно повезло.

Марианна Морзе удивлялась: зачем хичи понадобился бронированный пятиместник, чтобы навещать это безвредное место. Ответ: оно не всегда безвредное.

Посещать большинство черных звезд небезопасно. Они втягивают газы кольцами, эти газы все время ускоряются и производят сильную радиацию. Эта дыра тоже так поступала. Но она втянула все газы по соседству. Не осталось ничего, что могло бы впадать в нее, порождая смертоносную радиацию, которая способна поджарить экипаж даже в бронированном пятиместнике, если он хоть немного задержится... и экипажу «Победы», который этого не знал, неожиданно повезло. Корабль прибыл в район черной дыры после того, как она все вокруг сожрала, и потому члены экипажа вернулись живыми.

* * *

За первые двадцать лет существования корпорация «Врата» выплатила свыше двухсот астрономических научных премий на общую сумму почти в миллиард долларов. Она платила за двойные звезды и за оболочки сверхновых, платила за первый образец любого типа звезд.

В каталоге типов звезд есть девять типов, и их легко запомнить по мнемонической строчке «Один Бритый Англичанин Финики Жевал, Как Морковь» (английская строчка такова: *Pretty Woman, Oh, Be A Fine Girl, Kiss Me*. Как видно, здесь на два класса — Р и W большие. Объяснение — в тексте. — *Прим. перев.*), которая перечисляет весь диапазон от самых молодых до самых долгоживущих звезд. Звездные классы от А до тусклых маленьких холодных М не приносили никакой премии, если не было в данной звезде чего-то особо примечательного, потому что это самые обычные звезды. Огромное большинство звезд — тусклые, маленькие и холодные. Напротив, классы О и В означают горячие молодые звезды и всегда приносят премии, потому что они редки. Но корпорация «Врата» обещала двойные премии за классы Р и W: Р — газовые облака, еще только конденсирующиеся в звезды; W — горящие пугающие звезды типа Вольф-Райе. Это новые звезды, часто гиганты, к ним опасно приближаться ближе нескольких миллиардов миль.

Старатели, которым повезло, получали научные премии. Получали их и те, кто оказывался возле известных объектов, во всяком случае если они были там первыми. Вольфганг Аретов первым оказался вблизи системы Сириуса, и земные астрономы пришли в восторг. Звезды Сириус А и Б (Бесселевы спутники) интенсивно изучались столетиями, потому что главная звезда — самая яркая звезда земного неба. Данные Аретова подтвердили выводы астрономов: Сириус А — звезда с массой в 2,3 солнечных, Б — только одна солнечная масса, но это белый карлик с температурой поверхности свыше двадцати тысяч градусов. Аретов получил полмиллиона за то, что дал астрономам знать, что они были правы. Позже Салли Киссендорф получила сто тысяч за первый хороший снимок крошечного (ну, три солнечных массы, конечно, не совсем крошечный; но рядом с огромной главной звездой он почти невидим) компаньона Зеты Возничего. Она получила бы больше, если бы компаньон в это время вспыхнул, но, возможно, не стоило там оказываться в это время, потому что она бы просто не выжила. Снимок маленькой звезды Лебедь А принес Мэтту Полофски всего пятьдесят тысяч — звезды красные карлики малоинтересны. Даже близкие и хорошо известные. А Рейчел Моргенштерн с мужем и тремя взрослыми детьми заработали полмиллиона за снимки цефеиды Дельты. Цефеиды не редки, но Моргенштерны оказались рядом в тот момент, когда поверхностные слои звезды утрачивали прозрачность из-за сжатия.

Были также полеты, заканчивавшиеся в облаках Оорта.

Облака Оорта — это массы комет на далеких от звезды орбитах; в Солнечной системе Земли облако Оорта начинается на удалении в полсветового года от Солнца. В обычном облаке Оорта очень много комет. Триллионы. Их масса примерно равна общей массе планет, и почти каждая звезда имеет облако Оорта.

Казалось, они очаровывали хичи.

За первые двадцать лет действия Врат не менее восьмидесяти пяти полетов заканчивались в облаках Оорта и вернулись, чтобы сообщить об этом.

Для старателей это было большим разочарованием, потому что после десятого такого полета корпорация

перестала выплачивать за них премии. Поэтому старатели, вернувшиеся из облака Оорта, жаловались. Они не понимали, почему хичи там много полетов программировали в эти скучные облака.

Естественно, они и понятия не имели, насколько им на самом деле повезло, прежде чем было установлено, что по поразительным причинам большинство кораблей, улетавших в облака Оорта, вообще не возвращались.

* * *

Те старатели, которые получили часть этого миллиарда долларов, были довольны. Но на самом деле это была мелочь. Корпорация «Врата» была создана для получения прибыли. По той же причине прилетали на астероид и старатели, а от снимков объектов, находящихся за миллионы миль, прибыли не получишь. Большие деньги приносили планеты, особенно посадка на них — и нужно было привезти с собой то, из чего можно сделать деньги.

Ни у корпорации «Врата», ни у отдельных старателей выбора не было. Получение прибыли — главное правило выживания, и не старатели и не корпорация придумали эти правила. Правила исходят от природы самого мира.

Часть пятая

НА РОДНОЙ ПЛАНЕТЕ

Хомо сапиенс возник на планете Земля, и эволюция постаралась, чтобы все его особенности подходили к условиям именно Земли, как ключ к замку. Три миллиарда лет дарвиновского отбора сделали это совпадение совершенным. И жизнь человека на Земле должна была бы стать раем.

Но не стала. Больше того, богатая Земля приближалась к банкротству. Она истратила свои богатства.

О, на Земле было множество миллионеров. Миллиардеров тоже: у этих людей денег было больше, чем они могли потратить, они могли нанимать сотни слуг, владеть целым округом в качестве заднего двора, платить за Полную Медицину, так что всю долгую жизнь в их распоряжении самые удивительные из чудес медицины, фармакологии и хирургической техники, которые делают их здоровыми, а их жизнь — долгой. Были сотни тысяч очень богатых и много миллионов зажиточных...

Но было еще десять миллиардов остальных.

Были люди, возделывавшие азиатские равнины и африканские саванны: они собирали урожай, когда выпадал дождь, и войны проходили далеко, и насекомые-паразиты пожирали всходы где-нибудь в другом месте; а когда собрать урожай не удавалось, они умирали. Были люди, жившие в трущобах больших городов (слово «гетто» перестало быть метафорой), в барриос на краях метрополисов Латинской Америки, в норах городов Востока. Эти люди работали, когда могли. Жили на милостыню,

когда находили ее. Жили на самом дне пищевой цепочки — рис и бобы, ямс и ячмень; если были деньги, покупали одноклеточный протеин, который вырабатывали на основе нефти пищевые шахты, и каждый час каждого дня своей жизни они были голодны. А жизнь их была коротка. Бедняки не могли позволить себе лечение. Если повезет, они находили бесплатные клиники или дешевых врачей, чтобы получить таблетку или вырезать аппендикс. Но когда их органы изнашивались, перед ними возникала альтернатива. Либо жить без этого органа, либо умереть. Бедняки не могли позволить себе трансплантат. Им еще везло, если ночью их не подстерегали в темном переулке, чтобы превратить в трансплантаты для богачей. Этим занимались самые отчаянные.

Таким образом, на Земле были два вида человеческих существ. Если вам принадлежало несколько тысяч акций «Петрофуд» или «Хемуэй», у вас ни в чем не было недостатка, даже в здоровье, потому что вы могли позволить себе Полную Медицину. Но если нет...

Если нет акций, следовало иметь работу. Любую работу.

Получить работу — это утопическая мечта миллиардов безработных, но для тех, у кого работа была, обычно она была трудной и скучной, калечила душу и отнимала здоровье. Многие работали на пищевых шахтах, они извлекали из земли топливо и выращивали в гидроуглеродном содержимом одноклеточные протеиновые водоросли. Но когда работаешь на пищевых шахтах, дышишь тем же гидроуглеродом — это все равно что жить в закрытом гараже, в котором непрерывно работают моторы, — в таком случае ты, вероятно, умрешь молодым. Работа на фабриках немного лучше, хотя самую сложную и безопасную работу по экономическим причинам обычно выполняли автоматы, потому что стоили дороже и их труднее заменить. Была даже возможность работать в домах. Но слуга в домах богачей — это раб, с рабским знакомством с роскошью и изобилием и рабским отчаянием из-за невозможности получить это самому.

Но все же, у кого была хоть такая работа, считали себя счастливыми, потому что семейные фермы — это лишь способ несколько оттянуть голодную смерть, а в развитом мире уровень безработицы необычайно высок. Особенно в городах. Особенно среди молодежи. Поэтому если вы

богаты или просто зажиточны, то во время перелета из Нью-Йорка в Париж или Бейпин вы видите бедняков, только когда между полицейскими заграждениями проходите в отель или к ожидающему такси.

Вам не обязательно так поступать. Полицейские заграждения односторонни. Если вы решите пройти через них, вас пропустят. Седой пожилой коп может попробовать убедить вас, что это не очень хорошая мысль, если он милосердно настроен. Но если вы будете настаивать, вас не остановят.

И тогда вы предоставлены сами себе. Это означает, что вы немедленно оказываетесь в шумном, пахучем, грязном зоопарке без решеток, вас поглощает толпа орущих торговцев, вам предлагают наркотики, пластиковые изображения Великой Стены, Эйфелевой башни или нью-йоркского купола, самодельные безделушки, колдовские снадобья, услуги проводников, купоны в ночные клубы и — очень часто — самих себя. Первая такая встреча для члена привилегированного класса — очень страшное испытание. Впрочем, не обязательно опасное. Полиция все же не позволит, чтобы вас убили или ограбили — пока вы на виду.

Очень часто бедняки не повредят вам, даже если уговорят отойти от полицейских кордонов, особенно если вы пообещаете им возможность заработать. Но это не гарантировано. Большинство бедняков просто в отчаянном положении.

* * *

Конечно, для богатых мир выглядит совсем по-иному. Так было всегда. Богатые проживали долгие здоровые жизни; когда их органы изнашивались, их заменяли трансплантаты. Они жили в благоприятном климате под куполами больших городов, если хотели, или плавали по теплым и еще не загрязненным южным морям, или даже путешествовали из чистого любопытства в космосе. Когда случались войны (а они случались часто, особенно маленькие, хотя бывали, конечно, и крупные — для удовлетворения убитых в них людей), богатые переживали где-нибудь, пока война не кончится. Они считали это своим долгом. В конце концов ведь они платят налоги — когда не могут от этого уклониться, конечно.

Главная беда богатых заключалась в том, что не все бедняки соглашались на бедность. Многие пытались улучшить свое положение, и часто с помощью насилия.

В Америке снова процветающей отраслью стало похищение. А также вымогательство. Когда требовали деньги, приходилось платить, иначе кто-нибудь из укрытия прострелит вам колено (или сожжет ваш дом, или подложит бомбу в ваш флаер, или отравит вашу любимую собаку). Мало кто из платежеспособных теперь отправлял детей в школу без охраны. Это дало полезный побочный эффект. Помогло отчасти разрядить ситуацию с безработицей, так как несколько миллионов вымогателей переоделись в формы и начали получать деньги за защиту своих нанимателей от вымогательства.

И конечно, существовал политический терроризм. Он расцвел на той же почве, что и похищения и вымогательство. Среди апатичного большинства безземельных и голодных всегда находились немногие, которые объединялись, чтобы отомстить имущим от имени неимущих. Захватывались заложники, правительственных чиновников расстреливали из засад, в небе взрывались самолеты, отравлялись резервуары, заражались запасы пищи... о, террористы изобрели тысячи хитроумных способов, и все они опустошительные — по крайней мере для тех, кому было что терять.

Тем не менее, несмотря на все страхи и неудобства, имущие сохраняли жизнь. У большинства остальных и на это не было надежды.

* * *

И вот в жизнь этой кипящей перенаселенной планеты вошли Врата.

Для более чем десяти миллиардов жителей истощенной Земли Врата оказались неожиданной надеждой на рай. Подобно золотоискателям 1849 года, подобно голодным ирландцам, сядившимся от картофельного голода на эмигрантские корабли, подобно фермерам, пионерам американского Запада, подобно всем эмигрантам в истории человечества, голодные миллиарды готовы были идти на любой риск ради богатства, если его можно получить, или просто ради шанса накормить и одеть своих детей.

Даже богатые поняли, что появилась возможность стать

еще богаче. Вначале возникли серьезные проблемы. Правительства, запускавшие ракеты к другим планетам и позже поддержавшие операции Врат, считали, что именно им принадлежат все открытия, сделанные на Вратах. Богачи, которым принадлежали правительства, были с этим согласны. Но оказалось, что всем владеть они не могут.

Начались продажи, покупки, мошенничества (и убийства, поскольку ставки были очень велики). Пришлось заключать компромисс. Заключили договоры; и вот из стремлений всех, кто рвался к неограниченным богатствам, которые обещала Галактика, возникло новое изобретение — корпорация «Врата».

* * *

Принесли ли Врата пользу беднякам Земли?

Вначале не очень большую. Они дали каждому немного надежды — надежды выиграть в лотерею, хотя мало кто мог позволить себе даже купить билет лотереи, чтобы выиграть. Но прошло немало времени, прежде чем каждый крестьянин или житель трущоб стал хоть на пенни богаче, получил хоть немного дополнительной еды благодаря тому, что оставили хичи.

В сущности известие о том, что существуют богатые незаселенные планеты, оказалось для кишаших миллиардов Земли скорее мучительным, чем полезным. Пригодные для жизни планеты были слишком далеко. Их можно было достичь только в полете со скоростью выше световой. И хотя люди усовершенствовали кое в чем космическую технику хичи (например, использовали петли Лофстрома, чтобы попасть на орбиту, и потому щадили окислявшиеся озера и озоновый слой), ни у кого не было ни малейшего представления, как построить корабль хичи. А кораблей на Вратах было мало, и они были слишком малы, чтобы перенести заметную часть населения к новым планетам.

И вот немногие старатели становились богатыми, если не становились мертвыми. Некоторое количество богачей быстро богатело еще больше. Но большинство нищих оставалось на Земле. И в таких городах, как Калькутта, с ее двумястами миллионами жителей, на фермах и пастбищах Африки и Востока голод оставался фактом жизни, а терроризм и нищета все усиливались.

Часть шестая

ДРУГИЕ МИРЫ

Как всегда говорят нам учителя, самое длинное путешествие начинается с одного шага. Первый шаг с астериода Врата — первый исследовательский полет человека в корабле хичи — не планировался, не был разрешен и, конечно, не был благоразумен.

Человека, который сделал первый шаг в неизвестное, звали старший лейтенант Эрнест Т. Каплан. Он был офицером крейсера космических сил США «Роанок». Каплан не был ученым. Настолько не был, что получил строжайший приказ не притрагиваться ни к чему на астероиде Врата. Причина того, что он оказался на астероиде, в том, что его назначили охранять, не позволять никому притрагиваться, пока не явятся ученые с Земли и не выяснят, что здесь такое.

Но Каплан был очень любопытен и, что еще важнее, имел доступ к кораблям. И однажды, когда ему нечего было делать, он забрался в корабль, в котором случайно оказались запасы пищи, воздуха и воды, просто на случай, если кто-то захлопнет люк и останется внутри. Каплан некоторое время думал о старом Сильвестре Маклине. Из любопытства он принялся открывать и закрывать разные ящички. Потом немного поиграл с сучковатыми колесами, глядя, как меняются цвета.

А потом сжал у основания странно выглядящий предмет.

Позже более опытные пилоты назвали его «стартовым выменем». Нажав его, старший лейтенант Каплан стал

вторым человеком, полетевшим в космическом корабле хичи. Он исчез.

Девяносто семь дней спустя он вернулся на астероид Врата.

Чудо, что он смог вернуться; еще большее чудо, что он остался жив. Запасы корабля были рассчитаны на несколько дней, не на месяцы. Для питья он вынужден был собирать конденсацию собственного пота и дыхания, каплями оседавшую на стенах. Последние пять недель он вообще ничего не ел. Он был тош, грязен и почти выжил из ума...

Но он был там. Его корабль вышел на орбиту вокруг планеты маленькой красной звезды; планета получала так мало света, что казалась серой, с клубящимися желтыми облаками, — немного похоже на то, как выглядели бы Юпитер, Сатурн или Уран, если бы находились от Солнца так далеко, как сумеречный Плутон.

Первой реакцией правительства Соединенных Штатов было отдать его под суд военного трибунала. Он явно этого заслужил. Он даже ожидал этого.

Но прежде чем суд успел собраться, средства массовой информации разнесли новость, что парламент Бразилии в целях поддержки исследований Галактики присудил Каплану премию в миллион долларов. Тут же Советы не только сделали Каплана своим почетным гражданином, но и пригласили в Москву для получения ордена Ленина. Дамба была прорвана. Все телевизионные экраны были полны им, все государства приглашали его в гости.

Невозможно предать суду героя.

И вот президент США произвел лейтенанта Каплана в полковники, а потом в генералы тем же приказом, который навсегда привязал полковника (генерала) Каплана к Земле. Потом президент пригласил все космические государства на конференцию для совместного решения проблемы.

В результате появилась корпорация «Врата».

* * *

Полковник Каплан, как и все до него, не заметил одного очень существенного обстоятельства: что каждый корабль хичи по существу представлял собой два корабля. Часть первая — межзвездный корабль, летящий со скоростью быстрее света к запрограммированной цели. Часть

— небольшой и гораздо более простой посадочный аппарат, который находится у основания космического корабля.

Сами космические корабли, с их невоспроизводимым двигателем для полета быстрее света, оказались за пределами понимания земных ученых. Прошло очень много времени, прежде чем люди поняли, как они работают. Те, кто особенно старался понять это, обычно погибали, потому что двигатели корабля взрывались. Посадочные аппараты оказались гораздо проще. В основном это были обычные ракеты. Правда, курсоуказатель был сделан тоже хичи, но им управлять было еще проще, чем космическим кораблем. Старатели вполне успешно пользовались аппаратами, хотя и не знали, как они работают, точно так же как любой семнадцатилетний подросток может вести машину, несколько не разбираясь в ее устройстве.

Итак, когда старатель Врат после полета быстрее света оказывался в окрестностях интересно выглядящей планеты, он мог использовать посадочный аппарат для той цели, для какой он и был создан: спуститься на поверхность планеты и посмотреть, что она может предложить.

Именно для этого и существовали Врата.

Именно на планетах можно было отыскать бесценные предметы, которые старатели могли привезти с собой и превратить в состояние — и, естественно, увеличить состояние корпорации.

* * *

Легко описать тип планеты, который они разыскивали. Они искали другую Землю. Или что-то похожее на Землю, способное поддерживать органическую жизнь, потому что неорганические процессы редко производят что-нибудь настолько ценное, чтобы его стоило привозить домой.

Самыми разочаровывающими планетами оказались самые близкие. Когда хичи явились в Солнечную систему, они тщательно осмотрели ее, и некоторые их корабли отразили это. В них были закодированы многие места Солнечной системы, которые люди могли бы посетить и сами, — если бы захотели. В некоторых таких местах люди уже побывали в своих примитивных ракетах, в местах, как Венера, Луна, южная полярная шапка Марса.

Некоторые не стоили беспокойства, как спутник Сатурна Диона.

Старателям нужна была более крупная добыча. Им нужны были планеты, которые не видел еще ни один человек. И они обнаружили их ошеломляющее количество.

Планеты, до которых они добрались на «Волшебном автобусе», оказались самых разных форм и размеров. Они существовали в двух основных разновидностях. Камни на орбите (как Земля; прочные и пригодные для высадки) и несостоявшиеся звезды (как Юпитер; газовые гиганты, которые чуть-чуть малы, чтобы началась цепная ядерная реакция синтеза в их центре и превратила бы их в звезду). Конечно, ни один старатель с Врат не высаживался на газовую планету. Там не на чем высаживаться. (Жаль, потому что некоторые из них оказались очень интересными... но это совсем другая история.)

Именно летающие камни исследовались так тщательно, как только могли это сделать несколько тысяч испуганных и торопящихся человеческих существ. Твердых планет оказалось много. К несчастью, большинство было лишено жизни. Они располагались слишком далеко от своего солнца и потому были вечно замерзшими; или напротив, слишком близко, так что напоминали выжженную планету Меркурий. Многие имели слишком разреженную атмосферу (или не имели ее вовсе), как Марс (или Луна). У некоторых были собственные спутники, как Луна у Земли. Некоторые цели полетов оказывались спутниками, но большими, достаточно большими, чтобы сохранить атмосферу и позволить высадку.

В нашей Галактике свыше двухсот миллиардов звезд, и огромное количество их обладает планетами того или иного типа. Даже корабли хичи не могли иметь программы посещения всех планет. В сущности вряд ли одна планета из сотни тысяч становилась целью полета. Но все равно для посещений старателей Врат оставалось еще очень много, гораздо больше, чем смогли посетить несколько тысяч человек за несколько десятилетий.

Итак, первое открытие, сделанное старателями, — планет слишком много. Астрономы были рады узнать об этом, потому что это их всегда интересовало, и корпорации за это открытие не пришлось даже платить премию. Нужно было просто суммировать все находки вернувшихся исследователей. Выяснилось, что двойные звезды, как

правило, планет не имеют. Одиночные звезды, с другой стороны, как правило, имеют. Астрономы считали, что это имеет какое-то отношение к накапливанию момента вращения. Когда из одного облака газа конденсируются две звезды, они взаимно поглощают энергию вращения. Холостяки вынуждены распределять ее среди своих меньших спутников.

Не нашлось ни одной планеты, абсолютно земноподобной.

Существовало множество тестов для проверки этого, которые можно было применять на большом расстоянии. Например, измерение температуры. Органическая жизнь возможна лишь там, где вода существует в виде жидкости, а это создает узкую стоградусную полосу между 270 и 370 градусами Кельвина. При более низких температурах вода замерзает. При более высоких ее обычно вообще нет, потому что она испаряется, а солнечный свет — свет ближайшей звезды — откалывает от молекулы воды водород, и он рассеивается в космическом пространстве.

Это означает, что у каждой звезды есть узкая зона планетных орбит, которые достойны исследования. Планетам все равно, смогут ли они иметь жизнь; когда они конденсируются из газового облака, большинство располагается либо ближе этой зоны жизни, либо дальше, в пространстве за ней.

* * *

Почти вся чуждая жизнь, как и земная, основана на химизме атомов углерода. Углерод лучше всех образует длинные молекулы-цепочки, и, к счастью, его так много, что он один из самых распространенных элементов во вселенной. У большинства чуждой жизни есть и нечто подобное ДНК. Дело не в панспермизме, а в том, что система типа ДНК дает наиболее дешевый и эффективный способ организмам для самовоспроизводства.

Итак, жизнь почти везде следует общим основным правилам. Вероятно, это потому, что начинается она всегда почти одинаково. Существует общий график возникновения жизни. Первый шаг — чисто химический: неорганические соединения вынуждены реагировать друг с другом под воздействием какого-то внешнего источника энергии — обычно это свет ближайшей звезды. Затем

появляются примитивные одноклеточные организмы. Это всего лишь фабрики, которые перерабатывают сырье из неорганического супа, окружающего их. Они тоже используют энергию солнца (или какую-нибудь другую), и это все, что они делают для жизни. Поскольку они пользуются фотосинтезом, их можно назвать растениями.

Затем эти примитивные «растения» сами становятся богатым источником пригодных к усвоению соединений. Поскольку они сосредоточили наиболее аппетитные неорганические соединения в обработанной форме, лишь вопрос времени, пока некоторые из них не вырабатывают себе новую диету. Они перестают питаться материалами из окружающей среды и начинают поедать подобных себе, но более слабых, более примитивных родичей. Назовем эту новую группу существ «животными». Первые животные обычно не очень велики. Они состоят из рта на одном конце и ануса на другом, а между — какая-то перерабатывающая система. Но это все, что необходимо им, чтобы питаться соседями.

Потом появляются более сложные существа.

Начинается эволюция. Выживают самые приспособленные, как почти точно изобразил Чарльз Дарвин, наблюдая за выюрками на борту «Бигла». Растения продолжают создавать аппетитные химикалии, чтобы ими пировали животные, животные поедают растения и друг друга — но некоторые растения вырабатывают особенности, которые причиняют неприятности хищникам, и тогда такие растения выживают; а некоторые животные учатся обходить эту защиту. Поздние поколения животных вырабатывают чувства, которые позволяют легче и быстрее находить добычу, и мышцы, чтобы хватать ее, и исключительно сложную систему поведения (как плетение паутины пауком или скрадывание добычи большой кошкой), и это делает их охоту все более и более успешной. (Потом, разумеется, растения, или травоядные, или более слабые хищники начинают создавать собственный защитный механизм: яд в листе кустарника, иглы дикобраза, легкие ноги газели.) Это соревнование становится все напряженней — пока, наконец, некоторые животные не становятся «разумными». Но для этого требуется очень много времени... а старателям с Врат потребовалось очень много времени, чтобы отыскать их.

На многочисленных планетах, которые исследовали

хичи — и которые спустя сотни тысяч лет посетили старатели Врат, — все эти основные варианты эволюции жизни проигрывались тысячи раз в тысячах разновидностей. Эти разновидности иногда бывали совершенно удивительными. Например, земные растения имеют одну бросающуюся в глаза общую особенность: они не передвигаются. Но нет никакой причины для того, чтобы эта особенность была универсальной, и она ею не является. Старатели Врат обнаружили кусты, которые перекатываются с места на место, вонзают корни с одной стороны и вытаскивают с другой, как медленно движущееся перекати-поле, в своих поисках более богатой почвы, воды и солнечного света. Земные животные обычно не используют фотосинтез. Но в морях других планет есть существа, похожие на медуз, которые днем плавают на поверхности и создают собственный гидроуглерод из солнца и воздуха, а ночью погружаются и поедают водоросли. Земные кораллы остаются на одном месте. Старатели нашли неземные — существа, очень похожие на земные кораллы. Вблизи берега они разлетаются, чтобы есть и спариваться, а потом возвращаются в море и образуют коллективные крепости при приближении крупных морских хищников.

Большинство этих существ для старателей оказались бесполезны, ведь старателям нужны деньги. Но некоторые заинтересовались. Неплохо найти новый организм, который чего-то стоит и который легко перевезти. Не нужно привозить на Врата тонны материалов. Нужно привезти несколько пар животных или растений и размножить их на Земле, так как живые организмы готовы размножаться где угодно.

Зоопарки Земли начали расширяться, как и аквариумы и магазины домашних животных. Каждая фешенебельная семья стремилась иметь экзотические растения у себя на окне или какого-нибудь пушистого зверька с планеты далекого солнца.

Но прежде чем начинать торговать домашними животными, старателям предстояло их найти. А это было нелегко. Даже если жизнь явно возможна, она иногда бывает, а иногда нет. Проверить это можно путем поиска химических подписей в атмосфере. (О да, пригодная для жизни планета должна обладать атмосферой, но это не серьезное ограничение: большинство планет в зоне жизни

обладают атмосферой.) Если в атмосфере имеются способные вступить в реакцию газы, которые не прореагировали — например, есть свободный кислород и определенные количества углерода и железа для реакции, — значит, можно считать, что существует источник постоянного пополнения этих газов. Таким источником бывает жизнь.

(Позже старатели обнаружили исключения из этого простого правила ... но не очень много.)

* * *

Первая же планета, на которой была обнаружена жизнь, с орбиты выглядела прекрасно. У нее было все: голубое небо, синее море, белые облака и множество кислорода. Это означало, что его создают анти-энтропические (живые) организмы.

Старатели Анатолий и Себра Мирски и их партнер Леон Тилден возбужденно хлопали друг друга по спинам, готовясь к высадке. Это был их первый полет, и они сразу нашли сокровище.

Естественно, они отпраздновали это событие. Открыли единственную бутылку вина, которую прихватили с собой. Церемониально отметили свое открытие в корабельном журнале, подчеркнув его хлопком пробки. Планету они назвали Новая Земля.

Все шло хорошо. Им даже показалось, что они могут установить, в каком месте Галактики находятся (обычно ранние старатели этого не знали, потому что в Галактике не расставлены дорожные указатели). Но они заметили Магеллановы облака в одном направлении и туманность Андромеды в другом, а в третьем направлении было яркое скопление, которое показалось им плеядами.

Но празднование оказалось чуть преждевременным. Им не пришло в голову, что одного цвета, который на Земле бросается в глаза из космоса, здесь нет. Не было зелени.

Когда Себра Мирски и Леон Тилден вышли из посадочного аппарата, они увидели голые скалы. Ничего не росло на поверхности. Ничего не двигалось. Ничего не летало в небе. Не было цветущих растений. Вообще не было растений. И не было почвы, на которой они могли бы расти. На этой планете почва еще не появилась.

Дополнительным разочарованием было то, что оказалось мало кислорода. Достаточно, чтобы определить с орбиты его наличие, но недостаточно, чтобы дышать. И хоть на Новой Земле нашлась жизнь, ее было совсем немного. Живые организмы обнаружались в мелких прибрежных водах, и лишь первые авантюристы решались колонизировать берег. В основном это были простые доклеточные и одноклеточные обитатели илистых морей, с немногими чахлыми растениями, типа мхов, выбравшимися из литторали.

Беда Новой Земли была в том, что она слишком новая. Требовался еще примерно миллиард лет, чтобы она стала действительно интересной — и чтобы Тилден, Мирски и корпорация «Врата» что-то заработали на своем любопытстве к ней.

Планеты легче всего давали возможность заработать, но на них же легче всего было погибнуть. Пока старатель оставался в корабле, он был относительно защищен от опасностей звездных путешествий. Лишь когда он высаживался, он оказывался в неизвестном — и часто опасном — окружении.

Например, был Полет «Красивый Яд».

Полет «Красивый Яд»

Пятидесятилетний венесуэлец по имени Хуан Мендоза Санта-Мария первым из старателей Врат обнаружил действительно хорошо выглядящую планету. Ему потребовалось сорок три дня, чтобы добраться до нее, он был один в одноместном корабле. Срок полета нормальный. Ему не грозило остаться без воздуха, воды или пищи. Беспокоило его то, что он остался без денег. Мендоза потратил последнее на прощальную пирушку перед тем, как покинуть астероид. Если он вернется с пустыми руками, его ждет на Вратах мрачное будущее. Поэтому он перекрестился и прочел благодарственную молитву, когда ступил из посадочного аппарата на чуждую почву.

Он был благодарен, но не глуп. Поэтому он был также осторожен. Мендоза хорошо знал, что, если что-нибудь будет не так, у него возникнут серьезные неприятности. На протяжении многих световых лет нет никого, кто бы помог ему, вообще нет никого, кто знает, где он. Поэтому

на поверхности планеты он не снимал скафандр, и это спасло Хуана Мендозу.

Планета совсем не выглядела опасной. Оранжевые растения странной формы, далекие деревья (или просто очень высокая трава?) — все это выглядело безвредным, а опасных крупных животных явно не было. С другой стороны, не были видно и ничего прибыльного. Никаких признаков цивилизации — ни больших покинутых городов, ни дружелюбно настроенных разумных существ, ни артефактов хичи, ждущих, когда их подберут. Не было даже никаких металлических структур, искусственных или естественных, достаточно больших, чтобы их засекли приборы с орбиты. Но, заверял себя Мендоза, тот факт, что здесь вообще есть жизнь, достоин хоть какой-то научной премии. Он отметил наличие и «растительной» и «животной» жизни — во всяком случае некоторые существа двигались, а некоторые прочно закреплялись в почве.

Он взял несколько образцов растений, хотя они и не производили особого впечатления. Он с трудом добрался до «деревьев» и обнаружил, что у них мягкое, как у грибов, тело. Не было ни больших папоротников, ни подлинной травы, но большую часть почвы покрывало нечто вроде пушистого мха, и в нем бегали существа. Все не очень крупные. Самое крупное размером с ладонь было названо Мендозой «артроподом». Маленькие существа передвигались стаями, кормились еще более мелкими насекомоподобными существами, их покрывала густая «шерсть» из стеклянистых белых спикул — остроконечных игл; вообще они походили на стада крохотных овец. Мендоза почти с чувством вины поймал несколько таких малышей, убил их и вместе с образцами мелких насекомых, которыми они питались, поместил в контейнеры, которые отвезет на Врата.

Больше прихватывать было нечего. Единственное, чего у планеты было в изобилии, так это красота. Очень много красоты.

Планета располагалась очень близко — Мендоза оценивал расстояние в тридцать — сорок световых лет — к активному яркому газовому облаку, которое могло быть туманностью Ориона. (Это не так, но, как и туманность Ориона, это облако оказалось детской ярких молодых звезд.) Мендоза приземлился как раз в удобное время года и смог оценить красоту туманности: когда солнце планеты

ушло за горизонт, с противоположной стороны взошла туманность. Она заняла почти все ночное небо, как светящийся ковер цвета морской волны, вышитый бриллиантами, окаймленный царственной темно-бордовой каймой. «Бриллианты» — самые яркие звезды в туманности — яркостью превышали Венеру и Юпитер, как они видны с Земли, они почти равнялись земной Луне. Но в отличие от Луны они были точечными источниками света и не имели дисков. Смотреть на них было больно для глаз.

Эта красота поразила Мендозу. Он был не очень красноречивым человеком. Вернувшись и составляя отчет, он постоянно называл планету «красивое место», и так она и попала в атласы Врат — Красивое Место.

Мендоза получил свое: двухмиллионную премию за находку планеты и обещание дополнительных доходов от того, что последующие полеты найдут на Красивом Месте. Это могло выразиться в серьезной сумме. Согласно правилам Врат, если бы планета могла быть колонизированной, Мендоза получал бы с нее доходы до конца жизни.

Почти сразу же два пятиместника повторили его установку курса и проделали такой же полет.

Вот тогда название планеты изменили. Ее назвали Красивый Яд.

Последующие группы не были так осторожны, как Мендоза. Они не ходили в космических костюмах. И у них не было естественной защиты, какая выработалась у фауны Красивого Яда. Местная жизнь готова была к встрече с опасностью: силиконовые иголки не были украшением. Они были броней.

Жаль, что Мендоза не завершил свои радиационные измерения, потому что яркие молодые звезды в туманности излучали не только видимый свет. Они оказались мощными источниками ионизирующей радиации и жесткого ультрафиолетового излучения. Четверо из десяти исследователей спустились на поверхность, и у всех образовались вначале сильные ожоги, а потом и нечто похуже. Ко времени возвращения на Врата всем им нужна была полная замена крови, а двое из них, несмотря на такую замену, умерли.

Хорошо, что Мендоза оказался благоразумным человеком. Он не потратил свои два миллиона на ди-

кую попойку в ожидании доходов, которые принесет ему колонизация планеты. На планете не могли жить люди. И поэтому доходы так и не поступили.

Полет «Пожар»

Из почти тысячи кораблей хичи, найденных на Вратах, только несколько десятков оказались бронированными, и почти все они были пятиместными. Бронированных трехместников было совсем немного, и когда Фелисия Монсанто, Крег Бегущий Олень и Дэниел Перси пускались в путь, они знали, что их полет может оказаться опасным; курсовая установка могла привести их в поистине отвратительное место.

Однако когда они вышли из полета быстрее света и осмотрелись, они на мгновение испытали восторг. Звезда, рядом с которой они появились, была очень похожа на Солнце, Ж-2 того же размера, что Солнце; корабль находился на орбите вокруг планеты в зоне жизни, и детекторы засекли металл хичи в больших количествах!

Самая большая концентрация металла содержалась не на планете. На астероиде с орбитой, выходящей за пределы эклиптики — точно как Врата. Это должен был быть еще один покинутый парк кораблей хичи! И когда они подлетели к астероиду, то убедились, что их догадка верна...

Но они увидели также, что астероид пуст. Кораблей не было. Не было никаких артефактов. Астероид, подобно Вратам, изрыт туннелями, но все туннели пусты. Больше того, сам астероид был в очень плохом состоянии, он словно гораздо старше и больше испытал в своей жизни, чем Врата.

Загадка разрешилась, когда двое из экипажа, используя последние ресурсы, высадились на поверхность планеты.

Когда-то на планете была жизнь. Она сохранилась и сейчас, но скудная — небольшое количество живых существ только в морях, водоросли и донные беспозвоночные, больше ничего. В какое-то время в прошлом планета была сожжена и опустошена... и преступник был хорошо виден.

В шести с половиной световых годах от планеты была обнаружена нейтронная звезда. Подобно большинству

нейтронных звезд, это был пульсар. Корабль находился не на оси его излучения, и потому по излучению пульсар не мог быть обнаружен. Но он одновременно был радиоисточником, и инструменты корабля его засекли и показали, что это остатки сверхновой.

Остальную часть истории экипажу после возвращения рассказали специалисты Врат. Эту систему посетили хичи, но их отпугнуло дурное соседство. Когда хичи улетели — вероятно, они знали, что последует, — сверхновая взорвалась. Планета была обожжена. Ее атмосфера была сорвана, моря почти полностью выкипели. Когда адская жара спала, кора планеты родила новую атмосферу, сконденсировались остатки водных паров, и на планету обрушился невероятный поток дождя, снося горы, прорывая долины, не оставляя ничего на своем пути... и все это произошло несколько сот тысяч лет назад.

Монсанто, Бегущий Волк и Перси получили научную премию за свой полет — небольшую, сто шестьдесят тысяч долларов, и разделили ее на троих.

По стандартам Врат, это несерьезные деньги. Достаточно, чтобы оплатить счета Врат в течение нескольких недель. Все трое сразу же отправились в новый полет, из которого не вернулись.

* * *

Вероятно, старатели Врат должны были знать, что гостеприимные земноподобные планеты гораздо реже опасных и злых. Это ясно показывала их собственная Солнечная система. Многому должны были научить их годы проекта Озма, когда пытались уловить радиосигналы из космоса.

Оказалось, что существует множество разновидностей враждебного окружения. Например, Эта Карина Семь. Планета подходящего размера, с воздухом и даже с водой — когда она не замерзла. Но у Эты Карины Семь высоко эксцентричная орбита. Планета вся была покрыта льдом, хотя еще находилась на пути к своему ужасному афелию, и на ней бушевали страшные бури. Один посадочный аппарат вообще не вернулся. Три других были повреждены или потеряли по крайней мере по одному члену экипажа.

Мендоза был не единственным, кто находил планеты, красивые внешне, но ядовитые. Одна приятно выглядящая

планета вся поросла растительностью, но вся растительность оказалась ядовитой. Она была гораздо ядовитей земных растений. Малейшее прикосновение вызывало ожоги, страшную боль и потерю дыхания. Все члены экипажа, высадившиеся на планету, погибли от аллергической реакции, и только единственный оставшийся на орбите уцелел и смог вернуться на Врата.

Но иногда — о, очень редко — встречались и хорошие планеты.

Самым счастливым в первые десятилетия действия Врат оказался полет Маргарет Бриш, которую обычно звали Пегги.

Пегги Бриш вылетела в одноместнике. Она нашла поистине вторую Землю. На самом деле в некоторых отношениях планета была лучше Земли. Не было здесь и ядовитых растений, убивавших прикосновением, не было поблизости звезд со смертоносной радиацией, не было даже опасных крупных животных.

Только одно было не так с планетой Пегги. Она была бы идеальным местом для разбухшего населения Земли, если бы не была расположена в девяносто световых годах от нее.

Добраться до нее можно было только в кораблях хичи. А самые большие корабли хичи могли взять только пять человек.

Колонизации планеты Пегги придется подождать.

* * *

В целом старатели Врат нашли свыше двухсот планет с жизнью. Таксономисты сходили с ума от счастья. Поколения ученых получили материал для диссертаций; предстояла трудная работа подыскать названия для тридцати или сорока миллионов новых видов, найденных старателями.

Конечно, такого количества названий не нашлось. Обычно обходились классификационным номером и описанием. Не было надежды установить роды и даже семейства, хотя все описания ввели в базы данных и компьютеры тратили много времени, стараясь установить связи. Лучшим описанием было генетическое: ДНК или нечто подобное оказалось по существу универсальным. Далее следовало морфологическое описание. Большинство

живых существ на Земле обладают такими общими архитектурными чертами, как стержень (незаменимый для ветвей и костей) и цилиндр (внутренние органы, торс и так далее), потому что они наиболее выгодны для поддержания и переноса тяжести тела. По той же самой причине так же устроено большинство живых существ в Галактике. Но не всегда. Экипаж Арканджело Пельери обнаружил безмолвный мир, полный мягкотелых существ, не выработавших ни хитина, ни костей. Они были немые, как земляные черви или медузы. Опал Гудвалладер высадился на планете, где, как решили ученые, повторяющиеся катастрофы уничтожали всю наземную жизнь. Главным обитателем планеты, подобным земным ластоногим или китообразным, был прежний житель суши, вернувшийся в море, и все остальное было с этим связано. Как будто выюрки Дарвина колонизировали целую планету.

И так далее, и тому подобное, пока исследователи не начали думать, что нашли все возможные варианты жизни, основанной на кислороде и воде.

Может, и нашли.

Но потом были обнаружены лежебоки — те самые существа, которых хичи называли медленными пловцами, и тогда пришлось по-иному взглянуть на флору и фауну газовых гигантов, прежде считавшихся непригодными для жизни.

Ученые ошибались, считая, что для развития жизни нужна твердая планета. Для них это было шоком... не таким сильным, как позже, когда они установили, что жизнь вообще не нуждается в химизме.

Часть седьмая

СОКРОВИЩА ХИЧИ

Планеты — это хорошо, и снимки звезд — хорошо, но все хотели найти образцы технологии хичи. Не было никаких сомнений в том, что они существуют — где-то. Корабли это доказали. А еще раньше доказали те небольшие находки, что были сделаны в туннелях Венеры. Но они лишь распалили человеческий аппетит к новым чудесам.

Через четырнадцать месяцев после официального начала программы один полет оказался счастливым.

Корабль был пятиместным, но тогда процедуры еще на стандартизировались. И поэтому на корабле отправились четверо добровольцев. Их официально отобрали четыре государства, организовавшие корпорацию «Врата» (марсиане приняли участие позже). Таким образом, на корабле полетели американец, китаец, русский и бразилец. Они многому научились на примере полковника Каплана и других вылетавших до них. Они захватили с собой достаточно пищи, воды и кислорода, которых хватило бы на шесть месяцев; на этот раз решили не рисковать.

Как оказалась, все эти припасы им не понадобились. Корабль принес их обратно через сорок девять дней, и вернулись они не с пустыми руками.

Целью их оказалась орбита вокруг земноподобной планеты. Они сумели спустить посадочный аппарат, и трое из них на самом деле ступили на почву чужой планеты.

Впервые в человеческой истории человек ступил на

небесное тело, которое не являлось частью Солнечной системы.

Первое впечатление слегка разочаровывало. Группа быстро установила, что планета в прошлом пережила тяжелые времена. Поверхность ее была обожжена словно высокой температурой, а местами начинал отчаянно пищать детектор радиации. Астронавты поняли, что не могут тут долго оставаться. Примерно в миле от места посадки аппарата — они сели на плоской вершине столовой горы, — на склоне они обнаружили остатки какого-то сооружения из камня и металла, похожего на искусственное; порывшись в том месте, они нашли три предмета, которые решили прихватить с собой. Один — треугольная пластинка, на оплавленной поверхности которой еще виднелся рисунок. Другой — керамический объект размером с сигару, с кольцевой нарезкой — болт? Третий — металлический цилиндр длиной в ярд, сделанный из хрома, и прорезанный несколькими отверстиями; это мог быть музыкальный инструмент или часть машины.

Как бы то ни было, это были артефакты.

Когда группа четырех держав гордо продемонстрировала свои находки на Вратах, они вызвали большое возбуждение. Ни один из трех предметов не выглядел значительным технологическим прорывом. Тем не менее если можно найти такие вещи, несомненно, есть и другие — и гораздо более полезные практически.

Именно тогда началась межзвездная золотая лихорадка.

* * *

Прошло много времени, прежде чем кому-то повезло снова. Общая статистика полетов с Врат свидетельствовала, что четыре из пяти возвращаются без результатов, если не считать снимков и данных приборов. Пятнадцать процентов вообще не возвращаются. Лишь один корабль из двадцати привозил некоторые свидетельства технологии хичи, и в основном это были только любопытные мелочи — но то небольшое, что выходило за пределы любопытных мелочей, оказалось бесценным сокровищем.

Конечно, таких находок было мало, и происходили они редко. Но эксплуатация Венеры показала, что это выгодно: в сотнях миль туннелей под поверхностью Венеры было найдено всего с десятков устройств хичи.

Но для тех, кто сумел бы их скопировать, они означали огромную прибыль. АнизокINETическая сумка оказалась подлинным чудом. Ударишь с одного конца, а сила удара выходит сбоку. Что еще более удивительно, ученые поняли, как это получается, и принцип оказался применим ко всем сферам строительства, производства и даже ремонта домов. Огненные жемчужины оставались загадкой. Как и так называемые молитвенные веера.

Затем люди нашли Врата, и самым большим сокровищем оказался космический флот. Однако на астероиде нашли только корабли. Сам астероид был пуст и хирургически чист... словно хичи сознательно оставили корабли, убрав все остальные ценности.

Свыше двадцати лет старатели улетали с Врат в поисках чего-нибудь ценного. Они возвращались со снимками и рассказами, живыми существами и минералами; но артефактов хичи было найдено очень немного.

Вот почему так много старателей Врат умерло в бедности — или просто умерло.

Полет «Инструментальный ящик»

Некотрые умирали богатыми, не подозревая о своем богатстве. Так случилось с одной из величайших находок. К несчастью, трем из пяти открывателей находка не принесла ничего хорошего, потому что они не пережили полет.

В полете участвовали три австрийца, два брата и дядя. Они использовали остатки наследства, чтобы прилететь на Врата. Они решили лететь только в бронированном корабле. Но такие корабли были только пятиместными, и потому в последнюю минуту в экипаж включили Мануэля де лос Финтоса из Южной Америки и американку Шери Лоффат.

Они достигли планеты, высадились на ней и ничего не нашли. Но инструменты показывали, что где-то есть металл хичи, и они его отыскиали.

Это оказался посадочный аппарат. Когда он был тут покинут, одному небу известно. Но аппарат был не пустой.

Главной находкой была груда восьмиугольных ящиков из металла хичи с полметра длиной и в половину этого

высотой, весом в двадцать три килограмма. Оказалось, что это инструментальные ящики. Нашли также некоторые знакомые предметы, насколько можно было судить, совершенно бесполезные: десяток маленьких молитвенных вееров, какие усеивали туннели Венеры и многие артефакты хичи. Были также предметы, похожие на отвертки, но с гибкими стволами; предметы, похожие на торцовые ключи, но сделанные из мягких материалов; предметы, напоминающие приборы для измерения электричества, но оказавшиеся запасными частями машин хичи.

Это был большой успех. Все они станут миллионерами — по крайней мере те, кто выживет.

Находка лежала прямо на поверхности планеты. Но вскоре старатели узнали, что поверхность планеты не самое лучшее место для находок сокровищ хичи. Под поверхностью — гораздо вероятней.

Довольно рано об исчезнувших хичи стало известно одно: они любили туннели. Туннели, прорезавшие часть планеты Венеры, оказались не уникальными. Старатели проходили древними звездными путями и везде, где побывали хичи, находили туннели. Внутренности астероида Врата представляли собой лабиринт туннелей; точно такими же оказались и «другие Врата», обнаруженные исследователями. Почти на каждой планете, где находились следы пребывания хичи, находились и туннели, выложенные металлом хичи. Там, где условия на поверхности были неблагоприятными (как на Венере), туннелей бывало множество. Но даже на такой прекрасной планете, как Пегги, их тоже нашли несколько. Антропологически подготовленные ученые, называвшиеся хичиологами, страстно пытались определить, какими были эти исчезнувшие существа. Они предположили, что хичи происходят от роющих землю животных типа сусликов, а не от животных, живших на деревьях. Хичиологи оказались правы... но прошло очень много времени, прежде чем они узнали об этом.

Все туннели выглядели совершенно одинаково. Стены их из плотного твердого металла, который светится в темноте, его называли металлом хичи. В первых открытых людьми туннелях — на Венере и на Вратах — это свечение было бледно-голубым. Очевидно, хичи предпочитали синий цвет, но в их кораблях оказались детали, сделанные из золотого металла хичи, а еще позже исследователи

нашли металл хичи, испускающий красный и зеленый свет.

Никто не знал, почему у хичи металл разного цвета. Хичиологи в этом не могли помочь. Они могли сказать об этих разных цветах только то, что туннели из голубого металла обычно самые бедные на артефакты хичи; в золотых, красных и зеленых почти всегда старатели обнаруживали сокровища.

Конечно, пока люди не научились исследовать Галактику в кораблях хичи, они были ограничены голубыми туннелями Венеры и Врат. А в них сокровища обнаруживались редко, хотя и бывали очень ценными. На других планетах туннели начинались как голубые, потом неожиданно меняли цвет, и именно в этих местах и обнаруживались разные полезные находки. Никто не знал почему... но тогда никто ничего не знал и о самих хичи.

Полет «Печь»

Ву Фенгцзе решил лететь в одноместном корабле. Такой корабль имеет свои преимущества и недостатки. Самое большое преимущество — если не на чем приземлиться и единственная награда — научная премия за снимки, вся она достается одному человеку.

Но так, однако, не получилось. Выйдя из полета быстрее света, Ву оказался на орбите вокруг более или менее земноподобной планеты.

Таким образом, перед Ву возникла проблема, которая возникает перед каждым исследователем-одиночкой. Если он опустится в аппарате на поверхность планеты, в корабле никого не останется. Если с ним на поверхности что-то случится, его никто не выручит. Он предоставлен сам себе.

Другая проблема заключалась в том, что термин «земноподобная» лишь приблизительно описывал планету, которую ему предстояло исследовать. «Земноподобная» означает, что планета примерно размером с Землю, что у нее есть атмосфера, температура на поверхности позволяет иметь в атмосфере водяные пары, в мелких морях есть жидкая вода и замерзшая вода в холодных областях. Но планета не была раем. Холодные области занимали почти

всю ее поверхность. Лучшая зона находилась вдоль экватора, да и та походила на Лабрадор.

Если на остальных частях поверхности что-то и было, то теперь оно покрыто тысячами футов льда. Не было смысла высаживаться на ледник: у Ву не было средств, чтобы вскрывать его. После долгих поисков Ву нашел голую скалу и приземлился на ней. Он не испытывал особого оптимизма. Окружение выглядело малообещающим, но инструменты сообщили ему неожиданную хорошую новость.

Здесь был туннель.

Ву имел опыт вскрытия туннелей. У него было даже необходимое оборудование. Установка большой бурильной установки и покрытие ее герметическим куполом отняло у него почти все силы и столько времени, что он истратил почти все припасы. Но он сделал это.

Туннель оказался из голубого металла.

Это разочаровывало, но, двигаясь по туннелю, он увидел и другие цвета. Дойдя до красного участка, он обнаружил большую машину — позже по ее описанию эксперты заключили, что это туннелекопатель, — но у него не было сил поднять ее, не было оборудования (да и храбрости, кстати), чтобы вырубить отдельные детали. В зеленой части оказались свертки, которые Ву вначале принял за ткани. Но это был кристаллический материал, из которого сделаны молитвенные веера. А в золотой части — золото.

Груды и груды маленьких восьмиугольных ящичков из металла хичи, все запечатые. И очень тяжелые.

Ву не мог унести их все, и энергия у него кончалась. Он сумел перенести в аппарат два ящичка и улетел, намереваясь вернуться в пятиместнике.

К несчастью, когда он вернулся на Врата, обнаружилось, что пятиместники не воспринимают программу, которая привела его на планету. Не делали этого и трех- и одноместные корабли, ожидавшие в доках экипажи.

Казалось, только тот одноместник, который привез его, снова может отвезти на планету.

Конечно, так не получилось. Прежде чем он смог запросить его, кто-то другой взял его одноместник — и не вернулся.

У Ву оставалось только два ящичка, но их содержимое

позволило ему купить себе дом в провинции Шэньси. В одном оказались нагревательные кольца. Они не работали, но были близки к рабочему состоянию, и ученые разобрались, как они действуют. (Позже на планете Пегги были найдены большие и в лучшем состоянии, но Ву все равно был первым.) Во втором ящичке был набор приборов для измерения микроволновых излучений.

Ученые старательно исследовали эти приборы, но они неверно ставили вопросы. Их интересовало, как они работают. Никто не подумал поинтересоваться, почему хичи так занимало микроволновое излучение. Ответ на этот вопрос мог бы избавить человечество от больших неприятностей.

* * *

В туннеле планеты, которая казалась абсолютно бесперспективной, некий старатель впервые обнаружил образец туннелепроходочной машины хичи. Это был туннель на луноподобном спутнике далекого газового гиганта. В другом туннеле были найдены «камеры», в которые полагалось вставлять «молитвенные веера» для прочтения. И в туннеле Виталий Клеменков нашел маленький прибор, давший начало целой новой индустрии, а сам за это получил лишь ничтожную сумму.

История Клеменкова — это история неудачника. Он нашел то, что земные ученые называли «пьезофоном». Его основную часть составляет диафрагма, сделанная из того же материала, что и «кровавые бриллианты», усеивающие туннели Венеры и многие другие. Материал пьезоэлектрический: когда его сжимаешь, он производит электричество, и наоборот. Конечно, раньше находили много кровавых бриллиантов, но до Клеменкова никто не знал, что они просто сырье для производства пьезоэлектрических приборов. Клеменкову представились видения несметных богатств. К несчастью, земные лаборатории, отделы корпораций кабельной, телефонной и спутниковой связи, превратили модель хичи в другую, которую могли создавать сами. Естественно, Клеменков обратился в суд, но кто может сражаться с адвокатами крупнейших корпораций Земли? Так что он удовлетворился небольшим доходом — вряд ли больше, чем доход среднего императора.

Было еще одно великолепное место для находок артефактов хичи. Но вначале о нем никто не знал, хотя если бы люди как следует подумали о самих Вратах, они могли бы догадаться. И никто не знал, что огромные богатства здесь — по существу ловушка. Женщина по имени Патриша Боувер первой из старателей Врат сообщила о находке — и, как это часто бывает, находка принесла ей мало хорошего.

Полет «Пищевая фабрика»

Патриша Боувер вылетела на одноместнике. Она понятия не имела, куда летит. Была довольна, что полет оказался относительно недолгим — поворотный пункт через семь дней, цель — через четырнадцать, и поражена, когда приборы сказали ей, что далекая слабая звезда, ближайшая к ней в пространстве, на самом деле старое знакомое Солнце.

Она оказалась в Оортовом кометном облаке, далеко за орбитой Плутона, и причалила явно к артефакту хичи. Большому артефакту: он был длиной в восемьсот футов, и ничего подобного раньше никто не находил.

Когда Боувер проникла внутрь и огляделась, она поняла, что разбогатела. Эта штука оказалась забита машинами. Патриша понятия не имела, что они делают, но не сомневалась, что некоторые из машин, а может, и многие, будут не менее ценными, чем туннелекопатель или аннизокинетическая сумка.

Пузырь лопнул, когда выяснилось, что она не может вернуться на Врата. Ее корабль не двигался. Как бы она ни устанавливала приборы, он не реагировал. Он не только не возвращался автоматически в порт вылета, он вообще не летел.

Патриша Боувер застряла в нескольких миллиардах километров от Земли.

Как оказалось, артефакт все еще действовал; в той части, которую не увидела Пат Боувер, он продолжал производить пищу — через полмиллиона лет после ухода последнего хичи — из сырья, которое поставляли кометы: углерода, водорода, кислорода и азота, основных

элементов, из которых состоит человеческая пища и тепло. Если бы Пат знала это, если бы она заставила себя исследовать артефакт, она могла бы там долго прожить. (Хотя недостаточно долго, конечно, чтобы ее спасли.)

Она, однако, этого не знала. А знала она, что попала в беду. Она отправила длинное радиосообщение на Землю, в двадцати пяти световых днях от нее, объяснив, где находится и что случилось. Потом села в свой посадочный аппарат и направила его в сторону Солнца. Приняла большую порцию снотворного и забралась в холодильник... и там умерла.

Она знала, что шансы против нее. Она недостаточно замерзла, чтобы ее могли оживить, да и вообще вероятность того, что кто-нибудь обнаружит ее замерзшее тело и попытается оживить, крайне мала. Кстати, так и произошло.

* * *

Пищевая фабрика хичи оказалась не единственной космической ловушкой для неосторожных. Таких крупных объектов было двадцать девять — их прозвали «собираТЕЛЬскими ловушками» — по всей Галактике.

Злополучная находка Патриши Боувер была не единственным артефактом хичи, который продолжал действовать. И не единственным, на который были запрограммированы корабли Врат. Нашелся и другой летающий гараж космических кораблей, оставленный хичи, почти такой же большой, как Врата. Люди называли его Врата-2.

Было также Место Этели.

Место Этели было открыто женщиной в одноместном корабле (эту женщину звали Этель Клок). Потом его заново открыла группа канадцев в бронированном трехместнике; потом еще один одноместник, пилот которого был родом из Корка, Ирландия, его звали Теренс Хорран. Канадцы не просто открыли артефакт. Они открыли также Этель Клок, потому что она была там, когда они прилетели. Когда прилетел Хорран, он открыл их всех, а позднейшие группы продолжали открывать прилетевших раньше, потому что все оставались там. Как у Пат Боувер, это оказался пункт с полетами в один

конец. Возвращения не было. Приборы всех кораблей после прибытия умирали.

Улететь с артефакта люди не могли.

Все они очень об этом жалели, потому что Место Этели оказалось настоящим чудом. Объект размером с крейсер, но без всяких двигателей. Во всяком случае они их не смогли обнаружить. На нем были пищевые машины и регенераторы воды, воздуха и электричества; все машины по-прежнему действовали, несмотря на прошедшие тысячелетия. Хичи строили свои машины надежно. Больше того, в Месте Этели оказалось множество астрономических инструментов, и все они тоже действовали.

У людей было много времени, чтобы изучить свой новый дом. Больше делать им было нечего. Пищевые машины кормили их; жизни их ничто не угрожало. В сущности получилась вполне самообеспечивающаяся небольшая колония. Она могла бы даже стать постоянной, со многими поколениями впереди, если бы Этель Клок ко времени прибытия канадцев не вышла из детородного возраста, а в последующих партиях оказались бы женщины.

Застраившие в артефакте довольно быстро поняли, что Место Этели не что иное, как астрономическая обсерватория.

И сразу стало ясно, что должна была наблюдать эта обсерватория. Место Этели находилось на орбите на удалении примерно в тысячу астрономических единиц (это составляет примерно пять световых дней) от замечательной пары астрономических объектов. Двойные звезды не представляют особого интереса. Но эта пара оказалась уникальной. Один из компонентов — стандартная звезда, хотя и относительно редкого типа, горячий пульсирующий сверхгигант молодого и неустойчивого класса Ф. Сам по себе он стоил небольшой научной премии — если, конечно, у людей появилась бы возможность сообщить результаты наблюдений, — но его компаньон оказался гораздо необычнее. Вокруг звезды типа Ф видно было наклонное кольцо из горячего газа; это свидетельствовало, что звезда находится еще в конечной стадии своего рождения. А компаньон весь состоял из газа, и газ был не очень горячим. Короче, это был огромный и почти прозрачный диск.

Чем больше люди наблюдали, тем все более странным казалось им увиденное. Звезды должны быть шарами.

Они не должны быть дисками. Дiskoобразный компаньон трудно поддавался наблюдению, даже с помощью оптики хичи. Визуально он казался всего лишь неярким алым пятном в небе. Он был слишком холоден, чтобы сильно излучать. Инструменты хичи не могли сообщить его температуру, потому что хичи оказались непредусмотрительны: они не снабдили свои инструменты переходными таблицами к шкалам Кельвина, Цельсия или Фаренгейта. Клок оценила температуру этого спутника в пятьсот градусов Кельвина — это значительно ниже, чем на поверхности Венеры, например; холоднее, чем в древесном костре на Земле.

Постепенно выяснилось, что лучше всего наблюдать этот объект, когда он закрывает звезду класса Ф. Место Этели двигалось по своей орбите в противоположном направлении по сравнению с объектом, и потому затмения происходили чаще, чем при обычной стационарной орбите. Но все же и так они случались не часто. Этель Клок наблюдала одно такое затмение одна, вскоре после своего прибытия. К следующему затмению вместе с ней оказались канадцы и Хорран, но это произошло больше чем через двадцать лет.

История Места Этели окончилась счастливо для его обитателей — ну, относительно счастливо. В конце концов люди научились направлять корабли хичи, куда им нужно. Вскоре после этого исследовательская группа, умеющая управлять кораблем, обнаружила пятерых застрывших и спасла их наконец.

Конечно, чуть поздно. К этому времени Этель Клок шел семьдесят восьмой год, и даже Хоррану было почти пятьдесят. Они даже не получили никакой научной премии. Корпорация «Врата» давно перестала выплачивать их, потому что самой корпорации «Врата» больше не было.

Впрочем, даже если бы они прилетели раньше, все равно научная премия была бы невелика. К несчастью, эта двойная система оказалась не новым открытием. Она была очень хорошо знакома земным астрономам в связи со своими удивительными характеристиками. Звезда называлась Эпсилон Возничего, и особенности ее не были тайной. Земные астрономы с помощью своих инструментов наблюдали, как холодный диск компаньона прошел между Землей и звездой типа Ф в затмении 2000 года.

Прошло свыше пятидесяти лет между тем временем, когда первый старатель высадился в одной из «собираТЕЛЬских ловушек», и тем моментом, когда люди обнаружили последнюю из них. На них могло оказаться до восьми отдельных экипажей. Попадая туда, они не могли вернуться. В основном это были пищевые фабрики, или встроенные в корабль или принимавшие пищу от расположенных поблизости автоматических установок, так что попадавшие туда люди не умирали, у них в достатке были также вода и воздух. Некоторые фабрики перестали действовать. В них находили покинутые корабли хичи и высохшие трупы.

Хичиологи считали, что это «собираТЕЛЬские ловушки» служили определенной цели, может, сразу нескольким целям. Хотя сами цели указать не могли. Они не были доступны для обитателей планет, а на самих планетах не оказывалось туннелей и вообще сокровищ. До артефактов с планеты можно было добраться только на космическом корабле.

Казалось, что это тест на разумность, оставленный исчезнувшими чужаками. Как будто хичи, уходя туда, куда они ушли, нарочно оставили ключ к себе. Но даже эти ключи отыскать было трудно. Ни одна разумная раса не смогла бы отыскать их, пока не начинала хотя бы примитивные межпланетные перелеты.

А самые большие призы были запрятаны еще тщательней.

Для точности следует указать, что не старатель с Врат совершил первый перелет к пищевой фабрике с возвратом. Полет Пат Боувер не в счет. Экспедиция, которая сделала возможным ликвидацию голода на Земле с помощью углеродно-водородно-кислородно-азотной (или «CHON») пищи хичи, прилетела на земных химических ракетах, вылетев из центра Солнечной системы к ее краю.

И эта экспедиция совершила еще одно большое открытие. Оно было названо «Небо хичи». Самый большой из когда-либо обнаруженных артефактов хичи, более полумили в длину, вдвое больше океанского лайнера.

Веретенообразный по форме (привычный образец хичи) и населенный. В нем оказались потомки группы австралопитеков, которых хичи захватили на поверхности Земли полмиллиона лет назад; в нем также оказался живой человек, потомок пары старателей, достигших «Неба хичи» на своем корабле с Врат и оставшихся там. А также записанные сознания (плохо записанные, потому что машинам пришлось выполнять работу с человеческими сознаниями, а они не были для этого предназначены; когда создавались эти машины, людей еще не было) более двухсот старателей, не вернувшихся из своих полетов в один конец.

Все это было удивительно.

И более чем удивительно. Впервые оказался не просто возможен доступ к технологии хичи. Ее можно было понять, скопировать... и даже усовершенствовать! Тут были не просто крохи, удовлетворяющие любопытство ученых или позволяющие разбогатеть отдельным счастливым. Находка означала лучшую жизнь для всех.

И «Небо хичи» было не просто космической станцией. Это был корабль. Огромный. Настолько большой, что мог перевозить колонистов с Земли в ощутимых размерах — по 3 800 эмигрантов за рейс в любое место. И продолжать перевозить ежемесячно сколь угодно долго.

Наконец стала возможна колонизация Галактики человечеством.

Часть восьмая

В ПОИСКАХ ОБЩЕСТВА

Самая крупная «научная» премия, которую предлагала корпорация «Врата» старателям, строго говоря не была научной. Она была эмоциональной. Она доказывала, что даже корпорации «Врата» свойственны человеческие чувства. Премия ждала старателя, который обнаружил бы живого, дышащего хичи, и премия ждала немаленькая. Пятьдесят миллионов долларов.

Именно об этой премии мечтал каждый отчаянный старатель Врат, но вряд ли кто-то надеялся ее получить. Может, и хозяева корпорации не думали, что придется платить ее. Все знали, что любые найденные следы хичи не менее полумиллионного возраста. К тому же предполагалось, что, если кто-то и найдет живого хичи, вряд ли у него будет возможность вернуться и рассказать человечеству, что он нашел.

Но в этой эмоциональной сфере были и другие премии. Меньшие, но тем не менее значительные. Самая крупная из них — десятиmillionная премия за открытие любой разумной расы чужаков. Это казалось более вероятным. Заработать эту премию можно было, отыскав любого живого чужака, который оказался бы хоть немного сообразительным. Можно было получить премию даже за мертвого чужака. Миллион ждал открывателя первого артефакта, не принадлежащего хичи, и полмиллиона за открытие любой «подписи», то есть безошибочных следов разума — радиопередачи, синтетические газы в атмосфере планеты.

Несомненно, говорили старатели Врат, угощая друг друга выпивкой в «Голубом аду», рано или поздно кто-то обязательно найдет что-нибудь. Должны найти. Все знают, что в Галактике должны существовать другие разумные расы. Хичи не могли быть единственной разумной расой во вселенной. Разве это возможно?

Мысль не новая. С середины двадцатого века ученые искали сигналы других цивилизаций и пытались рассчитать вероятность поймать такие сигналы. Ученый по имени Стивен Доул подсчитал, что в Галактике должно существовать 63 миллиона планет, способных содержать жизнь; позже ученые, уточняя критерии, снизили это число, но вряд ли кто-нибудь из них согласился бы, что оно равно нулю. Почти все соглашались, что что-то должно быть — и действительно, старатели Врат продолжали обнаруживать планеты, на которых существовала жизнь. А если есть жизнь, казалось разумным предположить, что рано или поздно она эволюционирует в разумную...

Но где же эти разумные существа?

* * *

В конце концов кое-что начало обнаруживаться, хотя открытия были редкими и медленными.

Первые явные признаки чужого разума (не считая хичи, конечно) обнаружил экипаж из трех человек из Пасадены, Калифорния, Земля. Их корабль после перелета быстрее света оказался на орбите вокруг многообещающей звезды (типа Ж-4, очень близка к Солнцу по типу и пригодности), и они очень скоро обнаружили, что в самой середине зоны жизни есть приличных размеров планета.

Беда в том, что на планете царил беспорядок. Большая часть ее представляла собой голые скалы, со множеством вулканов, и было там очень горячо. Не было океанов. Не было даже такой плотной атмосферы, которая соответствовала бы расположению и массе планеты.

Однако на планете оказалась дамба. Большая.

Дамба располагалась в одном из наименее разрушенных районов планеты. Но все равно она была в плохом состоянии. Не очень высокотехнологичная дамба — длиной с полкилометра, груда камней, наваленных поперек до-

лины. Некогда по долине, несомненно, протекала река, но от нее ничего не осталось. От дамбы тоже, кстати. Но то, что осталось, не могло быть природным образованием. Кто-то нагромоздил эти камни в этом месте с определенной целью.

Мартин Скрентон и две его сестры попытались высадиться на планете. Они сели, но тут же приборы их аппарата начали выкрикивать предупреждение: поверхность рядом с аппаратом нагрета выше точки кипения воды. Скрентонам показалось, что они заметили что-то напоминающее другие каменные сооружения на склоне горы, но ничего определенного.

На астероиде Врата ученые решили, что планете не повезло: ее ударило какое-то бродячее тело размером с Каллисто; от удара вскипела вода в морях, а поверхность планеты покрылась расплавленным камнем, вся атмосфера рассеялась в космосе, — да, конечно, вся органическая жизнь погибла.

Так что Скрентон не нашел разумную жизнь. Он утверждал, что нашел место, где некогда была разумная жизнь. Корпорация «Врата» не могла назвать это успехом в том смысле, в каком предлагается премия. Тем не менее...

Вопрос долго обсуждался, потом была выплачена половина премии за хорошую попытку.

* * *

Первые живые разумные нелюди, которых открыли исследователи люди, не в счет. Они были не настолько нелюдьми и к тому же не настолько разумными. (Кстати, и открыты они были не кораблем с Врат; люди, которые открыли их, блуждали по окраинам Солнечной системы в построенном на Земле примитивном ракетном корабле.) Эти «чужаки» были отдаленными потомками племени земных австралопитеков, и нашли их в большом корабле хичи (или артефакте), летящем вокруг Солнца по орбите внутри облака Оорта. Этот корабль называли «Небо хичи».

Конечно, как мы знаем, древние австралопитеки попали туда не сами по себе. Хичи взяли их для размножения во время своего давнего посещения дочеловеческой Земли. И оставили их на попечение машинных нянек — на полмиллиона лет и больше.

Со второй расой чужаков получилось лучше. Прошло много времени, прежде чем она была найдена, но на этот раз открытие было настоящим. Они оказались определенно разумными — и доказали это, путешествуя самостоятельно в межзвездном пространстве! Тем не менее они тоже стали в некотором смысле разочарованием. Разговаривать с ними было неинтересно.

И они были открыты не старателем с Врат — к тому времени, как эти парни были открыты, сама корпорация почти превратилась в историю. Врата, конечно, существовали. Но они перестали быть центром действия, потому что люди научились копировать технологию хичи и устремились в новые районы Галактики самостоятельно.

И вот один из космических кораблей в самом обычном полете обнаружил присутствие другого корабля. Корабль оказался фотонным парусником, медленно движущимся между звездами в полете, занимающем столетия.

Это явно не технология хичи! И на корабле не люди и даже не австралопитеки: наконец-то были найдены долгожданные разумные чужаки!

Оказалось, что найдены они были значительно раньше — найдены самими хичи. Экипаж парусника был потомками тех, кого хичи называли медленными пловцами, а люди называли лежебоками. Они были определенно чужаками, и определенно не хичи, и определенно разумными.

Но это все, что оказалось в них привлекательного. Лежебоки жили в жидкой грязи. Они жили в передвигающихся городах в полузамерзшей мешанине метана и других газов, и хотя им на самом деле удалось запустить фотонный космический парусник, особенно привлекательных свойств у них не нашлось. Хуже всего, что они были ужасно медлительны. Их метаболизм основывался на медленной реакции свободных радикалов в ледяной смеси, в которой они жили, и такой же медлительной были их мысли и речь.

Прошло много времени, прежде чем люди научились общаться с медлительными, как улитки, лежебоками... а к тому времени выяснилось, что это не имеет особого значения.

Четверо участников этого полета провели много времени в суде и затратили на это много денег. Они пытались выиграть у корпорации «Врата» иск на десятиллионную премию. Они считали, что им это удастся.

Они нашли не очень хорошую планету. Явно не слишком привлекательную. Маленькую и жаркую: ее солнце, красный карлик, находилось в четверти астрономической единицы. И планета воняла. Отсюда она и получила свое название.

Планета была почти вся покрыта водой — не сверкающие тропические моря, а мутный океан, выпускающий в атмосферу пары метана; сама атмосфера в основном тоже состояла из метана. Дышать там человек не мог. Но даже если бы и мог, не захотел бы — из-за вони. И на немногих участках суши не оказалось абсолютно ничего интересного.

Новость не очень приятная для экипажа, но и не сокрушительная. Как выяснилось, экипаж перед вылетом с Врат проделал некоторую необычную подготовку и был оснащен лучше обычного.

В корабле прилетела семья из Сингапура. Это были Джимми О Кип Фва, его жена Дейзи О Мек Тан и две их юные дочери Дженни О Син Дат и Розмери О Тин Лю. Семейство О известно в Сингапуре. Некогда оно было очень богато, семейное состояние создалось на подводной добыче полезных ископаемых. Когда Малайзия захватила остров и экспроприировала все предприятия, О обеднели, но они предусмотрительно перевели в Швейцарию и Джакарту достаточно средств, чтобы оплатить свой полет на Врата и купить дополнительное оборудование. Это было оборудование для подводных исследований. Как сказал Джимми О своей семье: «Семья О уже однажды заработала деньги на морском дне. Может, мы снова сможем это сделать».

Оборудование означало, что они не смогут взять с собой пятого, но им он и не нужен был. И когда они увидели, какая планета им выпала, мадам Мек наконец благословенно смолкла, а Дженни сказала: «Боже, папа, оказывается ты все-таки не глуп».

Конечно, у О не было оборудования, которое позволяло

бы им систематически обследовать все дно Выгребной Ямы. Дна было слишком много, а времени мало. У них было с полдесятка шаров с инструментами и нейтральной плавучестью. И они опустили их в океан в полудесятке случайно отобранных мест.

Потом вернулись на свой корабль на орбите и стали ждать передач.

Когда буйки вернулись на поверхность, О по очереди расспросили их, что они обнаружили в глубине. И были разочарованы. Инструменты не засекали никаких признаков металла хичи. Не было также трансурановых или других радиоактивных элементов, которые стоило бы разрабатывать и перевозить на Землю.

Но инструменты засекали электрические разряды, источника которых не было. И сигналы регулярные. В кагодной трубке они создавали приятные округлые волны, а когда Дженни О, которая в колледже изучала этопологию китообразных, замедлила сигналы и пропустила их через звуковой синхронизатор, они звучали... как живые.

Были ли эти сигналы языком? Если так, то какие живые существа им пользовались?

И тут в дело вступили юристы.

Семья О утверждала, что наличие языка явно свидетельствует о присутствии разумной жизни. Юристы корпорации отвечали, что чирикание и писк не есть язык, даже если они оказываются не звуковыми, а электромагнитными. (И на самом деле сигналы больше походили на треск сверчка или птичьи крики, чем на членораздельную речь.) О спрашивали: как могут сверчки общаться с помощью электромагнитных сигналов, если они недостаточно разумны, чтобы соорудить радиопередатчик? Юристы корпорации отвечали, что ни о каком радио речь не идет, просто электрические поля, и,возможно, у производящих их существ есть электрические органы, как у угря. О говорили, ага, значит, вы признаете, что мы обнаружили жизнь, так платите за это премию немедленно. Юристы корпорации отвечали, сначала покажите нам образцы. Или фотографии. Или что-нибудь, способное доказать, что эта жизнь реальна.

Конечно, все это заняло много времени. Каждый обмен репликами в диалоге занимал шесть — восемь месяцев слушаний и снятия показаний. После трех лет

споров корпорация неохотно согласилась на премию в четверть миллиона, чего едва хватило на оплату юристов О.

Потом, много лет спустя, кто-то повторил полет О с лучшим оборудованием. Новые подводные аппараты располагали фотокамерами и прожекторами, и они обнаружили, что производит сигналы. Это не был разум. Это были черви — десяти метров длиной и без глаз. Жили они в серных выделениях подводных термальных трещин. У червей при вскрытии обнаружили электрические органы, как и утверждали О. Но больше ничего интересного у них не оказалось.

Тем не менее О заслужили еще несколько сотен тысяч, так как было доказано, что они открыли жизнь. Но они эту премию не получили. Не могли получить, так как не вернулись из своего последнего полета.

* * *

Но премия за открытие чуждой разумной жизни не осталась невостребованной. Две другие группы исследователей с Врат получили по десять миллионов долларов. Они нашли то, что корпорация с некоторым снисхождением согласилась назвать «разумными» жуками.

Все соглашались, что корпорация здесь расширила понимание разумного. Даже сами исследователи, что не помещало им принять деньги. Свиньи вуду выглядели как голубые муравьеды и наслаждались в грязи, как одомашненные земные свиньи. «Разумными» их сделало то, что они выработали форму искусства: они создавали статуэтки, выгрызая их зубами (ну, тем, что у них служит зубами), и такого никогда не делало ни одно земное животное. И поэтому корпорация философски выплатила премию.

Были также квейнисы. Они жили в морях далекой планеты. У них были маленькие плавники, но никаких настоящих рук; поэтому они не очень хорошо создавали вещи, и потому никто не считал их технологичными. Но у них несомненно был язык, более или менее поддающийся переводу. Они были определенно умнее, чем, скажем, дельфины или киты или вообще кто-нибудь на Земле, за исключением человека — и корпорация и в этом случае

выплатила премию. (Но к тому времени она была уже такой богатой, что могла позволить себе быть и щедрой.)

Вот и все живые разумные.

Конечно, были найдены следы иных «цивилизаций». На планетах обнаруживались металлические конструкции, не вполне еще съеденные ржавчиной; на других планетах было ясно, что кто-то когда-то сумел отравить среду явно искусственными радионуклидами.

Вот и все.

И чем больше находили, тем больше удивлялись. Где древние цивилизации? Те, которые достигли земного уровня культуры миллионы или миллиарды лет назад? Почему они не выжили?

Как будто первые исследователи, допустим, джунглей Амазонки нашли хижины, поля, деревни, но вместо живых обитателей только трупы. Исследователи, конечно, принялись бы думать, кто убил всех людей.

Так думали и старатели Врат. Они могли принять это, если бы не нашли следов других цивилизаций (кроме хичи, конечно). Те люди, которые занимались такими проблемами, были готовы к подобному исходу: проект СЕТИ (SETI: The Search for Extraterrestrial Intelligence. Программа поиска внеземных цивилизаций, осуществлявшаяся в США. — *Прим. перев.*) и космологические оценки подготовили их к одиночеству во вселенной. Но ведь были другие существа, которые могли достичь технологии и разума, подобных человеческим. Они существовали и исчезли.

Что же произошло?

Нескоро человечество получило ответ на этот вопрос, а когда получило, он ему не понравился.

Часть девятая

ЗОЛОТОЙ ВЕК

Пока люди прокладывали собственный путь по безмерности Галактики, их собственная планета начала изменяться. На это потребовалось долгое время, но наконец чудеса хичи, которые привозили старатели Врат, начали решительно изменять к лучшему условия жизни жителей Земли, даже самых бедных.

Одно ключевое открытие привело к остальным. Таким открытием послужило умение читать язык хичи. Труднее всего оказалось найти сам этот язык для чтения, потому что хичи как будто не были знакомы с такими вещами, как карандаш, бумага или книгопечатание. Конечно, все, кто задумывался над этим, были уверены, что хичи имели какой-то способ записи, но какой?

Ответ оказался очевиден: загадочные «молитвенные веера» на самом деле были «книгами» хичи. Конечно, очевидным это стало после самого факта — впрочем, сложность заключалась еще в том, что эти «книги» нельзя было прочесть без помощи сложной техники.

Но как только было установлено, что записи — это записи, остальное было делом лингвистов. И оказалось совсем не трудным. Не труднее, скажем, давно расшифрованного «линейного письма Б»; задача облегчалась тем, что на «Небе хичи» и в других местах найдены были параллельные тексты, записанные двумя языками.

Когда были прочитаны молитвенные веера, стали ясны ответы на некоторые самые неразрешимые загадки

хичи. И в том числе как воспроизвести полет со скоростью выше световой. Могла начаться настоящая колонизация. Большой корабль, названный «Небом хичи», первым использовался для этой цели, потому что был уже готов. Он перевозил за раз тысячи бедняков эмигрантов к их новым домам в такие места, как планета Пегги, и это было только начало. Через пять лет к нему присоединились другие корабли, построенные людьми, такие же быстрые, но еще большего размера.

А на самой родной планете...

* * *

На самой родной планете первое большое изменение внесло появление фабрик CHON-пищи.

Упрощенно говоря, они навсегда положили конец голоду. Фабрики CHON-пищи самих хичи располагались среди комет — именно в этом заключалась причина так давно приводившего в замешательство интереса хичи к облакам Оорта, теперь эта причина стала ясна. Созданные людьми копии этих фабрик могли располагаться везде — везде, где был запас основных четырех элементов. Нужны были еще только добавки для удовлетворения наших диетических нужд.

И вот вскоре фабрики CHON-пищи сидели на берегах Великих озер в Северной Америке, и озера Виктория в Африке, и вообще везде, где была вода и четыре элемента и где люди хотели есть. Они были на берегах всех морей. Больше никто не голодал.

Отныне никто не умирал от голода — а вскоре стало почти истиной, что никто не умирал вообще. У этого были две причины. Первая имела отношение к хирургии и, как ни странно, опять-таки к фабрикам CHON-пищи.

Уже давно люди умели заменять трансплантатами любые износившиеся органы. Теперь необходимую замену не нужно было вырезать из трупов. Та же система, что создавала CHON-пищу, слегка преобразованная, могла создавать и необходимые людям для замены органы. (За одну ночь исчезла целая отрасль убийств для продажи органов.) Никто теперь не умирал из-за того, что у него отказали сердце, легкие, почки, кишки или мочевого пузыря. Нужно было только обратиться с запросом в отдел человеческих органов ближайшей фабрики CHON-

пищи, и там извлекали ваш новый орган из водного раствора, а хирурги ставили его на место.

В сущности начался расцвет всех наук о жизни. Пищевые фабрики хичи сделали возможным сначала распознавать, потом воспроизводить и даже создавать тысячи новых биологических объектов: антиантигены, антивирусы, отдельные ферменты, заменители клеток. Болезни перестали существовать. Даже такие вечные болячки человечества, как кариес зубов, деторождение и самый обычный насморк стали историей. (Зачем женщине страдать при родах, если любая родильная машина — допустим, корова, — может принять оплодотворенное яйцо, доносить его до зрелости и выдать здоровым и кричащим?)

Была и вторая причина. Если человек вопреки всему все-таки умирал от общего старческого распада, он умирал не полностью.

Другое изобретение хичи — оно впервые было обнаружено тоже на корабле «Небо хичи» — лишило смерть ее ужасов. Техника записи сознаний мертвых старателей вызвала появление на корабле «мертвецов». Позже, на Земле, она породила организацию, названную «Здесь и После, Инк.», всемирную сеть операторов, которые брали вашу умершую мамушку, или супругу, или друга, помещали ее или его память в компьютерное пространство и позволяли вам беседовать с умершим, когда захотите. Вечно. Или во всяком случае пока кто-то платит за сбережение базы данных.

Вначале это было, несомненно, не совсем то же, что реальная жизнь. Но все равно гораздо лучше, чем безвозвратная смерть.

Конечно, по мере совершенствования технологии (а она совершенствовалась очень быстро) машинная запись человеческого сознания становилась легче и гораздо совершеннее.

И когда стала по-настоящему хорошей, возникли непредвиденные проблемы. Как ни удивительно, проблемы эти были теологическими. Обещания земных религий были исполнены таким образом, каким не планировал ни один религиозный учитель, потому что теперь действительно «жизнь» представлялась чем-то вроде увертюры, а «смерть» — только первым шагом на «вечно благословенные небеса».

Умерший, который просыпался и обнаруживал, что стал собранием битов в базе данных огромной компьютерной сети, вполне мог задуматься, зачем он так цеплялся за органическую жизнь, потому что машинная жизнь осуществляла любые его желания. Из-за смерти он ничего не утратил. Он по-прежнему мог «чувствовать». Записанные машиной ели, сколько хотели — ни цена, ни время года больше не определяли меню. Если хотели, они могли и испражняться. (Неважно, что «пища», которую ест «мертвый», только символически представлена битами данных, потому что он сам тоже таков. Он не может определить разницу.) Возможны оказались все физиологические функции. Умерший не лишился ни одной радости плоти. Он мог заниматься любовью с возлюбленной — конечно, если она тоже записана в той же сети, — или с любым количеством возлюбленных, реальных или воображаемых — в зависимости от вкуса. Если он хотел общества своих еще живущих друзей, ничего не мешало ему представить себя в виде созданной машиной голограммы и поговорить с ними или поиграть в карты.

Были также путешествия; и — самое популярное — работа.

В конце концов главная работа человечества — это обработка информации. Люди больше не выкапывали фундаменты небоскребов. Это делали машины; люди только управляли машинами, а это легко сделает не только плотский человек, но и записанный машиной.

Поистине это был рай. Стиль жизни мертвого был таким, к какому он всегда стремился. Он не беспокоился, «может ли он себе это позволить» и «не вредно ли это» для него. Единственным ограничением становилось собственное желание. Если он хотел плавать в Эгейском море или пить холодный ром в тропиках, ему стоило только приказать. И базы данных создавали для него любое окружение, такое же детализированное, как реальность, и такое же вознаграждающее. Оперативным словом стало «совершенный», потому что имитации были так же хороши, как реальность (они были даже лучше: Таити без moskitov, французская кухня без полноты, удовольствие от восхождения в горы без риска погибнуть в несчастном случае). Умершие могли кататься на лыжах, плавать, пировать, испытывать любые удовольствия... и при этом никогда не страдать от похмелья.

Некоторые не умеют быть счастливыми. Немногие из умерших оставались недовольными. Прихлебывая аперитив в кафе Де ла Пакс или плывя на плоту по Колорадо, они пробовали напиток или ощущали водяные брызги и спрашивали: «Реально ли это?»

А что такое «реально»? Если мужчина шепчет своей возлюбленной слова любви в телефон на далеком расстоянии, что «реально» она слышит? Не его дорогой голос. Это всего лишь колебания атмосферы. Они были проанализированы, скопированы и превращены в ряд цифр; и в мембране ее телефона в обратном порядке они снова превращаются в колебания воздуха. Это имитация.

Кстати, а что она слышит, когда губы возлюбленного всего в нескольких дюймах? Ухо регистрирует только изменения давления благодаря действию стремечка и наковальни. Точно так же как глаз отвечает только на изменения в чувствительных к свету химических веществах. Нервы переносят эти сигналы в мозг, но они сообщают кодированные сигналы о предметах, а не сами предметы, потому что нервы не могут передать звуки голоса или вид Монблана — они передают только импульсы. Эти импульсы не более реальны, чем цифровая передача голоса по телефону.

Мозг должен превратить эти импульсы в информацию, или удовольствие, или красоту. Но то, что делает мозг, с не меньшим успехом может сделать и машинная запись сознания.

Поэтому все удовольствия «реальны», как любое удовольствие. А если эти наслаждения после (субъективного) тысячелетия или двух начинают приедаться, можно работать. Некоторые величайшие музыкальные произведения этого периода были сочинены «призраками», и «призраки» же добились наиболее существенных результатов в научных теориях.

Удивительно, что тем не менее так много людей по-прежнему цепляются за органическую жизнь.

Все это привело к удивительной ситуации, хотя потребовалось время, чтобы осознать это.

Когда старатели Врат начали привозить образцы

технологии хичи, на Земле жило около десяти миллиардов человек. Конечно, это лишь небольшая часть всех живших на Земле людей. Наиболее вероятная оценка числа всех живших — примерно сто миллиардов.

Это число включает всех. Вас, и ваших соседей, и парикмахера вашей двоюродной сестры. Оно включает президента Соединенных Штатов, и папу, и женщину-шофера вашего школьного автобуса, когда вам было девять лет; включает все жертвы Гражданской войны, американской революции и Пелопонесских войн, а также всех выживших; всех Романовых, Гогенцоллернов, Птолемеёв, а также Джуксов и Калликаксов (нарицательные названия нью-йоркских семейств, страдающих от голода, болезней и преступности. — *Прим. перев.*); Иисуса Христа, Цезаря Августа и владельца гостиницы в Бетлсеме; первые племена, которые пересекли земельный мост из Сибири в Северную Америку, а также племена, оставшиеся в Сибири; Q (произвольно избранное обозначение человека, первым применившего огонь), X (произвольно избранное обозначение его отца) и самую первую африканскую Еву. Оно включает всех, живых и мертвых, подходящих под таксонометрическое определение человека и родившихся до первого года Врат.

Как было сказано, это число составляет 100 000 000 000 человек (плюс-минус несколько миллиардов), и большинство из них умерло.

Но тут появились хичи со своими машинами, и положение изменилось.

Число живущих людей удвоилось, потом еще раз удвоилось и продолжало удваиваться. И люди стали жить дольше. Благодаря современной медицине они умирали не раньше, чем сами захотели. И так как это стало не опасно и не больно, у людей рождалось много детей. А когда они «умирали»...

Ну, когда они «умирали», они продолжали «жить» в машинной записи, а среди растущего электронного населения смертности не было совсем.

И вот число живущих непрерывно увеличивалось, а число подлинно умерших оставалось постоянным, и результат становился неизбежен. Но когда было достигнуто равенство, всех оно все равно застало врасплох. Впервые в человеческой истории число живых превзошло число мертвых.

Все это имело любопытные последствия. Восьмидесятилетняя женщина, которая пишет воспоминания, больше не могла упоминать видеозвезд, гангстеров или епископов — если действительно не была знакома с ними, потому что видеозвезды, гангстеры и епископы по-прежнему были рядом и могли познакомиться с ее мемуарами.

Тут старейшие записанные получили большое преимущество. Все, что они упоминают из своих плотских дней, уже истинно, и никто не в состоянии оспорить их рассказы.

* * *

Плотским людям жить тоже было неплохо. Среди них не осталось бедных.

Хватало денег. Хватало и всяких вещей. Фабрики с их умными роботами выпускали умные кухонные машины, и игровые машины, и телефоны-телевизоры, по которым можно говорить с кем угодно. И делали это все время. Города разрослись. В старых Соединенных Штатах на первое место вышел Детройт с его трехсотэтажной мегаструктурой Нового Возрождения, которая заняла площадь от государственного университета Уэйна до реки; в этом хрустальном зиккурате жило сто семьдесят миллионов человек, и у каждого был персональный телевизор с тремястами каналами и голографическим видеокассетным устройством, которое позволяло заполнить пробелы в сети. В резервации навахо племя (достигшее численности в восемьдесят миллионов человек) воздвигло город-здание Паоло-Солери: его первые восемьдесят этажей производили замороженные диетические продукты, одежду и тканые ковры для туристов, а выше жили семейства навахо. В песках пустыни Калахари короли проводили жизнь в изобилии и наслаждениях. Население Китая достигло двадцати миллиардов, и у каждого семейства был холодильник и электрический будильник. Даже в Москве полки ГУМа были забиты радиочасами, играми и костюмами.

Произвести то, что кому-нибудь нужно, больше не составляло никакой проблемы. Энергия есть, сырье льется из космоса. Сельское хозяйство стало таким же рациональ-

ным, как промышленность: роботы засеивали поля, и роботы убирали урожай — генетически отобранные растения, обогащенные не отравляющими местность удобрениями, орошаемые каждое отдельной канавкой, капля за каплей, под присмотром умных автоматических клапанов. А в целом продовольствие поставлялось, конечно, фабриками CHON-пищи.

А если кто-то по-прежнему считал, что Земля не осуществляет всех его желаний, к его услугам вся Галактика.

Все это было в распоряжении плотских людей. У записанных машиной было гораздо больше. У них было все. Все, что они когда-либо хотели, все, что они могли себе вообразить.

* * *

Существовала только одна проблема с машинной записью после смерти, и это проблема относительности времени.

Но тут ничего нельзя было сделать. Машины действуют быстрее плоти. Плотские люди в разговорах с записанными машиной отстают, и это значительная помеха для общения. Записанные машиной считают плотских людей отчаянно скучными.

Живущим легко разговаривать со своими ушедшими родственниками (потому что ушли они не дальше ближайшего компьютерного терминала), но разговор получался невеселый. Все равно что пытаться разговаривать с лежебоками. Пока плотский человек произносил одно предложение, его записанный машиной «ушедший» мог поесть (записанной машиной) еды, поиграть несколько раундов в (имитированный) гольф и «прочесть» «Войну и мир».

То, что записанные машиной действуют несравненно быстрее, вызвало эмоциональные проблемы и у плотских людей. Особенно смущало это сразу после смерти. К тому времени как закончились похороны и горюющие родственники решали повидаться с ушедшим, тот вполне мог находиться в развлекательном, хотя и имитированном круизе по (тоже имитированным) норвежским фьордам, учился играть на (воображаемой) скрипке и познакомился с сотнями новых записанных машиной друзей. У оставшихся в живых еще слезы на щеках не высохли, а умерший уже почти забыл о своей смерти.

В сущности, думая о своей жизни во плоти, он обычно испытывал ностальгию, но в то же время был рад, что все это кончилось — как взрослый в пору зрелости вспоминает свое полное тревог и смущений детство.

И еще одно следствие — запись машиной лишила работы могильщиков. Записанным машиной, чтобы их не забывали, не нужны памятники. Конечно, смерти по-прежнему сопровождались церемониями, но они скорее напоминали свадьбы, чем поминки; и все это дело от гробовщиков перешло к организаторам банкетов.

Психологи некоторое время тревожились из-за этого. Если мертвые все еще (некоторым образом) живы и вполне достижимы, как можно горевать?

Но проблема решила сама собой. Горе перестало быть проблемой. Горевать стало не из-за чего.

* * *

К несчастью, полный живот и благополучная жизнь не обязательно делают человека хорошим.

Конечно, это помогает. Тем не менее червей честолюбия и зависти, живущих в человеческом сознании, насытить нелегко. Еще в двадцатом столетии было отмечено, что рабочий, сумевший перебраться из квартиры с холодной водой в собственный дом с видеомagneитофоном и спортивной машиной, все равно завидует соседу с его тридцатидвухфутовым лимузином.

Человечество не изменилось от того, что приобрело технологию хичи. По-прежнему находились такие, которые хотели того, что есть у других, и готовы были отобрать это.

Так что воровство не исчезло. Не исчезли неверные любовники, мрачные жертвы и просто психопаты, которые пытаются избавиться от своих бед насилием, нападениями и убийством.

Раньше таких людей либо сажали в тюрьмы (которые оборачивались школой преступников), либо отдавали их палачу (однако убийство не перестает быть убийством, если его совершает не индивидуум, а государство).

У Золотого века нашлись лучшие способы. Менее мстительные и гораздо менее удовлетворительные для тех, кто стремился обязательно наказать преступников. Но они действовали. Общество оказалось впервые пол-

ностью защищенным от преступников. Если еще и оставались тюрьмы (а они оставались), в них действовали роботы, которые никогда не спят и не берут взятки. Но лучше тюрем оказались планеты изгнания, куда можно было депортировать самых неисправимых. Преступник, высаженный на такой планете с низкой технологией, мог прокормиться и продолжал жить, но не мог построить космический корабль, чтобы вернуться к цивилизации.

А для самых тяжелых было «Здесь и После».

Если сознание тщательно записано, тело больше не имеет значения. От него можно избавиться без угрызений совести. Это было самое тяжелое наказание — тяжелое своей окончательностью. И когда наказание осуществлялось, преступники не умирали. Они оставались живы — по-своему, но становились навсегда безвредны. Из такой тюрьмы никто не сбежал, это невозможно.

* * *

И чтобы все сказанное осуществилось, нужна была, помимо знания самих механизмов, энергия.

И здесь на помощь пришли хичи. При изучении центра пищевой фабрики была раскрыта тайна генераторов энергии хичи: это была ядерная реакция холодного синтеза. То же самое превращение двух атомов водорода в один атом гелия, которое происходит в недрах звезд, но не при таких температурах. В результате холодного синтеза создавалась температура в 900 градусов Цельсия — почти идеальная температура для выработки электроэнергии, и процесс этот абсолютно безопасен.

Но и человеческая технология не застыла, и на Земле становилось по-настоящему хорошо.

Не все достижения человеческого расцвета науки и технологии объяснялись вкладом хичи. Например, компьютеры.

Человеческие компьютеры оказались лучше, чем у хичи, потому что хичи вообще не занимались думающими машинами. Их способы обработки информации строились на другой основе и в некоторых отношениях были хуже. Когда люди научились совмещать усовершенствования хичи со своими уже мощными машинами, последовал взрыв знаний, который означал начало новых технологий во всех сферах жизни.

Устройства с квантовыми эффектами давно заменили медлительные кремниевые микрочипы, и компьютеры стали на много порядков быстрее и лучше. Больше не нужно было набирать на клавиатуре программу. Достаточно было сказать компьютеру, что тебе нужно, и компьютер делал это. Если инструкции оказывались неадекватными, компьютер задавал вопросы, чтобы прояснить задание — причем коммуникация шла лицом к лицу, компьютер создавал голограмму, которая разговаривала с плотским хозяином.

Пища хичи и энергия хичи... человеческие компьютеры... биохимия хичи, соединенная с человеческой медициной...

Мир людей наконец-то дал каждому человеку подлинную человечность. А если кому-то нужно было больше, к его услугам в пределах досягаемости была вся Галактика.

* * *

Оставался тревожащий и никогда не забывавшийся вопрос о самих хичи.

Они оказались неуловимы. Их следы находили повсюду, но никто не видел живого хичи, хотя каждый старатель Врат хотел увидеть их и почти каждый человек на Земле представлял в мечтах (или видел в кошмарах), какими они окажутся, когда их найдут.

Велись ожесточенные споры. Ответов было мало. Господствующая теория утверждала, что из-за какой-то трагедии хичи вымерли. Возможно, истребили друг друга в катастрофической войне. А может, по непонятным причинам, эмигрировали в далекую Галактику. Возможно, у них случилась чума — или они вернулись к варварству — или просто решили больше не путешествовать по космическому пространству.

Все соглашались в одном: хичи исчезли.

Вот в этом все ошибались.

Часть десятая

В ЯДРЕ

Неправда, что хичи вымерли. Определенно не как вид и в огромном числе случаев даже не как индивидуумы.

Хичи были живы и здоровы. А не находили их просто потому, что они этого не хотели. У них были для этого основательные причины, и они решили скрыться от нежелательного внимания на несколько сотен тысяч лет.

А спрятались хичи в центре Галактики, в огромной черной дыре — дыре такого размера, что в ней находились тысячи звезд, планет, спутников и астероидов; они сосредоточились в таком небольшом объеме, что их общая масса замкнула вокруг них пространство. Все хичи были там — несколько миллиардов; они жили на нескольких покрытых куполами планетах внутри Ядра.

Чтобы создать свое гигантское укрытие, хичи стащили вместе 9 733 отдельные звезды, вместе с принадлежащими им планетами и другими объектами на орбитах. Помимо всего прочего, это дало им великолепное ночное небо. С поверхности Земли человек может увидеть невооруженным глазом около четырех тысяч звезд, начиная от бело-голубого Сириуса до звезд шестой величины, находящихся на пределе видимости. У хичи звезд было вдвое больше, и увидеть их было легче, потому что они намного ближе — голубые звезды гораздо ярче знакомого нам Сириуса, рубины, почти такие же яркие, как земная Луна, созвездия из удивительно ярких сотен звезд.

Конечно, благодаря этому звездному населению у

хичи почти не было ночей. Только когда небо закрывали густые облака. Поэтому хичи не привыкли к темноте. На их планетах в Ядре редко бывало так, чтобы соединенный свет звезд не давал хотя бы возможности читать.

При таком количестве звезд было и достаточно планет для жизни. Хичи занимали только часть их, но те, что выбрали, сделали очень уютными. Естественно, планеты эти были относительно теплыми, с благоприятной атмосферой, и такого размера, чтобы была привычная хичи сила тяжести (как выяснилось, не очень отличная от земной). Это не было случайностью. Хичи сознательно подобрали лучшие планеты и переместили их в Ядро, чтобы жить на них. На них они строили свои города и фабрики, здесь устраивали фермы и культивировали загоны с океанической рыбой — ничего у них не выглядело точно, как у людей, но действовало неизменно хорошо. Гораздо лучше, чем у людей. Хичи строили, создавали, выращивали очень экономно, не заражая окружающую среду и ничего не портя. Они очень уютно устроились.

Конечно, полного совершенства не было. Но его никогда и не бывает. На Ямайке есть ураганы, в Южной Калифорнии — ветер Санта Ана, даже на Таити бывают сезоны дождя. В любом самом идеальном климате случается плохая погода. И у хичи были проблемы с погодой. Конечно, не с ветром или дождем. Их проблема заключалась во врожденном вредном характере черных дыр. Черные дыры всасывают в себя все, что находится поблизости. Они делают это с большой силой, на большой скорости и вызывают серьезное смятение. Оно выражается в излучении. Именно поэтому человеческие астрономы впервые обнаружили черные дыры и их смертоносное ионизирующее излучение.

Поэтому повсюду в Ядре шел постоянный дождь из поврежденных заряженных частиц, это означало, что хичи приходилось накрывать свои планеты куполами. Хрустальные сферы окружили каждую планету, предохраняя ее от смертоносного излучения от всех источников. Тем временем радиус Шварцшильда огромной черной дыры скрывал хичи от того, чего они боялись еще больше.

Поэтому они и скрылись в своем убежище. И теперь ждали.

Конечно, хичи нужен был вход в черную дыру и выход из нее, и, конечно, это у них было. Люди тоже имели такую возможность — в некоторых покинутых кораблях хичи, но прошло много времени, прежде чем они узнали об этом.

Такова главная проблема технологии хичи. Найдя ее части, люди испытывали большие затруднения. Хичи не оставили руководства, которое можно было бы изучить. Они даже не пометили свои машины ярлычками — по крайней мере люди эти ярлычки прочесть не могли. Лучшим способом обращения с машинами хичи оказалась так называемая обратная инженерия — по существу машину разбирали на части и пытались выяснить, как она действует.

Беда в том, что, когда инженеры пытались подступиться, проклятые машины взрывались. Поэтому с механизмами обращались осторожно, и если не могли определить, для чего предназначена машина, оставляли ее в покое. Например, изогнутый хрустальный стержень, который находили в части, но не во всех кораблях хичи. Инженеры понимали, что у него есть цель. Они только не знали, какая это цель.

Если бы кто-нибудь на Земле знал, где живут хичи, возможно, об этом и догадались бы...но никто этого не знал, и вот у человека оказался в руках инструмент для проникновения в черные дыры задолго до того, как кто-нибудь понял, на что он способен.

Кстати, немало времени прошло, пока люди узнали, как выглядят хичи. Нелегко описать их внешность.

Самец хичи в среднем пяти футов ростом. Голова у него идеального арийского нордического типа, хотя цвет кожи совсем не нордический. У самцов кожа коричневая, цвета дубовой коры, у самок она обычно светлее. Кожа хичи кажется состоящей из блестящего пластика. Череп покрывают густые тонкие волосы, вернее, покрывали бы, если бы хичи не подстригали их коротко. Самец хичи издает слабый запах аммиака — с точки зрения человека; сами хичи этот запах не ощущают. В их глазах нет радуж-

ной оболочки. Нет даже зрачков, только х-образное пятно в центре розоватого глазного яблока. Язык раздвоенный. А фигура в целом...

Внешний вид хичи зависит от того, как вы на него смотрите: спереди или сзади.

Если человека сплюснуть, он будет походить на хичи. Спереди хичи выглядит очень плотным, сбоку (если не считать округлого выступающего живота) хрупким. А больше всего он напоминает (хотя и без преувеличений) картонные скелеты, которыми дети украшают свои классы в Хэллоуин. Это особенно верно относительно бедер и ножных суставов, потому что таз у хичи по строению сильно отличается от человеческого. Ноги в конце присоединяются непосредственно к тазу, как у крокодила, так что, когда хичи стоит прямо, между ног у него значительный промежуток.

У хичи это место не пусто. Это самое удобное место, чтобы носить в нем что-нибудь: то, что человек понес бы в руках или на плечах, хичи носят между ног. На самом деле все цивилизованные хичи носят в этом месте большую заостренную сумку. В ней находятся два главных содержимых: микроволновый генератор, который хичи нужен для поддержания жизни, и запись «древних предков», сознание которых всегда с ними, как человек носит с собой карманный калькулятор, ручку, кредитную карточку и фотографию своей семьи. А когда хичи садятся, они садятся на этот стержень-сумку.

(Так одним ударом разрешились полувековые гадания о том, почему сиденья хичи так неудобны для человека.)

Наружный покров хичи, твердый и блестящий, в то же время не толст. Сквозь него заметны движения костей; можно даже увидеть, как действуют мышцы и сухожилия, особенно когда хичи возбуждены — это нечто вроде языка телодвижений, как у человека оскал зубов. Речь у них свистящая. Жесты отличаются от человеческих. Хичи не качают отрицательно головой, вместо этого поворачивают запястья.

Хичи происходят от животных, которые, подобно луговым собачкам, рыли норы, а не от живущих на деревьях, как люди. Поэтому хичи сохранили несколько наследственных особенностей. Хичи не знают, что такое клаустрофобия. Им нравятся замкнутые пространства. (Возможно, именно поэтому они так любят туннели.

И именно поэтому они предпочитают спать в постелях, напоминающих джутовый мешок, заполненный опилками.)

Их семейная жизнь тоже не похожа на человеческую, и занятия, и их эквивалент политики, моды и религии. У них есть два пола, как у людей, и секс иногда сильно их занимает, как и людей, но долгими периодами они о нем даже не вспоминают. (В отличие от людей.) Странно, но они так и не изобрели ничего напоминающего правительственное чиновничество (у них вряд ли есть правительство) или финансовая экономика (у них нет денег). Люди не понимают, как они могут жить без этого, но и хичи считают эти особенности жизни людей отталкивающими. К тому времени как люди начали полеты в космос, большинство человечества было занято на работах «белых воротничков». И они были удивлены, что строго говоря почти все хичи являются безработными.

Дело не в том, что профессора политологи и социологи гадали, как хичи умудряются существовать без королей, президентов или прочих лидеров. И на земле поколения анархистов, либартариан и философов утверждали, что люди в них тоже не нуждаются. Загадка заключалась в том, как хичи удалось вообще никогда их не иметь.

Спустя много времени группа антропологов и бихевиористов в области культуры выдвинула следующую теорию. Феномен хичи также имеет эволюционную основу. И возник потому, что предки хичи, так называемые «хичиоиды», жили в подземных норах, как луговые собачки или пауки-ктенизиды. Они не создавали племена. У каждого была своя территория. И поэтому они не вели племенные войны и не боролись за право престолонаследия: просто не было трона, который можно унаследовать. Хичиоиды не конфликтовали друг с другом — пока их территория не нарушалась.

Конечно, одинокие, не взаимодействующие друг с другом индивиды не могут создать высокотехнологичную космическую цивилизацию. Но когда хичи доросли до таких честолюбивых замыслов, их характер установился. У них не было концепции патриотизма. Не было наций, к которым нужно относиться патриотично. У них существовал кодекс поведения — «законы» — и были институты, следившие за его соблюдением («советы», «суды», «полиция»), но это все. Земные правительства большую часть

энергии тратят на защиту от нападений других государств или на нападения на эти государства. Когда взаимные угрозы физические, метод их разрешения военный. Когда угрозы экономические, усилия направлены на субсидии, тарифы и эмбарго. Хичи это все не нужно, так как у них нет соперничающих государств.

* * *

И вот хичи жили в своем тесном Ядре, были довольны жизнью и ждали, пока их откроют.

Однако их жизнь в Ядре по человеческим стандартам была не вполне нормальной.

Существовало одно значительное отклонение от нормы. Хичи жили в Ядре около полумиллиона лет — незадолго до ухода они побывали на Земле и прихватили горстку австралопитеков, чтобы посмотреть, что выйдет из этих глупых маленьких животных, — но для них этот срок не казался большим.

Альберт Эйнштейн сразу понял бы, в чем дело. В сущности он даже предсказал этот эффект. Хичи находились внутри черной дыры. Поэтому они подчинялись космологическим правилам, управляющим черными дырами, включая феномен растяжения времени. Время, которое несло в Галактике, ползло с ледниковой медлительностью в Ядре — соотношение примерно 40 000 к 1. Это очень большое отличие, такое большое, что многие хичи, оставившие свои корабли на Вратах, еще жили в Ядре. О конечно, они постарели. Время не остановилось. Но для них прошло не полмиллиона лет, а только несколько десятилетий.

А когда хичи ушли и спрятались, они оставили часовых. Это входило в их план.

Конечно, их план включал и элемент риска. Хичи не были уверены, что возникнет разумная космическая раса и найдет оставленные ими артефакты; а если этого не произойдет, план не сработает. Но они решили попробовать. Они рассчитывали на другие разумные расы (и потому оставили в укрытии по всей Галактике своих часовых-роботов, чтобы те нашли новые разумные расы и сообщили о них).

Когда люди начали шуметь в Галактике, часовые засекли их.

Хичи применили свой изогнутый хрустальный стержень — у них он носил название, равнозначное «ножу для открывания консервов», — и проверили свои «собирательские ловушки». Они хотели проверить, что произошло в Галактике за последние несколько столетий (с их точки зрения — за пару дней). В качестве обычной предосторожности они отправили разведочную группу...

Но это уже совсем другая история.

НАШЕСТВИЕ КВАНТОВЫХ КОТОВ

(Жесткая фантастика по Фредерику Полу)

ДВОЙНИК

Когда его ввели, он не смотрел на меня. Думаю, он знал, что, подняв глаза, взглянет в свои собственные. Или мои... Наши.

Он имел мое лицо, такой же цвет волос, даже маленькую родинку вверху. Но были и небольшие отличия: он был легче меня фунтов на шесть или на восемь и носил другую одежду. Это был комбинезон из цельного куска блестящей зеленой материи, с карманами на груди.

Я сказал сам «себе»:

— Доминик! Взгляни на меня!

Молчание. Второй Доминик не ответил.

Я попробовал снова:

— Доминик! Ради Бога, скажи, что случилось!

Тогда он поднял глаза (но не на меня), он взглянул на настенные часы, что-то подсчитал в уме. Затем повернулся ко мне и сказал:

— Доминик! Ради Бога, я не могу!

И пропал...

АВГУСТ, 16, 1983 г. Время: 8.20 вечера. Ники Де Сота

Когда прозвучал звонок, я держал одну руку на баранке руля, готовый рвануть, а другую высунул в окно, показывая левый поворот. Мое внимание было приковано к уличному регулировщику, который раздражающе много болтал, забыв о дорожном движении на Мичем-Роуд. Моя голова распухла от закладных, условий и приемлемых заемов армии так или иначе, я еще должен испугаться после ужина со своей подружкой. Был вторник — а значит, самое время для купания. Ведь иногда в будни после

наступления темноты водные спасатели смотрят на купающихся без одежды сквозь пальцы.

Звонок разнес все вдребезги.

Я не переносил трезвонящий телефон — и рискнул. Убрал руку с руля и поднял трубку: «Говорит Доминик Де Сота! Я вас слушаю!» Только это сказал, как полицейский вспомнил про дорожное движение и властно махнул рукой.

Это произошло слишком неожиданно.

Водитель междугородного трамвая видел, что я медлил, и поехал через перекресток как раз в тот момент, когда я дал газу. Телефонистка на другом конце линии сказала что-то похожее на китайский или язык индейцев чокто. Это не было ни одним из этих языков — просто связь была неточно настроена. Вы же знаете, как они работают к концу смены! Устало и немного небрежно, они без всякого сожаления врезаются в ваши частоты. Я не понял ни одного слова. Мне было наплевать на это, потому что двадцатитонная масса вагона преградила мне дорогу. Водитель не мог развернуть трамвай, и оставался только один путь, где я мог избежать столкновения. К несчастью, в центре этого пути стоял полицейский...

Я не сшиб его, но в этом была только его заслуга. Он сумел отскочить в сторону. Всего-навсего в сторону. Так что я чуть-чуть подпортил его ботинки, но не задел пальцев.

Я не сержусь на него за вручение повестки. На его месте я поступил бы так же и даже хуже. Я не имел бы к нему претензий, если бы он дал сдачи — но полицейский не сделал этого. А просто задержал меня на три четверти часа, приказав остановиться на обочине у лесопарка вместе с другими штрафниками. Он был совершенно спокоен: попросил лицензию и внимательно изучил ее. Потом ушел распутывать дорожный беспорядок. Вернулся и спросил о другом: чем я занимаюсь, долго ли живу около Чикаго и знаю ли я, что автомобиль должен уступать дорогу трамваю...

В промежутках между вопросами я пытался возвращаться к звонку. В моем бизнесе мы живем телефоном: кто-нибудь звонит вам и просит закладную, а если вы не окажете эту услугу, он обращается к конкурентам. Кроме того, отдельные звонки вызывали тревогу. Это было отчаянием. Без сомнения, вы никогда не держали в своем

автомобиле сразу два телефона. Единственное, что мне приносило удовлетворение от этих причудливых вещей, — это то, что они прекращали звонить, как только я был связан с абонентом.

Когда я отозвался, на другом конце были шокированы:

— Вы не представляете себе, мистер Доминик, — сказал женский голос, — сколько мне пришлось звонить, чтобы найти вас!

— Наверное, очень долго, — предположил я, — пока не наткнулись на другого. Это не мистер Доминик, а мистер Де Сота. Доминик Де Сота.

Выпад не дал никакого отпора. Вместо этого она возмущенно сказала:

— Вы ошибаетесь — частота правильная!

Обманув ее ожидания, я подключился на ее частоту.

— Вызов мог быть совсем для другого! Однако, полагаю, с моим именем! — предположил я, но в этот момент вернулся полицейский и спросил, были ли мои родители иностранными подданными и не болен ли я заразными болезнями.

Он раздраженно ушел, увидев, что я болтаю по телефону вместо того, чтобы раскаиваться в грехах.

— Не принимайте это близко к сердцу! — сказал я телефонистке.

Взял повестку в суд. Битые полицейские ботинки. (Метафора!) Обещание, что это никогда не повторится. (Пылкое!) Поехав со скоростью тридцать две мили в час, я желал, чтобы остаток дня прошел более удачно. Этого не случилось, хотя в дороге не было никаких намеков на плохое. Грета не ответила на звонок — наверно, ушла в супермаркет за покупками или еще куда-нибудь. Она должна прийти на пляж лесопарка Мехтаб-ибн-Баузи ближе к ночи. А я еще не договорился насчет некоторых складных и даже не попросил вернуть рекламные проспекты.

И я поразился, поистине поразился, когда совершенно скрипуче и пронзительно в прерванном звонке услышал — я почти был уверен в этом — слово «ФБР».

Я начинал как торговец... Истинная правда! До окончания колледжа я занимался настоящей торговлей. Затем перешел в кредиторы.

Если я говорю кому-либо, что маклеры живут более интересной жизнью, чем агенты по продаже недвижимости, то на меня изумленно пялятся. Тем не менее, это на самом деле так! У кредиторов масса хлопот. Вы делаете явью людские грезы. Вы видите, что нет более занимательного народа, чем мечтатели. Временами меня совсем не трогают их мечты, потому что лишь немногие из фантазеров — трогательные молодожены. Я не знаю, понимают ли они, что приходят с выгодным тарифом — пять с половиной (иногда пять или пять — восемь процентов), но они получают нужную сумму. Занимают тысячи долларов, платят года два или три, получив увитый виноградной лозой коттедж своих снов. И я один из тех, кто помогает им осуществить свою мечту. Думаю, это более подходящий выход, чем занимать где-нибудь в большом банке у чиновника. Около Чикаго этого не происходит, если только вы не родственник какой-нибудь шишки, и этот магнат, разумеется, не итальянец. В банковском деле это арабы. Необычно не это: много ли банков в Америке, которые не субсидируются арабами? Конечно, не очень много из них процветает и расширяется. В банковском деле у меня нет будущего — но арабы не беспокоятся об обслуживании так, как маклеры-кредиторы.

Быть может, причина в том, что (как и большинство людей), они не знают о маклерах. Я один из тех, кто встречается с клиентами, помогает выбрать необходимую постройку, покончить с налогами, кто управляет клиентами с помощью анкет, улаживает разногласия и удерживает от отказов каждого, кто нуждается в собственном доме. Это жизненная и интересная работа. Я знаю, что этим, вероятно, убеждаю самого себя. Это мне высказала моя девочка Грета — когда я сам не рискнул признаться. Она убежденная сторонница постоянной работы — только не в банке — пока мы не поженимся. А мы собирались сделать этот шаг в один из ближайших дней! Работа позволяла это.

Один из ближайших дней...

Между тем что еще интересней, я говорил так по крайней мере три раза — и это давало мне свободное время. Его я обычно повожу с Гретой. В нашей компании есть правило, согласно которому каждый коммивояжер может проводить пять часов в неделю «этажное вре-

мя» — там, в агентстве — чтобы позвонить или встретиться с клиентами. Когда Грета в полете (а она стюардесса), я много работаю. Когда дома, стараюсь проводить время с ней. Мне безусловно нравится, что она имеет работу, она... нет, это неправда. Я ревную ко всем парням, которых Грета встречает между Чикаго и Нью-Йорком, беспокоюсь, где осталась переночевать. Несомненно, ее сопровождает Маленькая Фатима... но ведь подруги могут ускользнуть. Грета и я знаем все. Я не хочу вспоминать о том, что я научил ее, как это делать в Чикаго, а она использует это умение с кем-нибудь в Нью-Йорке. Я не хочу об этом думать!

И стараюсь не вспоминать...

И после всего этой ночью я иду с ней купаться. Как только вернусь домой, стяну с себя всю одежду, опущу шторы и закрою двери, возьму в потайном шкафу под лестницей бутылку пива. Пока оно охлаждается в холодильнике, я постараюсь проверить таинственный звонок. Конечно, это безнадежное дело. Мой прерванный звонок погружен под часами многих других. Но когда я сел с ароматной холодной бутылкой, запотевшей по бокам, раздался телефонный звонок. Грета!

— Милый Ники? Мы сегодня пойдем купаться?

Конечно, непременно! Я выпил пиво так быстро, что захрустели зубы, надел костюм и был уже в воде, в то время когда она только добралась сюда и прыгнула ко мне.

В этот час с бассейне было много людей, тем не менее, когда Грета прыгнула в воду, глаза всех мужчин были нацелены на нее. Грета очаровательна. Она — зеленоглазая блондинка с тонкой талией, ее рост пять футов и восемь дюймов. Мужчины часто заглядываются на нее. Она в купальном костюме до бедер и юбке — наша пляжная охрана сделалась необходимостью, поскольку мужчины понесли всякую чепуху, как часто делал я сам.

Я потащил ее в темный конец пляжа и поцеловал. Здесь не было освещения — из-за экономии электричества освещался только купальный павильон. Мы стояли в воде — по плечо мне и до подбородка Грете, — покачиваясь на кончиках пальцев. Я старательно поцеловал ее, затем крепко обнял и снова прикоснулся губами.

Она ответила мне долгим поцелуем. Потом выскользнула из объятий и захихикала, пропустив между

нами прохладную воду. Когда я снова протянул руку, она сказала:

— Ах милый, ты испепелишь меня!

Я сказал:

— Я хочу...

Но она остановила меня:

— Я знаю, чего ты хочешь. Может быть, я сделаю это, а быть может, и нет!

— Кругом никого.

— Знаешь, Ники, не в этом дело. Что, если я... ты меня понимаешь... влипла?

— Это не очень красиво...— Реакции не последовало.— Во всяком случае, можно сделать одну штуку...

— Нет-нет, Ники! Нет, если ты хочешь сказать, а... Я никогда не позволю разрушить жизнь моего ребенка. Во всяком случае, такие места нелегко найти. И потом, кто знает, не убьют ли тебя и не испортят ли жизнь?

Она была права: мы оба знали это. Не проходило и дня, который обошелся бы без полицейских рейдов по подпольным абортариям. Людей как преступников тащат в полицию, и в камере заключения все пациентки стараются спрятать лицо от посторонних взглядов. Мы, конечно же, не хотели оказаться на их месте.

Сейчас почти никого не осталось на озере. И кажется, люди не обращали внимания на то, что мы не плаваем. Грета успокоенно приблизилась ко мне и не сопротивлялась, когда я поцеловал ее снова.

— Ники! — прошептала она в ухо.

— Что, милая?

Слабый смешок, затем шепот — такой низкий, что я едва разобрал слова:

— Как насчет того, чтобы раздеться?

Я огляделся вокруг. В стороне от пары пожилых мужчин, играющих в шашки, был только спасатель: он читал газету при слабом свете.

— Почему бы и нет? — сказал я.

Теперь вы вспомнили, что купаться обнаженным по пояс — не такое уж большое преступление. В городских законах это называется проступком третьего класса. Значит, вас никогда не арестуют за это, а просто оштрафуют, как и за парковку в непопозволенном месте. Штраф не может быть более пяти—десяти долларов, и судья вряд ли приговорит вас к тюремному заключению. Как правило,

первый раз купающихся просто предупреждают. Так что я никак не мог ожидать того, что произошло. Я не рассчитывал, что на пляже могут неожиданно включить свет. Игроки в шашки удивленно вскрикнули, когда кто-то промчался между ними, подбросив в воздух шахматную доску. Это был кто-то один, но были и другие, бежавшие со всех сторон: из туалета, из женских кабин для переодевания, даже из-за забора. И все они направлялись ко мне.

Грета стояла по горло в воде и удивленно пялила глаза, испуганная и смущенная не меньше меня.

Мир закружился и не переставал вертеться, пока они не загнали меня над капотом машины, стоявшей за ограждением. Металл был горячим — машина подъехала сюда недавно, и было заметно, что ее подогнали еще ближе. Они широко раздвинули мои ноги в стороны, гадко недружелюбные руки полицейского пробежали по мокрому задку плавок — отыскивая оружие. Зачем, о Господи? Здесь было еще два автомобиля с направленными на меня фарами, находились, как минимум, с полдюжины человек следящих за мной, а я стоял в самом центре.

И я хотел сказать только одно:

— Слушайте, все, что я захватил с собой — это моя проклятая башка!

Стали очевидными странности, и вопросы остались без ответа.

Почему жители Лос-Анджелеса жалуются на то, что их ароматный воздух, пахнущий апельсинами, загрязнился ядовитыми газами?

Что заставило двадцать тысяч мирных царских подданных вдруг замаршировать через деловую часть Киева, выкрикивая революционные лозунги?

Почему в психиатрические клиники стали поступать с диагнозом «паранойя» и «шизофрения» многие люди, убежденные, что за ними наблюдают невидимые глаза?

Почему внезапно стали случаться странные вещи?

АВГУСТ, 17, 1983 г. Время: 01.18. Никки Де Сота

Я ездил по магистрали Дейли в город тысячи раз, но не так, как сейчас. Никогда раньше при сиренах и вспышках света на кабине устрашающе большого «кадил-

лака». В час ночи на дороге машин было немного, но все они удирали с нашего пути, как только замечали мигалку на патрульной машине чикагского отделения полиции. Мы ехали двадцать одну минуту — быстрее, чем просто ехали. Но это были самые длинные минуты моей жизни. Все молчали.

— Зачем вы меня тащите?

— Заткнись, Доминик!

— Что я сделал?

— Там узнаешь!

— Почему вы мне ничего не говорите?

— Слушай, сынок, в последний раз говорю: заткнись!

Шеф-агент Христоф скажет тебе все, что хочешь — и даже больше!

«Сынок» — так он меня назвал. В моем понимании сам он был как горилла: мокрый насквозь из-за возни на пляже и, по крайней мере, года на два моложе. Но между нами было большое различие: я был пленником, а он — одним из тех, кто знал все, но не отвечал на вопросы.

На здании офиса в Уобаш, куда меня доставили, не было никаких опознавательных знаков, но охранник без слов пропустил нас внутрь. На дверях двадцатого этажа не было никаких табличек, в приемной пусто, и до сих пор никто не сказал мне ни слова. Но по крайней мере, на один свой вопрос я получил ответ. Увидев на стене портрет, я сразу узнал давно почитаемое лицо — важное и строгое, как каймановая черепаха, непреклонное, как лавина.

Дж. Эдгар Гувер¹.

Телефонный звонок не был случайностью: я находился в лапах ФБР...

Если вы тонете, вся жизнь до этого момента представляется вам светлой. В следующие несколько секунд я старался вспомнить все уголовное наказуемое вещи, которые я совершал когда-либо. Не только купание обнаженным по пояс или покушение на чикагского полицейского. Я обратился к началу жизни и начал с того момента, когда помочился около стены пресвитерианской церкви Оливет в Архингтоне. Тогда мне было десять лет

¹ Джон Эдгар Гувер (1895—1972) — директор ФБР в США с 1924 г

и я опаздывал в воскресную школу. Я совершил мошенничество на вступительных экзаменах в колледж, когда вместо сгоревшего я представил фальшивое заявление. Когда в общежитии сгорело мое имущество, выражавшееся в кровати и пружинном матрасе, я заявил, что в этом виноват мой приятель Альфа Капа Нью. Я даже вспомнил, как у меня исчезли зачатки совести: одно время я в самом деле скрывал неприятности с арабами. Это не было гордостью моей памяти. Мой приятель по высшей школе Тим Карасуритис и я выпили три бутылки нелегального пива для того, чтобы доказать, что мы мужчины. Плохо было не то, что я открестился от этого, а то, что сделал это на углу Рандольфа и Вакера возле самой большой и богатой мечети Чикаго. И когда я выпил все это прямо на улице, пришла очередь Тима. Подняв глаза, я увидел стоявшего неподалеку хаджи с белой бородой и в зеленом тюрбане, он рассматривал нас бешеными, негодующими глазами. Позор! Я понял, что он наверняка учинит скандал, но считал, что даже у арабского хаджи есть дети. Он не сказал ни слова, только долго смотрел на нас, затем повернулся и вошел в мечеть. Вероятно, он вернулся с арабским подобием полицейских, но мы в то время были уже далеко, во всяком случае, покончив с пивом, мы скрылись.

О, я открывал глубины моей памяти! Я исследовал каждый подсудный или отрицательный поступок и даже просто неприятные воспоминания, но не находил ничего, что могло бы выявить приход ФБР в середине ночи.

Минут десять спустя я набрался достаточно смелости высказать это, но уже никого не обнаружил. Они оставили меня одного в маленькой комнате, где было немного мебели. Мой разум чист и ясен. Я был одет в костюм для купания. Он, конечно, сохнет долго, но где-то в офисе открыты окна, и из-под двери дул холодный мичиганский бриз. Дверь оказалась закрытой снаружи — это я узнал, когда до нее дотронулся.

Интересно, что, хотя на мне почти ничего не было, они тщательно обыскиали меня. Полагаю, что меня совсем не случайно арестовали именно тогда, когда я не мог иметь при себе оружие и напасть на одного из них или убить себя в припадке раскаяния от чудовищности моих преступлений, чтобы утаить хотя бы одно из них, расстроив тем самым их планы.

Глупцы! Я не думал, чтобы что-нибудь в моем прошлом, стоило смерти. Затрудняло то, что я не знал, за что меня арестовали, но я не совершал ничего такого. Более того, я ничего не предпринимал. Не только потому, что дверь была закрытой, но и вообще в той комнате мало что можно сделать. Здесь находился репродуктор, из которого доносилась музыка — в основном звук скрипки: серьезная вещь. Здесь был стол, конечно же пустой, а что в ящиках, я не знал. Из-за закрытой двери мои нервы были на пределе. За столом находилось вращающееся кресло, перед ним — простой деревянный стул. Я не знал, сколько времени пробуду один — и выбрал деревянный стул. Я сидел, обнявшись от холода руками, и размышлял.

И тут дверь без предупреждения открылась, и вошел шеф-агент. Шеф-агент Христоф.

Это была женщина.

Шеф-агент Найла Христоф была не просто одной из тех, кто вошел через эту дверь, но и, без всякого сомнения, важным лицом. Она была боссом. Все, кто вошел вместе с ней, подчеркивали это жестами.

Я удивился. Конечно же, все знают, что недавно в ФБР начали набирать и женщин, но их никто не видел. Вы знаете о существовании женщин — врачей или водителей такси, — поскольку видели их в кинохрониках или фильмах. С агентами ФБР такого случиться не может. В недельных кинохрониках вам никогда не покажут лица агентов. Если хоть один оператор попробует это сделать, рискуя раскрыть правительственный секрет, отрицательные последствия для него неминуемы. Тогда он будет дрожать за свою жизнь в комнате допросов.

Как я...

Во всяком случае, она вошла. Перед ней шел огромный парень открывший дверь, после нее — толстая стенографистка и еще парень — закрывший дверь. Когда она вошла, то рассеянно взглянула на меня, будто в этой комнате я был частью мебели. Я сосредоточенно смотрел на нее. Найла Христоф была хорошенькой девочкой определенного типа: отлично сложенной и спортивной. На голове ее прическа «конский хвост», и еще у нее бледно-голубые глаза. Она держала руки за спиной, входила как британские адмиралы эпохи парусников.

И командовала как адмирал. Два сиплых слова: «Привяжите его!». Толстуха пыхтела за столом и растягивала стенографию: «Запись от августа, 17, год 1983. Шеф-агент Найла Христоф провела допрос Доминика Де Сота».

Мне адресовались слова:

— Не торопитесь. Вы должны говорить только правду и отвечать на все вопросы. Тогда мы закончим через двадцать минут. Перед началом допроса принесите клятву.

Это было не очень хорошо. Клятва означала, что дело довольно серьезное, и то, что я скажу, будет не просто информацией к расследованию, а послужит показаниями. Стенографистка встала и подошла ко мне с книгами, хрипло попросив повторять за ней. Я протянул руку с Библии на Коран, прикоснувшись к нему большим пальцем, и поклялся говорить правду, одну только правду и ничего кроме правды. И да поможет мне в этом Бог милосердный, всевидящий и карающий!

— Прекрасно, Доминик! — сказала Христоф, убрав мою правую руку.

Она скользнула по ней взглядом — как бы наблюдая, хотя на самом деле размышляла, о чем мы будем говорить эти двадцать минут.

— Теперь расскажите мне, зачем вы проникли в Долилаб?

Я удивленно выкатил глаза:

— Проник... куда?

— В Долилаб, — терпеливо повторила она. — Что вы там высматривали.

— Я не понимаю, о чем вы говорите! — сказал я.

Это был не тот ответ, которого ожидала услышать агент Христоф.

— Дерьмо! — крикнула она сердито. — Я надеялась, что вы будете благоразумны и не будете притворяться, что ничего не знаете о Долилабе!

— Я на самом деле не знаю!.. — Все знают о существовании Долилаба — или хотя бы то, что к юго-западу от Чикаго находится секретная военная лаборатория. Дюжину раз я просезжал мимо... — Но, мисс Христоф!

— Агент Христоф!

— Агент Христоф, я на самом деле не понимаю, что вы имеете в виду, я никогда не был в Долилабе. И конечно же, не пытался пробраться туда.

— О святая Фатима! — сложив руки вместе, со стоном сказала она.

Это было неожиданностью! У шеф-агента могли появиться затруднения, потребуй кто-нибудь от нее принести клятву. На обеих ее руках не было больших пальцев...

Без сомнения, люди без больших пальцев не редкость. Это стандартный приговор за вторую попытку кражи, за автоубийство и прелюбодеяние. Но в самом деле поразительно, подумал я, встретить без больших пальцев агента ФБР.

Разумом я постиг отсутствие больших пальцев на руках Христоф — но мои-то были по-прежнему связаны веревками.

— Агент Христоф! — с возмущением сказал я. — Я не знаю, откуда у вас появилась эта идея, но все надо доказать. Это невозможно! В последний раз я был вблизи от Долилаба месяц назад...

Она посмотрела на двух полицейских, затем вновь на меня.

— Невозможно... — повторила задумчиво. — Это невозможно. Этого не могло быть... — снова отозвалась она. Затем протянула руку.

Один из полисменов передал ей досье. Первой вещью внутри лежала фотография. Христоф взглянула на нее, убеждаясь, что это та самая, затем показала мне. На фото был изображен человек у дверей здания — и это был... я!

Это был я, но одетый в костюм, которого у меня никогда не было: типа комбинезона, как у Уинстона Черчилля, ставшего известным во время Второй мировой войны. Но это был я — верно...

— Снимок сделан, — бесцветно сказала Христоф, — камерами наблюдения в Долилабе позавчера ночью. Есть и другие... — Она расправила их веером.

Не все они были сделаны из этой же камеры — задний план заметно отличался. Но на всех них было то же самое, хорошо знакомое мне лицо, в этой незнакомой одежде.

— И здесь, — сказала она, достав из папки кусок картона, — отпечатки из вашего досье в колледже. Они полностью совпадают с найденными в лаборатории.

На картонном бланке под широкими десятью полосами было только четыре отпечатка. Я думал, что все они были

получены на месте происшествия. Но даже дилетант мог заметить, что спирали и канавки на большом и среднем пальцах правой руки и оба указательных очень схожи с отпечатками из моего досье.

— Это ложь! — заорал я.

— Вы опять за свое? — недоверчиво спросила Христоф.

— Но это же не я, потому что я не делал этого!

— О черт! Доминик, — вздохнула она. — Я считала вас более благоразумным! — Закинула руки за спину и посмотрела в пол.

Она не давала своим помощникам никаких знаков, но они прекрасно знали свое дело и подошли ко мне.

Били меня не очень долго. Вы же слышали о том, как они обращаются с подозреваемыми. По этим сплетням, пускают в ход кулаки. Я был уверен, что это не только слухи, потому что однажды писал вексель на одного бармена, а затем того арестовали по подозрению в продаже крепких напитков человеку моложе тридцати пяти лет. После этого ему уже никогда больше не потребовалось векселей. Вдова прошептала мне на ухо, в каком состоянии вернули для захоронения тело: это может основательно вывернуть ваши кишки.

Со мной, к счастью, такого не случилось.

Я получал легкие шлепки. Но это было слишком унижительно. Это было унижительно вдвойне, потому что я был связан и не мог дать отпора. Хорошо, на моем месте вы не сделаете этого — даже не сможете парировать удары руками, а не головой. Моя голова звенела от оплеух, открытая ударам. Они прекращали бить, когда агент Христоф задавала вопросы.

— На фото изображены вы, Доминик. Не так ли?

— Откуда я знаю? Это... ой!.. Немного похож на меня.

— А отпечатки?

— О них мне ничего не известно...

— О черт... продолжайте, мальчики!

Скоро им надело колошматить мою голову. Или, вероятно, они заметили, что я с беспокойством стал прислушиваться к Христоф, во всяком случае, меня начали колотить в живот и спину. Так как я до сих пор был одет только в плавки, то оказался беззащитен. Было ужасно больно. Но лупить по спине им не очень нравилось. Они могли причинить боль собственным рукам и делали это без особого восторга. Часто останавливались.

— Измѣните показания, Доминик?

— Мне нечего менять, черт возьми!

И они снова молотили по моему животу. Это причиняло сильное страдание. Меня выворачивало наизнанку, в глазах двоилось, и я едва слышал, что говорит агент Христоф.

И я чуть было не пропустил мимо ушей, когда она сказала:

— Сопляк! Вы по-прежнему отрицаете, что были в Долилабе в субботу, тринадцатого августа?

Я задыхался.

— Подождите! — собственно говоря, они не оставляли попытки сделать из моего живота хороший пунш. — Пожалуйста... прекратите, — молил я, и Христоф остановила их. Я сделал два глубоких вдоха и сумел сказать: — Вы имеете в виду прошлую субботу, тринадцатое?

— Вот именно, Доминик! Когда вас засекли в Долилабе.

Я приподнялся и выпрямился.

— Но я не мог там быть, агент Христоф! — сказал я. — Так как в прошлую субботу я был в Нью-Йорке. Со мной была моя невеста, она подтвердит. Честное слово, агент Христоф! Я не знаю, кто был в Долилабе, но только не я!

Конечно, все было не так просто. Я получил еще два-три крепких удара, прежде чем они убедились (или не убедились), но прекратили бить меня. Для подтверждения моего рассказа они вытащили из постели Грету. И она рассказала им по телефону все, что помнила. Они проверили. Я не так часто уезжал с Гретой в Нью-Йорк, поэтому она точно запомнила дату.

Развязав руки, они разрешили мне встать и отпустили домой. Один из них даже предложил мне плащ, чтобы я надел поверх плавок. Думаю, им было очень не по себе. К тому же агент Христоф не проронила ни слова, она склонила голову над досье и кусала губы. Один из тех, кто колотил меня, сказал, что я могу катиться ко всем чертям.

— Но не очень далеко, Де Сота! Ясно? Без всяких там поездок в Нью-Йорк — только туда, где мы сможем найти тебя в случае необходимости.

— Но я же доказал свою невиновность!

— Де Сота! — огрызнулся он. — Ты еще не доказал ничего! У нас есть все необходимые свидетельства:

фотографии следящих камер и отпечатки твоих пальцев. Даже этим мы можем засадить тебя лет на сто...

— Но тем не менее, я там не был! — крикнул я, и больше ничего, потому что Найла Христоф подняла глаза от досье и посмотрела в упор.

Они отпустили меня прогуляться домой только для соблюдения приличий, но я не думал, чтобы это стоило томительного ожидания. Я с трудом поймал такси, и таксист подождал снаружи, пока я не вынесу бумажник и не заплачу за проезд двенадцать долларов. Это мой дневной заработок, но я еще никогда не оплачивал подобного счета с большей радостью.

Заместитель шеф-инспектора Уильям Брзоляк пришел в местный полицейский участок с автоматом сорок пятого калибра в руках. Изъявил, что убил свою жену и пятерых детей из-за того, что они слишком пристально смотрели ему в спину. «Они хотели бросить меня одного!» — сказал он репортерам.

Купающиеся Юга стали жаловаться на то, что присутствие скользких темно-коричневых шаров находящихся в воде, делает купание невозможным и представляет, вероятно, опасность для здоровья.

Летняя буря в пригородах Нью-Йорка в течение пяти часов сбросила три или четыре нормы осадков, что считается метеорологами США как «метеорологический сюрприз». Это не связано ни с одной известной фронтальной системой или областью низкого давления. Повреждения имущества в Квинсе и Ричмонде оцениваются в миллионы долларов.

АВГУСТ, 18, 1983 г. Время: 11.15 утра. Ники Де Сотта

Днем спустя все казалось не таким уж и плохим.

— Простая ошибка! — убеждал я Грету, когда она позвонила попрощаться: вновь уезжала в Нью-Йорк.

— И даже отпечатки?

— Не обращай на это внимания! — сказал я, посматривая на шефов (они задумчиво наблюдали за мной, а часы, висевшие за ними, говорили, что через два часа меня ждут в дорожном суде).

— Ты же знаешь, где я был той ночью?

— Конечно! — сказала она, вздохнув, хотя больше не была в этом полностью уверена. Полагаю, молодчики из ФБР уже интересовались этим. Я услышал, как она зевнула. — Ради Бога, — извинилась она. — Я так на это надеюсь... Этот шум прошлой ночи...

— Какой шум? — Я ничего не слышал: это редко бывает, когда я сплю.

— Будто рев, свист... Разве ты совсем ничего не слышал? Словно гром... Только здесь ведь не было грозы? Извини! — она что-то сказала, прикрыв микрофон рукой. Затем: — Извини, милый, но меня зовут. Я должна идти! Увидимся через пару дней...

— Я люблю тебя! — говорил уже в мертвый телефон. Кроме того, ко мне подошел мистер Руперт, и я быстро добавил: — Как бы я хотел иметь еще дюжину таких клиентов, как вы. Берусь за это дело и жду вас в офисе.

Я повесил трубку, вежливо взглянув на шефа и быстро перевернув листок бумаги. В дни переговоров я всегда держу их наготове. В тот день у меня в самом деле была работа — я подготавливал расчеты для клиентов из шести муниципалитетов. Так как у каждого клиента были собственные противопожарные правила и техника безопасности и они владели страховкой, а также поскольку в условиях кредита стояла разная сумма, у меня было целых два часа работы со счетной машиной. Я полагал, что будет хороший ленч по дороге в Барингтон, но возле магистрали случайно купил бодрящего пива и «горячих собак», выиграв на этом две минуты. Я думал, что задержусь на полчаса, но успел к сроку. Да и судья попался неуравновешенный: держал не менее четверти часа, как и все судьи. Многие, кто находились здесь дольше, показывали повестку и получали номер. Я узнал свой — на заседание суда было вызвано пятьдесят два человека, и я был сорок вторым.

Я сел и сосчитал в уме. Номер сорок два. В лучшем случае, дело слушается полторы минуты. Значит, судья доберется до меня менее чем через час. Это не так уж плохо, успокоился я, поскольку у меня с собой портфель, набитый чеками и кредитными отчетами. Я мог сидеть в заднем ряду и заниматься бумажной волокитой.

Я достал кейс, забитый полдюжиной папок, и посмотрел по сторонам. Каждому, кто никогда не был в дорожном суде, это может показаться занятым. Судья

располагался в маленькой штуковине типа детского манежа с двумя флагами по сторонам: слева — старый звездно-полосатый (сорок восемь звезд, сияющих на синем фоне), справа — белый флаг штата Иллинойс. Между ними... Между ними на стене висел знак. Там говорилось вот что:

НЕ КУРИТЬ!

НЕ ЕСТЬ!

НЕ ПИТЬ!

НЕ ЧИТАТЬ!

НЕ ПИСАТЬ!

НЕ СПАТЬ!

Так что полдень никак не мог быть продуктивным, как я рассчитывал.

Я постарался незаметно открыть портфель на коленях — попытка провалилась. Между рядами ходил толстяк в униформе барингтонского отделения полиции и следил за моими действиями. Кажется, здесь не запрещалось иметь на коленях материалы для чтения или записи, и он не приказал убрать их. Но вы можете понять, что он просто ждет момента чтобы придрататься: один маленький взмах ручкой, одно лишь слово, подсмотренное краешком глаза, — и все...

Я одарил толстяка снисходительной улыбкой и повернулся к соседу.

— Здесь очень душно, не правда ли? — спросил я у него. — Вам не кажется, что помещение не проветривают?

— Наверно, неисправны вентиляторы, — шепнул сосед.

Это было все, что он сказал. В правилах ничего не было насчет разговоров, но, на всякий случай, он прикусил язык.

— Они отлично работают — просто последний счет за электричество оказался очень высоким!

Я оглянулся. Мне улыбался энергичный молодой человек, одетый в шикарный белый костюм, на ближайшем стуле лежала белая панама. Одет очень вызывающе, подумал я.

— Трудно сдержаться, чтобы не уснуть! — прибавил он. — Особенно после того, как всю ночь не было покою от шума...

И снова шум! Я опять сказал, что ничего не слышал, и оба они — франт и парень из моего ряда — были рады поделиться деталями.

— Понимаете, похоже, что он пришел с неба. Нет, это был не самолет: когда летит самолет, вы слышите звуки мотора, а здесь не было ничего похожего. Это было подобно чему-то ревящему, хотя, да, наверное, вы правы — приходится думать именно так. Они раздавались где-то вблизи от аэропорта. На полпути? Нет, там еще находятся небольшие частные поля Олд Орчард — некоторые хотят переименовать их в О'Хэйр. И, мальчики, этот шум был НЕЧТО НЕПОНЯТНОЕ..

Все согласились с этим. И через полчаса я бы, возможно, тоже, если бы служитель не объявил:

— Его Честь Тимоти П. Маграан! Всем встать!

И мы послушно встали. Его Честь вошел, изнывая от пота в своей черной мантии, и посмотрел на нас как бухгалтер: без всякого удовольствия. Когда нам разрешили сесть, он, глубоко вздохнув, прочитал небольшую мораль:

— Леди и джентльмены! Сегодня многие из вас обвиняются в мелких дорожных проступках. Я не представляю ваших чувств, но мне все это кажется весьма значительным. Дорожные проступки — это не те вещи, которые не имеют существенного значения. Напротив! Нарушение правил дорожного движения — это преступление против движения! А преступление против движения на дорогах — это преступление против замечательного народа, который сделал возможным наше передвижение, против наших друзей со Среднего Востока, включая самого Мехтаба-ибн-Баузи! Преступление против наших друзей со Среднего Востока — преступление против самих принципов религиозной терпимости и демократической дружбы между народами!..

Для меня уже не было открытием, когда щеголеватый завсегдатай в белоснежном костюме прошептал на ухо, что судья Маграан выдвинут на перевыборы в ноябре. В это же самое время судья говорил нам, что преступление против Корана — это преступление против всей религии в целом, включая и наше собственное христианское вероисповедание. Я начинал постигать, что дорожный штраф оказался более серьезным, и мои надежды на относительно безнаказанное снятие штрафа оправдались бы только в том случае, если бы вызвавший меня офицер не появился в суде. Но этого не произошло... В зале суда была отдельная скамья, на которой сидели пять-шесть человек (некоторые из них в полицейской форме штата,

остальные — из других муниципалитетов), среди них и мой добрый приятель с Мичем-Роуд. Он, конечно же, знал, что я на месте, но не улыбнулся и не кивнул, время от времени я чувствовал на себе его взгляд.

Перед судьей стояло первое дело: перепутанная молодая женщина с ребенком в коляске (ехала со скоростью шестьдесят восемь миль в час в зоне с ограничением скорости в шестьдесят миль в час), она получила штраф в двадцать пять долларов и полгода испытательного срока. Второе было значительно хуже: водитель находился под парами алкоголя, и это было его третье нарушение. Он ехал, подвергая опасности жизнь людей, не замечая дорожных знаков. Этому человеку не более двадцати лет, и ему уже не пришлось покинуть здание суда по своей воле. Один из офицеров тут же надел наручники и стал ожидать вынесения приговора. Когда парня выводили из суда, я заметил его тоскливый взгляд, обращенный на свои большие пальцы, которые он уже не рассчитывал иметь такими длинными.

Я выпрямился и убрал свой портфель. Многие в комнате сделали то же самое. Выяснилось, что политическая стратегия судьи Маграана была такой: отпущенных с возмещением судебных издержек должно быть меньше осужденных, таким образом, он создавал себе репутацию бесстрашного крестоносца дорожного движения.

Я понял: делалось это из тех соображений, что многие ожидающие приговора прибыли из других муниципалитетов. Иные решения были бы неинтересны. Так я ожидал с полчаса, наблюдая, как правосудие распределялось по обвиняемым одним за другим. Я решил, что мой черед еще не настал. Шеф-агент Найла Христоф была плохой женщиной, но оправдаться перед ней в отличие от этого судьи было легче. Я отметил, что парень в белом костюме беспечно прошел по комнате заседания, подобно другу семьи на загородном пикнике, остановился около скамьи свидетелей. Когда он наклонился и шепнул что-то на ухо вызвавшего меня полицейского, я насторожился. Когда полисмен взглянул на меня и кивнул, я выпрямился. Через пару минут оба, продолжая говорить, вышли из зала. Я хотел проследить за ними, но служитель суда, внимательно наблюдавший за мной, стоял в конце ряда и ожидал моего штрафа. И какое-то время я продолжал

сидеть. Когда спустя несколько минут любопытство все же взяло верх, было уже поздно.

— Здесь есть туалет? — шепнул я служителю, он кивнул головой. Я пошел туда, куда он указал, но нигде не увидел ни полицейского, ни человека в белом...

Через полчаса клерк, в прошлом носивший мое имя, заметил, что судья перешептывается с каким-то чиновником и огорченно хмурится.

— Мистер Де Сота! — сказал он затем. — Обвиняющий вас офицер был вызван в полицию по неотложному делу и не может поэтому свидетельствовать против вас. Согласно закону, мне остается отпустить обвиняемого. Вы свободный человек, мистер Де Сота, и, могу добавить, очень счастливый!

Я был полностью с ним согласен. Я так радовался, покидая зал заседаний, что лишь на полпути домой понял: звонит телефон. Задержавшись возле бензоколонки, я вызвал абонента. Тем временем высококачественный бензин вливался в баки... На этот раз линии соединили точно, и оператор разборчиво прочитал текст сообщения, окончательно выбившего меня из колеи:

— «Вы не должны знать мое имя, почему я помогаю вам, каким образом мне это стало известно и тому подобное. Но если вы нуждаетесь в защите от беспалой леди, то сегодня в шесть часов вечера вы должны заказать многослойный салат из тунца по адресу: «Карсон», Пири, кофейная лавка Скота».

— И это все? — удивился я.

— Да, сэр! — вежливо ответил оператор. — Может, повторить? Нет? Тогда разрешите заметить, сэр, что подобные сообщения делают работу весьма занятой штучкой! Спасибо, мистер Де Сота, огромное спасибо!

— Не стоит благодарности!.. — сказал я, озадаченно глядя на ветровое стекло, пока в окно не застучал заправщик. — Простите, задумался! — сказал я ему и протянул деньги — шестьдесят девять центов за галлон. Если бы я заранее посмотрел цены, то никогда бы не остановился в этом месте.

Но в голове у меня не было отделения, думающего об этом, — я слишком занят был посланием. И над ошибочным опознанием ФБР; легким спасением в суде... И вообще над всеми странностями, заполнившими мир и мою жизнь... В обычных обстоятельствах я бы проигнорировал

приглашение. Это была штука как раз того самого шпионского сорта, от которой благоразумный человек держится подальше. Как минимум, она отнимет время от моих основных дел. Босс будет недоволен. И в целом это приглашение вызывало подозрение: спокойно можно было отказаться от этой затеи, но я решил рискнуть.

Конечно, пошел на встречу.

Однажды я и Грета читали роман, где один из персонажей говорил что-то подобное: «Она вошла в универмаг — в одно из тех мест, куда с радостью готовы забежать все женщины, но лишь немногие из мужчин осмеливаются зайти следом».

Грета сказала тогда, что, по ее мнению, это унижает женщину.

— Женщины вовсе не любят магазинов, — сказала она. — Им просто приходится посещать их. Они покупают бакалейные товары, домашнюю обстановку и прочие вещи для семьи.

— Но ведь они не приобретают машины! — заметил я.

— Конечно! Они не покупают также и очень дорогостоящие вещи, — согласилась она. — Но вы делаете это только раз в несколько лет. А все потребительские товары изо дня в день покупают женщины. Если женщина и тратит много времени на покупки, то только потому, что это ее работа: сопоставлять цену и значимость каждой вещи. Этим она экономит семейные деньги, не имеет значения, нравится ей это занятие или нет. Ей необходимо это делать.

— Согласен, милая! — усмехнулся я.

Она не любила насмешки:

— Нет, Ники, я серьезно! Ты должен говорить не то, что женщина обожает магазины, а то, что в этом заключается ее работа.

— Грета! — разумно сказал я. — Ты просто хочешь так думать. Как ты выразилась, сказать кому-либо, что он любит свою работу — унижительно для него? Я, например, люблю свое дело...

— Но это не одно и то же! — сказала она и переменяла тему разговора.

Она добрая и не является одной из ваших суффражисток. Тысячи раз она признавалась мне: если она что-нибудь предлагает, то потом сама не знает, что с этим делать. Но самое основное — она имела хорошую работу стюардессы,

и это делало ее мало... Хорошо, я не хочу выразиться по-мужскому или как-нибудь подобно. Совсем не из-за предубеждений. И в этом заключалась вся беседа. Даже если я задавал вопросы, я знал ответ заранее.

Когда-нибудь мы поженимся — это не более чем просто странная идея.

Теперь я мало заботился по этому поводу.

Когда-то меня волновало больше... Что заставило меня вспомнить об этом: оглядевшись в кофейной лавке «Карсон», я понял, что линия из романа была прямо в мишень. По большой комнате (зеленая обстановка веранды, столы и стулья, везде выставлены декоративные растения) рассыпана тысяча покупателей, и девятьсот пять из них — женщины. Здесь не было одиноких мужчин или вместе с приятелем, а только супружеские пары. Мужчины, как правило, пожилые и всегда с виноватым взглядом: «Боже мой! Кажется, я по ошибке попал в дамский туалет!»

Я предполагал, что таинственный доброжелатель мог оказаться женщиной...

Прошло двадцать минут, за это время ко мне три раза подходили пожилые официантки и принимали заказ. Через треть часа принесли салат из тунца.

Еще минут через двадцать, когда я справился с одной половиной блюда и пытался покончить с другой, я ощутил, что кто-то быстро подошел сзади. Когда я поднял глаза, мужчина уже сидел за моим столом.

Я узнал его. Теперь на нем надет не белый костюм, но он был тем, кого я видел не так давно.

— Хэлло! — сказал я. — Насколько могу догадываться, это вы?

Рядом крутилась официантка. Он посмотрел на нее пристально и многозначительно нахмурился.

— Хэлло, ну надо же! — ответил он тоном, каким разговаривают при случайной встрече два старых деловых знакомых, не менее неожиданно разбегающихся в стороны.

Он не прибежал к моему имени, хотя и знал его. Это было: «Давно мы не виделись!», «Ну как ты там?» — и прочие бессмысленные пустяки без ожидания ответов. Когда, приняв заказ, официантка отошла, он сказал обычным тоном беседы:

— В этой забегаловке за нами не следят, и мы можем поговорить спокойно.

Здесь было так много таинственности, стерпеть которую я уже не мог. Размешивая оставшуюся половину салата, я получше разглядел своего доброжелателя. Парень был года на два или три помоложе меня. Открытое лицо с веснушками, рыжеватые волосы. Парень по соседству был одним из тех, в ком вы уверены: он никогда не совершит подлость и не струсит. Здесь он был просто осторожен.

— О чем же мы будем говорить? — промямлил я ртом, набитым тунцом и хрустящими гренками. — И как мне вас называть?

Он сделал резкий жест:

— Зовите меня... например, Джимми. Имя совершенно не играет роли. Важно другое: что вы пытались сделать в Долилабе?

— Ах, Джимми! — сказал я унылым голосом и оставил в покое свой салат. — Это большая глупость с вашей стороны. Возвращайтесь назад и передайте шеф-агенту Найле Христову, что трюк не удался.

Он нахмурился и замолчал, когда официантка принесла ему ветчины и сандвич с сыром. Потом сказал:

— Это не трюк!

— Не вижу здесь ничего иного, Джимми! Я близко не подходил к этому Долилабу, и вы с Христовом прекрасно это знаете.

— Не держи меня за дурака! — сказал он. — У них есть фотографии.

— Фальшивые!

— А отпечатки, они тоже поддельные?

Я сказал уверенно:

— Они могут достать что угодно! И то, что в субботнюю ночь я пытался проникнуть в Долилаб, сфабриковано от начала до конца... потому что я не мог быть там.

Он медленно пережевывал ветчину с сыром и с сомнением смотрел на меня. Я, в свою очередь, изучал его. Он был не просто моложе меня, но и выше, казался более привлекательным, намного лучше одет. Белый костюм, который он носил в полдень, был слишком ярким. Этот не бросался в глаза, но был сшит из настоящей английской ткани и стоил, самое меньшее — семьдесят пять долларов. Ботинки соответствовали костюму и изготовлены были вовсе не на фабрике Тома Мак-Эна. Таких я еще не видел. Он вдруг сказал:

— А Найла считает, что алиби ложное и свидетели говорят ложь.

Я размешивал остатки салата и снова остановился:

— Откуда вам известно, что думает Найла Христоф, если вы не из ФБР?

— Мы с ней хорошие друзья! — пояснил он. — У меня много друзей и в полиции, а не только в ФБР. Еще что-нибудь интересует?

— Я не знаю, чем вы занимаетесь, — сказал я, — и почему взялись за это дело.

— Почему бы мне не заняться любимым делом, если очень хочется? — уклонился он. — Вернемся к показаниям. Они ложные?

— Нет! Даже если бы это и было так, разве я признался бы в этом? Но они — истинная правда!

Джимми молча жевал остатки сыра и ветчины и по-прежнему не сводил с меня глаз, словно изменение выражения моего лица могло разрешить все его проблемы. Я дал ему время на размышления. Покончив с салатом и допив кофе, я подозвал официантку и попросил еще кофе. Мой сосед легко постучал пустой чашкой — тоже повторил заказ. Когда она удалилась, он проговорил:

— Собственно, я и не сомневался в их истинности.

— Рад это слышать...

— Не носи высокомерную чепуху, Доминик! Тебе трудно валять дурака. Ты знаешь это?

Я не знал...

— Христоф сказала, что я могу катиться домой! — возразил я.

— При чем здесь это? Если ты захочешь покинуть город, тебе не удастся. Она еще не закончила с тобой!

— Почему же, черт возьми?

— Потому что, — объяснил он, — фотографии и отпечатки не могут обманывать!

— Но меня там не было.

Он медленно произнес:

— Готов поклясться, что ты со своей подружкой — тяжелый случай! Думаю, вы можете пройти даже через детектор лжи.

— Почему бы и нет? Мы говорим правду!

— О черт, Доминик! — взорвался он. — Разве ты не понимаешь, что тебе необходима помощь?

— И ты можешь помочь? — спросил я.

— Я... тебе? Нет! — сказал Джимми. — Но я знаю того, кто может. Расплачивайся по счету, Доминик, и поедem прогуляться.

В это время солнце не заходит часов до восьми, но когда мы вышли, было уже совсем темно. Выехав из пригородов Чикаго, мы направились на юг. Машин на дорогах было мало. Мы проезжали мили кукурузных полей и дюжины городков. И когда я спрашивал Джимми, где мы едем, он только отмахивался:

— Чем меньше ты будешь знать, тем лучше.

— Тогда хотя бы скажи, скоро ли приедем? Я не ночная сова, Джимми, а утром меня ждет работа.

— Что тебя должно волновать, — терпеливо сказал он, как бы оттягивая до рассвета, — так это твои проблемы с ФБР! И пока ты не уладишь с этим, остальное не имеет значения.

— Это правда, Джимми, но...

— Кончай ныть! — приказал он. — Мы уже почти приехали. Это слева за этим городком.

«Этот городок», согласно дорожному указателю, назывался Диксон (штат Иллинойс, более двух тысяч населения, Клуб деловых людей каждый четверг и пятницу устраивает вечеринки в отеле «Холидей»). Мы свернули с главной магистрали на площадь с 75-миллиметровой пушкой времен Второй мировой войны, установленной на маленьком зеленом клочке, проехали несколько кварталов. Затем Джимми, скрипя шинами своей машины, резко завернул влево на частную дорогу.

Кто владел этой дорогой, не объявлялось, был только маленький неоригинальный знак: «Добро пожаловать в земли Хиденвел!» — без имени, ничего определенного, ничего приветливого. Наоборот! Что отличало трассу от других, так это то, что первый же поворот перекрывал развальной шлагбаум. Около ворот стоял маленький деревянный муляж часового, за ним прислонился к стене большой недеревянный охранник.

— Пропуск! — приказал он.

Джимми что-то протянул ему, что именно, не знаю, но это удовлетворило часового. Конечно, этого для него оказалось почти достаточно. Облизнув губы, он внимательно оглядел нас, затем набрал номер и переговорил с кем-то по телефону. И лишь потом поднял шлагбаум и махнул нам рукой, пропуская дальше.

Следующие четверть мили дорога раздваивалась, петляла вокруг лужайки с фонтаном. Мы сделали круг и остановились около здания с огромными белыми колоннами. Я видел такое раньше, кажется, в фильме «Унесенные ветром». Из него вышли слуги, словно бы тоже из фильма. Из главного входа выбежал молодой негр, весело кивнув головой, и припарковал машину Джимми за яблонями. Из другой секции дома выплыла полная негритянка средних лет и позвала нас в помещение. Она не приветствовала по имени Джимми и не обращала на меня никакого внимания. Она не задавала вопросов и не подсказывала, куда направляться. Список того, что она не делала, безусловно, очень длинен. Что она делала — так только то, что провела нас сквозь гигантское трехэтажное фойе по покрытой ковром лестнице, изогнувшейся ко входу, через проходы, мимо маленькой жилой комнаты с камином, тахой и удобными креслами. Везде было пусто. В конце концов мы пришли к стеклянным дверям гибрида теплицы и спортзала. Вне его было слишком жарко, внутри — жарко вдвойне. Зал был переполнен тропическими растениями, тянувшимися к застекленной крыше, деревьями, увитыми виноградной лозой. Это все напоминало джунгли, пахло гниющими растениями и влажной землей.

В центре зала находился длинный и узкий бассейн, в котором купался совершенно голый пожилой мужчина. Погруженный в воду, он казался более тощим, но его это не волновало. Тяжело дыша, он дергал коленями, и в нашу сторону летели брызги.

— Девяносто восемь! — Он поплыл в дальний конец бассейна австралийским кролем. Девяносто девять! — Сделал последнее усилие и поплыл к нам на большой скорости, изящно скользя руками возле седых волос и энергично вспенивая воду. — Сто! — крикнул он, задыхаясь, и уцепился за край бассейна.

Еще один молодой негр, скорее серьезный, чем бодрый, протянул полотенце. Старик обтер лицо и улыбнулся.

— Добрый вечер, джентльмены! — произнес он.

Я сказал ему что-то. Это было не совсем «добрый вечер!», но вполне вежливо. Джимми сделал еще лучше: спустился к бассейну, взял скользкую мокрую руку старого пловца и энергично потряс ее.

— Рон! — сказал он сердечно, во всяком случае, это звучало искренне. — Я уж и не говорю, как мы рады видеть вас!

— Пожалуйста, не стоит так, Лари... — скромно сказал старик. — В конце концов, я лишь исхожу из важнейших гражданских прав!

— Да, я понимаю! — задорно сказал «Джимми», не подсматривая из осторожности, подцепил ли я имя. — Сейчас я по поводу Доминика. У него возникла немного странная проблема с ФБР. Они заявили, что видели, как он пытался проникнуть в секретное правительственное учреждение, у них есть фото и отпечатки пальцев, но он имеет свидетельницу с безупречной репутацией, давшую показания, что как раз в то время он был за тысячи миль оттуда вместе с ней.

Рон полностью вылез из бассейна и вытерся полотенцем. Ему было лет семьдесят, но, когда я взглянул на его суживающийся торс и открытую взору талию, я захотел быть таким же семидесятилетним. Он не только отлично сохранился, но и выглядел знакомым. Обтершись, мужчина бросил полотенце на кафельный пол и с помощью негра надел белоснежный халат.

— Я больше не участвую в детективных фильмах, Лари! — сказал он, оскалив зубы.

И я вдруг понял, почему он показался знакомым. Это был киноактер, по крайней мере, раньше. Он был не звездой, а одним из тех, кого вы узнаете, даже если забыли сами, пока помнит ваше подсознание. Кажется, с ним вышел какой-то скандал... Скандал? По крайней мере, неприятности. Я не помню деталей, но его за это уволили. Не только с работы его выгнали, но из индустрии тоже... Вероятно, это касалось политики.

Но чем бы это ни было, это случилось давно — после Второй мировой, когда я еще только готовился появиться на свет. Теперь старый Рон более-менее был свободен и прекрасно сохранился, даже не принимая в расчет тонкую талию, квадратные плечи, приятную улыбку и белоснежный локон волос, свисающий на глаза.

Именно так он выглядел.

Старик Рон не стал задерживаться в бассейне, а сразу же прошел в комнату с кушеткой и креслами. Минут через пять туда вошли и мы. За это время кто-то развел огонь в камине и вытащил из серванта бутылку и фужеры.

Это, наверное, был третий чернокожий предложивший нам выпить, пока хозяин сидел в кресле около камина и согревал ноги. Вы помните, что дело было в августе? Могу поспорить, что этим ножкам было холодно — но согреть их лучше таким образом, чем полностью отапливать треклятую комнату.

Когда мы немного выпили, Рон поднял бокал, живо сглотнул половину и затем одарил меня и «Джимми» очаровательной улыбкой.

— Хорошо, Лари! — сказал он. — Какое безнадежное дело ты принес мне на этот раз?

Коммутатор Дабл-Джи-Эн был наводнен срочными звонками. Каждый звонок был вопросом. Одним и тем же. В конце третьего периода изображение переключилось на футбольный матч. Вопросы были скорее любопытными: ну кто же в мире смотрит футбол сейчас, в августе?

АВГУСТ, 19, 1983 г. Время: 9.15 вечера. Лари Дуглас

Человек моего образа жизни постоянно должен держаться с осторожностью. Не каждую неделю я обладаю деньгами. Многие недели у меня большой жирный нуль или же приходится подтягивать минус. Поэтому, как только мелькнет удача, я делаю свой бизнес.

Когда Найла рассказала мне о незадачливом простаке, пойманном прошлой ночью, а временами она рассказывает очень дельные вещи, я решил присмотреть за ним. Я почувствовал, что это — мой шанс, хотя и не совсем был в этом уверен.

Жизнь всегда найдет повод подсунуть удачу, если вы ее ищете. И все это очень легко. Для меня было сущим пустяком зайти на слушание дорожного суда и заключить небольшую сделку со старым офицером Паппом.

— Раз вы просите, Лари, то с ним все о'кей!

— Разумеется.

— Тогда я могу заявить этим чинушам, что меня вызывают по долгу службы. Но предупредите своего приятеля, что ждет его в следующий раз!

— По рукам! — сказал я и во время рукопожатия незаметно сунул двадцать долларов. Для меня это просто нормальная деловая плата.

При моем образе жизни вы очень нуждаетесь в дружеских отношениях с полицейскими. Это может стоить им разжалования, но, по крайней мере, они будут стараться.

Как говорила мэм, я очень похож на дедушку Джо. Прежде чем он приехал в Америку и сменил имя, он был налетчиком на банки. Конечно, он использовал пушку, но я не занимаюсь подобными вещами. Иногда, когда всякие тупицы доверчиво оценивают только что купленное идеальное бриллиантовое кольцо на углу улицы или вкладывают деньги в нефтяные акции с двойной гарантией, им приходится побегать за мной. И пока я состою в близости с Найлой Хриstoff, самое большее, что со мной могут сделать, — так это просто предупредить. Все это время мне приходится называть ее милой и любимой и получать взамен поистине хорошее...

Я придерживаюсь милых арабов, хотя иду не совсем той же дорогой. Есть места, где я изгибаю линию, более того... Хорошо, сейчас они любят более молодых мальчиков. Что моложе меня — это точно! Иногда мне кажется, что было бы лучше, если бы я поступал правильно, но я живу в этом мире, и ничего не изменить.

Пока я смотрел, как обыватель с вдохновением запутывал Рона. Я приветливо держался с ним, рассчитывал, что рано или поздно настанет время для расчета. Когда он оскорбил эту зануду Де Сота, я понял, что все предусмотрел верно. Видите ли, старый ворчун Рони действительно трудная натура, но, если вы узнаете, как им управлять, он сделает невозможное. А я знаю, как держать его в руках.

— Рони! — сказал я серьезно и без предубеждения. — Вы правы. Я сам возьмусь за это.

Он подмигнул мне, смешно подняв одну бровь.

— Насчет чего я прав, Лари? — спросил он.

Это было поистине прекрасное мгновение! Он научился этому давно — когда мечтал получить звание генерал-майора, еще до того, как спутался с профсоюзами и тому подобными. Вам не следует слишком сильно доверять подмигиванию или улыбке, потому что улыбка сходит, подобно ставням пушечных амбразур на корабле адмирала Нельсона, а потом резко ударит вас смертельным ядром.

— Вы правы,— сказал я,— что Ники Де Сота получил промашку с ФБР, а я не прав, приведя его с собой в поисках поддержки.

Да, конечно, Де Сота говорил об озадачивающих обстоятельствах, и болтовня Рона имела значение. Это выступало наружу: глаза его прищурились, а на лице застыл стальной взгляд маршала, который разговаривает с человеком вне закона, не имеющим права покидать город.

— Я думаю,— сказал он уверенно,— что вам необходимо рассказать мне все с самого начала и позволить самому принять решение.

— Я не хотел причинить вам беспокойство...

— Тут нет никаких хлопот, Лари,— возразил он, и я заметил его попытку поймать собственное отражение на французской двери.

Что я мог сделать? Конечно же, только то, что надо.

— Вы совершенно правы, Рон!— сказал я и начал прорабатывать детали.

Это требовало времени: Рон не из тех, кто схватывает все с лету, как и Де Сота. Краем глаза я увидел, что он сердито уставился в пол и молчал.

Ни на что не жаловался и Рон, пока я рассказывал историю. Я объяснял ему, что произошла ошибка, несмотря на то, что обнаруженный в Долилабе человек являлся двойником Доминика, настолько похожи их облики. Затем я сделал небольшую паузу, когда Рон дал сигнал для следующего бокала и вникал в сущность сказанного.

— Этот другой парень выглядел точно таким же? — уточнил Рон.

— Да-да, совершенно верно!

— И у него были такие же отпечатки?

— Вот именно, Рон!

— Но, тем не менее, это был не Доминик?

Я кивнул.

— И к тому же,— настороженно подвел он итог,— как я могу видеть, это очевидная ошибка...

Я восторженно кивнул головой, мельком взглянув на Доминика, и слегка подтолкнул его, чтобы он сделал то же самое. Ники это не устроило: он ничего не сказал, но взгляд его был леденяще холодным. Доминик Де Сота не радовал меня, но он просто не знал, как обращаться со старым Рони.

Рон встал.

— Лари! — сказал он. — Ники и вы, без сомнения останетесь поужинать?

Безусловно, время перевалило за десять вечера, и только бывшие киноактеры могут задерживаться до таких часов.

— Не спешите, я пока накину одежду, хорошо? Если вы любите музыку, скажите Хираму, чтобы он включил стерео.

И он пошел одеваться. Я не думал, что «не спешить» было легкой задачей.

— Какого черта вы тянете? — спросил Де Сота, как только старик вышел за пределы слышимости.

Я успокоил его:

— Теперь его легко поймать на крючок! Вы не поняли, что я делал?

— Кажется, нет.

— Я заманивал его на вашу сторону, только и всего, — пояснил я. — Видите ли, Рон — большой либерал. Непокосим. Раньше он находился в черных списках Голливуда за профсоюзную деятельность, но...

Я умолк, потому что в комнату вернулся молодой негр.

— Немного музыки и комплименты от хозяйки, — прожурчал он и снова исчез.

Из спрятанных динамиков не слишком громко раздавалась интеллектуальная музыка. Я обрадовался: это уменьшало шансы, чтобы кто-нибудь подслушал наш разговор.

— Во всяком случае, ему повезло: он вложил всю прибыль от своих фильмов в недвижимость штата Иллинойс и в результате разбогател.

Доминик нахмурился:

— Вы сказали, он либерал?

— Да, Ники, но в его случае это в порядке вещей. Он богат! Никто не боится богатых людей с розовыми взглядами: всем и так ясно, что они пальцем не пошевельнут против устоявшегося строя.

— Зачем он нам в таком случае? — поинтересовался он.

— Потому что, если Рон заинтересуется вами, он сможет во многом помочь. Или есть другие предложения?

Ники молча пожал плечами.

Я покончил с темой и не назвал еще одной причины, по которой обратился именно к Рону: никто не боялся левизны Рона, никто не боялся таких розовых — кто много говорит, но ничего не делает. Каким и был Рон.

В комнате появились Рон и его жена

— А это, — галантно сказал Рон, — моя дорогая супруга, Джейн.

— Очень приятно! — произнесла она после того, как Доминик и я сказали, как рады познакомиться с ней.

Затем она вместе с Роном повела нас в комнату для ужина. Комната не была большой — большая рассчитана, как минимум, на двадцать человек, а эта просто огромна и могла служить столовой для всей великой армии республики... Вокруг нарастал звук музыки.

Я спросил Доминика через стол:

— Как вам нравятся эти звуки?

Он повертел головой, как все люди, впервые слышавшие стерео.

— Это новая система, — пояснил я — Вслушайтесь в музыку, какие восхитительные звуки скрипки, с одной стороны, и мелодия оркестра, с другой. Эта штука у Рона уже больше года!

— Возможно, скоро это появится у каждого, — скромно сказал Рон. — Но пока таких стереопроекторов выпускается не так много, а Джейн очень любит музыку.

Он улыбнулся жене, сидевшей в дальнем конце стола. Прежде чем завести разговор, она позвала негра, чтобы разложить салат.

— Думаю, мистеру Де Сота нравится подобная музыка, — сладко предположила она. — Не так ли? Вы явно получаете истинное наслаждение от скрипичного концерта Бетховена...

Но Доминик не принял игры.

— Это то, что сейчас? — спросил он. — По правде говоря, это та самая музыка, под которую меня допрашивала шеф-агент Найла Христоф.

У Рона упал с вилки салат.

— Найла Христоф? Лари, почему ты не сказал мне, что здесь замешана она?

— Я и не предполагал, что это так уж важно! — сказал я с сокрушенным видом. — Какая разница?

— Разница? О Боже, Лари, я непременно займусь этим делом!

— Больше она не причинит тебе зла! — сказала Джейн.

— Я забочусь не об этом! Мне так хочется отплатить ей той же монетой! Найла Христоф.. — он повернулся к Доминику. — Это одна из самых неприятных агентов ФБР. Вы заметили, у нее не хватает больших пальцев?

— Ну конечно! — ответил Доминик. — Я еще удивился, как это могло произойти...

— Я расскажу, как это случилось, — сказал Рон. — Магазинная кража, потом — наркотики. Ее признали виновной трижды до наступления двадцати одного года, а на третий раз присудили отсечение больших пальцев. Она заслужила это. Тогда она была студенткой и занималась музыкой, но после того как Найлу поймали на убийстве, ей пришлось изменить свои привычки.

— И она ушла в ФБР? — спросил Доминик, то ли от удивления, то ли от возмущения раскрыв глаза.

— Она ушла в религию! — захохотал Рон. — И явилась в местный офис, предварительно забинтовав руки. Поговаривали, что она родилась заново и хотела пересажать всех торговцев травкой, переворошить все известные ей притоны.. И уж, поверьте мне, она знала их немало. Первый год ее продержали сыщиком по мелким кражам, потом старый шеф бюро — Федерман — дал спецзадание: проникнуть в группу профсоюзных лидеров Далласа. Пятьдесят человек были приговорены, и в этом была ее заслуга!

— Во всяком случае, Рон, — заметил я, — довольно впечатляет, чтобы кто-то подобный ей сделался шеф-агентом.

— Потому что она уголовница? Черт возьми, Лари, откуда же они тогда получают большинство своих новобранцев?

— Нет! Я имел в виду другое: она женщина! — сказал я.

— Да? — пробормотал Рон. — Ладно! — здесь он задумался.

Я знал причину: Джейн являлась сторонницей равноправия женщин и всего того, что понимала под этим.

— Хорошо, — сказал он, — что теперь она неотъемлемая часть той шайки, которая зовется ФБР. Когда-то подобные ей сфабриковали против меня дело. Теперь такие же Руки-В-Перчатках и арабы объединились в одну компанию...

Здесь его остановил Доминик. Я мог бы перебить Ники, ведь Рон говорил то, что я и надеялся услышать. Но Доминик не ждал.

— Что я и говорю! — закричал он. — С тех пор как арабы и Духовное Могущество собрались вместе, время течет вспять. Почему они разрешают врываться полиции штата в частный бассейн и устраивать облаву? Каждый, пойманный без купального костюма, получает пяти-долларовый штраф.

Рон забавно взметнул взгляд на свою жену.

— Увидели бы нас пару лет назад в Голливуде, а, Джейни? Мужчины и женщины (порой из самых высот!) купаются в одних лишь плавках, а иногда и более чем без...

— Сейчас, Рони, — произнесла она, смутившись, — попробуем сконцентрироваться на проблемах мистера Де Сота!

Я с благодарностью сказал: «Спасибо!» — затем повернулся к Рону и задал вопрос:

— Что вы думаете об этом, Рон? Я считаю, что все это серьезно, хотя и запутано. Я не надеялся, что вы рискуете...

Он изобразил благородство.

— Это очень серьезно! — продекламировал он. — И запутано... Я решил помочь вам, Доминик!

— Вы хотите помочь?! — воскликнул Де Сота.

— Конечно! — добродушно проговорил Рон. — Первым делом я напишу письмо в «Нью-Йорк таймс». Потом... минуточку... Как ты думаешь, Джейни? Может быть попытаемся устроить демонстрацию? Пригласим твоих друзей и помаршируем перед штаб-квартирой ФБР в Чикаго?

— Если ты хочешь этого, Рон, — сказала она. — Хотя многим из них пора на тот свет, я не уверена, захотят ли они в тюрьму!

Доминик засомневался

— Не знаю, пойдет ли кто-нибудь в тюрьму ради меня! — сказал он.

— М-м-м-м! — размышлял Рон. — А как насчет этого: обратиться с петицией? Доминик возьмет щит с плакатом и складной стул, походит-побродит где-нибудь и соберет подписи народа под требованием, чтобы ФБР... Что именно вы бы хотели от них? — спросил он.

— Как раз этого я и не знаю! — сказал Ники. — Я хочу, чтобы с меня сняли обвинение!

— Но они допрашивали, зверски избивали...

— Да, это правда, но за это их не обвинить: у них есть фото и отпечатки.

Этот человек был чересчур рассудительным в моем понимании... или Рона.

— Вы защищены от них! — сказал Рон. — Справедливость восторжествует! Все это хорошо, но не надо доходить до глупых крайностей. Они по-прежнему остались фашистами!

Теперь было то, что надо, я закашлялся.

— Когда вы сказали «фашисты», Рони, — уточнил я, — вы имели в виду...

— Я имел в виду, что ФБР стало точной копией и гестапо и КГБ, — произнес он.

— Значит, вы против?

Он приподнял брови.

— Ах, Лари! — сказал он, помогая зажаривать себя как барана. — Я не только против них, но и полагаю что каждый истинный американец должен противостоять им!

— Вы подразумеваете сборы подписей и демонстрации?

— Если этого будет достаточно! — смело заявил он. — Если же нет, то любыми необходимыми средствами. Я думаю...

Но Джейн не дала ему высказаться до конца.

— Рон, дорогой! — нежно проворчала она. — Ты задерживаешь Сета. Почему бы тебе не взять немного картошки и отпустить его?

— Конечно, дорогая! — сказал Рон, и тема разговора изменилась.

Но это уже было неважно! Как только мы покончили с основным блюдом, я обнаружил, что одиннадцать часов вечера, и начал собирать Де Сота в обратный путь.

— О нет, Рони! Не надо десерта! Нет, спасибо, даже кофе! Вы знаете, Доминику рано утром на работу! Да, ужин был замечательным, спасибо вам! И огромное спасибо за поддержку, Рон... и, если можно, выведите мою машину!..

— Вы ничего не забыли? — гостеприимно спросила Джейни, отыскивая взглядом шляпу или кейс.

Я помотал головой.

— Я получил здесь все, что желал! — заверил я, и это было действительно так!

Я подбросил Де Сота до междугородной станции. Он протестовал от негодования, потому что поезд придет через час или около того, но я обратил его внимание, что уже поздно, а я не предполагал спасти тупого осла всю ночь. Было уже часа два ночи, когда я подъехал к развилке шоссе Лейк-Шор и поставил машину в подземный гараж, быстро прошел через охрану и зашел в лифт. Я думал о Роне: «Бедный старик!» Рон не сталкивался с современными политиками Америки. Он был немного чокнутым, сентиментальным, как Франклин Д. Рузвельт или кто-то там еще... он просто не знал, что делает.

Я пытаюсь припомнить, что я никогда не был розовым, как мой дедуля. Он придерживался своих идей даже тогда, когда приехал в Америку из России, где был революционером и взломщиком банков. Когда там стало слишком жарко, он приехал на остров Эллис — все так же извлекая выгоду от налетов на банки, но бросив революционные идеи. Так возникла компания «Дж. Дуглас и сыновья», платившая мне деньги на обучение в Йельском университете. Но думал ли дед бросить рубли и удрать из страны ни с чем, кроме как со множеством наполовину выпеченных идей, как его товарищ по кличке Ленин? И что меня могли выгнать из университета без хороших курсов политэкономии?

Прямой как тетива, я вошел в большую квартиру на пятнадцатом этаже. Свет не горел, но шторы были широко раскрыты, и свет, просачивающийся с улицы, достаточно освещал мой халат и узкую белую полосу на кровати. Я обнял рукой чаши груди моей девочки и шепнул ей в ушко:

— Найла, любимая!

Как всегда, она проснулась легко и быстро. Ее голос даже не казался хриплым, когда она спросила:

— Как прошло дело?

— Это, — сказал я, протягивая другую руку, — ты решишь сама, когда прослушаешь запись на проволочном магнитофоне.

Она обернулась ко мне, прижалась к шее.

— Ты проиграешь для меня запись?

— Да, милая! Но сначала займемся другим делом, если не возражаешь, я сбегая в ванну...

Она ослабила объятия.

— Не нужно! — сказала она. — Все это делается осторожно. и я вижу, ты слишком готёв!

Так оно и было, после того, как скользнул под покрывало Недостояющая пара больших пальцев не была помехой Найле Христоф в постели, или где-нибудь еще..

Было плохое время для восточной Айовы. После наводнений и засухи фермеры столкнулись с новым бедствием. От Маската на протяжении двадцати миль и более небо на горизонте покрыто серо-зелеными тучами. Когда облака приблизились, три четверти миллиона акров отборной кукурузы и сои оказались скрытыми плотным ковром саранчи. Саранча! Никто в Айове раньше не видел ее. Когда стаи саранчи отправились в полет, остались только коротко остриженные стебли

АВГУСТ, 21, 1983 г. Время 4.50 дня. Ники Де Сота

Если вы кредитный маклер, у вас нет выходных. В воскресные дни, когда освобождаются ваши клиенты, у вас появляется наилучший шанс найти источник существования. Это был прекрасный день, с кудрявыми белыми облаками, проплывающими над деревьями лесопарка Мехтаб-ибн-Баузи и пляжем, сверкавшим, когда я проезжал мимо. Но в этот день мне не до купания и церкви. Нет времени посмотреть игру юниоров — только подсчет платы и передача Торенс документа на право владения собственностью. Уже почти пять часов, а я даже не просмотрел воскресные газеты. В 4.38 пополудни около Елк-Гроув я успел купить газету и, когда поезд тронулся, десять минут потратил на действительно важные новости, знаете, в разделе спортивных известий: об играх юниоров, о преимуществе Носков перед Бруклинскими Хитрецами. За месяц до окончания сезона юниоры провели десять с половиной встреч. Ситуация вовсе не невозможная, нет. Но это не оправдывало огромного количества времени, затраченного на изучение материала. Вскоре я перевернул раздел основных новостей.

Конечно же, я помнил сумасшедшую поездку в Диксон. Я считал, что раньше беспокоился о своем собственном положении несерьезно. Испугался — да! Но вам не поможет

испуг, когда вы в лапах ФБР. Я не волновался, потому что я не был в Долилабе и имел множество свидетелей. Но в некотором отношении хвастливое обещание Рона мне помочь начинало тревожить. Я ждал телефонные звонки, когда несколько радиорепортеров из Голубой сети Эн-Би-Си или еще откуда-нибудь зададут мне вопрос, что я думаю по поводу демонстрации в Чикаго?

Хорошо, звонков не было. Не было также и демонстрации — наконец, в этот день не было того, что обычно заполняло первую пару страниц «Трибюн». Она печатала большую статью о президенте Доли, посетившем Чикаго для основания новой библиотеки. Маленькая колонка ниже рассказывала о возобновлении боев между Литвой и Россией. Лига Наций обвиняла в агрессии русских. Была также статья о чудовищно громком и пронзительном шуме в небе поблизости Олд Орчард. ВВС категорически заявляют, что ничего не знают о его причинах. И когда мы уже приближались к петле, на седьмой странице я увидел заголовок:

«АРЕСТОВАН БЫВШИЙ КИНОАКТЕР. ПРОТИВ НЕГО ВЫДВИНУТО ОБВИНЕНИЕ В КЛЕВЕТЕ НА СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ И ФБР».

Так был свален старый Рон.

И не только он... Потом, когда я внимательнее пересчитал статью, я понял, что Рейгана обвиняли в том, что он обозвал ФБР «фашистами», заявлял, что гражданский долг американцев — «противостоять» им как раз в тех случаях, о которых он говорил в моем присутствии.

За столом нас было только четверо. Я не думаю, чтобы Рон подкапывался под себя или это сделала его жена. Я уверен, что и я не делал этого.

К этому приложил руку мой таинственный приятель Лари Дуглас.

Он умышленно привез меня туда. Нет, это началось еще раньше. Он отыскал меня и сделал признательным. Потом взял с собой, чтобы устроить неприятности старому Рону Рейгану. Зачем? Я не догадывался об этом. Безусловно, Лари Дуглас был для меня плохой новостью.

«XX век, лтд» ожидался ровно в шесть часов вечера. Именно так! Я встречал его множество раз. Сейчас приехал почти последним, потому что около Рандольфа заревели

сирены и я остановился, когда шесть машин вдруг перекрыли дорогу. Сердце мгновенно подкатило к горлу.

Они приехали не за мной и не за кем-то еще. Они выполняли обязанности телохранителей знаменитостей и богачей — охраняли лимузин серебряного покрытия на расстоянии длины футбольного поля.

Араб — несомненно, Большой Араб! Я даже подумал, что это мог быть сам Мехтаб-ибн-Баузи, хотя едва ли он появлялся на публике. Нет, это был его перворожденный сын, Фэйсал-ибн-Мехтаб. Фэйсала легко узнать по рубину величиной с яйцо, который он носит на шее, и по шестерке твердоносых телохранителей, всегда бодрствующих. Между телохранителями и Фэйсалом беспокойно сновали городские полицейские. Они сдерживали любопытных зевак, пока Фэйсал в белоснежной мантии и феске, не пройдет по алому бархатному ковру в новый огромный сверхтуалет. Он участвовал в официальной церемонии открытия. Это поднимало настроение. В конце концов, он владел их обширной сетью. Почтительно отводя глаза, радиорепортеры бережно подносили микрофоны к августейшим губам, засверкали фотовспышки камер, сидевшие в грузовике музыканты заиграли попури из самых оптимистичных песен. Золотыми ножицами под эту музыку Фэйсал перерезал алую ленту.

Конечно, это было довольно интересно, но заняло добрых двадцать минут, прежде чем он заторопился обратно в свой «кадиллак». Вся процессия тоже испарилась так же быстро, как и появилась. Я нашел место для парковки и через пять минут был там, куда стремился, с сознанием, переполненным богатым Арабом, ужасной женщиной из ФБР, вероломным Лари Дугласом и совсем немного моей любовницей Гретой. Когда она возвращалась из Нью-Йорка, я почти всегда встречал ее. Особенно по воскресеньям, как сейчас, когда погода прекрасная и мы могли побродить по берегу озера или заглянуть в зоопарк. Несомненно, стюардессе нелегко зарабатывать себе на жизнь, и, если она провела трудную ночь с капризными пассажирами, включая детей, страдающих морской болезнью, мы просто прыгали на междугородку, и я провожал ее до дома.

Какими же спокойными казались былые дни! У меня было все, я встречал ее и не знал того, что случилось.

В большой комнате диспетчера объявляли время прибытия и отправления. Это было волнующее зрелище, потому что вы можете попасть отсюда почти в любое место мира, во всяком случае, в любую точку Америки. Здесь были поезда, идущие из Лос-Анджелеса и Солк-Лейк-Сити, Нью-Орлеана и Вашингтона и отправляющиеся в Бостон и Миннеаполис, Детройт и Хьюстон. Здесь были также улыбающиеся носильщики, везущие багаж, нервные пассажиры, беспокойно бегущие рядом. Здесь была пара, отправляющаяся в медовый месяц, целующая на прощанье свои семьи, были отпускники, волочившиеся с чемоданчиками, наполненными морскими раковинами, соломенными шляпами и еще влажными купальными костюмами.

Кроме случайных поездок с Гретой и деловых в Питтсбург или Милуоки, я никуда не ездил. Вероятно, поэтому США казались такими экзотичными, и... я не уверен... знакомыми.

Вы наблюдаете за поездами, ваши часы отщелкивают минуты: и поезда приходят, когда часы попадают в точку.

По этой причине я удивился, увидев, что на графике поездов вслед за «XX век, лтд», диспетчер вывесил слово «задерживается». Я заспешил в комнату отдыха, надеясь, что диспетчер ошибся и Грета ожидает меня там, но ее не было. Кроме того, никто не знал о причинах задержки. Вместе с другим обеспокоенным встречающим я подошел к даме, выходящей из женской раздевалки. Раз или два она работала вместе с Гретой, но, как только накопила необходимый стаж, перешла на престижные рейсы в Лос-Анджелес «Супершеф».

Она удивленно взглянула на меня:

— Опаздывает «XX век»? Да не может этого быть, Ники! Он никогда не опаздывает!

Она выбежала позвонить и вернулась обратно возбужденная.

— Интересно! — сказала она. — Они стоят в депо и принимают нового машиниста.

— Не нравится мне все это! — сказал я, внезапно потеряв голос. — Все это неправда? Несчастный случай? У машиниста случился сердечный приступ, или он сошел с ума, или... В моей голове без предела выдумывались новые катастрофы.

Но я не дошел до правильной версии.

Я просидел двадцать минут, ожидая, что случится. И тут стряслось недоброе. Это происходило стадиями. Первая фаза: вбежал перепуганный проводник.

— Не верьте...— сразу же сказал он приятелю.— Поезд остановился в дворах. Исчезли кондуктор, грузчики, проводники, машинист и кочегар. Причин не называют. Полагаю, они тянут время. Поистине негодяи! Твердят что-то о конспирации.

Вторая фаза: как только я оправился от потрясения, я достаточно внятно расслышал, как кто-то спросил:

— Кто они?

И услышал неожиданный ответ:

— ФБР.

Третья стадия: я хотел выйти из комнаты, но двое изящных мужчин прыгнули рядом со мной на ступеньки и умело схватили меня за руки.

В двери с пометкой «Служебный вход» появилась Найла Христоф. И они потащили меня туда. Ее руки были сложены на груди и смотрела она с удовлетворением. Для этого были причины.

По моей глупости...

Я провалился, если взглянуть на это с точки зрения шеф-агента Найлы Христоф. Свидетели создают неудобное алиби? Нет проблем — арестовать свидетелей! Очевидцев в тюрьму. Все цели и намерения существуют не дольше свидетелей. Здесь всего лишь несложное дело: сделать основную фотографии и отпечатки, не заботясь об озадачивающих обстоятельствах. Не существует никаких трудностей для Найлы Христоф.

Но для меня — да! Множество проблем... И самые трудные из них только появлялись.

Летчика трансконтинентальных и западных авиалиний комфортабельного лайнера, прилетевшего в Чикаго с юга, звали Мейгс Филд — он объявил заход на посадку. Город был в пелене облаков, но его это не беспокоило. В Чикаго не было, как в Нью-Йорке, ни одного стоэтажного здания (тот факт, что город был возведен на наносной почве и вблизи не было коренной подстилающей породы, не разрешал строить небоскребы). Это сделало летчика большого трехмоторного самолета немного беспечным... на этот раз,

когда он внезапно поднял глаза, он вдруг увидел на месте, где ничего не могло быть, огромное здание. С силой повернул рычаги, чтобы избежать столкновения. Когда Мейгс оглянулся, здание пропало из виду, а все тридцать восемь пассажиров, выбравшие семь часов самолетом вместо пятнадцати поездом, прокляли его имя.

АВГУСТ, 21, 1983 г. Время: 7.20 вечера.

Сенатор Доминик Де Сота

Я очнулся от дремоты — ждал появления Найлы Христоф. Я полагал, что когда она приедет в гостиницу из аэропорта, то позволит поспать. На это я мог рассчитывать. Она всегда любит порепетировать, даже прежде чем распаковать вещи и зарегистрироваться в номере, иногда прежде чем принять ванну. «Что нужно делать, чтобы попасть в Карнеги-Холл? — спрашивала она и тут же отвечала: — Практика, практика и еще раз практика! Только тогда я с уверенностью буду выступать там, милый Дом!»

Меня разбудили звуки Гварнериуса из соседней комнаты — чакон Баха без аккомпанемента — я узнал его без труда. Классическая музыка — одна из тех вещей, для которых политическая карьера не оставляла времени, но она имела отношение к Найле Боуквист и была общеобразовательной штукой во многих отношениях.

Я поднялся и прошел в спальню. Она находилась здесь — стояла возле камина спиной ко мне; тело раскачивалось вместе со старой скрипкой. Я бесшумно подкрался сзади и протянул руки к чашам ее правильных грудей. Найла не пропустила ни одного такта — глаза закрыты, смычок подпрыгивает над струнами. И сказала:

— Подожди две минуты, милый!

— И что я должен делать эти две минуты? — спросил я.

Она пропела через плечо музыкальными полосами:

Закажи шампанского..

Или приготовь постель..

Или начинай раздеваться..

Я поцеловал ее в шею:

— Попробую третье.

На самом деле я еще не начинал раздеваться. Одной из многих вещей, которым я научился у Найлы, — это как

можно больше шутить, когда мы вместе. Я возвратился в жилую комнату — нет, полагаю, вы можете назвать ее более классически — например, салон... Я знал, что она не успеет закончить за две минуты, скорее всего, через четверть часа. Когда Найла находится на гастролях, она всегда боится, что забудет что-нибудь важное: какой-нибудь пассаж пальцев или как лучше сделать трех-, четырехнотный аккорд. Во время репетиции она и занималась всем этим. Ну на это требовалось время. Я устроился на громадной тахте и взял телефон.

Когда я набирал номер своего офиса, то внимательно посмотрел по сторонам. Я был рад возможности воспользоваться телефоном за счет отеля. Налогоплательщики никогда не смогли бы проверить, как не смогла бы это сделать Ай-Ар-Эс, если бы хоть один нормальный человек затребовал четырехкомнатный люкс, служивший для деловых расчетов. Найла всегда просила именно его: перед концертами приходилось много практиковаться. Фактически, ею никогда не интересовались ревизоры Ай-Ар-Эс, потому что гостиничный люкс всегда заказывало и оплачивало управление концертных залов, где она выступала. Счет ни разу не обнародовали, деньги утекали сами собой. Когда я связался с офисом, то попросил Джок Мак-Клени. Он несомненно узнал мой голос, и я сказал просто:

— Я там, где обычно. Произошло что-нибудь срочное?

— Нет, сенатор! Если произойдет, я вам сообщу.

— Прекрасно! — сказал я и приготовился повесить трубку. Я знал, что если возникнет необходимость, то он даст знать мне, и знал также, что шанс, когда такое может случиться, очень невелик. Он кашлянул, и это остановило меня.

— В чем дело, Джок? — спросил я.

— Был необычный звонок из Пентагона, сенатор. Им позвонили из Сандии и сказали, что вы находитесь у них.

Сандия — это исследовательская лаборатория в Нью-Мехико. Я выпрямился:

— Ладно, я не там!

— Совершенно верно, сенатор!

И я представил себе его удовлетворенный кивок и радость, поскольку Джок всегда любил оставить Пентагон на бобах.

Я тоже получал от этого удовольствие, мне хотелось вывести немножко больше — но звуки из соседней комнаты прекратились.

— Будь в курсе, Джок! — сказал я. — Поговорим об этом позже.

— Хорошо, сенатор! — проговорил он. Как мне показалось, с завистью — я не осуждаю его за это.

Найла — эффектная красотка, которой можно позавидовать, но Джок также был меломаном. Он не пропускал ни одного выступления Найлы. Порой, находясь в отведенной мне ложе, я смотрел вниз и видел его сидящего в двадцатых рядах и смотрящего на нее глазами, полными обожания.

Когда я вошел в спальню, я заметил, что смотрю на нее так же — ее обнаженные бедра дрожали от нетерпения, Гварнериус лежал в футляре. Она посмотрела на меня высокомерным взглядом.

— Как, ты все еще не раздет? — гневно спросила она.

— Это легко исправить! — сказал я и доказал на деле.

При нормальном ходе событий женатый мужчина моего положения ни в коей мере не должен иметь связей с замужней женщиной, какой являлась Найла Христоф Боуквист. Наши жизни не переменить до поры до времени.

Я был физиком-неудачником, ушедшим в юристы, а затем и в политику.

Найла была совсем другой. Она росла дикой и немного чокнутой: если бы ей не повезло заработать ученую стипендию в школе Джулиарда, она могла бы загреметь в тюрьму или другое, столь же плохое место. Но вместо этого она сделалась Найлой Христоф Боуквист, с двухэтажным зданием на Лэйк-Шор, ее супруг служил в инвестиционном банке, а я сделал карьеру и заимел жену, полную амбиций.

По ее мнению, мне следовало стать президентом. А по-моему, я и сейчас мог им стать, если бы имел другую первую леди. Забавно, что именно Мэрилин свела нас вместе — наверное, не подумав, она решила, что для моего имиджа было бы неплохо, если бы я посетил Чикагский совет по искусству. Там я и встретился с Найлой — мы сидели рядом во время обеда, устроенного в честь основания фонда, вместе выступали в пятницу утром в радишоу и вечером той же пятницы находились в одной

постели. Химия? Это используется, но только не между нами.

Когда мы утомились от занятий любовью и лежали на нагромождении подушек, куря сигареты, я заметил ее отрешенный взгляд и спросил:

— О чем ты думаешь?

— О нас с тобой!

— И обо мне? — сказал я и потянулся к пепельнице, без вполне дозволенного касания ее левой груди, потом добавил: — Я думаю, что, если бы мы пошли другими дорогами, все было бы иначе.

— И было бы совсем другое время, — сказала она, кивая.

Я тоже кивнул в ответ.

— Если бы мы встретились, прежде чем ты вышла замуж за Фреда, а я женился на Мэрилин. Если бы мы случайно встретились... Что ты об этом думаешь?

— О чем, Дом? — спросила она, гася сигарету.

— Как ты думаешь, мы смогли бы пожениться? — спросил я.

Она легла, ласково просунула в мое ухо кончик языка, затем сказала:

— Несомненно!

Хотя, на самом деле, это не было «несомненным». У нас было мало общего, не считая постели. Я мало понимал в музыке, а Найла не переносила политики. И если бы мы поженились, всегда был вероятен скоропалительный развод. Никто из нас не имел детей, никто не зависел от другого материально, и супружеская жизнь сенаторов мало интересует избирателей. Если бы служба не позволяла повторной женитьбы, госпожа Рейган не была бы президентом.

Нет, от женитьбы мы уклонялись потому, что никто из нас не ждал от этого счастья. Вот почему Найла снова очень уверенно произнесла:

— Несомненно! — И встала: — Теперь мне надо подумать об одежде. Придешь ко мне в душ?

— Несомненно! — сказал я и присоединился к ней.

«Несомненно». Много раз мы произносили это слово, маскируя сомнения в тех вещах, которые на самом деле вовсе не были «несомненными». Мы с радостью плескались в воде, намыливали друг друга, но недолго, потому что завершал телефон.

— О черт! — сказала Найла. — Нет, позволь мне, Дом! Здесь было другое «несомненно», конечно же, я позволил ей подойти к телефону, поскольку звонившим мог оказаться любой, кому не следовало обо мне знать. менеджер, супруг, репортер, любитель скрипки, ухитрившийся раздобыть номер ее телефона. Да, я ее любовник, но оба мы прекрасно знали, что это не могло бы понравиться вышеупомянутым лицам. Этого не произошло. звонил тот, на кого я подумал. Кто иной мог оказаться в офисе в воскресенье вечером? Состроив на лице гримасу, Найла передала мне трубку: она не очень переносила Джок. Или, по крайней мере, ей не нравился тот факт, что он знал о нашей связи. Она выпустила мыльную трубку из своей намыленной руки, и я едва не уронил ее. Но ухитрился сказать.

— Да, Джок?

Тут я на самом деле выронил трубку и поймал за шнур.

— Это по вопросу Сандии! — сказал он — Снова звонили из Кэтхауза, сенатор!

У меня появилась тревога, потому что разговор о Кэтхаузе не телефонный.

— Да? — заинтересовался я.

— Они позвонили снова, сенатор! Сказали, что проверили отпечатки, запись голоса и внешность — все совпало! Они задержали одного человека и утверждают, что это вы. Сенатор, они уверены в этом на все сто!

Плохо спавшей на большой, непривычно пустой кровати вдове послышался визг, а когда она пробудилась окончательно, крик продолжался. Тогда она подбежала к окну. За окнами ничего не было, кроме сиящих лужаек ее владений. Она открыла окно с трудом (люди с небольшим доходом редко бывают на свежем воздухе), и усилившийся визг донесся вместе с запахом гниющего мусора. Кого-то насиловали? Или убивали? Но ничто из этого не было реально в тихой элитности садов Кабрини.

**АВГУСТ, 22, 1983 г. Время: 02.50 ночи. Сенатор
Доминик Де Сота**

В воскресную ночь из Вашингтона в Альбукерк было мало рейсов — и абсолютно никаких беспосадочных. Какое-то время я подумывал о том, чтобы принять

помощь ВВС — но, в конечном счете, Джоку удалось впихнуть меня на Ти-Дабл-Эй, улетающий в девять часов вечера. Летели пять часов, и между поясами была разница в два часа — к счастью, мне удалось немножко поспать между Канзас-Сити и Альбукерком. Этим закончился гражданский комфорт, а дальше все начиналось по-военному. Не видно, чтобы кто-нибудь из военных спал: они встретили меня штабной машиной, засекали мое движение через пустынные дороги и автострады до самой базы Сандия. Шофером была женщина-лейтенант морской пехоты из вспомогательных войск — охранники дружно поприветствовали ее жестами. Они не спросили документов — но, когда мы отъехали от поста, за нами двинулся бронетранспортер. Он сопровождал нас всю дорогу — через солнечные силовые установки, через ядерную зону, к зданию А-440.

Я был раньше в этом здании — оно называлось Кэтхаузом — Кошачьим домом. Королем Котов являлся полковник регулярной армии по фамилии Мартино; мы были довольно дружны, и я удивился, что он не позвонил мне лично — это могло быть случайной, неофициальной вещью.

Когда я вылез из машины, с транспортера прыгнули три пехотинца и последовали за мной. Я начинал догадываться, что в моем визите не было ничего случайного. Морские пехотинцы не пошли со мной по лестнице и не сделали попытки преградить дорогу, еще меньше они не спускали с меня глаз — от дверей и через залы до офиса Джейкоба Мартино.

— Доброй ночи, полковник! — кивнул я ему.

Он кивнул мне в ответ:

— Привет, сенатор!

А затем он спросил:

— Можно взглянуть на ваши документы?

Нет, это не было просто формальностью — Мартино внимательно изучил мои водительские права штата Иллинойс, сенаторский пропуск и пластиковый ярлык с отпечатками и магнитным кодом. Военный отдел создавал определенные неудобства тем лицам, которые не имели военного звания, но имели право иногда посещать секретные учреждения.

Он не стал читать, а вложил пропуск в один из настольных терминалов — наподобие тех, какие используются в модных ресторанах, когда вам нужно заплатить за ужин двести долларов по кредитной карточке «Америкэн экспресс» или когда вы отмечаетесь на выходе с работы. Но и это не полностью удовлетворило его.

— Сенатор! — сказал он. — Я хотел бы, чтобы вы назвали, где мы виделись в последний раз. Это было в Пентагоне или... где?

Я спокойно ответил:

— Вы прекрасно знаете, Джейкоб, что это было вовсе не там, а в Бока-Ротан, на конференции по теоретической технике. Мы были наблюдателями.

Он улыбнулся. Слегка расслабившись, вернул мне бумажник.

— Полагаю, это действительно вы, Дом! — сказал он. — Тот, другой парень не помнил ничего про Бока-Ротан.

Я хотел было спросить о «другом парне», но полковник опередил меня:

— Подождите минуту! Сержант, приведите задержанного в комнату. Мы хотим побеседовать с ним.

Он взглянул на выходящего из комнаты сержанта и сказал:

— У нас неприятности, Доминик!

— Потому что этот парень назвался мной?

— Он не говорил именно так, — сказал, нахмурившись, полковник. — Нас беспокоит другое: он ничего не говорит. Сначала мы подумали, что он — это вы. Теперь...

— Теперь вы так не думаете?

Полковник заколебался:

— Теперь... — произнес он. — Я бы не хотел говорить, но иного объяснения нет. Сенатор, этот человек — ...Кот!

Фермер по имени Вейн Сохстейфер, проснувшись под звуки ранних радиорепортажей Дабл-Джин-Эн, зевнул, потянулся, побрел к окну, чтобы посмотреть, как политы бобы на северном поле. Когда он открыл окно, даже завизжал от неожиданности: бобового поля не было! На том месте

находился забор, около которого могли бы припарковаться тысячи машин, и длинное-длинное приземистое здание с вывеской:

«НИСАН — ВАШЕ САМОЕ ЛУЧШЕЕ КАЧЕСТВО!»

Вейн Сохстейфер был поражен.

...Вейн Сохстейфер был удивлен не так сильно, как фермер по имени Вейн Сохстейфер, который точно так же, проснувшись, посмотрел в то же самое окно и увидел то, что ожидал — свое северное поле, оливково-зеленое в раннем свете утра. Там располагалась его ферма. Он удивился, когда повернулся в своей кровати и обнаружил, что в ней спит совсем другая жена...

**АВГУСТ, 22, 1983 г. Время: 04.20 утра. Сенатор
Доминик Де Сота**

Казалось, персонал Кэтхауза не обращал внимания на середину ночи. Он спал. Из секции арестованных позвонил сержант и сообщил, что задержанный просит опорожниться и принять душ.

— Почему бы и нет? — сказал я, когда полковник Мартино посмотрел на меня. — Я не возражаю против небольшой тактичности — особенно для себя.

Он приоткрыл рот и беззвучно рассмеялся. Это был тот смех, который вы изображаете, когда вам не до смеха. Полковник отдал распоряжение и приказал подать кофе: и нам, и заключенному. Потом мы сидели и смотрели друг на друга.

Здесь не полагалось разговаривать слишком долго.

Мы поговорили о человеке, похожем на меня, но старались не упоминать о Котах. На самом деле мы никогда не использовали это выражение, исключая секретные встречи с ограниченным доступом. Как я знаю, этот термин нигде не напечатан и считается самым большим секретом Америки, по крайней мере, в оборонных институтах. Это был такой большой секрет, что я ни минуты не верил в его истинность.

Сандия засекречена не на сто процентов: здесь находились солнечные силовые установки, и все они не являлись тайной. Они занимали, раскинувшись по базе, более чем половину тысячи акров. Сектор ядерного оружия тоже не был полностью секретным (секретом было то, что именно там делалось). Мир знал, что отсюда выходили смертоносные бомбы и крылатые ракеты.

Но остальное не было известно никому, или подразумевалось, что никто не знал о более таинственных частях Сандии. Здесь находился маленький отдел, занимавшийся вопросом изменения климата во вражеской стране, чтобы парализовать сельское хозяйство. Был также отдел, исследовавший возможность генетической войны. Он разрабатывал новые вирусы и химические средства нападения, направленные против населения вражеского государства, — портившие ДНК, чтобы их дети росли уже пораженными и неполноценными.

Лично я оправдываю эти средства, хотя они кажутся аморальными и вряд ли пригодны в любой ситуации.

Кроме того, здесь был отдел Пси-войны — еще более сомнительный и более странный. Внутри здания мы содержали восемнадцать — двадцать хитрецов и придурков в возрасте от восьми до восьмидесяти лет — действительно очень странных. Каждый из них утверждал, что владеет некоторой особенностью. Здесь были парни с искусством «вне-тела». Они говорили, что могли покидать собственные тела и входить в другие, даже за тысячи миль. Они умели видеть глазами другого человека и слышать его ушами. Потрясающе! Они проникали на вражескую базу и вынюхивали все секреты!

В целом я был большим-большим скептиком. Одной из причин являлся цинизм. Хитрецы были такими чокнутыми и, кроме того, имели одну отвратительную маленькую особенность: не поддавались проверке. Однажды они проходили испытания, чтобы разоблачить надувательство. Пойманные на обмане дважды, они выбывали — рано или поздно все они оказались за бортом нашей лодки. Тем не менее даже это не пугало людей, работавших по Пси-войне. Как только одну странность объявили мошенничеством и бросили на дорогу, талантливые парни откопали другую — в штатах Айдахо и Алабамы — и подсовывали нам... так бесконечно...

Другая причина скептицизма была совсем не циничной, даже наоборот! Это противоположность цинизма. Мои приятели — члены комиссии, — когда я намекал на нее, обвинили меня почти в идеализме.

Я не верил, что у нас есть хотя бы один-единственный враг!

Да, верно — немцы и японцы... они действительно сильные соперники, и наши деловые круги ненавидели

их так же сильно, как старый Като — Карфаген. Они на самом деле били нас в международной торговле, но хотели ли мы воевать с ними? Под «врагом» я подразумеваю непримиримого кровавого врага — такого, какими были раньше Адольф Гитлер и Иосиф Сталин. С ними давно покончено, конечно, остался внук Сталина, он служит в Русском дипломатическом корпусе, и, когда выпадал случай, я играл с ним в покер. Прекрасный малый! Смертельных врагов в наше время просто не существует. Это было не столько нашей терпимостью и мудростью, сколько счастьем — если бы «холодная» война не потеплела на несколько градусов, сейчас было бы очень плохо! Но мы сдержались, когда русские и китайцы решили спор о границе в полной ядерной конфронтации. Они ограничились несколькими бомбами, но после этого никто из них уже не был реальным противником. Их целиком удерживали свои проблемы.

Почему же наш Объединенный комитет по анализу вооружений никогда не пытался урезать ассигнования на Пси-войну? Для этого были свои основания. Во-первых, эти проекты были такими дешевыми, что не стоило обращать внимания. Национальная политика Белого Дома поддерживала сильную оборону, и госпожа Рейган не сомневалась в своей политике. Если бы даже Пси-война, генетики и Кэтхауз и были (как я думал) простыми расточителями средств, то суммы на их содержание составляли такой ничтожный процент, что просто не стоило беспокоиться. Пси-война и Кэтхауз, вместе взятые, за год обходились дешевле, чем содержание одной ракетной шахты.

И если хоть кто-то из них создаст осуществимую систему оружия...

Ладно, вероятность чудовищно мала — особенно, для Кэтхауза.

Кэтхауз назывался так в честь кота Шредингера. Кто же такой Шредингер и при чем здесь его кот? Хорошо, я попробую объяснить это словами физика, когда это происходило в первый раз.

Шредингер открыл нечто встряхнувшее квантовую механику. Ах да, что такое квантовая механика? Хорошо, говорит физик, в основном это новое направление физики. Когда это объяснение не показалось нам, упрямым политикам из Объединенного комитета, вполне

удовлетворительным, он попробовал снова. Квантовая механика, сообщил он, получила свое название от открытой Шредингером энергии, похожей на однородное бесконечное движение — как бегущая из-под крана вода. Хотя, поправился он, даже текущая из-под крана вода только кажется однородной и бесконечной — на самом деле она состоит из атомов молекул и даже маленьких частиц. Она не находится в неограниченном потоке, а пребывает в кусках по названию «квант». Основным квантом света является фотон. Да, мы начали чувствовать, что получим здесь достаточную опору — ведь даже сенаторы и конгрессмены что-то слышали о фотонах. Но он разбивает наши надежды, снова обратившись к коту. Что имеет со всего этого кот? Отлично, говорит физик, смело держась перед нами, это вытекает из логики, представляющей эксперимент Шредингера. Видите ли, существует другая штука, названная Гейзенбергом принципом неопределенности. А что является принципом неопределенности? Ладно, сказал он, передвинув неудобное кресло, это объясняется очень легко.

Он заблуждался: это ничего не объясняло. По утверждению Гейзенберга, вы никогда не можете знать сразу положение и движение частицы. Вы также не можете знать, где она будет находиться и откуда двигается. Вы не можете знать всего этого!

Хуже того, существуют и другие вопросы, на которые вы не только не можете найти ответы, но их просто не существует! Тогда мы получаем кота. Представьте себе, мы посадили кота в коробку, говорил Шредингер. Допустим, мы поместили туда радиоактивную частицу с одним шансом из двух распасться. Предположим, вместе с котом и радионуклидом мы поместили резервуар с ядовитым газом, в котором есть переключатель, приводимый в действие расщепившейся частицей. Затем закроем коробку и спросим, жив ли кот? Если частица расщепилась, он мертв, если нет, то газ не вышел из сосуда и кот жив.

Но снаружи коробки нет истины — есть только пять шансов из десяти, что кот жив.

Но кот не может жить пять из десяти раз.

— Вот! — сказал триумфально физик, сияя перед нами так искренне, словно оба предположения истинны. — Кот жив, — и в то же время он умер! Но каждое заявление истинно в отдельной вселенной. В этой точке произошел

раскол — и существуют уже две параллельные вселенные. Вселенная с живым котом — и вселенная с мертвым... Все вселенные каждый раз расщепляются и расходятся в стороны... таким образом, существует бесчисленное множество миров.

В этом месте закашлял сенатор Кеннеди.

— Доктор Фас,— сказал он.— Это, конечно, страшно интересно, но всего лишь теория. В реальной вселенной мы открываем коробку и смотрим: жив кот или умер?

— Нет-нет, сенатор! — крикнул физик.— Все они, все существуют в реальности!

Мы переглянулись.

— Вы хотите сказать, в математическом смысле? — уточнил Кеннеди.

— В любом! — крикнул Фас, угрожающе кивнув головой.— Параллельные вселенные создаются каждую миллионную долю секунды, а в «реальности» существует лишь одна из них. Или, если хотите, мы живем в одной из этих вселенных.

Мы застыли как манекены. Мы, восемнадцать сенаторов и конгрессменов со всех концов Соединенных Штатов, удивились. Конгрессмен из Нью-Джерси наклонился и шепнул мне в ухо:

— Дом, вы находите здесь какое-нибудь военное применение?

— Спросите сами, Джим! — шепнул я, и конгрессмен задал этот вопрос физику.

— О я приношу свои извинения, джентльмены,— сказал он.— И леди, конечно же...— добавил, кивнув госпоже Бирн.— Я думаю, что все здесь безупречно. Хорошо! Допустим, вы хотите сбросить водородную бомбу на город врага, или на военный объект, или на что-то еще... Вы создаете бомбу, переходите в параллельный мир, летите на широту и долготу, скажем, Токио — полагаю, вы найдете там такое место — затем проталкиваетесь обратно в свой мир и взрываете ее... Бу-у-ум!!! Как бы то ни случилось, это произошло! Если у вас десять тысяч мишеней, вы просто сделаете десять тысяч бомб и проталкиваете их разом — их не отразить. Другой народ не увидит приход, потому что, пока вы будете находиться там, в нашем мире вас видно.

И, довольный собой, он откинулся на кресло.

Мы все тоже откинулись и переглянулись. Но я не

думаю, чтобы хоть один из нас в самом деле обрадовался этому.

Даже это могло не заинтересовать комиссию, исключая один факт. Я уже говорил: программа могла и не сработать, как думали и надеялись многие из нас. Потеряно будет очень мало, ведь это, как и Пси-война, стоит очень-очень дешево.

Ладно, они наконец-то привели этого парня, и я мог бы сказать, что это был один из самых неприятных моментов моей жизни. Не причиняющий боль, не переносимый, но слишком неприятный.

Подобно многим другим, я не люблю ходить в магазины. Особенно за одеждой. Одной из причин было то, что я питал отвращение к зеркалам. Они просто лгали, неожиданно ловили вас. Вы одеваетесь на примерку, продавец уверяет, что костюм сидит на вас как влитой, наконец, он отводит вас в глубь зала к трем зеркалам, сложенным вместе, будто средневековый триптих. Вы смотрите в них, ничего не подозревая, и первым делом, естественно, видите собственный профиль. По своей воле я никогда не смотрю на него — саму эту мысль считаю неприличной! Не по-божески пытаться увидеть самого себя, и недоступно видеть себя таким способом. Я с ужасом смотрел в зеркало, не признавая себя в этом глупо улыбающемся двойнике со смешным носом и болтающимся подбородком. Как получается изображение в зеркалах — великая тайна... и еще, я не совсем потерял чувство реальности. Я знал, что этот человек — действительно я, хотя бы мне и не хотелось этого!

Теперь о том, что происходило в Кошачьем доме Сандии. Когда они приволокли этого человека, он не смотрел на меня и не смотрел ни на кого. Они позволили ему плеснуть на лицо воды, но защелкнули за спиной наручники. Вероятно, одной из причин того, что он смотрел в пол, была боязнь упасть. Но я не думал так: это была лишь одна из причин! Думаю, он знал, что, подняв глаза, увидит собственные... или мои... наши...

Я не хотел этого — это было в тысячу раз хуже трехстворчатых зеркал! Это было так плохо, как только могло...

Другой «я» имел мое лицо, цвет моих волос и даже такую же родинку вверху. Все мое... Почти все — потому что были и небольшие отличия: он был фунтов на

шесть — восемь легче меня и одет в иную одежду. Это был цельный комбинезон из блестящей зеленой материи с карманами на груди и на том месте, где обычно располагаются карманы брюк. Карманы были также на рукавах и правом бедре. Возможно, в этих карманах помещалось все имущество другого «меня» — но не сейчас, так как, несомненно, они были обшарены подчиненными полковника.

Я сказал «себе»:

— Доминик, посмотри на меня!

Молчание. Второй Доминик не ответил, он не поднял глаз и никак не отреагировал — хотя я с уверенностью мог сказать, что он расслышал достаточно хорошо. Все находившиеся в комнате молчали — во всяком случае, полковник наблюдал и ничего не говорил, а когда полковник Мартино не говорил, его ребята не делали ничего другого.

Я попробовал снова:

— Доминик, ради Бога, скажи, что произошло!

Другой «я» продолжал смотреть в пол, затем поднял глаза, но не на меня. Он взглянул поверх головы Мартино на стенные часы, сделал какие-то расчеты. Потом повернулся ко мне и ответил.

— Доминик! — произнес он. — Ради Бога, я не могу!

Этот ответ нас не удовлетворял. Полковник Мартино открыл рот, чтобы что-то сказать, но я остановил его жестом руки.

— Пожалуйста.

Второй «я» печально произнес:

— Ну хорошо, приятель Дом! По правде говоря, я здесь потому, что хотел сказать тебе кое-что. Тебе, — пояснил он. — Я имею в виду не второго человека из множества, и даже не просто другого. Я имею в виду тебя — Доминика Де Сота, которым, как ты понял, являюсь и я сам.

Полковник разъярился — все пошло не так.

— О Дом! — прискорбно сказал я «себе». — Я давно вырос из таких игр! Ответь, если ты хотел что-то сказать мне, то почему молчишь?

— Потому что слишком поздно! — сказал он.

— Слишком поздно для чего, черт возьми?

— Ты знаешь, о чем я пришел тебя предупредить?

— Нет!

— Это уже произошло... мы встретимся снова,— он хотел улыбнуться, но это была гримаса.— Нельзя было допустить, чтобы мы встретились.— Здесь он остановился, начал говорить, снова запнулся и посмотрел на часы.

И затем пропал...

Когда я говорю, что он «пропал», это очень точное слово, но оно может создать неправильное представление. Другой Доминик не смылся в туалет или куда-нибудь еще. Нет, он стал совершенно прозрачным, как актер в научно-фантастическом шоу. Он исчез совсем: в одно мгновение он был здесь, а в следующее его не стало...

И пара наручников, замкнутых вокруг несуществующих запястьев, загремела по полу на том месте, где он только что стоял...

Подобные вещи никогда раньше со мной не случались. У меня не было запрограммированной реакции на такое ужасное нарушение законов природы, как не было ее и у полковника Мартино. Он взглянул на меня, я на него.

Никто из нас не сказал ни слова об исчезновении, исключая: «Вот дерьмо!». Мне показалось, что я услышал его от полковника.

— Вы что-нибудь поняли, полковник, о чем он говорил? — для уверенности, спросил я.— Нет? Я тоже! Что же будем делать?

— Спихни меня ко всем чертям! — сказал он, но, хотя армейский офицер и произнес это, не значит, что он позволит это сделать.

Мартино вызвал сержанта и дал приказ прочесать окрестности, разыскивая двойника. Сержант выглядел озадаченным, а полковник растерянным, поскольку все мы знали, что от этого не было никакого толку.

— Выполняйте приказ, сержант! — крикнул он.— Хорошо одно,— произнес немного позже.— Он сказал, что что-то уже произошло. Значит, скоро мы узнаем, что именно!

— Как бы я хотел, чтобы это оказалось в самом деле хорошо! — сказал я и оказался прав.

Через десять минут выяснилось, что это никак нельзя было назвать хорошим. Мы вышли из комнаты и спустились в холл, за нами виновато плелся небольшой отряд полковника, недоумевая, где ловить упорхнувшую птичку. А к нам двигался другой отряд — дюжина или

около того. Пехотинцы поднимались по лестнице — по крайней мере, не чувствуя вины. Все они (вместо коричневой парадной) были облачены в походную форму и несли на плечах нелепые короткоствольные карабины. Карабины не долго держались на плечах.

— Приготовиться! — сказал их сержант, когда они оказались в полдюжине ярдов от нас.

Отделение остановилось, десантники опустили на колени, карабины мелькнули в воздухе ремнями, и уже были нацелены прямо на нас...

Из середины отряда вышел офицер.

— Вот дерьмо! — снова сказал полковник Martino, и я не спросил почему.

Офицер был одет в такую же походную форму, как и десантники, но вы могли бы узнать в нем офицера по пистолету. Здесь что-то было не так, иначе я сказал бы сразу — и он подтвердил это.

— Я майор Доминик Де Сотта! — произнес он хорошо знакомым мне голосом. — Объявляю вас своими военнопленными!

Он сказал это достаточно четко, но в голосе слышалось напряжение. Я знал отчего: слова были адресованы полковнику, а глаза нацелены на меня. И их выражение мне было хорошо знакомо, совсем недавно я смотрел на себя точно так же. Я сказал:

— Привет!

Другой парень онемел.

— Полагаю, вы удивлены? — предположил я. — Это шутка?

Он дернул головой солдату, который подошел ко мне и заломил руки. Что-то холодное и жесткое обожгло мои запястья, и до меня дошло, что это наручники.

— Я не знаю, что вы подразумеваете под удивлением, — сказал второй «я». — Но это не шутка! Вы все арестованы и находитесь под стражей!

— Чего ради? — спросил полковник, принимая собственные наручники.

— Пока мы не уладим с одним дельцем, касающемся вашего правительства! — заверил нас «я». — Мы объявим, что они должны делать, и, пока не получим согласия, вы будете нашими заложниками. Это ваш самый лучший шанс! Если он вам не нравится, выберите другой — окажите сопротивление... Тогда нам не останется ничего другого, как убить вас...

Не торопясь проезжая мимо бобов, водитель большого «Джона Дира» думал, что нет ничего серьезней, чем холодное пиво и пропущенный матч Носков. В этот момент он услышал сзади «зап-зап-зап» приближающейся высокоскоростной машины и «раур-раур» шестнадцатигильдрового двигателя. Краем глаза он увидел несущийся на него странный дизель — и резко повернул руль... Он испортил несколько бобовых рядов, но, когда оглянулся, на дороге было пусто.

**АВГУСТ, 22, 1983 г. Время: 09.10 утра. Миссис
Найла Христопф Боуквист**

Немного непривычно находиться в родном городе Доминика без него самого, но я была занята. Здесь всегда в изобилии концерты и множество изнуряющих интервью, а перед выступлением всегда подают коктейль с тяжелым вливом Национальной симфонии. Но самое основное — десять минут репетиции с оркестром отнимают час времени. Заботясь о преждевременности, пытаюсь припомнить все отрывки, темп и интонации, мы договариваемся позже. Некоторые считают, что, чем больше репетируешь с Мстиславом Ростроповичем, тем легче, оттого что Слави сам начинал в качестве виолончелиста. Ничуть не бывало: он ужасно нервный. Он может преследовать вас своим сумасшедшим состоянием, заметив синкопирование звука. Я не говорю, что не люблю с ним работать... Например, Слави обладает удивительным чувством юмора. Кроме того, меня очаровывают такие мужчины.

Могу подарить вам идею одной из его тонких шуток. Когда я подписала и вернула контракт на эти выступления, позвонила концертмейстер:

— Слави сказал, что вы можете выбрать Сибелиуса или Мендельсона...

Я не смогла удержать смех.

Очень забавная шутка. Это уже история: раньше, когда я сыграла Национальную симфонию, журналисты изобразили меня заснувшим часовым. Думаю, я была утомлена. Во всяком случае, я сказала ей то, что говорит не каждый скрипач, но знает любой, кто играл на скрипке после Паганини. Есть концерты, которые звучат сложнее, чем они есть на самом деле, например, как у Мендельсона, и концерты, показывающие мастерство, более трудные,

чем кажется по звуку, как у Сибелиуса. Поэтому я ответила, что, когда хочу получить дешевое «браво» от наивной аудитории, я играю Мендельсона, а если хочу показать себя коллегам — Сибелиуса.

— Передайте Слави, — скорее всего, я исполню Мендельсона! — сказала я концертмейстеру, улыбнувшись в телефон. Потому что, как я знала, не будет ни того и ни другого. И правда, через пару дней я получила корзинку цветов с запиской от Елены Ростропович: «Не просто талантливо и не только чудесно, но и очень трогательно! Слави пересылает свои комплименты поклонника и просит сыграть Гершвина: на концерте будет присутствовать госпожа президент!»

Я связалась с ним и сказала, что с удовольствием исполню Гершвина. Он был одним из великих композиторов и, кроме того, хорошо, по-американски, сочинял скрипичные концерты. Во всяком случае, я знала, что госпожа Рейган не желала слушать иностранные вещи.

Елена Ростропович — очень милая леди, но я не всегда знала, что у нее на уме. Например, я не знаю, что ей известно обо мне и Доме. Мы осторожно уклонялись от болтовни на эту тему, и до сих пор она ни о чем не спрашивала. Но когда я получала приглашение на ужин, я узнавала, что там был и Дом. Мы с супругом всегда назывались «мистер и миссис Боуквист», а Дома с женой объявляли как «сенатор и миссис Де Сота». Совершенно неважно, что наши супруги находились в Чикаго — почти всегда (как Ферди) и очень часто (как Мэрилин Де Сота). Поэтому Дом мог провести ночь в моем номере. В дни концертов мы работали целый день, а в одиннадцать вечера встречались у Елены с выражением искренней неожиданности. Затем ехали в снятый Домиником дом. Постоянный...

Эти вечера — самое лучшее время моей жизни и жизни Дома. Мы могли появляться на публике. Потом, когда оставались вдвоем, было очень мало шансов, что хоть один из нас будет разоблачен супругом. Мы делали все, что в Чикаго было довольно рискованно — там всегда был шанс, что кто-нибудь из наших супругов не вовремя появится в вестибюле отеля, на лестнице или в ресторане, где мы обычно встречались. Другие города лучше — иногда по счастливой случайности Дому удастся придумать повод

для вылета в Бостон, Нью-Йорк или еще куда-нибудь, где я выступаю. Мы всегда выжимали время... Нет, Вашингтон — лучшее... безусловно, из того, что я видела.

Но и здесь у нас были знакомые. Рано или поздно Ферди или Мэрилин услышат намеки и почувствуют неладное. Это только вопрос времени. Частные детективы? Вероятно! А почему бы и нет? За супружескую измену приходится расплачиваться.

И тогда на наши головы с грохотом свалится многое, и то, что произойдет, будет слишком неприятно...

Но, пожалуйста, Господи, еще чуть-чуть!

— Никогда! — уверенно сказал в два часа ночи Дом, натягивая носки, когда я рассказала о своих мыслях.

— Рано или поздно, дорогой, это случится! — сделала я вывод.

— Этого не произойдет, нас не смогут поймать. — Он помолчал, натягивая штаны, и, согнувшись, поцеловал меня в пупок. — Мы всегда будем заниматься любовью, даже если нас засекут...

Я не дала продолжать, точнее, попыталась.

— На концерт прислет госпожа Рейган! — сказала я.

— Да? Что из того? — спросил он и кивнул с умным видом. — О! Я увидел связь: ты не хочешь шокировать президента, да? Но если нас не схватят, мы не шокируем, а если и схватят — всегда есть выбор, можно...

— Нет, я не про это! — сказала я, прежде чем он закончит свое изречение словом «пережениться». Потому что это не было неприемлемой темой для дискуссий, хотя бы и с сенатором Домиником Де Сота. Я могла изменять мужчине, который меня любил, но не могла выбросить его из своей жизни, прилюдно унизив.

Так что я не переживала, когда Дом уехал в Нью-Мехико, потому что он становился все более настойчивым, а я постоянно отгоняла эту мысль. И когда на ночном концерте я начала с быстрого синкопированного «горячего аллегро», его кресло пустовало.

Что случилось после, было полной неожиданностью. Чтобы вам было понятней, расскажу о концерте.

Гершвин умер молодым — он только начал сочинять скрипичную музыку, но однажды, когда он перешел Пятдесятую вторую улицу, его сбило такси. Тогда это было странным! Ранее ему надоело нанимать Фреда Гроуфа с его оркестром, и во время скрипичных концертов

Гершвин прекрасно дирижировал сам. Его отличием были деревянные духовые и ударные — они смягчали сердце.

Еще я любила то, что он позаимствовал хитрости Мендельсона. Мендельсону не нужна фальшивая пауза после первого действия, чтобы публика не подумала об окончании концерта. Аплодисменты, конечно — признак уважения, но и тревога: половина аудитории поспешит аплодировать, а другая будет сердиться на болванов, задерживающих выступление. Мендельсон не позволял этого, закрепляя время от первого действия до второго одной нотой. Здесь никогда не было молчания и беспокойства публики; мужчины, пришедшие на концерт по требованию жен, нервно смотрят на соседей, ожидая конца: вы слышите легкий шорох, шепот и приглушенный кашель. Я очень хочу, чтобы Чайковского, Бюса и Бетховена слушали так же внимательно, и крайне признательна Гершвину и Мендельсону.

Однако это весьма интересно! В это приятное время даже подсознательный барабанный сигнал вечерней зóри не удержал публику от суеты. Я заметила, как капельдинерша нагнулась над пустым креслом Доминика и что-то прошептала на ухо сенатору Кеннеди. Слави уже приподнял дирижерскую палочку для начала второго действия, но Джек Кеннеди засуетился и тихо прокрался через проход. Я подсчитала такт для начала своей партии и увидела, что Джеки улыбнулась мне и извиняюще махнула рукой. Я была знакома не со всеми сенаторскими женами, но в случае Джеки знала, что она искренне огорчена.

Джеки Кеннеди — единственная культурная слушательница в сенаторской галерке, и я всегда считала, что она могла бы стать прекрасной первой леди, если бы муж не провалился в Чикаго из-за недостатка голосов.

Беспокойство на этом не кончилось...

С помощью таких людей, как Джеки, Слави Ростропович и Дом, я смогла попасть в довольно большое Вашингтонское общество любителей скрипки, где собирались сливки общества. В Вашингтоне это обозначало правительственную публику: дипломатов, законодателей и верхушку администрации. Здесь в своей ложе находилась даже Нэнси Рейган со своим первым джентльменом, который, как всегда, вежливо и самоуверенно сидел ря-

дом. У такого типа аудитории имеются свои особенности. Самым ужасным было то, что если кто-нибудь уйдет, то половина публики немедленно примется обсуждать...

Это и случилось.

В середине медленной части в зале, как отсутствующие зубы, зияли пустые места. Когда я закончила крещендо в терции, аплодисменты были скудными. Полагаю, не от недостатка энтузиазма, а от малочисленности аудитории. Слави взглянул на меня, а я на него. Смирившись с этим, мы пожимали плечами и ничего не понимали.

Для приличия сделали два поклона. Затем сошли со сцены и уже не вернулись в зал, давая аудитории возможность бежать: многие были в панике.

Нас обуревало любопытство...

Для Слави это было хуже, чем для меня. Я готовилась к вечеру и ждала, когда он вернется после антракта ко второй половине программы. Это был Малер, и оба мы уже знали, что аудитория слушателей бессмертной Первой симфонии будет мала.

Потом мы узнали, что случилось.

Первой нам рассказала костюмерша Эми. На самом деле, она не «одевала» меня, а проявляла заботу. Приглядывала за Гварнериусом, когда я ненадолго оставляла его; проверяла, нет ли пятен и складок на концертной одежде; следила, чтобы в кармане музыкальной сумки всегда лежали тампоны. Она делала все это — и еще одно: она разгоняла подозрения моего мужа, когда я была вместе с Домом.

Кроме того, она рассказывала все новости, даже самые неприятные... особенно, неприятные. Все шокирующие закулисные впечатления этой ночи большей частью были ссорами, он она пробилась к нам и передала услышанное по секрету.

— Найла! — застонала она. — В Альбукерке заварушка!

Альбукерк находился рядом с Сандией. Там же Доминик! Я оступилась, колени ослабли... Слави успел подхватить меня за одну руку, а Эми подхватила другую руку и скрипку.

— А Дом? — простонала я.

— О Найла! — рыдая, сказала Эми. — С ним — самое ужасное!

Мужчина по имени Доминик Де Сота вспотел, продираясь сквозь камыши, которыми заросло старое водохранилище, и оторвался от своей работы. Ему померещилось, что на востоке, на месте Чикаго, загорелся яркий оранжевый свет. Это не было обманом зрения. Там действительно сверкали низкие облака, освещенные далеким сиянием. Доминик выпрямился, глядя в даль. Что это светится на горизонте? Там были белые и красные струи: белый свет, отдаваясь, становился красным. Это было так, словно бы здесь возникли автомобили... Но мгновенно лучи исчезли, и Доминик снова остался один в душной ночи. Возвратившись к своему занятию, открыл последнюю ловушку. Там находилась чья-то ангорская кошка — шипела и выгибалась дугой. Она не была ни большой, ни мясистой, но Де Сота был рад видеть и ее, так как это был ужас...

АВГУСТ, 23, 1983 г. Время: 8.20 вечера. Майор Де Сота, Доминик Р.

То, что первым же пленником я захватил самого себя, было чистой случайностью.

Правда, рано или поздно я бы увидел Дома Де Сота — все мы знали о существовании двойников. Вполне вероятно, что «я» (мой пленник) сделал «мне» (захватившему его) одолжение — потому что одна из причин того, что я получил командование штурмовой группой, — это то, что здешний Доминик являлся сенатором. (Сенатор! Как это могло произойти? Почему в этом времени я забрался так высоко, а в собственном надолго застрял в чине полевого офицера? Но положение этого Де Сота поможет продвижению по службе...)

— Они готовы, сэр! — сказала сержант Самбок.

— Хорошо! — произнес я и пошел за ней. У меня не было времени думать о грамматических играх, в которые нам приходилось играть — «я» следил за «мною», «они» были «нами». Я не имел времени удивляться — раз или два я подивился раньше: курьезному стечению обстоятельств в жизни иного Доминика и моей собственной. Наши судьбы были потрясающе различны. Мы были Доминик Де Сота в разных временах. У технических советников не осталось времени для подобных вопросов, ведь я интересовался у них об этом. Все, что они говорили, исключая математику, было невнятным бормотанием. Но мы — Доминики Де Сота — имели общие гены, одинаковое

отрочество (по крайней мере, в отдельных моментах), мы читали одинаковые книги и смотрели те же самые фильмы. Конечно, были помещены в одни и те же тела.

— Направо, сэр! — подсказала сержант, и я прошел в операционный центр Кэтхауза, как интересно называли эти люди свой собственный проект параллельных времен.

Лейтенант из корпуса связи произнесла.

— Еще тридцать секунд, майор!

— Хорошо, — сказал я и сел за стол.

На нем было пусто, без сомнения, научный шеф был предусмотрительным парнем. Здесь был только микрофон, соединенный с передатчиком помощника лейтенанта. Я проверил ящики: заперты, но счет шел на секунды.

— Начинаем, сэр! — громко сказала сержант Самбок и улыбнулась сквозь маскировочный грим.

Я начал.

— Леди и джентльмены! — произнес я в микрофон — Меня зовут Доминик Де Сота! Обстоятельства принудили нас к необходимости предупредительной акции в районе базы Сандия и ее окрестностей. Для вас это не является опасностью. Через час мы начинаем теле вещание с местной станции. Все сети должны быть готовы принять прямую трансляцию.

Я взглянул на лейтенанта. Она провела рукой по шее. Капрал из замыкающей группы передвинул переключатель, и я завершил передачу.

— Увидимся позже, майор! — сказала лейтенант и ушла со своей командой из комнаты.

Я откинулся на спинку кожаного кресла. Эти люди хорошо устроились. на стене роспись, на полу ковер.

— Как прошло, Найла? — спросил я.

Она улыбнулась.

— Просто великолепно, майор! Когда уйдете в отставку, поступайте работать на радио!

— У меня слишком большой рост для этих дешевых радиоприемников! — ответил я. — Вы уже сообщили Так-5, что мы захватили это здание?

— Так точно, сэр! Так-5 ответил: «Отлично сделано, майор Де Сота!» Продолжается штурм следующих шести зданий. Очищена целая зона.

— Заключенные?

— Мы соорудили лагерь на автостоянке, охраняют капрал Гаррис и трое мужчин.

— Отлично-отлично! — сказал я и снова дернул ящики. Обследовав всю базу, я выяснил, что ученый вместе с ключами находился в городе. Вот такие дела!

— Откройте, сержант! — приказал я.

Сержант Самбок внимательно изучила замок, оценила возможность рикошета, потом разместила дуло карабина в нескольких дюймах от замка и выстрелила. Пули двадцать пятого калибра завывали в комнате.

Ящики открылись без труда. Внутри них был обычный беспорядок, который вы найдете в любом мужском столе, но среди барахла находились блокноты и досье. Без сомнения, это пылится давно, но доктор Дуглас хотел взглянуть на их работы.

— Дневального! — крикнул я.

Сержант Самбок кивнула, и из коридора выскочил рядовой.

— Возьмите эти материалы в очередную вылазку через портал! — приказал я, жонглируя плоской золотой зажигалкой с выгравированной надписью: «Клуб Хэйр, озеро Тао». Прекрасный трофей, но я положил его на место и задвинул ящик.

Мы не были грабителями.

Сержант Самбок стояла в дверях и что-то хотела сказать.

— Что-то еще, сержант?

— Рядовой Дормейер в самовольной отлучке! — сообщила она.

— Дерьмо! В боевых условиях нет самовольной отлучки. Если морской пехотинец уходит, это называется дезертирством! Черт возьми, кто-нибудь должен узнать, где он! Найдите, я хочу его видеть!

— Будет сделано, сэр! Я позабочусь лично! — Она была более чем согласна с моими словами.

— Хорошо! — сказал я. — Даю десять минут на поиски! Встречаемся в точке десанта!

Моя штурмовая группа двигалась одной из первых, и мы взяли свои объекты. Сейчас на базе насчитывалось на три сотни десантников больше, и я ждал теле вещания. Телецентр в Альбукерке не был захвачен, и мы использовали кабельную сеть. Я направился в подвал: раньше его использовали в качестве тира, но, когда туда вошли наши разведчики, подвал пустовал.

Для нас это было просто идеально! И прежде чем кто-

нибуть узнал про нас, мы сумели переправить всю группу.

В их времени, как и в нашем, Сандия являлась старой военной базой. Но, в отличие от нашей, плохо укрепленной. Она была громадной и простиралась на квадратных милях пустыни, окруженная колючей проволокой.

Тем не менее, в Сандии было развернуто немного отрядов: периметр больше охранялся электроникой, чем людьми — посты располагались вдоль ограждения через каждые четверть мили. Правда, коменданту базы это казалось избытком защиты. Кроме парашютного десанта (который можно засечь радаром), не было другого пути, чтобы враги проникли за проволоку незамеченными... кроме нашего, если бы они пришли изнутри. Когда я спустился в подвал, на стене уже висела карта базы — контролируемые участки обведены красным карандашом. Кэтвауз и казармы морских пехотинцев, штаб, коммутатор связи и радиостанция. На данный момент все было захвачено нами. Несколько отрядов, охранявших эти объекты, оказались никуда не годными и попали в плен.

Продолжали прибывать новые группы, в них не было нужды, но иметь их было не лишним: что, если остальные части, вопреки всякой логике, будут сопротивляться? Яркие прожектора, размещенные вдоль стены, освещали колонны солдат, появлявшиеся из ничего. Они поднимались по лестнице, выстраивались около стены и, возглавляемые офицерами и сержантами, уходили в бой.

Это смотрелось довольно странно: находясь перед порталом, вы видите, как из плоскости являются по порядку пальцы ног, ступни, ноги, руки, животы и головы... Если бы вы стояли сзади, что бы вы ожидали увидеть? Кишки и сырое мясо? Внутренности перемещаемых солдат?.. Ничего подобного! Вы ничего не увидите. За прямоугольником портала — лишенная черт и света сплошная темнота. Впереди — только группы, выходящие из портала, и пыльные стены.

— Майор! — это снова голос сержанта Самбок. Она огляделась по сторонам и прошептала: — Кажется я поняла, куда делся Дормейер...

— Отлично работаете, сержант! — ухмыльнулся я.

Она покачала головой:

— На территории базы его нет! Каким-то образом он

ускользнул отсюда и удрал в Альбукерк. Потому что он живет... он жил там. В Альбукерке, как я думаю!

Не так хорошо, но это не ее проступок.

— Вы правы! — произнес я, и это было на самом деле так.

Для призванных Найла Самбок была безупречным солдатом. Очень забавно, что в гражданской жизни она учительница музыки, замужем за музыкантом, игравшем на клавесине. Она они были призваны по повестке. Многие резервисты озлоблены, но Самбок исполняла свой долг добросовестно. Поэтому, приняв командование, я запросил ее перевод в Чикаго. Тот факт, что она красотка, был не лишним, но я не портил своих подчиненных (только подумывал об этом время от времени).

— Так-5 хочет переговорить с вами! Связь будет установлена через две минуты, — продолжала она. — Я это только что узнала.

— Отлично! — сказал я. — У меня появилась идея: сходите к пленным и принесите одежду сенатора!

Даже сержант Самбок удивилась:

— Его одежду?

— Исполняйте приказ, сержант! Нижнее белье можете оставить, но все остальное понадобится мне, даже носки.

Быстрая вспышка понимания отразилась на ее лице.

— Будет сделано, майор! — улыбнувшись, сказала она и ушла.

А я стал ждать вызова от Так-5.

Двухсторонняя связь через оболочки параллельных времен сложнее односторонней. Она блокировала портал и ослабляла энергетическое поле... Когда офицер из службы портала кивнул, я поднял трубку, и генерал Магрудер не заставил себя долго ждать.

— Хорошо начали, майор! — рявкнул он. — Президент говорит то же самое. Он, конечно, внимательно следит за ходом операции.

— Благодарю, сэр!

— Вступаем во вторую фазу. Вы готовы к теле-трансляции?

— Так точно, сэр! — Собственно, имелось в виду, что я буду готов, когда Найла Самбок возвратится с одеждой.

— Телестанция и микроволновые линии на контроле. Они начнут работу через полчаса. Лента с выступлением

президента уже передана и готова выйти в эфир, как только вы сделаете представление.

— Вас понял, сэр!

— Чудесно! — затем его голос изменился. — Сейчас о другом, майор: они как-нибудь отреагировали?

— Нет, сэр, пока никак! Хотя я думаю, переговоры еще ведутся.

— М-м-м! Здесь больше нет никаких незваных гостей?

— Никаких признаков, сэр!

— Смотрите в оба! — резко заявил он и дал отбой

Я знал тон его голоса: он был чем-то сильно испуган.

Прошло полчаса. Я прошел через ночную пустыню с такими же звездами над головой, какие мерцали в моей собственной Америке, в телевизионную студию и почувствовал страх. Невдалеке патрулировал джип военной полиции, петляя фарами в темноте. Они подтормозили, внимательно осмотрели меня и нарукавную повязку десантной группы, затем повысили скорость и уехали, не проверив документы.

Я мог быть одним из этих непрошенных посетителей: другим «мной», который где-то прятался. В таком случае я мог обмотать клочок зеленой материи вокруг рукава, они никогда бы не заметили разницы, а затем...

Что бы сделал иной «я»?

Это был страшный вопрос. До этого момента они только смотрели, но ничего не делали.

Конечно, я не мог сказать, что военные полицейские небрежно относятся к охране, они не видели в этом большой необходимости. Мы захватили базу без одного-единственного выстрела, какое сопротивление могли оказать сонные часовые, потерявшие дар речи, когда их захватили наши отряды? И куда только катится Америка? Удивляюсь, как еще уцелела страна, если секретные базы охраняются горсточкой солдат регулярной армии? Если бы я поступил на курсы в Лойолу, кем бы я мог стать? Может быть, сенатором?

Эту мысль я не позволял себе, пока не выполнена самая важная часть работы.

Как и было обещано, на студии меня ждала сержант Самбок, держа в руках одежду сенатора. Я нашел раздевалку и переоделся. Он хорошо одевался, этот другой Де Сота: рубашка, галстук и носки, ботинки, брюки и пиджак — все было сделано из хорошей ткани или кожи. Покрой

особенный — их мода отличалась от нашей, но я был рад почувствовать шелковистую рубашку и хрустящие отглаженные брюки.

Они могли бы сидеть, конечно, лучше, не будь другой Доминик полнее меня на целый размер.

Когда я вышел из раздевалки, сержант отпустила комплимент

— Прекрасно выглядите!

— Что вы ему оставили? — спросил я, смотрясь в зеркало

По ее улыбке я понял ответ. В такой жаркий август в нижнем белье не должно быть холодно, но все же...

— Выдайте ему мой запасной комбинезон! — отдал я приказ — Он находится в сумке Би-4. — К счастью, этот комбинезон был великоват для меня, а ему, несомненно, в самый раз

— Будет исполненно, сэр! — сказала сержант Сам-бок — Сэр?

— Что еще?

— Хорошо если вы поменяетесь одеждой, не произойдет ли путаницы? Я имею в виду то, что его можно принять за вас Как я узнаю, кто есть кто?

Я открыл рот, чтобы назвать ее глупой, но снова закрыл она была права

— Хорошо, что вспомнили! — сказал я. — Я буду единственным, кто знает ваше полное имя, о'кей?

— Так точно, сэр! Во всяком случае, он пока что в тюрьме, а вы нет

— Вот именно! — согласился я и понял, что мне не суждено знать, что произойдет через пару часов.

Я желал, чтобы передо мной явился другой «я», я хотел сидеть и разговаривать с ним, слышать его голос и узнать, где разошлись наши жизни Эта мысль пронизывала дрожью, но нетерпение такое, словно готовлюсь впервые принять наркотик или заняться сексом. Я жаждал этого

Но думать об этом не оставалось времени. Оператор изумленно пялился на мою модную гражданскую одежду, улыбаясь капитану Все было готово или нет, но подошло время моего теледебюта

Скорей нет, чем готово они постоянно передвигали микрофоны, направляли камеры, выходили поболтать в холл, внезапно капрал, исполняющий обязанности режиссера, крикнул

— Готовьтесь, сэр! Мы начинаем!

Он прослушал наушники и открыл счет:

— Десять... Девять... Восемь... Семь... Шесть... Пять...
Четыре... Три...

В последние секунды он использовал руки: два пальца, один, затем палец уткнулся в меня, над камерой загорелась зеленая лампа, и я приступил к выступлению:

— Леди и джентльмены! — сказал я в камеру. — Меня зовут Доминик Де Сота!

И это было правдой, ведь я не говорил, что я сенатор Де Сота, хотя тот факт, что я носил его одежду, подразумевал именно это.

— Происшедшее вызвано крайней необходимостью. Я прошу, чтобы каждый американец прослушал эту передачу с открытой душой и благородным сердцем, ведь все мы американцы! Леди и джентльмены! Я передаю слово господину президенту Соединенных Штатов Америки.

И фотоны моего лица и шеи, костюма этого иного Доминика, его галстука и рубашки собрались вместе, влетели в камеру и вылетели уже как электроны. Как электроны, пробежали по кабелю студии к микроволновой тарелке-антенне на крыше, превратились в фотоны другой частоты; как радиосигналы, метнулись через долины к ретранслятору, прыгнули в воздух, потом на спутник, находившийся за тысячи миль в космосе, в один миг потекли к телевизорам всех Соединенных Штатов. Этих Штатов!

Вся группа корпуса связи, хоть и носила военную форму, но в ее крови оставалось много гражданского. Резервисты, вызванные по повестке, почти все были профессиональными телевизионщиками. В комнате отдыха, рядом со студией, они устроили себе небольшие гражданские удобства: сварили кофе и разрезали кекс: кто-то успел обчистить местную гарнизонную лавку.

Я налил себе чашку кофе, слушая доносившийся из монитора голос президента Брауна: «...как президент Соединенных Штатов, заявляю вам, кто тоже является президентом США, и всему американскому народу... — Он смотрелся взволнованным и хорошо отрепетировавшим речь, написанную специально для него. — ...в этот исторический момент, когда все мы стоим перед лицом страшного деспотизма, захватившего мир... узы крови

и всеобщая приверженность принципам свободы и демократии...» И так далее без передышки. Это был довольно хороший спич, казалось, я заранее знал весь текст. Но в речи не было отмечено одного важного факта: мы полностью контролировали положение.

Этот же голос исходил и из комнаты контроля, я поставил чашку и заглянул внутрь. Здесь был не один, а дюжина мониторов, почти все они показывали важное лицо президента, говорившего те же самые вещи. Но несколько экранов показывали и другие лица, серьезные и даже более напыщенные: Джона Ченкелора, Уолтера Кронкайта и несколько незнакомых. Они уже комментировали события. Я пораился, пока не вспомнил, что президентское выступление длилось только четыре минуты. Оно повторялось телецентрами, и некоторые уже среагировали.

Я посмотрел на часы: полночь по местному времени. Значит, в городах восточного побережья уже два часа, но я сомневаюсь, чтобы многие в этот момент спали. Граждане Калифорнии могли настроиться на свои ночные новости и получить неожиданные известия.

Мы поступили верно: почему они должны быть счастливыми, когда мы стоим перед ужасной борьбой за свободный мир?

Но даже командир десантной группы должен когда-нибудь спать.

Я спал почти пять часов. Когда же я проснулся, уже пахло беконом и кофе. Капрал Гаррис поднес блюдо.

— Примите комплименты от сержанта Самбок, сэр! — он улыбнулся. — Ночью мы захватили офицерский клуб.

Яйца были совсем холодные, зато кофе горячий и крепкий. Это было что надо!

Вначале я заглянул в студию, к военным техникам присоединились несколько гражданских: пожилая женщина, молоденькая и бородатый мужчина неопределенного возраста. Я остановил капитана корпуса: указал на штатских и приподнял брови.

— Эти? — сказал он. — Это ученые, майор! Во всяком случае, они так сказали. Пропуска надежны.

— Чем занимаются?

Он пожал плечами.

— Они не говорят, что проверяют реакции на со-

общение президента. Что-то типа изучения политики.. вы не знаете о такой штуке?

Я не знал.

— Во всяком случае,— угрюмо продолжил он,— здесь чертовски мало того, что изучать, они ведь получили от нашего президента только надутое дерьмо!

Новостей, которые я ожидал услышать, не было.

— Свяжитесь с Так-5! — добавил он, подумав, но я уже возвращался в Кэтхауз.

После горячей пустыне база казалась приятным и безмятежным местом, но я не успокоился. Сухой, как воздух, я изнемогал в своем комбинезоне (возможно, я уже не буду так щедр со своими запасами) и начинал ощущать тревогу.

Генерал Магрудер, Крысья Морда, был там, где вы обычно находитесь в семь утра, а именно, спал. Но меня соединили с полковником Гарлечем, он был настроен не очень дружелюбно. Когда я спросил про штатских, он буркнул мне под нос полдюжины крепких слов.

— Они имеют разрешение, а дальше не ваше дело, майор! — огрызнулся он. — В каком состоянии база?

— Все спокойно, сэр! (Надеюсь, что это было так, ведь я еще не заглядывал к своим ребятам.) Признаков реакции не наблюдается.

— Нежданные гости?

— Никаких донесений, сэр!.. Сэр! Можно вас спросить о докторе Дугласе?

Хриплый смешок.

— Он сидит в своей палатке под усиленной охраной и никак не может прокататься. Как описывает положение противник?

— Не совсем ясно, сэр! Они по-прежнему повторяют речь президента Брауна.

Все идет чисто и громко.

Собственно, полковник Гарлеч не произносил слова «прокататься», он просто издал приглушенный шум с понятным смыслом. Гарлеч был одним из отчаянных воинов Магрудера — все знали, что они думают о президенте. Они решительно были против плана захвата... пока шефы сверху не дали понять, что имеется много тюрем для обсуждающих необходимость обороны Соединенных Штатов.

После того как я закончил разговор по межвременному

телефону, я подумал, что неплохо было бы вернуться в студию и побеседовать с политологами. Было бы интересно услышать их мнение о том, почему такое активное общество Штатов, как наше, получило мягкотелого президента Джерри Брауна, а другое, жирное и ленивое, огнедышащую госпожу Рейган... Но я солдат, а не ученый, и у меня были дела и поважнее. Я вызвал капрала Гарриса и, когда его голова появилась в дверях, приказал сходить в тюрьму и доставить пленного сенатора.

Он сидел в моем комбинезоне и слишком походил на меня, когда я попадаю в затруднительное положение. Я не мог не смотреть на сенатора. Он, в свою очередь, внимательно изучал меня. Он не был напуган. По крайней мере, таким он не выглядел — сенатора можно было назвать чуть-чуть обиженным и, главным образом, любопытным. Это качество меня радовало больше всего.

— Вы ловкий проныра, Доминик! — сказал я ему. — Скажите, что должно случиться!

Прежде чем ответить, он потянулся: сенатор был сонным, а тахта ученого к тому же была неудобной.

— Вы имеете в виду, как должна отреагировать на вооруженное вторжение президент Рейган? — переспросил он.

— Этого нельзя предвидеть?!

— Вся затея бесплодна, Доминик! Что вы хотите извлечь из всего этого?

— Мир! — сказал я, улыбаясь. — Победу! Триумф демократии над тиранией! Конечно же, я имею в виду не вас, а наших общих врагов — русских!

Сенатор поразился:

— Дом! У меня нет русских врагов: в моем мире они ничего не значат... Русские погибли бы, если бы мы не помогли им после атомной заварушки с Китаем.

— Вы должны были дать им сдохнуть!

Он с неприятным вздохнул:

— Вы явились без предупреждения и захватили нас! — Он пожал плечами. — Это вы должны объяснить, что происходит! Вы делаете свою игру?

— Все идет как надо, Дом! — сказал я и улыбнулся. — Вы увильливаете от ответа, на большее вас не хватает.

Сенатор промолчал, а я попытался быть более дружелюбным.

— Это наша страна, за каким барьером мы бы ни

находились! — убедительно произнес я. — И нам следует объединиться, так как наша цель одинакова — процветающие Соединенные Штаты Америки. Правильно?

— Чертовски сомневаюсь в этом, Дом! — сказал он.

— О Дом, продолжайте! Вы можете точно так же спрашивать и меня... Кстати, как ваша предстательная железа?

Он удивился:

— О чем вы говорите! Я еще слишком молод, чтобы она меня беспокоила.

— Да? — сказал я. — Так я и подумал, когда мне это сказали... Но проверить не будет лишним.

Он покачал головой.

— Де Сотт! — сказал сенатор более смело и решительно, чем я, оказавшись я на его месте (к моему удовлетворению, ведь я думал, что и я поступил бы так же). — Давайте без нелепого дерьма! Вы захватили нас предательским образом — это довольно грязная штука! Почему вы решились?

Я заулыбался.

— Потому что мы здесь! Разве вы не знаете, как делаются подобные вещи? У нас возникли проблемы, и однажды мы увидели рациональное решение... Когда вы получаете технологию, вы ее используете, — мы так и поступили! — Я не говорил, каким образом нам удалось получить технологию, ведь это, в конечном счете, не совсем уместно. — Видите ли, дружище, вы столкнулись с такой ситуацией, которая не должна служить предметом разговоров. Наш президент скажет вашей Рейган, чего мы хотим, а потом мы уйдем, и все закончится.

Он взглянул на меня обжигающим взглядом:

— Вы ведь не верите в это, правда?

Я пожал плечами: мы знали друг друга слишком хорошо. Я понимал, что однажды мы будем использовать их линию времени в своих интересах, и нам не хотелось уходить. Здесь мы всегда сумеем подстроить для своих врагов небольшие пакости.

Но к сожалению, это было делом далекого будущего Я сказал:

— Вернемся к вопросам... Сможет ли госпожа Рейган договориться с нашим президентом без применения силы? Ведь в моем времени она и Джерри Браун находятся в не совсем дружественных отношениях.

— Что из этого? Она сделает то, что потребуется, она ведь давала присягу защищать Соединенные Штаты.

— Да! Но вопрос только в том — какие? — поинтересовался я. — Наш президент дал точно такую же клятву, и он держит ее... Неохотно, ведь он был тряпкой... — Но я не произнес это вслух. — ...Будет лучше, если ваша Нэнси выполнит требуемое... Вы можете предложить другое? У нас сила! Вы хотите, чтобы мы подбросили в Белый Дом сибирскую язву? Или оспу-Би в Таймсквер? — Я рассмеялся, глядя на его выражение. — Как вы полагаете, мы только говорим о водородных бомбах? Нам бы не хотелось портить слишком много хорошего имущества...

— Но биологическое оружие... — он запнулся. Наверное, он хотел сказать, что оно запрещено международными конвенциями или что-то в этом роде.

Я пояснил:

— После Салт-2 мы используем все! Когда-то мы отказались от атомных бомб и стали работать с другими средствами.

— Что за Салт-2? — спросил он, и сразу же: — Нет, черт с этим, я не хочу от вас уроков истории! Я хочу только одного, чтобы вы уматывали к дьяволу, откуда пришли, и оставили нас в покое! Сомневаюсь, что вы сделаете это! Если вас не интересует мое мнение, то меня от вас тошнит!

Он был сущим злым дьяволенком! Я почти гордился сенатором... и был взбешен.

— Вы собачье дерьмо, Доминик! — крикнул я. — Вы хотели сделать то же самое! Так или иначе, почему вы работали над проектом Кэтхауз!

— Потому что... — он осекся. Его выражение говорило само за себя, Де Сота сменил тему — У вас не найдется сигарет? — спросил он.

— Я бросил курить! — с удовлетворением откликнулся я.

Раздумывая, он кивнул.

— Я не верил, что эта штука сработает! — произнес Де Сота, сенатор.

— Но вы старались мой мальчик, разве не так? Какая здесь разница? Мы не делаем ничего такого, чего не сделали бы вы, если бы закончили исследования раньше.

— Не думаю!

К его чести, он не сказал, что неправда

— Вы поможете нам? — нажимал я

На этот раз — не сомневаясь

— Нет!

— Может быть, этим вы спасете множество людей!

Он сказал

— Я не сдаюсь, Дом! И уверен, что несколько американских жизней не стоят миллионов русских

Я изумленно посмотрел на него возможно ли, чтобы я (в любом воплощении!) мог быть таким придурком? Но сенатор не выглядел дураком. Он наблюдал за мной, откинувшись в кресле, и вдруг показался выше и более самоуверенным

— Что это вы так испугались, Доминик? — ехидно поинтересовал он.

— С чего вы взяли?

Он объяснил:

— Говорите так, словно беспокоитесь о чем-то, но не хотите это показывать. Мне кажется, я догадался, что вы опасаетесь другого Доминика! Не так давно он крутился поблизости и что-то вынюхивал. Кажется, он знал о вашем вторжении. На вашем месте я бы встревожился кто он и что ему нужно?

Я понял, что это было самым важным его секретом. Я никогда не был марионеткой в чьих-то руках, даже в образе сенатора. Он догадался, что тревожило мое сердце или одного из нас

Я медленно признался

— Он из паравремени, Дом!

— Я уже понял это! Он приходил к вам?

— Нет! Не совсем он!

Я захотел рассказать ему о нашем посетителе, который сидел сейчас под охраной на другой стороне портала и потел от страха, что его найдут и сделают бо-бо за то, что он помог нам развернуть портал

— Но у нас были непрошенные гости, может быть, много!

— Продолжайте дальше!

Я сказал

— Вы не слышали про отскок?

— Что имеется в виду?

— Я имею в виду «обратный прыжок» Когда вы переходите сквозь оболочку паравремен, в действие вступает закон сохранения и некоторые вещи совершают обратное перемещение.

Он нахмурился:

— Вы считаете, людей будет бросать туда-сюда?

— Не только людей! Здесь все сложнее: это зависит от того, насколько сильно порвана оболочка. Иногда это может быть просто энергия.. свет или звук, иногда перетекают газы или мелкие предметы. Например, пролетающие мимо птицы Временами — что-либо крупнее.

— Это случается и здесь?

Я неохотно согласился:

— Кажется, да, Дом! И не только здесь...

Он поднялся из кресла и подошел к окну, я разрешил ему это и произнес через плечо:

— Похоже, ваш народ действительно поймал птичку в небе, Дом!

Я не ответил, он повернулся и посмотрел в упор.

— Я хочу, чтобы вы достали мне сигарет! — раздраженно крикнул он. — Это успокаивает!

Я немного подумал:

— Почему бы и нет? Это ваши легкие!

Я включил на столе внутреннюю связь, разобрался, какие кнопки соединяют с канцелярией, и приказал сержанту Самбок принести сигарет

— Так, продолжим! — сказал я — Вы будете помогать нам?

Он отрезал:

— Нет!

— Даже когда нет никакого риска? И даже когда ваша страна беззащитна против нас?

— Вы получите по заслугам! — отчетливо заключил он и повернулся к дверям, когда вошла Найла Самбок с пачкой сигарет из армейской лавки.

Мой дружеский «я» внезапно изменился.

Черт возьми, что с ним произошло? Он смотрел на сержанта как на привидение. Я никогда еще не видел такого выражения изумления, гнева и жалости одновременно ни на одном человеческом лице... тем более, своем собственном.

Человек по имени Доминик Де Сота сидел перед экраном. Его пальцы сновали по клавиатуре, развертывая и записывая изображения. Не отрывая от работы рук, он сказал в крошечный микрофон, загнутый около щеки: «Босс? В этом зашли еще дальше. Думаю, здесь больше не будет позвоночных!»

*АВГУСТ, 24, 1983 г. Время: 09.20 утра. Сенатор
Доминик Де Сота*

Когда я возвратился в лагерь военнопленных — стоянку автотранспорта Джи-3, — я обнаружил, что пропустил завтрак. Куда-то делись шесть моих товарищей. Здесь еще была небольшая группа солдат с трафаретом «ВП» на спине, которые подбирали оставшиеся подносы из кафетерия. За ними присматривали другие военные — с зелеными повязками и автоматами.. среди них и майор Де Сота.

Но здесь не было нескольких гражданских, которые предыдущей ночью делили со мной кровать. Это опечалило моего конвоира, но не тревожило меня. Капрал толкнул меня за ограждение и стал шептаться с другим охранником.

Моим сознанием овладела Найла Боуквист.

Я не знаю, как выразить словами то, что мое сердце разорвалось на части, когда я увидел свою любовницу в армейской форме со следами маскировочного грима на лице и с автоматом через плечо. Не узнавая, она смотрела сквозь меня.

Теперь, когда у меня было время поразмышлять, я понял, что это была Найла из их времени, точно так же, как там был другой Доминик Де Сота и, конечно же, другая Мэрилин (но за кем же она замужем у них?), иной Ферди Боуквист и остальные люди. Другой Доминик не был точно таким же, как я, и вряд ли иная Найла копировала Боуквист.

Она не была известной скрипачкой. Носила короткую прическу, ее глаза менее накрашены. И у нее была другая одежда. армейская униформа. Моя Найла одевалась просто замечательно, а у той не было выбора.

Но как разрывало сердце из-за их схожести! Она не знала меня, точнее, знала меня как копию иного Доминика. Увижу ли я когда-нибудь свою собственную Найлу?

Тогда я буду очень удивлен. Здесь я был в центре

невероятных и леденящих душу событий, и мои мысли переполняла женщина, с которой я состоял в близости...

— Заключенный Де Сота! — гаркнул капрал, и я осознал, что он махнул мне рукой. — Пошли! Ваши парни не здесь, и я забираю вас на сборный пункт!

— Где это? — Но вместо ответа я получил неприятный удар прикладом.

Это было совсем недалеко. Мы просто прошли через Кэтхауз в офицерский клуб.

Я уже был здесь. Это — нечто вроде холла, где служащие могли посидеть за чашечкой кофе и краткой беседой, спокойно перечитать свои рапорты. Здесь все было, как всегда, вот только десять человек присутствовали тут не по своей воле. Два штатских ученых ходили туда-сюда и свирепосмотрели в окна. Полковник Мартино сидел и беседовал с женщиной, в которой я признал математика из Ай-Ти-Ти — а следовательно, одну из моих избирательниц.

— Доброе утро, Эдна! — кивнул я. — Привет, полковник!

Это было так, словно я просто заглянул за кока-колой и ничего страшного не произошло.

— Мы удивлялись, куда вы запропалились! — сказал полковник.

— Меня допрашивал этот омерзительный майор, и я опоздал на завтрак.

— Если у вас есть хотя бы двадцать пять центов, справа около холла торговый автомат. Часовой пропустит

Охранник очень смахивал на Герберта Гувера. Я не пошел за едой, это сделала за меня доктор Валеска. Безалкогольный напиток и пара твинки, конечно же, не еда, но, по крайней мере, наполняет желудок. Забыв же свои привычки, полковник Мартино обошел комнату: посмотрел в окно (помотал головой: снаружи вооруженная охрана), проверил другую дверь (закрыта) и поднял телефонную трубку (отключен). Потом он сел и стал наблюдать за моей едой.

— Всех нас допрашивали! — произнес он. — Кажется, больше всего, их интересовали вы, по крайней мере, вашего двойника. Это интересно!

— Меня допрашивал Де Сота, — промямлил я ртом, полным крема. — Я не вижу вреда в том, чтобы рассказать им то немногое, что я знаю. Разве я мог всучить им не мои имя-должность-и-номер-серии?

Он посмотрел на меня, будто пораженный молнией. Не могу себе представить, как он был раздражен.

— Я думаю, что все мы играем в одни ворота, сенатор! — успокоил он меня.

Я ухмыльнулся. Эдна Валеска села на тахту рядом со мной и подключилась к разговору.

— Есть хорошая новость, — мрачно проговорила она, — проект Кэтхауза сработал! И есть плохая: они использовали его раньше нас. И еще более плохая весть: вероятно, сюда запутана, по крайней мере, еще одна линия времени. Других объяснений я не вижу.

— Кажется, это действительно так! — согласился я. — Но кто же те, другие?

— Иисус Христос? Такие вещи не для меня! — улыбнулась Эдна. — Кто же еще?

— В конце концов, это ваш проект! Что же делать, если даже вы не знаете, что происходит?

— Я сказала, что Христос здесь ни при чем, а не то, что не понимаю это! Часть, во всяком случае...

Она поймала мой взгляд и угостила сигаретой.

— Например! — произнесла она, чиркнув зажигалкой. — Мы довольно много узнали о линии времени наших захватчиков, где вы — армейский майор!

— Мы знаем?

— Да, конечно! Они вторглись к нам, потому что хотели напасть на своих противников через черный ход — так же, как собирались сделать и мы.

— Доктор Валеска! — возразил я. — Мы не готовились к этому! Миссией Кэтхауза было изучение вероятностей. У нас не было оперативных планов!

Она равнодушно пожала плечами, словно это было несущественно.

— Есть другой факт! Хотя они и обогнали нас в пересечении времен, существует еще одна линия, где зашли еще дальше! Они послали первого Доминина Де Соты.

Я отметил, что нас слушали не только находившиеся в комнате, наш охранник также наострил уши. Хорошо, может быть, мне удастся прочитать что-нибудь по выражению его лица?

— С чего вы взяли? — спросил я, поглядывая на часового.

— Потому что другой народ — назовем его «популяцией-1» — смог перенести человека сквозь время и

вытащить его с другой стороны. Я не думаю, чтобы «популяция-2» — агрессоров — могла сделать это.

Нахмурившееся лицо часового указало, что это весьма правдоподобно. Могу сказать, что и Эдна Валеска заметила его.

— Так что, — заключила она, — в эту игру играют и другие!

— Значит, мы можем найти в них союзников, — с надеждой сказал я. — Популяция-1 может захватить, как нас, популяцию-2!

Теперь охранник уже пугливо тарасился на нас, и тревога на его лице была утешительна. Мы беседовали о таких вещах, о которых он не смел и думать. Я повернулся и улыбнулся ему. Недоразумение! Он рассердился и отвернулся, на его лице больше не было никакого выражения. Но это только доказывало нашу правоту.

— С другой стороны, — сказала Эдна Валеска. — Если популяция-1 собиралась помочь нам, у них была возможность предупредить, но они не воспользовались ею.

Это, в достаточной мере, была правда, я и сам начинал расстраиваться не меньше охранника.

— Что нам известно о захватчиках? — спросил я.

— Их самый главный враг — Советский Союз!

— Да, думаю, это действительно так! — произнес я. — Но я с трудом верю в это. После ядерной войны, когда, разбомбив Москву и Ленинград, Китай обезглавил...

— Правильно, Дон! — в разговор вступил полковник. — Но в их времени этого не произошло! Мы узнали это, проанализировав их вопросы. У Советов была только одна внешняя война — кажется, около 1940 года. Они напали на Финляндию, и тут вмешались немцы...

— Немцы?

Мартино кивнул:

— У них не было революции. Власть захватил какой-то Гитлер, и война оказалась очень жестокой. Русские победили. После войны Советы оккупировали большую часть Восточной Европы, объединив ее под властью своего лидера — Иосифа Сталина...

В это мало верилось.

— Подождите минуту! Я знаю, кто такой Сталин! Он управлял их страной, пока не был убит Его внук, собственно говоря, мой приятель. Мы играли с ним в

бридж. Он является русским послом в Соединенных Штатах. И он чудесный парень! — закончил я, не ожидая упоминания о Найле Боуквист.

Соблюдая осторожность, я взглянул на охранника, он определенно прислушивался.

— Старик Джо, — продолжал я, — был убит подпольным грузинским сепаратистом. А английская забастовка перелилась в революцию. Англичане пошли социалистическим путем и продолжают идти. Хозяином России стал Литвинов, потому что имел хорошие связи с Британией (у него жена — англичанка). После 1960 года в Германии вспыхнула контрреволюция, и произошло восстановление кайзеризма. Теперь и они, и японцы — наши основные противники...

Я замолчал, охраннику я надоел, не говоря уже об Эдне и полковнике.

Мартино покачал головой.

— В их времени этого не случилось! — сказал он. — По крайней мере, в последние тридцать лет у них остались только две сверхдержавы: русские и американцы. Они победили остальных конкурентов.

Нашему охраннику это не просто осточертело: он больше не слушал нас. Около офицерского клуба что-то происходило, и он наблюдал. Мы то и дело бросали косые взгляды, чтобы посмотреть на реакцию нашей живой лакмусовой бумажки: когда реакция прекратилась, беседа заглохла.

— Черт возьми! — произнес без особых дополнений младший научный сотрудник и пожал плечами.

Эдна Валеска злилась:

— О дьявол! Мой муж такой ревнивый! Он не хотел, чтобы я работала в ночную смену... Я так хочу сказать ему, что он оказался прав!

— Согласен! — поддержал я.

Полковник кивнул:

— Моя жена хотела того же... или, чтобы я мог в любое время позвонить ей. Штатским это трудно, я знаю. Держу пари, Дом, что и вы беспокоитесь о своей супруге!

— Что? Ах да, конечно! — согласился я и ничего не добавил. Действительно, я тревожился и за нее тоже.

В полдень нас накормили снова. Консервированные спагетти и фрикадельки из запасов офицерской кухни, молоко и вполне приличный кофе.

— Кормят как на убой! — уныло сказал один из ученых, но в этот момент в комнату вошел новый охранник с автоматом, сопровождающий Найлу-сержанта. Кроме нее, вошли двое более вооруженных конвоиров.

Она оглядела нас и заявила:

— Если вы покончили с кофе, мы готовы предоставить вам более удобное помещение!

— Где это? — поинтересовался Мартино.

— Совсем рядом, сэр! Если можно, побыстрее, пожалуйста! — голос принадлежал Найле.

Думаю, «пожалуйста» в таких условиях звучало просто замечательно. Пехотинцы направили на нас свое оружие. Неважно, кончили мы с кофе или нет, мы двинулись.

Нам в самом деле не пришлось далеко идти. Когда мы вышли из клуба, жара пустыни ударила нам в лицо, но ненадолго. Мы прошли по пустынной улице базы, через дверь Кэтхауза и спустились в большой подвал. Когда-то здесь находилось стрельбище. Теперь подвал заполнен захватчиками с зелеными повязками, здесь же были какие-то механизмы, выкрашенные в защитный цвет, напоминающие генераторы, но с тяжелыми змеями кабелей. От них доносились дизельное гудение... и высокий прямоугольный экран, невыразительный и черный как смоль.

Так я в первый раз увидел портал, мне не говорили, что это такое. Это была просто темнота, висящая в воздухе, достаточно большая, чтобы заполнить комнату. Это было ужасно. Полковник Мартино не выдержал:

— Сержант! Я желаю знать, что вы хотите сделать!

— Безусловно, сэр! — согласилась она. — Как старшему по званию я обязана объяснить: это для вашей безопасности, сэр!

— Вы собачье дерьмо, сержант!

Она согласилась:

— Так точно, сэр! — И ушла, не дав ответа на вопрос, а охранники на все наши вопросы отвечали ударами прикладов.

Я проследил за ней: Найла направилась туда, где стоял мой добрый старый двойник Доминик и какой-то странный человек. Его лицо было неуловимо знакомо, и он, думаю, был гражданским, переодетым в форму, у него не было знаков отличия и зеленой повязки. Но он не был и пленником, потому что стоял перед высокой консолью,

регулируя оборудование. Майор Де Сота внимательно наблюдал за ним; тут же стоял солдат с карабином. Его охрана? А если он не один из нас и нуждается в охране, тогда кто же он?

Найла-сержант, получив приказ от «меня»-майора, кивнула и вернулась к нам.

— Вы пойдете через минуту! — сказала она.

— Продолжайте, сержант! — огрызнулся полковник. — Я требую, чтобы вы сказали, куда забираете нас.

— Разумеется, сэр! — сказала Найла. — Офицер все вам объяснит!

Приступ гнева у полковника прошел.

— Вы Найла Христоф, не так ли? — весело спросил я.

Момент неожиданности. В первый раз она посмотрела на меня как на человека, а не как на мешок мяса, передвигающийся по ее воле. Карабин примерз к рукам: он не был направлен на меня, но требовалась только четверть оборота, чтобы попасть мне в живот.

— Это моя девичья фамилия! — осторожно согласилась она. — Вы разве знакомы со мной?

— Я знал одну из вас в моем времени, — сказал я и улыбнулся. — Она моя... подруга, кроме того, знаменитая скрипачка.

Она удивленно посмотрела на меня, услышав слово «подруга», но напряглась, когда я произнес «скрипачка». Более внимательно осмотрев меня, сержант метнула быстрый взгляд на майора — и снова на меня.

— Да что вы говорите! — изумилась она.

Я пояснил:

— Зукерман. Рикки. Христоф. На сегодня это три лучших скрипача мира! Этого мира... Прошедшей ночью Найла выступала с Национальной симфонией перед президентом Соединенных Штатов.

— С Национальной симфонией?

Я кивнул.

— О Боже! — воскликнула она. — Я всегда мечтала... вы проклинаете меня, мистер Де Сота?

Я покачал головой.

— В моем времени вы замужем за торговцем недвижимостью в Чикаго. Прошлой ночью вы исполняли скрипичный концерт Гершвина, дирижировал Ростропович. Два месяца назад ваша фотография была на обложке «Пипла».

Она одарила меня взглядом, немного озадаченным, немного недоверчивым:

— Но Гершвин никогда не писал концертов для скрипки,— сказала она.— И что такое «Пипл»?

— Это такой журнал, Найла! Вы знамениты!

— Это правда, сержант! — подтвердил полковник, внимательно прислушивающийся.— Я сам слышал, как вы играли.

— Да? — она по-прежнему сомневалась, но была как зачарованная.

Я кивнул.

— Как насчет этого, Найла? — спросил я.— Вы играете на скрипке?

— Я учу этому! Учила до призыва в армию, во всяком случае.

— Вот видите! — сияя, воскликнул я.— И..

— И это закончилось.

— Сержант Самбок! — сказал стоявший у экрана капитан.— Приготовьте их!

Это был конец. Она занялась делом, моя Найла. Если она и смотрела на меня, то это был безличный интерес молотобойца на бойне, который управлял восхождением к смерти.

— Пойдемте, пожалуйста! — сказала она всем нам, но в этот момент «пожалуйста» ничего не значило.

— Послушайте, сержант! — начал полковник Мартино, но она дернула карабином.

Полковник взглянул на меня и пожал плечами. Мы двинулись в путь, выстроившись в одну шеренгу вдоль желтой линии, недавно нарисованной на полу. Местами она была еще липкой, тянулась к зловещей тьме, так напоминая линию ожидания в аэропорту. Капитан следил одним глазом за нами, другим — за смутно знакомым штатским.

— Когда я скажу,— произнес он,— вы должны по одному пройти через портал. Ждите, пока вас не позовут: это очень важно! Вы найдете на другой стороне точно такую же разметку—ни о чем не беспокойтесь: вам поможет наш персонал с другой стороны. Помните, проходить строго по одному!

— Капитан! — полковник Мартино сделал последнюю попытку.— Я требую!..

— Прекратите! — сказал капитан не грубо, а так, словно

вы вмешиваетесь во время неотложной работы.— У вас будет возможность предъявить претензии на той стороне... сэр!

Слово «сэр» он добавил после некоторого раздумья. Тон ясно доказывал, что все это несерьезно. Капитана более интересовало, что скажет стоявший у консоли гражданский.

Он и на самом деле был очень любопытным: несомненно, он делал что-то вроде комплексной коррекции балансировки. Было похоже, он старался удерживать красную точку на одной шкале, точно напротив зеленой на другой. Когда красная точка удалялась, он поворачивал ручку, до тех пор, пока она не возвратится на место. Когда они совместились, он крикнул через плечо:

— Ведите их!

И доктор Валеска, выглядевшая так, будто молилась, бросила нам через плечо умоляющий взгляд, задрожала и шагнула в темноту, где просто растворилась.

Оставшиеся разом перевели дух.

— Следующий! — крикнул капитан.

И туда же последовал полковник Мартино. Тьма поглотила его, оставив не больше следов, чем при уходе Эдны Валески.

Следующим был я. Тогда я стоял уже не более чем в шести футах от загадочного штатского. Он резко обернулся.

И я узнал его! Тощий, более беспокойный, но все же тот самый человек — никаких вопросов.

— Лаврентий! — воскликнул я.— Вы посол Советского Союза Лаврентий Джугашвили!

Его охранник вскинулся:

— Ты что, с ума сошел? Не беспокой доктора Дугласа! Доктор раздраженно посмотрел на меня.

— Моя фамилия не Джугашвили! — сказал он, повернувшись к монитору. Он дернул ручку настройки, прежде чем сделал знак капитану.— Но это фамилия моего деда! — прибавил он, когда я сделал шаг в темноту.

Когда я был ребенком, я много мечтал — и мои фантазии концентрировались на двух объектах. Первым объектом были космические путешествия, вторым был секс. Основной причиной того, что я хотел стать ученым, было то, что я мог бы посещать иные миры. Я никогда не

оставлял этой надежды, просто она медленно испарилась с годами.

Другую фантазию я не оставлял никогда. У меня была самая лучшая коллекция непристойных книг. Порносеансы тогда еще не были легальными, но были места, где за два доллара вы могли пройти в комнату с платным кинопроектором и посмотреть грубые черно-белые фильмы Тайдхуаны и Гаваны (длительное время я был убежден в том, что мужчина не мог заниматься любовью с женщиной, иначе чем в черных чулках и в маске). Я обменивался своими фантазиями со сверстниками из шахматного клуба и теннисной команды. Каждую ночь, когда ложился спать, я воображал сценарий идеального соблазна: тонкая ткань женской ночной рубашки, пьянящая прохлада постели, шелковая простыня...

Потом наступило четвертое июля. Пегги Хофстадер!

Ее дом находился около озера. Мы стояли вдвоем на крыше и наблюдали фейерверк. Я умудрился тогда выпить две бутылки теплого, отвратительного на вкус пива. И когда фейерверк взорвался, заполнив все небо, я ощутил, как рука Пегги тянется к моему члену, и понял, что меня провоцируют. Фантазия внезапно стала реальностью. Без всякой подготовки я исполнил дебют, делал то, что сделали бы и вы на моем месте руками и ногами, различными частями тела.

К счастью для меня, Пегги хорошо разбиралась в этом деле, и я получил необходимую помощь.

Но здесь мне не сможет помочь никто...

Я боролся против предательской дрожи, жуткого возбуждения. С той стороны был совсем другой мир.

Я сделал глубокий вздох, закрыл глаза и шагнул внутрь.

На что это было похоже?

Я ничего не почувствовал. Как-то я был на научной выставке, где демонстрировались воздушные двери. Струи поднимающегося воздуха соединились с водяными парами. Это выглядело так, словно в коридоре висели облака; на них проектировались различные картины и реклама, а вы шли прямо по небесам. Но это впечатляло больше, чем перемещение через пересеченные миры. В один миг я находился в подвале здания в сиянии мерцающих флуоресцентных ламп...

Затем я шагнул и внезапно очутился на дне ямы,

продолжал двигаться по деревянному мостику в знойном августовском солнце Нью-Мехико. Вокруг возвышались постаменты, удерживающие нелепые машины, напоминавшие телекамеры, на месте линз были экраны с решеткой. Меня обступали выдобленные песчаные стены, рев мотора рвал барабанные перепонки.

У меня не было возможности изучать зрелище. Два солдата схватили за руки и потащили вперед.

— В грузовик! — приказал один из них и повернулся, чтобы схватить следующего пленника.

Я полез в транспорт — армейский грузовик без опознавательных знаков, сиденья располагались по бокам, и в кабине находилась охрана с автоматами. Когда все мы были посажены в машину, мотор заревел громче, и автомобиль рванул вперед. Мы въехали на холм, где наготове стояли два боевых вертолета, их лопасти медленно вращались.

— Выходи! — приказал конвоир, и мы поодиночке спрыгнули вниз.

Грузовик уехал. Один из охранников ушел перекинуться парой слов с вертолетчиками. Мы огляделись по сторонам.

Я стоял на вершине песчаного холма и смотрел на армейские бараки, насколько я понял, оригинал Сандии. Они находились в миле от нас, а ближе — трейлер с окнами и маскировочной окраской (это было нечто вроде офиса), яма. По тут сторону ямы — два-три других трейлера-генератора, их кабели тянулись к находившимся на дне механизмам.

Я, как и все остальные, задыхался от яркого света и переживал насчет солнечного удара. Эдна Валеска дернула за рукав.

— Они выкопали ее до уровня подвала! — сказала она, указывая пальцем.

— Что? — не понял я.

— Они хотели дойти до фундамента, — объяснила она. — Ведь здесь нет здания, и им пришлось копать.

— Ах да!

Это казалось совершенно неважным. Честно говоря, мне столько пришлось пережить, что я уже не различал важности вещей. Я увидел, как из черного прямоугольника появились еще две фигуры: Найла-сержант и «Джугашвили». Они тихо беседовали, потом Найла села в джип.

— А как насчет постаментов?

— Я полагаю, — сказала доктор Валеска, — что все дело в расположении. Они хотели заглянуть в наши лаборатории, ведь многие из них располагаются на верхних этажах.

Это достаточно разумный довод.

Один из ученых задал волнующий всех вопрос:

— Как вы думаете, что они собираются с нами делать? — спросил он дрожащим голосом.

Но этого не знал никто. Полковник Мартино замял неловкую тишину.

— Думаю, это мы узнаем от сержанта, — сказал он, когда джип Найлы Самбок прошелестел песком из-под колес.

Она не ответила нам, по крайней мере, немедленно. Нахмурившись, она прервала беседу охранника и вертолетчика. Впрочем, «беседа» — это слишком мягко сказано. Она превратилась в бескомпромиссный спор, и они уже не сдерживали своих голосов. Мы не интересовались предметом спора. Это было нечто вроде старой головоломки о миссионерах и каннибалах, пересекающих реку. Каждый вертолет мог взять с собой только пятерых. Девять пленников и один охранник — два рейса. Но ни один из пилотов не желал испытывать судьбу, забрав нас, пятерых вражеских маньяков-головорезов, без вооруженного охранника.

— Дерьмо паршивое! — заорала сержант на последнего. — Сделаем так: вы берете четверых, и вы четверых, а я караулю лишнего, пока кто-либо не вернется. — И они с явной неохотой начали загружать нас в колуны. Сержант подошла ко мне и ткнула пальцем.

— Этого оставьте! — сказала она. — Я покараулю его до следующего полета!

— Слушаюсь, сержант! — замялся один из охраны. — Но майор сказал...

— Отставить! — приказала Найла.

И ему пришлось подчиниться. Когда колуны-вертолеты оторвались от земли, она повернулась и оценивающим взглядом осмотрела меня. Я догадывался, что не походил на слишком большую проблему для здоровой женщины, к тому же вооруженной карабином. Она слегка кивнула:

— Не имеет смысла прожаривать здесь свои мозги! Давайте зайдем в трейлер!

...Кондиционер — благословеннейшая на земле штука! Здесь никого не было: похоже, он предназначался для улетевших вертолетчиков. Найла-сержант разрешила мне войти первым и зашла следом. Направившись в угол, она достала из карманов своего комбинезона пару двадцатипятицентовиков и кинула мне.

— Здесь автомат по продаже коки! — сказала она. — Я угощаю... откройте и поставьте мне на стол... — добавила она, и потом еще — ...пожалуйста!

Она села и, потягивая коку, долго смотрела на меня. Я изображал зеркальное отражение. Сейчас она, как никогда раньше, походила на мою Найлу. Да, конечно, она носила одежду в самый раз для Хэллоуина. Но в жизни Найла Христоф Боуквист...

Конечно, это была не она, а Найла-Кто-То-Там-Еще. Но, какое бы имя она ни носила, она выглядела такой же желанной и прелестной, как моя, сержант была очень похожа. Я имею в виду не одну только сексуальность, но и вообще... Она мне нравилась: мне нравился ее полуюмористический ошарашенный взгляд, мне нравился наклон ее спины, груди. Когда она разговаривала, мне нравился ее голос.

— Как насчет того, что вы говорили мне, Де Сота?

— Вы скрипачка, притом одна из величайших! — ответил я

— Невозможно! Я простая учительница музыки.. Допускаю, я всегда мечтала попасть в оркестр, но не смогла пробиться!

Я пожал плечами.

— У вас есть способности, потому что в моем мире вы достигли именно этого. И другое, то, о чем я не говорил..

Она любопытством взглянула на меня, но не сказала слов «о чем же?» За нее спросили брови.

— Мы были любовниками! — пояснил я. — Я очень сильно любил вас и продолжаю любить до сих пор!

Она одарила меня еще одним забавным взглядом: подозревающим и удивленным, но довольно нежным. Это был взгляд одинокой девочки из бара, хотя я и не считаю, чтобы она была такой. Я знал этот взгляд: взгляд Роксаны, каким она должна была посмотреть на Сирано де Бержерака, когда узнала, что это он, а не тупой осел Христиан посылал ей любовные письма. И у нее вырвалось.

— Для меня это новость, Де Сота!

— Я не обманываю, Найла!

Она подумала немного и улыбнулась.

— В тех условиях,— сказала она,— это, может быть, и хорошо! Давайте поговорим о чем-нибудь другом. Что вы говорили про концерт Гершвина? Вы знаете, ведь он умер совсем молодым.

Я пожал плечами: я не разбираюсь в таких деталях.

— Он оставил после себя много хороших вещей,— продолжила она, наблюдая за мной, затем поднялась и подошла к окну.— Разумеется, все очень популярны. Голубая рапсодия, конечно, Концерт в Ф., «Американец в Париже», но, право, он ничего не сочинял для скрипки!

Я взглянул на портал, где стоял нереальный Джугашвили, и решительно покачал головой:

— Неправда! Абсолютная неправда! Верно, я не знаток классической музыки, но немножко научился от вас, другой... Я часто слушал Гершвина. Его мелодии очень успокаивают. Считаю, я смогу даже насвистеть ее, подождите минуту!

Я прошелся по комнате, пытаюсь вспомнить прекрасное журчащее вступление, где Найла так великолепно исполняла соло. Когда я попытался, мне стало ясно, что я ужасно сфальшивил, но подобную музыку трудно испортить, даже искаженная, она звучит великолепно!

Она нахмурилась:

— Я никогда не слышала такого, но это просто здорово!

И она поджала губы, пытаюсь насвистеть сама.

А я наклонился к ней и поцеловал.

Она — меня.

Я был почти уверен в том, что она поцеловала меня. Я ощущал ее прекрасные мягкие и теплые губы, приоткрывшиеся перед моими, но не стал убеждаться в истинности... Краем кулака я резко ударил ее по затылку, так как делал раньше в секции дзюдо.

Сержант Найла Самбок рухнула, как скала...

Этот вид единоборства был для меня только теорией: исключая тренировки, я никогда не пользовался приемами дзюдо. И не хотел этого делать, хотя часть моего сознания с самого начала кричала, что моя одежда и костюм Найлы абсолютно неразличимы, за исключением зеленой повязки и карабина.

Когда она упала, я засомневался, что ударил Найлу не слишком сильно.

Но когда положил руку на знакомую грудь, то почувствовал отличную работу сердца и легких.

— Мне очень жаль, милая! — сказал я и прицепил ее повязку к своему рукаву. Подняв с пола карабин, я перекинул его через плечо и ушел не оглядываясь...

Семидесятилетнй Тимоти Мак-Гарен — швейцар «Лейк-Шор Тауэрс», где он открывает и закрывает двери с тех пор, как ушел на пенсию. Тимоти и отель были ровесниками, у обоих в прошлом десятилетия. Мак-Гарен ходил к лифту так часто, что мог делать это с закрытыми глазами или пятясь раком. Иногда, как сейчас, поддерживая двери для миссис Шпигель из 26-А, он так и поступал: спал и пиялся спиной, нацупывая ногой нижнюю ступеньку. Только, казалось, все они испарились. Он потерял равновесие, попытался ухватиться за перила и упал в воду.

*Над поверхностью Мичигана мерцали огни Чикаго.
АВГУСТ, 24, 1983 г. Время: 12.30 дня. Майор Де
Сота Доминик Р.*

Захваченная нами база была набита получше рождественского чулка. Я был сентиментален, и мне пришлось по душе офис коменданта. Там находилась комната для обедов и кухни, персональный холодильник с полдюжиной отличных бифштексов. Все это я обыскал еще вечером. Нас было шесть человек: полковник Темп, возглавляющий отдел ядерных исследований; майор пехотинцев Билл Силайтковиц; капитан из корпуса связи; два других капитана — адъютанты Темпа; и я. Мы были самыми высшими чинами на базе (с нашей стороны, разумеется) и в полной мере наслаждались своими привилегиями. Мы обедали за чистой льняной скатертью, имея салфетки и столовое серебро, если даже в бокалах и была простая вода, зато они были из датского хрусталя. Из большого окна на пятом этаже штаб-квартиры мы видели остальные шестьдесят зданий, захваченных нами. На улице стояла жара, но в нашем маленьком замке кондиционер работал просто великолепно.

Нас было шестеро — шесть счастливицков.

Один из адъютантов Темпа смеялся над тупыми

проектами здешних парней: группа чудаков пыталась читать мысли врага; бинарное химическое оружие, от которого мы отказались пять лет назад; лазерные автоматы, способные зажарить вражеских солдат на расстоянии в три мили... Но через три минуты он затих и уже не выглядел таким сияющим.

Это был поистине комический контраст: их народ тратил больше средств на дурацкие идеи, чем мы. Но не все их проекты были чудаковатыми! Когда мы приступили к мороженому и яблочному пирогу, Темп заговорил о серьезных вещах, остальные внимательно слушали. В прошлые сутки все это, без всякого сомнения, было засекречено, но ведь мы узнали об этом из прямых источников. Ядерное вооружение этих людей намного превосходило наше.

— У них есть крылатые ракеты,— говорил полковник,— похожие на маленькие реактивные самолеты, ускользающие от радаров, весьма быстрые, чтобы их можно было перехватить, точно запрограммированные. На ракете располагается множество боеголовок: на высоте в десять миль около цели они отделяются и поражают любые объекты. И есть также подводные лодки!

Это заинтересовало меня:

— Подводные лодки? Что, к дьяволу, в них интересного?

— Они ядерные, Де Сотта! — ответил он мрачно. — Здоровенные ублюдки на десять тысяч тонн и более! Они могут находиться под водой месяц, и на каждой лодке установлено по двадцать атомных ракет с радиусом действия в десять миль. О Боже! И плевать им на наши чертовы биологические атаки!.. Если бы только мы пронесли сквозь портал хоть одну из этих субмарин, русские бы моментально подошли!

Пирог внезапно стал безвкусным.

— И мы сразу нарвались на таких... — заметил Силайтковиц.

Полковник кивнул.

— Они не ждали нас! — сказал он. — Но теперь знают о нашем существовании и где мы находимся.

— Продолжайте, полковник! — вмешался я. — Они ведь не будут бомбить свою собственную базу?

Это нельзя считать аргументом, но частично можно вопросом.

Никто не хотел отвечать, и не только полковник. Он молча доел свой пирог и затем взорвался.

— Черт возьми! Мы все сделали не так, как надо! Нам сразу нужно было идти на самый верх! Занять Белый Дом, захватить в плен их президентшу, сказать ей пару ласковых, и тогда русские спутники раскусили бы «археологические раскопки».

Все обернулись ко мне. И я пожалел, что отрыл свой рот. Кто я такой, чтобы обсуждать решения генерального штаба? Мы знали, как трудно с ним спорить, и никто из нас не принимал решений.

Пока...

— Полковник! — произнес я. — Взглянем на факты! Факт первый: неважно, каким видом вооружения обладают эти люди. Они не применяют его внутри своей страны, потому что не смогут попасть в нас. Но они смогут сделать это, используя портал. Ведь причина нашего прихода — помешать им построить портал.

— Но они были далеки от его создания! — возразил один из адъютантов.

— Но могут сделать довольно быстро! — сказал я. — Поскольку им стало известно, что такое возможно, это отвечает на множество вопросов. У нас не было такого шанса. Теперь мы захватили базу, и нет оснований, чтобы они не ответили тем же самым.

Полковник строго взглянул на меня, затем одарил ледяной улыбкой.

Отличный вы парень, Де Сота! — произнес он и ударил ногтем по пустой чашке. — Она зазвенела, как колокольчик после выстрела. Ведь это был самый лучший фарфор.

Здесь я хотел остановиться: полковник был прав. Но и немного заблуждался: мы захватили Сандию без потерь, если не считать одного охранника с переломанной рукой, один из морских пехотинцев Силайтковица был немного невежлив в рукопашной. Если бы мы штурмовали Белый Дом, могли быть убитые. С другой стороны...

С другой стороны, было бы чересчур многое. Вооружение этих людей! Если бы только мы могли взять субмарину... или пару крылатых ракет...

Но вся наша сила находилась на противоположной стороне портала. Верно, мы могли бы сделать фотокопии или пронести что-то из оружия в разобранном виде. Но рано или поздно русские спутники заглянут в дырку

пустыни, которую мы называем археологическими исследованиями, и если заметят оружие...

— Майор? — Красотка рядовая, разливавшая в чашки кофе, раздала нам сообщения. — Это получено во время обеда.

— Спасибо! — ответил я и не улыбнулся: для меня было только одно, но это был трансвременной ксерокс от президента.

В нем говорилось: «От имени американского народа лично вам, офицерскому и рядовому составу 456-й спецгруппы армии США за службу, достойную награды, за выполнение гражданского долга объявляю благодарность!»

Я оглядел стол и ухмыльнулся. Все остальные глупо улыбались: очевидно, им тоже объявлена благодарность. Ну что же, президент не писал эти благодарности лично, скорее всего, даже не знал о нашем существовании. Все это, несомненно, сочинено в военном министерстве. Наш президент слабовольный сопляк, я никогда не голосовал за этого сукина сына. Плевать! Поименная благодарность президента прекрасно смотрелась в моем личном деле. Даже больше! В списке было указано шесть медалей! Для меня — орден Заслуженного легиона, для сержанта Самбок — Бронзовая звезда, четыре по личному усмотрению.

Это был хороший улов, и явно несправедливо было лишь то, что Билл Силайтковиц получил больше других. Он нахмурился, когда связной что-то нашептал ему в ухо, потом посмотрел на меня.

— Дом? Мои патрули засекли одного из ваших парней: он всю пылил к базе на угнанной машине, за ним гнался полицейский из Альбукерка. Это рядовой Дормейер, смывшийся без разрешения в город! Насколько я понял, он пытался убить штатского.

Мне не доставало сержанта Самбок, потому что, в отличие от меня, она знала всю группу в лицо, но Найла находилась с другой стороны портала, сопровождая заложников, а портал из-за технических неполадок закрыт.

Рядом со мной находилась адъютантка, лейтенант Мериль: она не так давно окончила офицерскую школу и по этой причине считала, что у коровы два хвоста.

— Ч-ч-что мы должны делать? — обратилась она ко мне и, вспомнив, добавила: — Сэр?

— Покончить со всем этим! — сказал я. — Черт возьми, лейтенант! Я жду, когда покажется, Дормейер!

— Его не смогли найти, — жалостно пролепетала она. — Я отправила по его домашнему адресу рядовых Веймара и Милтона, но там его не оказалось! И вы знаете, сэр, недвижимостью города слегка подпорчена нашими ребятами, никто не знает, как на это отреагирует противник...

— Всем принести извинения, лейтенант! — приказал я (я забыл, что Дормейер из местных — в нашем времени, во всяком случае! Это было не очень хорошо, командир должен знать своих парней). — Адьютант должен знать всю группу! — сказал я. — Совершал ли рядовой Дормейер, что-либо подобное ранее?

— Нет, сэр! Я не знаю точно! Кажется, месяц назад рядовой Дормейер получил увольнительную: в автокатастрофе погибла его жена. Я предполагала перевести его из части, потому что он пропустил занятия, но вы приказали оставить!

— Приведите его сюда! — крикнул я. — Я хочу побеседовать с ним. Впрочем, постойте, сначала я поговорю с этим фараоном!

Я не нуждался в оправданиях. Мне не хотелось бы чтобы мое дело завершал старый генерал Магрудер, Крысья Морда, только потому, что какой-то дубоватый рядовой попал в переплет. Хорошо, что Билл Силайтковиц провернул свое дело, и в газетах ничего не будет...

Но это могло произойти. И когда я увидел офицера Ортица, все показалось весьма вероятным. Ортиц был рослым пожилым полисменом в кожаной шапке (она точно приросла к нему!), он уверенно вошел и оглядел офис как свои владения.

— Никогда не был здесь ранее, сэр! — сказал он. — Думаю, у вас множество вопросов о том, что натворил ваш парень.

По крайней мере, он не стал сразу испускать огонь и требовать нарушителя. Как человек человеку, я проговорил:

— По-моему, такие парни, как вы и я, всего лишь выполняют приказ, да? Угощайтесь сигаретами!

Когда он взял две, я понял, что разговор на правильном пути. Я более чем наполовину был уверен в том, что он начнет спорить на основании местных законов, и мне не хотелось хлопот с этим неряхой Дормейером. Ортиц

излучал силу, и, казалось, ничем не был обеспокоен. Ему лет сорок, половину из них он прослужил в полиции. Когда Ортиц патрулировал свой район в Альбукерке, не контролируемый нашими группами, ему пришел вызов, и он приехал в дом Герберта Дингмана. Там он нашел старика Дингмана, его дочь Глорию (в истерике) и мистера Уильяма Пендерби в ее постели, где он был задушен нашим рядовым. Это не было очень трудным делом. Офицер сразу же вышел на Дормейера, который, как невменяемый, сидел в машине Дингмана. Как только Ортиц понял, что этого человека необходимо арестовать, рядовой Дормейер повернул ключ зажигания и поехал к базе. И нет, он вовсе не считает, что нужно ждать, пока я допрошу преступника, возможно, будет правильным, если он позвонит в участок и сообщит о своем местонахождении.

Конечно же, я так не думал, но не шлепнул его по заднице, а проводил к двери и приказал лейтенанту Мериль дать телефон, а я тем временем переговорю с Дормейером.

Выдать его полиции было бы слишком, он был неплохим солдатом. Дормейер появился немедленно, его сумасшествия как не бывало. Стоял навытяжку и отвечал на все вопросы ясно и четко. Да, он ушел в самоволку! Причины? Он скучал по своей погибшей жене, и кто-то сказал, что в этом времени есть точная копия любого из нас. Он уехал взглянуть на нее... и нашел в постели с другим парнем. Этого он не смог вынести! Нет, он не убивал человека: Глория оттащила его, он вышел на улицу, сел в автомобиль и заплакал. А когда пришел этот Ортиц, жертва почему-то уже посинела.

Я отослал Дормейера с выговором. На этот раз я выпихнул Ортица и обернулся к капралу.

— Проводите офицера Ортица в машину и дайте ему уехать! — приказал я. — Пусть он поймет, что мы здесь как друзья, а не как захватчики. — И подмигнул Ортицу: — Хотите добрый совет, офицер? Вы будете первым, кто вышел из оккупированной зоны, и телерепортеры уделят вам много внимания. Не говорите им ничего!

Я с удовлетворением наблюдал за его уходом и отвернулся от реального мира.

Это было как ледяной водой по лицу!

Портал заработал снова. И для меня поступило свежее

сообщение. Один из пленных, мой двойник Дом Де Сотта, сбежал в другую линию времени (они даже не знают в какую!) и прихватил с собой нашего ученого, доктора Дугласа!

Когда я находился на родной стороне портала в последний раз, была темная ночь. Мы шли по деревянному настилу, держась за веревку. Света было мало: только голубое плавающее сияние от грузовиков. Мы спускались вниз, испуганно спотыкаясь, поднимая пыль и дрожа от холода ночной пустыни. На вершине горы высадились большая группа вертолетов, света от них было не больше, чем от грузовиков. Все ручные прожекторы были направлены на солдат второго эшелона и специалистов, устанавливавших генератор портала. Никто из нас не знал, что мы найдем на другой стороне.

Теперь все было по-другому: рыжий настил обжигало горячее солнце, ветер задувал песчинки прямо в глаза. Около штабной машины нервно ходил Магрудер, Крысья Морда, и ждал меня, потом посадил в автомобиль, и мы помчались, поднимая клубы пыли. По дороге я видел, как бульдозеры спешно загребают знаки посадки, и, когда над нами пролетят русские спутники, они не заметят ничего такого, что заставило бы сомневаться в достоверности раскопок.

Лишь одно было неизменно — я боялся!

Я боялся, как никогда, потому что страх получить пулю — это физический ужас того, чего можно избежать. Сейчас я боялся свершившегося факта. Если сенатор сбежал, в побеге ему помог армейский комбинезон, а его дал я...

В дороге Магрудер не проронил ни слова, даже не взглянул на меня. Поджав губы, генерал сердито пялился в окно. Я не обижался: его задница была в такой же мясорубке. Я застыл как статуя и повис на ремне безопасности, не рискуя зашелкнуть пряжку.

Думаю, он забыл о моем существовании.

Мы остановились за гребнем песка, и Магрудер выскочил из машины, зло вращая глазами. Сейчас он сердился на сержанта Самбок и штатского техника — доктора Вилларда, который являлся помощником похищенного доктора Дугласа. Он оставил их на солнце, пока спускался за мной. Солнечный удар? Я не знаю, как они его избежали. Об этом генерал Магрудер не беспокоился,

поскольку солнце никогда не влияло на него. Он сам был хуже солнца... Тяжело, словно бык, он топнул ногой, плюнул и показал на трейлер.

— Все трое — внутрь! — приказал он.

Внутри трейлера не лучше; это был холодильник, но не из-за кондиционера. Холод шел от самого генерала. Когда он смотрит в упор, ваши глазные яблоки покрываются изморозью. Я беспокоился за себя, немного за сержанта Самбок и даже, как ни странно, за доктора Вилларда, ведь он даже не был при исполнении обязанностей. Случилось так, что Виллард просто стоял на помосте и разговаривал с Ларри Дугласом, когда подошел мой двойник, угрожая карабином, сбросил Дугласа в верхний портал и прыгнул следом. Техник ничего не сумел сделать (хотя это, кажется, не интересовало генерала Магрудера), потому что был маленького роста и, как все гражданские из проекта, невооруженным.

С Найлой Самбок все было иначе. Полно и лаконично она отвечала на все вопросы генерала.

— Так точно, сэр, я охраняла сенатора! Так точно, сэр, я позволила ему справиться со мной и овладеть оружием! Так точно, сэр, я допустила оплошность! Никак нет, сэр, я не оправдываюсь!

Но «полно» не то слово, потому что в ее глазах и тоне было что-то такое, что говорило о большем... Однажды я отдал под суд капитана, изнасиловавшего молоденькую призывницу, он думал, что все женщины на самом деле хотят этого (совершенно неважно, что они сопротивляются). Самбок выглядела точно так же, полная негодования и ярости...

Интересно, не было ли такого и с другим Де Сота? Но тут Магрудер обернулся ко мне, и я напрочь забыл все тревоги о сержанте, имея достаточно собственных.

Подумать только, полтора часа назад я разносил рядового Дормейера! Ветер переменялся.

Магрудера прозвали Крысшей Мордой по одной простой причине: у него был маленький подбородок и мертвая хватка, более того, под длинным острым носом он носил торчащие в стороны усы. Я видел, как вздрагивал его нос, когда генерал, раздумывая, замораживал своим пристальным взглядом и постукивал пальцем по кушетке. Мы ждали.

Наконец он произнес:

— Есть вещи, которые вам следовало бы знать...

Пауза.

— Первое,— продолжил он,— то, что их шлюха-президента не ответила на заявление нашего президента Брауна. Поэтому мы переходим к осуществлению фазы-2.

Ждали мы долго.

— Второе, я запрашивал для доставки военнопленных транспортный HU-70, но мне отказали под предлогом того, что их могут обнаружить русские спутники. И послали этих дерьмовых карликов.

Мы прождали немножко дольше, но уже с меньшим предчувствием гибели, разве генерал не сказал, что было оправдание? Если бы послали подходящий транспорт, то за один рейс увезли бы всех заложников и не возникло бы никаких проблем. На это почти не было надежды, но лучше столько, чем ничего. Он сказал:

— Действуйте без ошибок и помните, что вы по-прежнему в дерьме! Вы, Де Сота, потому что дали одежду... Молчать!

Я пытался оправдаться.

— Вы, сержант, потому что позволили овладеть оружием. А вы, Виллард, потому что позволили этому сукину сыну Дугласу вертеться возле портала без присутствия старшего офицера! Не говоря уж о том, что двое из вас позволили убежать заложнику!

— Генерал Магрудер! — бесстрастно заявил Виллард. — Я присутствую здесь как штатский консультант, и, если против меня будет выдвинуто хоть одно обвинение, я имею право на присутствие адвоката. Я требую...

— Нет, не имеете! — поправил его Магрудер. — То, что вы совершили, Виллард, является добровольным соучастием в побеге парочки, которую требовалось доставить в Болинг-Филд.

— Болинг-Филд?! — воскликнул Виллард. — Но ведь это же Вашингтон, округ Колумбия...

Магрудер не приказал ему молчать, он только посмотрел, и фраза тут же прилипла к языку Вилларда.

Снаружи я услышал трепет винтов. Когда Магрудер приоткрыл дверь, я увидел, как вращаются лопасти и к нам бежит летчик...

— Это ваш! — сказал Магрудер. — Он доставит вас в аэропорт, где ждет MATS C-111. Фаза-2 уже началась!

Старик, остерегаясь, выглянул из-за двери (тишина!) и подкрался к почтовому ящику. Драгоценный коричневый конверт из Велфайр на месте! Он положил его обратно, поднялся по лестнице и защелкнул за собой все три замка. Если все будет хорошо, то едой и деньгами он обеспечен. Старик даже не почувствовал слабого дуновения. И когда повернулся, то увидел, что его квартира разграблена! Старый телевизор украден, с кухонной полки сброшено скудное содержимое, подушка валяется на полу... Со стоном он открыл дверь в спальню, чтобы убедиться, не унесли ли драгоценные запасы бумаги... На его кровати лежал какой-то человек. Горло его перерезано, глаза безжизненны, лицо искажено болью и страхом... Это было его лицо!

**АВГУСТ, 24, 1983 г. Время: 4.20 дня. Миссис
Найла Христовф Бюквист**

Я должна вылететь в Рочестер, но не смогла покинуть Вашингтон. Сумасшедший день промелькнул непонятным фильмом: наступило время полета, прошло, Эми сделала заказ на вечерний рейс, но отменили и этот. Я, как делаю это всегда во время отчаяния, раздражения и тревоги, репетировала. Сидела перед телевизором за фортепьяно и исполняла отрывок из концерта Чайковского. Вновь и вновь, но глаза мои притягивались к экрану, где каждые двадцать минут повторялось безумие предыдущей ночи и показывали Дома, дорогого Дома, любимого, с которым я спала в одной постели, любовника Дома. Он сидел с приторной улыбкой и представлял суррогат президента Соединенных Штатов, говорившего ужасные вещи. Вся программа изменилась, и везде были такие же нереальные новости. Чужие группы в Нью-Мехико продолжали удерживать захваченную территорию, наши не атаковали, и никто в Вашингтоне не смог произнести что-либо дельное.

Не только я была обескуражена и сбита с толку. Даже погода была прескверной: с побережья принесло что-то вроде тропического циклона, и у нас установилась сильная жара и постоянно моросящий дождь.

Не переставая звонил телефон. Дважды звонила Джекки. Звонили Ростроповичи, концертмейстер Слави и даже старая миссис Джевитс — все, кто хоть немного мог заподозрить меня в личном интересе к сенатору. Но

никто не намекал на это, они были чересчур вежливы. Через десять минут я уже не помнила ничего из сказанного. Хорошо, что не звонили газетчики. Наша общая тайна оставалась нераскрытой.

Я уделила время даже на то, чтобы выразить соболезнование бедной Мэрилин Де Сота. Она сидела в пентхаузе у неумолкающего телефона и удивлялась: какая муха укусила мужчину, за которым она столько лет замужем?

Да, я нашла время позвонить жене своего любовника! Это было не впервые, но первый раз я задержалась при этом более, чем требовал этикет, — как раз настолько, насколько нужно бы, чтобы сказать, что Дом неверный муж и я не виновата!

Обычно, я верила в это...

И пришла Эми... с чаем, с надуманными вопросами: какие платья я хочу носить в Рочестре? Я вдруг вспомнила, что мне назначено интервью из «Ньюсуика», что из Рочестера звонил импресарио, а я еще не ответила ему.

Конечно, я не забыла про концерт.

Можно сказать, что я работала, как никогда раньше. Они пригласили дирижером Рикардо Мати, с которым я придерживалась различных взглядов. Я хотела исполнить Чайковского, и он соглашался, но я хотела играть его полностью, а Мати был против. Когда я исполняла Чайковского, я ссорилась каждый раз и всегда уступала, но только не сейчас!

Я проиграла его полностью. От начала и до конца дважды, выпила пару чашек холодного чаю... и играла снова и снова.

Меня беспокоило, что мои пальцы думают о музыке, а сознанием владело другое. Что делает Дом? Почему он не звонит мне? Быть может, он только пошутил о безумном проекте Кэтхауза? И что я сделала со своей жизнью? Время от времени на меня находило сомнение: хочу ли я иметь ребенка? И если да, то от кого?

Я постаралась опять вернуться к музыке, пока из Гварнериуса выплывают эти волнующие романтические темы. У Чайковского была масса сложностей с концертами, например. «В первый раз могу поверить в возможность существования музыки, неприятной для слуха!» — сказал на премьере один из критиков. Как бы вы жили после этого? (Но теперь, это самый любимый концерт из его

репертуара.) И его собственная жизнь была закручена посильней моей в немзыкальном (политическом?), кажется, политическом смысле. Поскольку здесь присутствовал византийский аромат интриг царского двора. Его брак оказался неудачным, и на его почве он получил нервное расстройство. На протяжении двадцати лет Чайковский имел пылкий роман по любовной переписке с Надеждой фон Мекк, не встречаясь при этом с ней ни разу (как только она появлялась, он немедленно выбегал через черный ход). Сумасшедший Петр Ильич! Говорят, он мечтал стать дирижером, но не вышло, поскольку правой рукой он управлял оркестром, а левой держался за подбородок (иногда у него появлялась навязчивая идея, если он расслабит руку, голова свалится с плеч).

Сумасшедший Петр Ильич!

Спинг — лопнула пятая струна, порванная мной. Я сердито ухмыльнулась, вспомнив, что говорил мне однажды Руггиеро Рикки: «Вы соблазнили Страдивари, но изнасиловали Гварнери!» На этот раз я изнасиловала его немного грубовато.

Эми сразу же ворвалась в дверь. Я не спросила, не подслушивала ли она. Без сомнения. Я протянула ей скрипку, и она внимательно рассмотрела порванную струну.

— Нужно натянуть точно такую же!

Она кивнула.

Пока Эми раскрывала пакет со струнами, я вновь ушла в грезы. «Сумасшедший Петр Ильич!» — подумалось опять, только это обернулось в: «Сумасшедшая Найла Боуквист! Что ты сотворила со своей жизнью?»

Раздумывая, я полизала болевшие ногти. Они не изрезались до крови, для этого потребовался бы, как минимум, резец, но они болели. Я сильно страдала. И сказала:

— Эми, как вы думаете, где сейчас находится мой муж?

Она взглянула на часы.

— Здесь около пяти, значит, в Чикаго четыре. Думаю, он в офисе. Вас соединить?

— Пожалуй, да!

— Ферди не любил отпускать меня на дальние гастроли. Для связи мы использовали специальную линию.

Только Эми лучше меня помнила номера, на связь у нее уходило не более двух минут.

— Он едет в клуб! — Она протянула трубку. — Я связалась с салоном автомобиля.

Я посмотрела на нее так, что она все поняла правильно.

— Я закончу в другой комнате! — сказала Эми и ушла, прихватив Гварнериуса и инструменты настройки.

А я сказала:

— Милый? Это Найла!

— Спасибо за звонок, дорогая! — донесся мягкий пожилой голос. — Я очень тревожился за тебя, все что случилось...

— Со мной все в порядке! — обманула я. — Ферди?

— Да, дорогая?

— Я... как будто взбесилась!

— Я знаю. У тебя хлопоты с Рочестером: на авиалиниях хаос! Послать за тобой самолет компании?

— О нет! — быстро откликнулась я. Чего я хотела, я и сама не знала, но только не этого! — Нет, у Эми все под контролем. Дорогой Ферди, я давно хотела сказать тебе одну вещь!.. — я сделала глубокий вздох, подбирая слова. Они никак не выходили.

— Да, дорогая? — вежливо проговорил Ферди.

Я сделала еще один вздох и попробовала иначе:

— Ферди, ты помнишь Де Сота?

— Конечно, дорогая! — Он очень забавно произнес эти слова. Что за глупый вопрос! Кто же в эти дни не знал Дома Де Сота? Кроме того, Ферди знаком со всеми реальными силами штата Иллинойс. — Это просто ужасно! — продолжил он. — Я знаю, тебе не нравится, что он замешан во всем этом дерьме!

Я сглотнула. Безусловно, он не намекал ни на что иное... но все же... когда у вас совесть нечиста, даже «привет!» может иметь двойной оттенок. Я пробовала представить себе, что понял из сказанного Ферди. Мне думалось, что отлично играю роль жены, которая все сознает, но из ее рта не вылетает ни единого слова. И может быть, я подсознательно стараюсь вызвать у Ферди подозрения, чтобы он вышел из себя и задал мне вопросы.

Но Ферди не заподозрил ничего. Нежно и снисходительно он забавлялся нерешительностью своей супруги, которая, кажется, забыла, что хотела сказать.

— Ферди! — выдавила наконец я из себя. — Все, что я хотела сказать... Видишь ли, я хотела сказать... Что, Эми?

Она появилась в проходе.

— Вас хочет видеть миссис Кеннеди! — сказала Эми.

— О дьявол! — выругалась я.

В трубке послышался смехок.

— Я понял! — сказал Ферди. — У тебя гости! Ладно, дорогая, сейчас я паркуюсь у клуба... ты, наверное, слышишь гудки? Давай поговорим позже! О'кей?

— Хорошо, милый! — расстроено произнесла я... но, слава Всевышнему, день еще не закончился. Тут пришла Джеки и сказала, что подвезет меня на ужин.

— Простой семейный ужин в узком кругу! Мы хотим, чтобы и вы присоединились к нам!

Я с радостью приняла приглашение.

На самом деле это не было «семейным ужином» — из детей не было никого, даже занимающихся политикой, хотя за столом сидел главный помощник Джека Кеннеди с супругой. И был также наш старый приятель Лаврентий Джугашвили. Хорош хозяин — любезен и гость! Но тем не менее, увидев его, я поразились. Мое присутствие становилось более понятным: ведь Лави был один, а Джеки не любила неуравновешенный стол.

— Нет, милая Найла! — сказал он, галантно поцеловав руку. — На сегодня я холостяк! Ксения улетела в Москву, чтобы убедиться, что дочка регулярно принимает витамины и посещает школу.

— У нас будет обычный непринужденный ужин, — сказал сенатор, — поскольку всем нам нужно встряхнуться! Альберт! Подберите что-нибудь из напитков для миссис Боуквист!

Это было не просто роскошью! Ферди так же богат, как и Джек Кеннеди, но, когда мы устраиваем семейный ужин, мы не проводим его в большом зале с дворецкими, подающими блюда. Обычно мы ужинаем в столовой, и повар Ханна ставит перед нами блюда. У Кеннеди все по-иному. Мы выпили коктейли в гостиной, где на стене висели портреты трех покойных братьев сенатора. Вина были в родовых бутылках, и столовое серебро было золотом!

На самом деле, все было так, как сказал Джек Кеннеди. Мир снова сделался реальным. Это было нечто вроде

маленького ужина, каких у меня сотни в год. Говорили о погоде (надвигается ураган и ожидаются дожди), о школьном классе дочки Лави, и о том, как поистине великолепно я играла Гершвина, какая жалость, что выступление было прервано!

Посол Советского Союза взглянул на меня (красивое русское лицо было в восхищении от моей одежды), весело провел глазами по цветам на столе, еде и винам. Лаврентий мне всегда нравился: отчасти потому, что действительно получал от музыки наслаждение. И не всегда от такой, какую я понимала.

Как-то мы ездили слушать гастролирующую у нас труппу из советской Грузии — пятьдесят приземистых смуглых красавцев мычали песни-капеллы (это больше походило на рев, каждые несколько секунд прерываемый возгласами «хай» и «хэй»). Мне это не по вкусу, но глаза Лави были затуманены, как во время Второго концерта Прокофьева (изумительно музыкальный, но часть аудитории находит его трогательным).

Почти час мы старательно уходили от темы вторжения иных Штатов и особенно от моего Дома.

В этом немало усилий прилагала Джеки. Она и миссис Харт рассказали забавную историю про то, как Пэт Николсон хотела вступить в группу кантри-вестерн, а мисс Хелис, у которой в Южном методическом университете был любовник-тенор, хотела ее разоблачить. Когда мы приступили к курице и дикому рису, Джеки, посмотрела на меня и сказала:

— Нам нужно раскатать остальных, Найла. Может быть, вы исполните нам что-то вроде Берга?

Сенатор пошевелился: очевидно, его снова беспокоила спина.

— Берг? Это такое пронзительно писклявое? Вам это и в самом деле нравится, Найла?

Хорошо, концерт Берга не нравится никому. Это все равно что любить слона. Нравится вам или нет, вы вынуждены за ним ухаживать. Но я хотела исполнить лучшую его часть. Дома я не могла это сделать, ведь чикагский Оркестр-Холл не подходит для такой вещи. Он хорош, скажем, для Бетховена или Брюса — они так ритмичны и мелодичны, что оркестр даже не слушает себя. Но для произведений, подобных Бергу, акустика оркестрового зала не годилась.

Когда я объясняла это Джеку Кеннеди, я отметила, что он не слушает: глаза смотрели в упор, но пронизывали меня насквозь, и он рассеянно помешивал вилкой рис. Я решила, что это из-за спины. Как и Лави...

— Ах, сенатор! — вмешался он с добрым юмором русского медведя. — Почему вы не едете в Москву показаться нашим врачам? Наш медицинский институт имени Джугашвили — в честь деда, а не меня — имеет лучших в мире хирургов!

— А что, разве они могут поставить мне новую спину? — проворчал Кеннеди.

— Пересадить спину? А почему бы и нет? Доктор Азимов — лучший трансплантатор в мире! Он пересадил триста восемьдесят пять сердец, не говоря уже о печенках и яйцах. Я не знаю всего точно, поговорим в Москве, когда пройдет первая в мире успешная пересадка геморроя... Ицек сделает это!

Засмеялась я, улыбнулась и Джеки. За столом смеялись все, кроме сенатора. Он едва улыбнулся, — но улыбка тотчас потухла на его губах.

— Сожалею, Лави! — сказал он. — Но боюсь, что сегодня мое чувство юмора работает не очень хорошо! — Он положил вилку и повернулся. — Гэри? Вы сказали, что привезли Джерри Брауна? Я имею в виду нашего...

— Да, сенатор! Его нашли в штате Мэн, но полет задерживается из-за плохой погоды.

Сенатор состроил на лице гримасу, потирая свою спину.

— Из-за погоды, говорите? — сказал он и махнул дворецкому для смены тарелок. — Господь знает, что сделает Браун! Я думаю, наш Джерри хотя бы подскажет о своем коллеге-двойнике.

К разговору присоединился Харт:

— Я хочу лучше понять действия этих ребят. Может быть, нам стоит набрать их двойников и нанести ответный удар?

На меня никто не взглянул, кроме Джеки.

— Найла! — сказала она. — Вы, конечно же, знакомы с Домом Де Сота?

И я поняла, зачем пригласили именно меня: не говоря открыто, Джеки дала мне почетный статус его жены... или невесты. Лучше она и не могла ко мне обратиться, ведь репутация Дома стала абсолютно туманной.

Она продолжила:

— Я считаю, вы разговаривали с Де Сота, прежде чем он уехал в Мехико.

Тактична! Конечно же, проболтался помощник Дома! Интересно, он что-нибудь говорил о причинах?

Я заколебалась:

— Не знаю, слышали ли вы о том, что произошло в Сандии.

Лаврентий сказал:

— Полагаю, да, милая миссис Боуквист! Даже я что-то слышал!

— Вы можете говорить открыто! — подбодрил сенатор. — Даже если это и было секретом, то не теперь!

— Хорошо, сенатор говорил что-то о собственном двойнике... Точно... кажется, у него были те же отпечатки. Они хотели устроить очную ставку.

— Все сходится! — торжествующе сказал Гэри Харт. — Так мы и думали, сенатор! Человек по телевидению не был настоящим Домом Де Сота!

Сенатор кивнул и сделал дворецкому знак:

— Мы будем пить кофе в моем кабинете, Альберт! — И всем нам: — Давайте взглянем еще разок на того парня!

Мне было необходимо время, чтобы осмыслить сказанное. Мы находились в громадном кабинете (больше моей комнаты в Чикаго), достаточно большом для военных совещаний и секретных встреч. Здесь находилось четыре телемонитора и огромный экран, имелся видеомаягнитофон. Джек Кеннеди сидел в углу рядом с кондиционером и дымил сигарой, наблюдая ретрансляцию лица Дома, которое говорило его голосом невозможные для Дома слова. Я в это не верила.

Как и Джек.

— Что вы думаете по этому поводу? — спросил он у собравшихся.

Никто не ответил, и я увидела, что Харты повернулись ко мне.

Я удивилась, разве они считают меня виновной за неслыханное перерождение Дома? Морально, в конце концов... Я задумалась на секунду.

— Вы можете прокрутить запись снова? — спросила я дрожащим голосом и достала из сумочки очки, которые никогда не носила на публике. Я внимательно всмат-

ривалась в любимое лицо, вслушивалась в интонации и наблюдала за каждым жестом.

Еще сомневаясь, я ответила:

— Он выглядит более худым, может быть, это не он? Хотя, если изображение немного искажено... иначе...

— Иначе,— сказал Харт,— мы правы, сенатор! Это их Дом Де Сот!

— Я так и думала! — шепнула Джеки, протягивая руку к моему креслу.

Я почувствовала, как она по-матерински ласкает мое плечо. Мне хотелось поцеловать ее, я не знала, что творилось в моей груди. Ах, Дом! По крайней мере, ты мог быть неверным жене, но ты не был предателем!..

— Я думаю, Гэри,— сказал сенатор,— самое время просмотреть сводку новостей ЦРУ.

Он взял у помощника пачку листов, надел очки и стал читать верхнюю страницу.

Я не слушала и чувствовала огромное облегчение. Хотя меня по-прежнему беспокоили Ферди и Мэрилин, одна потрясающая боль притупилась. Еще оставалось время, и я могла успеть позвонить Ферди, может быть, на этот раз я решусь сказать ему то, чего боялась... Конечно, еще оставалась Мэрилин...

Что я думаю! Как я могу раскрыть тайну без согласия Дома? И даже не предупредив его.

Снова растворяясь в сомнениях, я смогла сосредоточиться на словах Джека Кеннеди.

— ...два человека,— говорил он.— Первым был шустрый полицейский из Альбукерка. После него ловкая агентка ФБР, которая укатила на оккупированную телестанцию на велосипеде. Оба они беспрепятственно общались со вражескими солдатами.

— Вшивая у них охрана! — сказал Харт.

— Тем лучше для нас! — сказал Джек.— Во всяком случае, те не очень-то распространялись о военных делах. Но полицейскому и агентке ФБР удалось узнать различия между нашими мирами. Полагаю, теперь мы имеем довольно ясную картину.

Я постаралась уяснить остальное, но это давалось с трудом. Во время учебы в Джуллиарде я занималась музыкой, и там не было обширных курсов по истории. В этом отношении мне было нелегко понять, что подразумевается под «параллельными временами», хотя

Дом и пытался мне втолковать, как теорию. Как реальность, это воспринималось сложнее.

— Их врагами,— сказал Джек,— являются Советский Союз и Китай.

Он сделал здесь паузу и взглянул на посла. Лави молча сидел в кресле и хмурился.

— Какой Китай? — спросила я, как и любой на моем месте.— Они имели в виду Китайский Мандат или Хан Пекин? Сюэренитет Гон—Конг или Маньчжуо? Тайваньскую империю или любую из остальных двенадцати — пятнадцати частей Китая, на которые он раскололся после Культурной революции?

— Просто Китай! — сказал Джек.— У них единое целое и является самой крупной из наций Земли.

Мы переглянулись. В это очень трудно поверить. Сама мысль, что Советский Союз угрожает кому-либо, казалась просто нелепой! Я попробовала прочесть выражение лица Лави, но он был бесстрастен. Посол просто слушал, затем протянул руку и достал из коробки сенатора сигару, хотя я знала, что он не курит. Опустив глаза, Лави медленно разворачивал фольгу и молчал.

Я видела, что он был озабочен больше, чем я, но по другой причине. В результате Культурной революции между Советским Союзом и Китаем произошел ограниченный обмен ядерными ударами. Для русских это кончилось весьма прискорбно: пали Москва и Ленинград, страна оказалась обезглавленной.

Я попыталась вспомнить русскую историю. Вначале там были цари... потом Ленин, которого убили или что-то в этом роде. После него страной правил Троцкий, он провел серию войн с государствами типа Финляндии и Эстонии (большинство которых проиграл). Затем к власти временно пришел дед Лаврентия, он начал термоядерный проект, втянувший нас в атомное противоборство, закончившееся, когда на Москву напали китайцы, и неожиданно...

Но, похоже, в их времени Троцкий никогда не правил СССР, хотя у власти был дед Лаврентия. Не было серии приграничных войн — была одна большая, названная Второй мировой. Они вели ее с человеком по фамилии Гитлер. Германия стремилась завоевать весь мир и почти сделала это, но оставшиеся объединились в антигерманский союз.

Это было удивительно: Германия была единой страной! Я как-то выступала там, она слишком мала, чтобы угрожать целому миру!

Кроме того, напротив меня сидел Лаврентий и не спеша зажигал свою «Кубан Кларо». Конечно, он коммунист, но в русских нет ни капли воинственности, как выразились английские большевики (со своими центрами агрессии во всех, так называемых, содружественных федеративных республиках). Благодарю Небеса, что Австралия и Канада откололись... Я покачала головой: мне это уже было неинтересно.

Но для Лаврентия Джугашвили это было несчастьем! Когда Кеннеди заканчивал с рапортом ЦРУ, он выкурил полдюйма сигары и ждал окончания чтения.

— Согласен с вами! — сказал Лави. — Меня это сильно беспокоит, в конечном счете, эти агрессоры направляются на мою страну.

— Я полагаю, не совсем на вашу — на Советский Союз их времени!

— Но тем не менее, — вздохнул Лави. — Это мой народ! Разве не так?

Кеннеди слегка кивнул и промолчал. Лави встал.

— С вашего позволения, любезная миссис Кеннеди, — мрачно сказал он, — я должен посетить посольство. Я извещу вас о результатах, сенатор! Возможно, нам что-либо удастся предпринять... хотя я не знаю, что именно.

Мы все поднялись: это выражало не столько почтение, сколько симпатию. Когда он ушел, Кеннеди приказал принести по последнему бокалу.

— Бедный Лаврентий! — вымолвил он. — И мы тоже, вот что важно! Ведь и я не знаю, что делать!

Несмотря на больную спину, сенатор решил отвезти меня лично. За компанию села и Джеки. Мы ехали без всякого удовольствия: дождь падал пеленой на скользкие, будто масляные, улицы.

Мы легко уместились на переднем сиденье senatorского лимузина, во время поездки почти не разговаривали, даже Джеки, которая усиленно помогала мужу следить за дорогой: с тех пор, как оба его младших брата погибли в автокатастрофах, она панически боялась автомобилей. Я думала о своем: сейчас десять, в Чикаго девять, Ферди еще не спит, наверное.

Позвонить? Но правильно ли я поступлю?

Я едва заметила, когда мы застряли в пробке — сенатор раздраженно ударил по рулю.

— Какого дьявола? — заворчал он, пытаясь увидеть, что происходит впереди.

— Что там? — спросила Джеки. — Авария?

Но это не было автокатастрофой!

Кеннеди выругался. Сквозь стекла передних машин я увидела, что по другой дороге что-то движется нам навстречу. Это было что-то большое и быстрое, но без сирен полицейского патруля или «Скорой помощи». И у этой машины был вращающийся прожектор, освещавший дорогу, как дворник стеклоочистителя. Свет едва освещал нечто высовывавшееся из транспорта.

Это здорово походило на пушку!

— Боже всемогущий! — прохрипел сенатор. — Какой-то е... танк!

Джеки закричала. Думаю, что и я тоже. Сенатор не стал ждать дальнейших событий. Его громадный «крайслер» ударился глушителем об обочину, заскрипел разворачивающимися колесами до упора... на полной скорости проехал по тротуару и выскочил прямо на магистраль в тридцати ярдах от танка. Я увидела, как из танка высунулась огромная пушка и нацелилась на нас. Сенатор кожей почувствовал это... но у ближайшего перекрестка что-то случилось с мотором, и мы начали останавливаться (о, мы ехали уже со скоростью сорока миль в час)... и он едва дотянул до угла.

Навстречу неслось такси.

Я никогда еще не ощущала смерть так близко! Мы остановились: передний бампер почти коснулся дверей такси. И водитель уже опускал стекло, рыдая и что-то крича Джеку.

Но сенатору было наплевать!

У нас сломался двигатель, и Джек даже не пытался завести его снова. Он открыл дверь и вывалился наружу, с ворчанием сгибая спину. Посмотрел, как мимо проехал танк, сопровождая с полдюжины грузовиков с пехотинцами. Когда они проезжали мимо, я увидела отблески их шлемов... за ними ехал другой танк.

— Удивительно! — сказал Джек Кеннеди.

— Почему мы пустили по улицам танки? — спросила я.

Сенатор повернулся, и я увидела его глаза. Джек — пожилой человек, но я еще не видела его таким старым. Он обнял Джеки.

— Это не мы!.. — сказал он. — У нас нет таких танков!

Ветеринару было двадцать четыре года, и она была потрясена. Шесть раз, как и было приказано, она намылилась и окатилась водой, после этого, не одеваясь, прошла в спальню, где ее ждал армейский капитан. Девушка даже не думала о том, что стоит нагишом; он медленно проводил палочкой над каждым дюймом ее кожи и прислушивался к одиночным трескам радиации.

«Я думаю, вы смыли все! — сказал он наконец. — Вы говорите, что нашли в подобном состоянии весь крупный рогатый скот?» Она кивнула, глаза девушки были большие и испуганные. «Можете одеваться!» — заключил капитан. — Думаю, что с вами все о'кей!» Но он остался наедине со своими опасениями. Радиоактивные осадки! Половина квадратной мили почему-то оказалась покрыта радионуклидами высокого уровня. И это здесь, не более чем в сорока милях от Далласа! Без всякой войны и ближайших источников радиоактивности! Это была головоломка без ответов... И его до мозга костей продрал страх. А что, если это произошло в центре города?

**АВГУСТ, 26, 1983 г. Время: 6.40 вечера. Никс Де
Сота**

Мне снилось, что миссис Рокфеллер просила устроить кредит на шестьсот миллионов долларов для постройки загородного домика. Но все дело в том, что она хотела начать со взноса в полторы тысячи, все ее деньги были по десять центов... потом, когда я устроил это, миссис Рокфеллер не могла расписаться в ведомости: у нее не было больших пальцев. И когда меня разбудил сильный толчок, моей первой мыслью было не то, где я нахожусь и что случилось, а то, знает ли мистер Блекисел, что меня арестовали вместе с оставшимися закладными. И с этим я ничего не мог поделать.

Я ничего не мог сделать, потому что был прикован наручниками к спинке соседнего кресла. Мой первый полет в новом четырехмоторном «боинге» оказался просто великолепным! Боже мой, что это были за муки! (Я имею

в виду настоящие муки!) Я мучился, поскольку находился на этом самом месте уже одиннадцать часов, совершил за это время две промежуточные посадки — и пролетел Бог знает сколько сотен или даже тысяч миль! Но самое большое страдание было раньше, когда меня сажали в самолет — первое место, дрожащий трап, закованные сзади руки... и этот противный фэбээровец Мо Что-То-То-Там-Еще, который угрожал всеми видами смерти, если я заговорю или попытаюсь удрать, попробую снять шляпу и маску (они заставили меня носить это, чтобы никто не смог опознать!). Он все знал о моих неудобствах, большую часть которых создавал сам.

Должен признаться, ребята из ФБР — большие мастера причинять боль, не оставляя при этом следов.

Через проход крепился другой пленник — тоже в шляпе и маске. Его конвоир, как и мой, вожделенно храпел, а мы бесконечно тряслись вдоль посадочной полосы, уходящей в никуда.

По крайней мере, мне удалось вырваться из этой вонючей цистерны в чикагской штаб-квартире, где я провел большую часть последних... чего?.. дней? Конечно, уж будьте уверены! Довольно противно сидеть вместе с социально нежелательными элементами, грабителями и валютными спекулянтами, но это было лучше, чем тогда, когда меня уводили задать парочку вопросов. Конечно, я не отвечал. Я не знал ответов, но, Господи, как я жаждал этого!..

Сейчас подойдет Мо, он проснется и встряхнет меня. Наверно, мы покончили с этим самолетом, принесшим меня Бог знает куда!

Нет, куда он меня увез, знал не только один Господь, но и я — сквозь маску и крошечное окно я ясно увидел пункт прибытия — это выглядело по-иностранному. На большой вывеске говорилось: «Добро пожаловать в Альбукерк! Штат Нью-Мехико, высота 5196 над уровнем моря».

О Небеса! Нью-Мехико! Что им взбрело в голову сделать со мной в Нью-Мехико?

Правда, Мо не ответит мне. К нему подошла стюардесса и дернула за плечо, а он тут же разбудил другого охранника. Но мне он сказал только:

— Помни, что я говорю!

Я помнил, он заставил нас ждать, пока не выйдут из

самолета остальные пассажиры... потом еще немного, когда механики выйдут провернуть большие пропеллеры и подъедут грузовики-заправщики со стооктановым бензином.

Тут нам кто-то помахал от ворот аэровокзала.

Мо разомкнул мои наручники, и мы пошли. Я старался не споткнуться, когда мы спускались по ступенькам. Следом за нами шел другой заключенный со своим конвоиром; таким образом, нас провели через здание аэропорта (здорово похожее на Театр латиноамериканской оперетты!). Люди уставились на нас, самые любопытные высказывали на дорогу, но таких было немного: головорезов из ФБР легко узнать... многие отворачивались. Я и Мо прыгнули в машину, следом — другой заключенный со стражем. Перед нами возникла патрульная полицейская, и мы рванули за ней, Господь знает, как быстро! Сквозь городские улицы на двухлинейную скоростную, змейкой уходящую в холмы...

Мы ехали около часа и остановились у развилки двух магистралей, вытянутых полукругом, где находилась бензоколонка и дорожный мотель. Над офисом висела табличка: «Ла-Кукарача — отдых для путников».

С внешним видом никак не увязывалась вооруженная охрана, но она была лишь мелким декоративным штрихом. Здесь обнаружили и хорошая, и плохая приметы. Плохая: я по-прежнему оставался под арестом. Хорошая: я не в Левнвэзе и не в одном из лагерей, где мог навечно сгинуть, даже если они раскопают, что надо, и будут готовы отпустить. Это был самый стабильный из всех островов Архипелага ФБР. Судя по всему, они не собирались держать меня здесь долго и даже разрешали ходить.

Той моей части, которая когда-либо выйдет из мотеля, будет достаточно для могилы.

Для опасений оставалось мало времени: меня и моего молчаливого компаньона втолкнули в один из домиков. Нам приказали сесть на край кровати и не шуметь — Мо встал у дверей, а другой конвоир снаружи. Мы ждали недолго: дверь распахнулась, и Мо вышел, не посмотрев на вошедшего.

В комнату вошла Найла Христоф с руками, заложенными за спину.

На этот раз она носила солнечную шляпу и темные очки. Я не видел ее глаз, но мог сказать, что Христоф

внимательно разглядывает нас... я чувствовал ожог, словно от кислоты, когда ее взгляд пронзил мое лицо. Своим неприятным, как всегда, голосом, она сказала:

— Мальчики! Можете снять эти тупые маски!

Я рад был выполнить ее приказ. В этой штуке я задыхался от постоянной жары. Мой коллега стягивал маску более медленно и неохотно, когда он ее снял, лицо у него было испуганное, глубоко обиженное и несчастное. Я ожидал всего, но только не этого! Лицо принадлежало... Лари Дугласу.

Хорошо еще, что и Дуглас был сбит с толку.

— Найла! — заговорил он дрожащим гневным голосом. — Какого дьявола? Не говоря ни слова, твои парни пришли и схватили меня, вытащили из постели...

— Заткнись, милый! — весело сказала она.

Даже под темными очками, он смог прочитать ее выражение и осекся.

— Вот так-то лучше! — сказала она и бросила через плечо: — Мо?

— Да, мисс Христоф! — загромыхала эта обезьяна.

— Машина из лаборатории уже здесь?

— Припаркована за коттеджем, все готово!

Она кивнула. Сняв шляпу и очки, Христоф села в кресло и протянула руку. Мо услужливо вложил сигарету и зажег спичку.

— Вполне возможно, — сказала она, — что вы тут ни при чем! Но мы хотим, чтобы вы оказали нам услугу в одном запутанном деле.

— Слава Богу, Найла! — воскликнул Дуглас. — Я знал, что это ошибка.

А я спросил то, чего так стыдился и о чем страшился думать все это время:

— Мисс Христоф! Что с моей невестой и остальными?

— Они под нашим присмотром, Де Сотта! Если проверка пройдет нормально мы их выпустим!

— Благодарю Небеса! А о какой проверке вы говорите?

— Это будет прямо сейчас! — сказала она. — Продолжайте, Мо!

И она вышла из бунгало, как только зашли два головореза в белых халатах с чемоданчиком.

Я съезился от страха, но это оказалось ничуть не больно... Они взяли мои отпечатки, измерили уши и расстояние между зрачками; они взяли анализы крови,

слюны и кусков кожи; они заставили меня помочиться в бутылочку и забрали анализ кала. Это заняло время... Менее неприятным это делало только то, что с моим противным коллегой — таинственным Лари Дугласом, конспиратором из кофейной лавки и попутчиком во дворец Рейгана (Диксон, штат Иллинойс) — сделали то же.

Мне это не очень нравилось, Мо и другому конвоиру также. Они вышли и посматривали на нас через окно, когда лаборанты забирали свои образцы, я и Лари могли побеседовать. Первое, о чем я спросил, было:

— Какого дьявола, кто вы? Сексот?

Он виновато посмотрел на меня, но даже битый пес способен рычать.

— Не ваше собачье дело Де Сотта! — огрызнулся он.

Дуглас взглянул, как мою кровь отсасывают в шприц, в то время когда молчаливый лаборант делал с его рукой то же самое.

— Ладно, кто же вы? Мальчик Найлы Христоф, доносчик или пленник?

Он коротко ответил:

— Да! — Потом спустил штаны, чтобы лаборант мог ткнуть ему в ягодицы. — На вашем месте, Де Сотта, — мрачно посоветовал он, — я бы побеспокоился о себе! Вы знаете, сколько у вас неприятностей?

Я засмеялся ему в лицо. Все боли и страдания моего тела говорили, сколько у меня хлопот.

— Во всяком случае, — обратил я его внимание, — Христоф сказала, что мы можем оказаться ни при чем! Чего же тогда бояться?

С жалостью и презрением Дуглас взглянул на меня.

— Она говорила это! — согласился он. — Но слышали ли вы, чтобы она сказала, что выпустит нас?

Я сглотнул слюну и спросил:

— На что это вы намекаете, черт возьми?

Он пожал плечами и взглянул на медика, оставив меня наедине с тревогами, пока не ушли люди в белом. Ни один из охранников не вошел, мы видели, как они сидели на перилах и посмеивались, глядя на дорогу. Через шоссе вихрем пронесся обтекаемый автомобиль, и я с внезапной горечью подумал о Грете. Я повторил:

— О чем вы говорили? Она сказала, что выпустит...

— Не «нас», Де Сотта! «Их» — свидетелей, которые ничего не знают! Вы зверь иного масштаба и знаете многое!

— Да? — я покопался в банке мыслей, но ничего не вспомнил. — Боже всемогущий! Я даже не знаю, что ей надо!

Он мрачно возразил:

— Вы знаете одну вещь, которую знают немногие, и это — все! Как вы умудрились сразу побывать в двух местах?

— Какого дьявола, откуда мне знать? — крикнул я.

— Но вы знаете, что это случилось! Знаете, если говорить криминально, кто-нибудь может, скажем... совершить убийство в одном месте и иметь неопровержимое алиби! Иисус! Знаете, как все это может пригодиться для таких, как я... я подразумеваю нуждающихся в алиби, — поправился Лари.

— Но я понятия не имею, как это делается! — завыл я.

— Я узнаю! — кисло заверил он. — Ты можешь, наконец, проснуться? Думаешь, Найла разрешит уйти домой и разболтать про такие вещи?

Я сел, помотав головой.

То, что сказал этот интриган, было слишком логично. Ходили сплетни, что лагеря ФБР набиты людьми, все несчастья которых заключалось в том, что они знали секретную информацию, как я...

А если так, то следующей остановкой будет не Чикаго... Это будет Эверглейдо, где мне придется кормить собой аллигаторов и рыть канал... или лесоповалы Аляски. Где-нибудь, где бы ни... В точности мест можно сомневаться, но это несомненно стало бы моим долгосрочным адресом до того момента, когда сведения перестанут быть секретом. Или до моей смерти, что произойдет раньше! Я уверен, что через пару лет лагерей мне это будет безразлично!

Когда тени почти исчезли, а солнце находилось в зените, нам принесли сандвичи с ветчиной и ужасно теплый кофе из ближайшего автомата. Я умирал с голоду, но взял их без удовольствия. Медленно жевал бутерброд, и когда открылась дверь, готовился выкинуть мусор.

Но вошел не Мо и не другой охранник, вернее, это был Мо, но с Найлой Христоф. Она небрежно ухмыльнулась. В одной руке шеф-агент держала бутылку шампанского, прижав к груди.

— Поздравляю, мальчики! — сказала она. — Вы прошли проверку!

Ни я, ни Дуглас не проронили ни слова, и Христоф надула губы.

— Трепещи, дорогой! — сказала она, хихикая (это был неутешительный смех). — Ты не дождеешься моих извинений! Бокалы! — быстро добавила другим тоном.

И, запинаясь от поспешности, в комнату ворвался второй бандит, неся на подносе фужеры. Она дернула головой — головорезы покинули бунгало — и протянула бутылку Дугласу.

— Разливай, милый! — сказала она, внимательно следя за его лицом. — Рада видеть, что даже здесь ты не утратил своих манер.

В ее беспокойстве (слегка воинственном) и нежности (слабо притворной) было что-то такое, что я ничего не понимал. Отношения между ними не походили на взаимоотношения федерального агента и информатора.

Тут «хлоп!» — вылетела пробка.

Дуглас разлил шампанское. Первый бокал взяла Найла Христоф, ловко обхватив его четырьмя пальцами.

— Знаешь, о чем я говорила? — спросила она и икнула.

Думаю, за этот день, это была не первая бутылка. Я покачал головой.

— Хотя нет. Проверка прошла безупречно: та же кровь, такие же отпечатки! Вы те же самые парни! И мне остается написать рапорт и получить повышение. Так выпьем же за Найлу Христоф — будущего заместителя шефа этого проклятого Бюро!

Я выпил ее отвратительное шампанское, потому что мне не хотелось ее сердить и еще потому, что такие парни, как я, не каждый день пьют французское шампанское... и, главным образом, потому что не знал, что делать. Вероятно, Дуглас прав! Это настолько значительная вещь, что Найле предстоит продвижение по службе... В таком случае, он не ошибался и в остальном.

Интересно, что сделает Грета, если никогда больше не увидит меня? Может, мне разрешат проститься или написать письмо?

Сказанное Найлой Христоф было для меня плохой вестью, но Лари Дуглас полагал обратное.

— Тебя повысят! — он пришел в восторг. — Дружок, ты должна показать им всем там, в Вашингтоне! Слушай, у меня появилась масса идей! Дело по установлению двойников, кажется, так это называется в Бюро? Можно создать диверсионно-разведывательные группы. Конечно, я не знаю, как это все работает, но...

Христоф с мечтательной улыбкой на лице дала ему продолжить. Пока Лари Дуглас говорил, она подошла ближе, и ее рука дружески заскользила по его спине.

— Милый! — нежно проворковала она. — А ведь ты и в самом деле тупица!

Он заикнулся:

— Т-ты... т-ты не хочешь вытащить меня отсюда?

— Вытащить? Эту е... штуку, милый Лари, я могу сделать...

Он вспыхнул.

— Тогда дай мне уйти, черт возьми! Иначе я не буду иметь с тобой никаких дел!

Ее улыбка растянулась шире. Когда она хотела, она умела быть привлекательной. Мне даже показалось, что я различил ямочки в уголках ее рта.

— Лари! — промурлыкала она. — Вероятно, я и буду с кем-нибудь заниматься любовью, но ты точно не из тех парней!

Я не представлял, о чем она говорит, а Лари — очень ясно. Его лицо стало серым.

— Ты не знаешь ни дерьма, и можешь лишь догадываться! — сказала она. — Хочешь знать, что происходит?

О, конечно, она знала все и сразу начала:

— Начну с самого начала. Предположим...

Шеф-агент Найла Христоф секунду колебалась, потом пожала плечами и зловеще протянула руку с четырьмя пальцами, разумеется, большой отсутствовал.

— Предположим, у меня не возникло бы конфликта с законом и я повзрослела, как все. Моя жизнь была бы совсем другой, не правда ли?

Я кивнул, соглашаясь, хотя сильно сомневался. Дуглас просто ходил по комнате, как тигр по клетке.

— Существует одна жизнь, в которой я стала такой, правильно? И есть другая, где я стала... о, не знаю кем... музыкантом... скрипачом.

Ее выражение не изменилось, но по ее глазам я понял, что она ждала, не развеселит ли меня такая мысль. Мне было не до смеха.

— Видите ли! — продолжала Христоф. — Одно время мне нравилось играть на скрипке. И вы не можете сказать, что одна вероятность реальна, а другая придумана. Ничуть не бывало! Обе они реальны! Быть может, реальны все

вероятности... но мы живем только в одной и не можем видеть другие.

Я мельком посмотрел на Дугласа. Он, как и я, был растерян и одновременно напуган. Я считал, что о дальнейшем он осведомлен больше меня.

— Черт с этим! — внезапно сказала она. — Пошли, я покажу вам! Мо!..

Открывшаяся дверь хлопнула, и в проеме возникла здоровенная горилла. Найла сделала ему знак отодвинуться и поманила нас за собой. Снаружи было чудовищно жарко! Она шла нетвердо из-за яркого солнца и из-за высоких каблуков, тонувших в песке, и, главным образом, от шампанского и блестящей карьеры. Она привела нас к другому коттеджу с охраной. Когда Найла Христоф кивнула, громадный фэбээровец ринулся открывать дверь. Она взгляделась внутрь, потом кивнула нам.

— Взгляните! — пригласила в бунгало. — Вот ваши превосходные альтернативы!

Я по-прежнему не понимал, о чем она говорит, но выполнил приказ. В комнате было два человека: один находился в углу и осторожно намазывал на лицо крем, у него был худший из случаев загара. Человек был без рубашки, красный как рак. Я не смог разглядеть его лица.

Другой лежал с закрытыми глазами. Храпел. И вообще выглядел так, будто это было плохое для него время. Я имею в виду не время заключения, а то, что он выглядел полумертвым. И он походил...

— Дуглас! — завопил я. — Это же вы!

Дуглас молчал: это его поразило больше, чем меня. Он задыхался и хлопал глазами. Я видел, что он никак не мог задать свой вопрос, и спросил за него.

— Что с ним? — поинтересовался я.

Найла Христоф пожала плечами:

— С ним все отлично! Сильный солнечный удар плюс укус гремучей змеи. Но ему сделали необходимые инъекции, и доктор сказал, что завтра он встанет. Но вы еще не видели другого парня!

И я взглянул. Он повернулся и уставился в упор. Его лицо сильно обгорело и было ободренным, а выражение — угрюмым. Но я знал это лицо.

— Боже мой! — крикнул я. — Это тот парень из Долилаба!

— Почти! — бодро сказала Найла Христоф. — Он

утверждает, что это не он! И еще он рассказал кучу вещей, Де Сота, в которые вы не поверите. Он рассказал это прошлой ночью, когда их подобрали в пустыне у железной дороги. Он сказал, что вероятности реальны... и вы одно из недостающих звеньев.

В этот час подземный гараж был пуст. И адвокат тщетно старался припомнить, где поставил свою машину. Когда нужно, вы никогда не дожидаетесь полисмена! Два изнасилования, одно убийство, и никто не знает, как много, групповых нападений было совершено в этом гараже за последний месяц. Затем адвокат свернул за угол и увидел армейский патруль: два парня в мундирах и с автоматами. «Добрый вечер!» — сказал он, почувствовав себя уверенней, пока не заметил странный серо-зеленый цвет униформы и пластинки на их плечах, пилотки, так не похожие на фуражки чикагской полиции. Самое худшее, когда они его окликнули. Он узнал язык — РУССКИЙЕ! Непроизвольно он повернул назад и побегал... его плечо пронзило что-то острое. Адвокат услышал звук выстрелов, но пули просвистели мимо. Он повернулся, размазывая слезы, но никого не было.

АВГУСТ, 26, 1983 г. Время: 7.40 вечера. Сенатор Доминик Де Сота

Я смотрел из окна на бассейн, с меня ведрами стекал пот и мучили ожоги. И не только это терзало меня: где-то совсем недалеко, но безнадежно отдаленно, покрыто оболочкой времен — моя страна подвергалась вторжению... и кто-то имевший мое лицо выступал по телевидению, призывая к помощи и поддержке агрессорам. Я не помнил ни единого случая из истории Соединенных Штатов со времен Гражданской войны, чтобы хоть один американский сенатор сделал что-либо подобное. Что подумали обо мне мои коллеги?

И что подумала Найла Боуквист?

Я не знал, что думать о себе. Последние сорок восемь часов были самыми жуткими в моей жизни. Это было ужасно — узнать, что Кэтхауз предстал реальностью и существует бесконечное множество миров. Среди них много с Доминиками Де Сота, неотличимыми от меня.

Одним из них я был в плену. Я одолел женщину, которую любил, и тут же захвачен в плен другой ее копией... точнее, не совсем копией: у нее изуродованы руки. Я украл человека и страдал от потрясающе нелепого вторжения в мою страну иной Америки. И мне было мучительно больно от ожогов, утомительного пути сквозь безжизненную пустыню и всей моей жизни.

Так или иначе у меня внутри ныло все, а они даже не позволили мне охладиться в бассейне.

Это не запрещалось — бассейн предназначался для Найлы — других указаний она не давала. Умывальник, находившийся в углу, не мог заменить бассейн. Каждые полчаса я брызгал водой на ожоги, и каждую четверть осторожно накладывал крем. Но толку от этого было слишком мало.

Присутствие моего невольного спутника доктора Лоуренса Дугласа оказалось бессмысленным. Большую часть дня он лежал — понятно, доктор прошел через большее. Те же ожоги, такие же бесконечные часы жары и жажды, долгое блуждание сквозь безжизненную пустыню. Хуже того: Дуглас умудрился получить не только укус ядовитой змеи и противоядие (этот укол был так же мучителен, как и укус, но еще и наполнил его безволием, чтобы беспалая Найла смогла допросить его). Я не участвовал при допросе, но когда доктора вернули в бунгало, вдобавок к ожогам он имел и синяки.

Я не пытался его будить.

Я не будил Дугласа. Но когда я резко обернулся от умывальника, то поймал на себе его взгляд. Он тотчас закрыл глаза, но было поздно.

— О дьявол, Дуглас! — утомленно сказал я. — Если хотите спать, спите... если нет, открывайте глаза. Зачем притворяться?

Доктор упорно держал их закрытыми, но долго так тянуть не могло. Поднявшись с постели, он поискал туалет, а когда не нашел, помочился в раковину.

Когда он кончил, я проворчал:

— Хоть бы сполоснули эту штуку!

Он не обернулся, но повернул краны и умылся, затем поплакал по-собачьи из сложенных лодочкой рук. Все при полном безмолвии.

— Если смочите волосы, это немного поможет! — сказал я. — Еще есть крем от ожогов.

Дуглас медленно выпрямился, потом сполоснул волосы и что-то пробормотал. Это могло быть словами благодарности, и, когда он повернулся, я улыбнулся.

Но он не ответил. Я никогда еще не видел человека более безнадежного и обиженного, в такой глубокой депрессии.

Конечно, мое настроение также нельзя назвать хорошим, не говоря уже о случившемся, я чувствовал зуд и судороги, что было очень неприятно. Я ощущал, что нахожусь под непрерывным наблюдением, нельзя же не заметить заглядывающего в окно охранника. И этот зуд, который нравился мне еще меньше.

— Я вижу,— произнес я.— У вас плохое настроение!»

Он закончил накладывать крем на свое томатное лицо и кисло посмотрел на меня:

— Вы можете предложить что-нибудь лучше?

— Хорошо, удовлетворите мое любопытство: когда я поднялся к portalу, где вы работали, и прихватил с собой за компанию...

Дуглас залаял отвратительным смехом.

— Когда вынудили меня силой оружия! — поправил он.

— Верно! Когда мы появились с другой стороны на высоте десяти футов, вы ведь не предупреждали, что можно грохнуться...— я развивал свою мысль, чтобы немного свалить вину и на него.— ...Я думал, мы попадем в мое время. Пока вы спали, я много думал.

Он застонал:

— Де Сот! Раз уж мы здесь, может, нам придется по душе?

— Что вы наделали!

— Хотел сбежать! — резко ответил он.

— Сюда? Но ведь это же не ваше время!

— Эта жуткая примитивная дыра? — прорычал он.— Конечно же, нет!

— Тогда...

— Тогда почему я не пытался вернуться в свое собственное? Потому что его больше не существует! Я потерял его! И теперь хочу только одного — исчезнуть!

Он бросился обратно на кровать.

— Но послушайте!...— разумно начал я.

Дуглас покачал головой и сказал:

— Оставьте меня в покое!

И я на какое-то время отцепился, но не потому, что он просил, а потому, что на дороге проревел автомобиль и остановился где-то невдалеке. Я вытянул шею, чтобы посмотреть, но мне не повезло: я только слышал хлопок двери и дальние голоса — громыхающий мужской и веселый женский. Минуту спустя я увидел Найлу: она подошла к бассейну и сбросила с себя одежду, не побеспокоившись взглянуть на наше окно. На краю бассейна она проверила температуру воды кончиком пальца и изящно скользнула в воду, вытянув беспальные руки.

И зуд, который я не желал чувствовать, нахлынул вновь, залив кончики нервов.

Если Найла не обращала на нас никакого внимания, то мы всюду пялились на нее. Один из охранников, наполовину спрятавшийся за верандой, усердно не спускал глаз с ее тела. Даже Дуглас поднялся с постели и присоединился ко мне.

— Дьявольски соблазнительная шлюха! — прошептал он.

Я мог бы убить его за эти слова!

Разумеется, такое чувство было сплошным сумасшествием. Я твердил это про себя, но не помогало. И в голове расширялась трещина, в которую я боялся спускаться: Найла! Каждая Найла... все Найлы: Найла Боуквист — моя истинная любовь, скрипач-виртуоз... Найла Самбок, девочка-парадесантник... Найла-Без-Пальцев... Найла Христóf, очевидно, никогда не была замужем (кому такая нужна?), фанатично проповедовала закон, командовала оравой головорезов и массажистов с дубинками, ведала засекреченными тюрьмами.

И все они были одной! Чтобы понять это, мне не требовалось отпечатков пальцев или анализов мочи. Я ощущал в паху нарастающе резкий накал страстей.

Было так много несоответствий, что я не знал, где они начались. Первая, сержант, была скверной, вызывала шок — но, по крайней мере, после начального опознания, она вызвала подобные чувства. Если сержант и не была скрипачом, она была учительницей музыки, признанной на службу. Моя собственная возлюбленная, могла бы стать такой же, если бы пути Господни повели в другую сторону!

Но она — едина!

Одна без больших пальцев... без доброты, без любви!

Я мог не узнавать в ней любимую, но узнавал ее тело! Этим телом когда-то владело мое собственное...

Я почти разгадал причину моего зуда, потому что слышал о подобных вещах... не совсем таких, но похожих. Один из моих старых политиков-собутыльников как-то говорил со мной во время передышки, когда вы истощены от речей и рукопожатий, томительного ожидания результатов. Он сказал мне, что застал свою жену во время совокупления с незнакомым мужчиной. Когда у него пропали всякие сомнения о ее неверности, он очень мучился и был взбешен... и что-то там еще. Он оказался неслыханно рогат! Начались непрерывные скандалы и конфликты, но в душе он продолжал любить ее. Получилась неизвестная, враждебная любви женщина, которую, как он считал, знал, с которой спал в одной постели... но страсть между ног пересилила голос рассудка.

Глядя из окна, я и правда желал Найлу, даже очень-очень плохую.

Хоть одну Найлу из всех!

Гротеск? Безусловно! Я знал, что это преувеличение. И еще — как может нравиться Найла без больших пальцев? Как заниматься любовью? Например, моя возлюбленная иногда озорно щиплет мои бесполезные соски, когда я щупаю ее, нам делается смешно из-за наших физиологических отличий и разницы в ощущениях. Но без больших пальцев, она не сможет сделать этого... или сделает иначе, действительно, как вам это понравится?

Я не мог найти нужных слов.

Резко хлопнули ставни, как только горилла Мо отошел от стены и перехватил мой взгляд. Он стукнул по решетке лапой: я отскочил, когда в глаза попали чешуйки ржавчины.

— Рад! — глумился он. — Забудь про это: она не для таких паршивых арестантов, даже если и относится незаслуженно хорошо!

Он исчез, и я услышал скрип открываемой двери.

— Бог знает почему она считает, что вам это не по душе, — ворчал он, выгоняя нас наружу. — Но она приготовила вам такую же жратву — и предлагает пообедать в своей комнате с кондиционером.

Еда на картонных тарелочках была из мексиканской кухни и почти холодная... да, в этой части Нью-Мехико нет ничего ниже комнатной температуры. В комнате, как и было обещано, кондиционер... Мало того, здесь

находились и наши двойники... и нагретых тел было слишком много, чтобы температура комнаты повысилась.

Я уселся рядом со своим двойником, и мы посмотрели друг на друга.

— Эй, Дом!..— начал я.

Он подивился.

— Обычно, меня зовут Ники! — сказал он. — Правда ли, что вы видели ее у себя? Она засадила меня надолго. — Я только открыл рот, чтобы спросить, кого он имеет в виду, но мой двойник не останавливался. — А вы в самом деле сенатор?

— С 1978 года. От штата Иллинойс.

— Никогда не говорил с настоящим сенатором! — Он заулыбался. — Особенно когда он — это я. Как мне вас называть?

— В таких обстоятельствах достаточно называть меня Домом. А вас? Ники? Это смешно почему-то. Даже когда я был маленьким, мама не называла меня Ники.

— Моя тоже! Но когда я ездил к адвокату, посоветоваться по работе, он сказал, что имя Доминик очень похоже на слово доминировать и клиентам это может не понравиться. Я кредитный маклер!.. — он запнулся, разжевывая бобы. — Дом? А как же вы сделали сенатором?

Подразумевалось, конечно же, когда я просто никто! Как вы ответите на подобное? Я не мог сказать: «Потому что я победитель, а ты обыватель!» Это было бы непростительно и лживо, ведь мы один и тот же человек. Что же такое произошло в его мире, сделавшее мою нежную скрипачку безжалостной охотницей на людей, а меня — изумленным простаком?

Шанса узнать это не было: в комнату вошел Мо, волоча картонный ящик, словно он был очень тяжелым, за ним Найла Христоф. Теперь она была одета в юбку и скромную блузку с длинными рукавами. Одежда ее откровенно обтягивала, и я был уверен, что под ней не надето белье.

— Вас удовлетворил обед, приятели? — весело поинтересовалась она. — Ужин будет еще лучше! Я уезжаю в Альбукерк, чтобы переговорить по надежной линии с Вашингтоном, надеюсь, они скажут, что делать.

Она кивнула Мо, он поставил коробку на пол и начал вытаскивать из нее различные предметы: большую шутовину с двумя бобинами (воткнул штепсель в

розетку), несколько катушек проволоки, длинный провод и микрофон, размером с мой кулак.

Лари Дуглас (не тот, который шел со мной!) заерзал на месте:

— Найла, о ком вы говорите?

Она улыбнулась и показала пальцем в небо.

— Вашингтон? — его голос внезапно напрягся. — Но послушай, Найла! Я ничего не знаю об этом!

— Теперь будешь знать! — нежно улыбнулась она. — Мо! Ты готов?

— Да, шеф! — доложил он, вставив катушки.

Щелкнул переключателем и металлическим крестом внутри, и я увидел, как лампы... электронные лампы!.. начали раскаляться.

— Сейчас мы возьмем у вас заявления! — сказала женщина с телом, которое я так хотел любить. — Никакой лишней информации! — сказала она Дугласу. — Просто отвечайте на вопросы! Директора не интересует, чем вы занимались в Чикаго или как вам нравится обращение. Только самую суть! Я должна покончить с этим раньше, чем прилетит самолет!

Учитывая задаваемые мне вопросы и все обстоятельства, я не видел особенной системы допроса, но она была. Найла Христоф знала, что нужно для записи, и спрашивала только это. Первым прошел Ники Де Сота. Он произнес имя, свой адрес и так называемый гражданский регистрационный номер. После этого было только два вопроса:

— Нашлись ли вы когда-либо внутри Долилаба?

— Нет!

— Видели ли раньше присутствующего здесь человека, похожего на вас и называющего себя сенатором Домиником Де Сота?

— Нет!

Найла кивнула головой, и его место занял местный Лари Дуглас. Допрос был не очень тщательным. Были те же два вопроса, только представляемый человек звался доктором Лоуренсом Дугласом. Он дал аналогичные ответы, и на сцене возник я.

Меня держали дольше всех. Найла приказала:

— Начните с того момента, когда вас известили о поимке двойника на секретной военной базе Нью-Мехико, и расскажите свою историю.

Агент просто слушала, иногда задавая вопросы типа:

«Что случилось потом?» — и ничего более. Но когда я дошел до так называемого «меня»-майора, она вставила:

— Это был тот самый человек, которому вы приписываете исчезновение из-под стражи? Нет? И не тот, который представлен здесь? Тоже нет? Значит, вас, как минимум, четверо? Хорошо, продолжайте...

И я продолжил. Рассказал о победе на другой Найлой, не упоминая поцелуя и того, кем она являлась в самом деле. Достаточно было того, что я назвал ее «сержант Самбок». О большем меня не спрашивали.

— Затем мы упали в песок, кроме пустыни, кругом ничего не было. Стояла непереносимая жара. Мы быстро удалялись от места падения, во всяком случае, так думали. По солнцу двинулись к юго-востоку. И шли долго-долго, изнывая от жажды, затем Дуглас сказал, будто бы слышал, что внутри кактусов скапливается вода, и попробовал вытащить один из них... под ним оказалась змея! — Я запнулся, удивляясь, как много деталей требуется для женщин. — Я услышал треск, прежде чем увидел отпрыгивающего Дугласа: с его рукава упала змея. Она была маленькой, а материал одежды плотным, так что доктор получил слабую дозу яда. Самое смешное, что он не издал ни звука, а просто выглядел растерянным. Потом мы выбрались к железнодорожному полотну, где нас подобрали железнодорожники.

— Отлично! — сказала Найла-Без-Пальцев и кивнула обезьяне.

Тот выключил магнитофон и принялся выполнять утомительную задачу по смене катушек. Если у Найлы и не хватало больших пальцев, упорства ей было не занимать! Она покончила со мной и переключила внимание на моего невольного попутчика. Я не мог понять, почему он был так встревожен, но в ее взгляде было что-то такое... Как бы это сказать? Соблазнительное и в то же время грозное. Она нежно улыбнулась Дугласу и сказала:

— Сейчас вы, милый!

Если мы вдвоем смогли заполнить только одну катушку, этот доктор Лоуренс Дуглас, похоже, был готов заполнить все остальные. Вопросы Найлы были резки и били в цель. Время от времени она смотрела в блокнот-шпаргалку, чтобы убедиться, что ничего не забыла.

Он преподнес сюрприз!

— В первой линии времени, — начал Дуглас, с не-

приятно посмотрев на меня,— меня похитили из паравремени Гамма. Это не мое собственное, но...

— Секунду, милый! Что значит «Гамма»?

— Так мы называли то время! — утомленно сказал он. — Мое собственное — Альфа; ваше — Тау; сенатор из Эпсилона, в который вторглись парни из Гаммы... я был там же...

— Продолжайте!

— Портал изобрели не в Гамме, это сделали мы, в Альфе!

— Кто это «мы»? Его изобрели вы?

— Такие сложные штуки, как портал, не изобретают в одиночку! Это все равно что спросить, кто изобрел атомную бомбу. Я был только частью этой команды, когда я вступил в нее, я был всего лишь зеленым юнцом! Первыми сделали крупное открытие в этой теории Хоукинг и Гриббин из Англии и доктор Де Сота из Соединенных Штатов. Уловили?

Его тон не был саркастичен, он просто попытался убедиться, что Найла поняла сказанное, но Мо зарычал. Найла кивнула головой, не обращая на головореза никакого внимания.

— Продолжайте! — сказала она уже не так любезно.

Дуглас продолжил:

— Сначала мы могли только заглянуть через барьер. Видите ли, вначале там было только сияние, но после мы научились получать реальное изображение. Но не всех паравремени, а только доступных. Доктор Де Сота предположил, что это происходит из-за резонанса. Мы не «настроены» на остальные линии. Их, собственно, бесконечное множество. Когда я... мне пришлось уйти, нам были известны пятьдесят из двухсот паралиний. Большей частью мы нашли только грязные пятна. Вы это хотели узнать?

— Мы хотим знать все, милейший! — сказала она. — Если вы могли только смотреть, тогда почему же вы здесь?

— Нет-нет! — терпеливо сказал доктор. — Это было только начало! Я присоединился к исследованиям примерно в начале августа восьмидесятого. В октябре мы научились безвозвратно пересылать предметы. А в январе восемьдесят первого послали человека... меня, — он с сожалением прибавил. — Я вызвался добровольцем.

— И как же вы это делаете? — спросила Найла.

Он с усилием сдерживался:

— В этой комнате никого нет, кто смог бы хоть что-то понять...

Найла отлично держала себя в руках, но на месте Дугласа-Альфы, я бы пригляделся к ней повнимательней. Она коротко сказала:

— Постарайтесь!

Ее взгляд напугал Дугласа, потому что он сглотнул слюну и заторопился:

— Я совсем не имею в виду, что все вы глупцы. Это можно описать только двумя путями. Первое — это нашими терминами: устройство портала создает зеленый поток хроносов, накладывающийся против природного потока красных хроносов. Вы не поняли, верно? Второй путь — математический. Но здесь вы должны знать хотя бы основы квантовой механики.

Я видел, на что он намекает. Найла также, но она произнесла:

— Назовите даты!

Он пожал плечами:

— Первым тщательным исследованием квантовых эффектов Шредингера, думаю, была диссертация доктора Де Сота. Было это примерно в семьдесят седьмом, я вернулся к собственной докторской. Затем он и Элберт Дилепси обнаружили хроносы в семьдесят девятом, через несколько месяцев усовершенствовали заглядывание сквозь оболочки. Затем, как я уже говорил, я попал в Гамму.

Он остановился, ожидая. Найла подумала, потом сказала:

— Так вы отступились от своих?

— Я просто помог им... — возразил он. — У меня не было другого выхода.

— Вы поможете и нам! — сказала Найла и вновь улыбнулась сексуально и весело.

— Минуту! — воскликнул он. — Я... Может быть, и попробую, но... Взгляните на свой магнитофон! Если это последнее достижение вашей техники, у вас нет подходящей технологии... Знаете, мне необходимо многое!

Она сказала:

— А как насчет того, если правительство Соединенных Штатов выделит все требуемые ресурсы? — Затем нахму-

рилась.— Вы ведь сделали это для... как вы назвали?.. народа Гаммы!

— Но они угрожали...

Он осекся и взглянул на нее.

Агент улыбалась. А потом сделала то, чего я никак не ожидал: она встала, подошла к нему и устроилась на коленях Дугласа, прижавшись всем телом. Если раньше я только подозревал, что под ее блузкой ничего не было, то теперь был убежден на все сто. Она игриво покусала его ухо.

— Мы не угрожаем! — мягко сказала Найла.

Наступила пауза: доктор Дуглас испуганно осмотрел комнату — мышеловка захлопнулась.

— Более того,— продолжила она вкрадчивым голосом.— Мы награждаем! Да, милый, награждаем! И лично я награжу, чем смогу.

Я почти ощущал, как кипят ее половые ферменты.

И местный Лари Дуглас тоже.

— Вот сука! — тихо прошептал он (я едва услышал, хотя сидел рядом).— Вы знаете, какая она? Это честолюбивая шлюха! Найла использует все шансы, чтобы подскочить на самый верх. И как только она заманит в свою постель этого сукина сына, он сделает все, что она захочет! Уж я-то знаю... поверьте!

Он замолчал, поскольку Мо сердито взглянул на нас.

Жаль, что Лари не остановился вовремя: я сглотнул, и моя слюна стремительно приобрела горький привкус гнева. Я просто сходил с ума! Я ревновал! Ревновал к этой маленькой крысе, которая сидела рядом... с трудом сдерживал свои руки. А почему? Потому что он спал в постели с другой Найлой!

Полоумный!

Это было хуже помешательства! Я знал, но меня это несколько не беспокоило. Я хотел убить этого ублюдка, и не только его. Я испытывал отвращение ко всем Лари Дугласам... и даже похожим, как мой старый знакомый и собутыльник Его превосходительство посол Советского Союза, уважаемый Лаврентий Иосифович Джугашвили...

Странно, как легко может чокнуться нормальный человек!

Моя голова была так переполнена гневом и ревностью, что я с трудом заметил, как Найла выпрямилась и нахмурилась. Затем посмотрела на окна.

— Мо! — крикнула она. — Задвинь эти проклятые шторы! Я не хочу, чтобы сюда глазел весь свет!

— Но, шеф!.. — запротестовал он. — Никто не увидит...

— Закрой! — и она снова приластилась к Дугласу, с готовностью откликающемуся на ее шепот.

А я горел в огне!

Мне было мучительно больно. Я обладал этой женщиной и хотел убить любого, кто заменит меня. И я так мало обращал внимания на происходившее вокруг, что едва услышал слабый: «твик!».

Мое сознание откликнулось на это лишь тогда, когда Мо медленно отошел от окна и обрушился на магнитофон. Я еще ничего не успел понять, когда подпрыгнула Найла. Лицо ее наполнилось испугом и гневом, рот приоткрылся.

Здесь был еще один «твик!».

Найла напоминала подстреленного в голову оленя. Я увидел крошечное перо с темным блеском, проткнувшее тонкую ткань на ее плече.

Изумленно мы переглянулись. И на все вопросы возник ответ, когда по комнате прошелестел ветерок, как при открытии дверей, и появился другой «я», улыбающийся, в своем чудном комбинезоне.

— Вот мы и встретились снова! — кивнув, произнес он. — Держите ее за руки и оттащите в сторону.

Дугласы отреагировали скорее, чем я, подпрыгнули, несмотря на легкое замешательство, оттащили спящую женщину в сторону. Вовремя! Другой «я» нажал на браслет... в тот же момент на полу появился высокий металлический предмет.

— Тише, пожалуйста! — приказал новый Доминик.

Он открыл на цилиндре панель, покопался и стал ждть чего-то.

Около нас развернулся мерцающий овал темноты.

— Кажется, готово! — сказал Доминик, пожал плечами и улыбнулся. Я улыбнулся в ответ: кем бы он ни был и что бы ни делал, хуже, чем есть, не стало бы. Он оглядел комнату и проговорил: — Нас слишком много! Но я думаю, что следует прихватить и эту парочку. Давайте первой женщину!

Здесь помог я, ведь для четверых мужчин не представляло большого труда впихнуть в черный овал спящую Найлу. Но было страшно. Нелегко наблюдать ее исчезновение

дуюм за дюймоом, но и чувствовать, как с другой стороны ее подхватили и потянули чьи-то невидимые руки...

С обезьяной было труднее. Нас только четверо, не считая помощи с той стороны...

— Теперь вы! — приказал Доминик-командир.

Мы сделали одолжение: тряпка-Доминик — с удивлением; крысиный Дуглас обиженно; Дуглас-Укушенный-Змеей испуганно... а следом за ним — я.

Горячая темная ночь... Я вышел на неровную деревянную платформу, там меня подхватили за руки двое парней в штатском.

— Пройдемте, пожалуйста! — сказал один на них.

Глядя на расплывшееся пятно, я вышел. И снова появился черный цилиндр. А в следующий момент — и доктор Доминик Де Сота из паравремени Альфа.

— Все получилось! — ликовал он, с наслаждением переглядываясь с «собой». — Добро пожаловать, друзья, в паравремя Альфа! А тебя, Дуг, — он повернулся к перепуганному, — с возвращением домой!

Но Дуглас-Альфа, казалось, совсем не обрадовался этому.

Это было где-то на северо-западе. Глава семьи допил вторую чашку кофе, сладко потянулся и надел кепку с эмблемой Белых Носков. Свободное время он проводил за домашней работой, да и цветы требовали ухода. Как только он вышел во внутренний дворик, то застыл в изумлении. «Марсия! — крикнул он жене. — Иди-ка взгляни! Над нашими ноготками летают колибри! Раньше такого не случалось!» И он посмотрел на ее лицо: когда она пришла, оно было вежливо любопытным, затем возникла улыбка... потом улыбка потухла и появилось иное выражение. Он не понял столь резкой перемены, пока не повернулся и не посмотрел, чем именно питаются колибри...

АВГУСТ, 27, 1983 г. Время: 00.30 ночи.

Майор Де Сота, Доминик Р.

Вы мало что увидите из окна армейского вертолета, но, когда мы пролетали над Капитолием, я обозрел весь Дистрикт. Военного положения почти не ощущалось. Белый Дом и мемориал Линкольна освещались про-

жекторами, слились в единый поток лучи автомобильных фар в эту знаменитую ночь. Вашингтон... нет! Справа от Потомака на шоссе зажигались редкие прожектора, из разрезных фар военного бронетранспортера исходило такое же тусклое свечение. Я наклонился к дремлющему, как младенец, полковнику и хлопнул его по плечу.

— Если это они, — закричал я ему в ухо, — что подумают русские, если их спутники заметят?

Он выглянул в иллюминатор.

— Да, конечно, это они! — полковник улыбнулся. — Русские решат, что это парад в честь Дня Труда. А вы как считаете?

— День Труда? — поразился я.

Он расстегнул ремень безопасности и подвинулся ко мне.

— Видите мой батальон около Белого Дома? — спросил он.

Я только покачал головой.

— Они поддерживают порядок, — заявил полковник.

— Иисус! День Труда? Но до него еще целых десять дней! Вы думаете, что русские достаточно глупы, чтобы в это поверить?

Полковник пожал плечами.

— Если они такие умные, то это не русские! — отпарировал он и снова застегнул пряжку (сержант-стюардесса, шедшая через проход, нахмурилась).

За небольшим исключением это был тот же самый старый Дистрикт — все дружелюбны, деятельны и счастливы. На всех остальных дорогах было пусто. Даже с воздуха заметно, что эти люди не озабочены никаким вторжением.

А с другой стороны барьера был другой Вашингтон, в котором наши передовые части захватили все мосты через Потомак.

И что делали в эту ночь люди того Вашингтона, я не мог себе представить.

Когда мы приземлились на Болинг и показали пропуска, чиновник предоставил полковнику штабную машину, а мне указал кратчайший путь к Белому Дому. Мы совершили взаимовыгодную сделку. По дороге полковник подпрыгивал от нетерпения и удовольствия. Он уже рассказал мне, что сражался на Западном фронте, а я заметил на его груди ордена Чили и Таиланда.

— Их будет еще больше! — пообещал он. — Не унывайте, майор! Вы еще получите свой серебряный лист, а если во время войны будете отсиживаться в тылу, повышения не дождетесь!

— Разумеется! — согласился я, разглядывая землю Вирджинии.

Полковник говорил верно! Но он не знал одной маленькой детали — генерал Крысья Морда не забыл про меня! Он не стал судить военным трибуналом человека, двумя часами ранее награжденного медалью... он все помнил. Рано или поздно у меня найдется солдат, пивший пиво в офицерском клубе или плюнувший на тротуар... тогда уж генерал не упустит повода выпиться своими клыками в мое горло.

Если я, конечно, не заслужу в этой операции других наград. Я человек предусмотрительный, а самое разумное сейчас — стать героем. Шанс уже представился.

Мы пересекли мост над Арлингтонским кладбищем с неизменно мерцавшими на склонах холмов огоньками. Дорожное движение было оживленным... но я знал, что на этом самом месте только в другом времени наши группы сражались с противником. И впереди...

— Черт возьми, что это? — спросил я, указывая на вспыхнувший в небе прожектор в миллион свечей.

— Должно быть, наступило время пролета русских спутников! — ответил полковник. — На крыше Белого Дома и командного центра «Шератон» установлены стробы. Если русские что-либо увидят в свою оптику, они посчитают, что это репетиция фейерверка.

Он отправил меня в штаб-квартиру операции, размещавшуюся в отеле «Шератон». Когда я показал пропуск, мне ответили, что парадный вход только для офицеров в чине не ниже полковника; остальные идут через зал для танцев и места парковки. Все было переполнено. На автостоянке находились не обычные машины туристов и лимузины высокопоставленных лиц: здесь стояли танки и бронетранспортеры... несколько машин, вернувшихся с боевых действий. Они были обожжены, орудийные башни искорежены, пушки оплавилась и кое-где зияли дыры, отнюдь не от моли. Скрываемая от орбитальных глаз русских техника находилась под брезентом, и вокруг патрулировала вооруженная охрана.

И всего лишь за тонкой самшитовой изгородью

беззаботно гудели миллионы людей, протягивались оживленные улицы Дистрикта.

Что бы ни происходило в вестибюле, баре и ресторане отеля, людям моего склада это безразлично. Все было забито солдатами. Я получил знак, крепящийся к мундиру, заменил копию пропуска и был послан в распоряжение Уильяма Мак-Кинли. По пути я проходил зал — там была не свадьба — люди обменивали свою униформу на нашу, в которой их повезут в тюрьмы Мэриленд-Хилл.

Военнопленные.

Я задержался на минутку. Это были уже не десантники, охранявшие Сандию, а боевые солдаты. Различия между нашими униформами малы, но не все осознавалось с беглого взгляда. Цвет ткани был одинаковым; их шевроны меньше наших и не с черными, а серебряными краями; немного иные знаки различия... я не стал вглядываться: капитан военной полиции враждебно косился на меня. Кроме того, мой пропуск предназначался для кабинета Уильяма Мак-Кинли... кто знает, может, часовой уже позвонил ему?

Даже если и так, это было все равно. Сержант-секретарша никогда не слышала обо мне. Она перебрала бумаги, поговорила по телефону, посмотрела на обороте и наконец сказала:

— Садитесь, майор! Шеф примет вас, как только сможет!

Я не потрудился перевести это: «Как только выясним, что ты за птица и зачем нам нужен!». Я подчинился и сел на одно из банкетных кресел с позолоченной спинкой.

Это было не так уж и плохо. Туда-сюда входили и выходили от пятидесяти до ста человек. Едва ли кто-нибудь из них обратил на меня внимание. Прошло не более двадцати минут, как оттуда вываливалась целая толпа

— Заходите, майор! — позвала сержант. — Заместитель Кауфман готов вас принять.

Лейтенант Кауфман готов был не только принять меня — первое, что он сказал, было:

— Какого черта, майор! Где вы шлялись? Вас давно ждут в Белом Доме!

— Белом... — удивился я, но он не дал договорить.

— Вот именно! И к тому же вы должны быть в штатском! Здесь сказано, — он указал на кучу бумаг, — что вы похожи на одного их сенатора!

— Какого дьявола «похож»? Он — это я сам!

Лейтенант пожал плечами.

— В любом случае играйте его роль. Поскольку мы штурмуем Белый Дом...

Теперь его прервал я:

— Так мы воюем и здесь?

— А где же вы были? — застонал лейтенант другим тоном. — Враги нации не ответили на наши предложения, и мы вынуждены применить силу. Вы будете в гражданском, как я сказал, с вами будет еще пара наших ребят во вражеской униформе. Идите к portalу, они должны найти госпожу президента, взять ее в плен и доставить сюда.

— Святейшее дерьмо! — выругался я и затем сказал: — Пойдите, а если там появится настоящий сенатор Де Сота?

— Его там нет! — уверенно заявил Кауфман. — Разве не вы лично захватили его в плен?

— Но ведь он... я думаю, вернулся в свое время!

Кауфман пожал плечами. Перевод: «Не мое это дело!»

— Так вот! — продолжил он. — Найдите приличный костюм и переоденьтесь, затем мы транспортируем вас...

— Я не захватил сумки, — сказал я. — И у меня нет гражданской одежды.

Ошеломленный пристальный взгляд.

— Да что вы говорите? Христос с вами, майор! О черт! Я думал, что она у вас с собой! Где я достану штатское? Почему, черт возьми... — вспомнив, как решают подобные задачи, он повернулся к сержанту. — Сержант! Немедленно достаньте этому человеку приличную одежду!

Через двадцать минут мы вышли из огромного, словно дом-прицеп, «кадиллака» перед лавкой с неоновой вывеской: «Одежда на все случаи жизни». Она не горела, но нам открыл сам владелец. Минут через сорок мы уже ехали в Белый Дом, а грозный хозяин закрывался снова.

— Отличная работа, сержант! — сказал я, вытянувшись на огромном сиденье и любуясь блеском лакированных ботинок, атласным поясом и со вкусом подобранным галстуком-бабочкой.

Мне показалось, что я выгляжу очень представительным сенатором, которого вызвали к президенту прямо с официальной встречи.

— Думаю, что смокинг — прекрасная идея! Ведь кто его знает, что у них в моде? А официальная одежда неизменна!..

Сержант отрезала:

— Будем надеяться, что это так!

Потом мы подошли к воротам для очень важных персон, и сержант предъявила документы очень скептическому пехотинцу. За его плечами стояли двое других. Все они были вооружены, но дело не только в этом. Еще дальше на небольшой площади стоял транспортер с тяжелой автоматической пушкой. Она тоже была нацелена на нас.

Я понял, что в Белом Доме произошли серьезные перемены. Стробы! Их уже не было: очевидно, спутники русских прошли, и они стали ненужными. Но не только это!

Даже в пятницу население Вашингтона должно ложиться спать — прекращалось дорожное движение. Но только не теперь! Вокруг нас постоянно создавались автопробки, машины стояли на траве и ломали розы. Газонам нашего Белого Дома придется лет пять восстанавливаться после разжевавших их танков, полугусеничных вездеходов и транспорта, конечно же, во время «репетиции парада».

Я видел, почему здесь не разрешали находиться обычным штатским.

Но я-то не был простым... По крайней мере, нас пропустили. Тягач завелся и отъехал на траву, открывая дорогу... повредив дерн еще на сотни долларов... и водитель подвез нас к маленькой галерее, которую я никогда не видел прежде.

— Желаю удачи! — смущенно сказала сержант, потом наклонилась и поцеловала, показывая, что она имела в виду.

Да, это были последние минуты, когда кто-либо мог оказать мне знаки внимания.

Я уже был в Белом Доме (другое название — Стивенсон), но ничего подобного тогда не было. Сейчас вокруг меня ни одного служителя, куда-то подевались веревки, удерживающие священные комнаты от натиска варваров. В половине комнат размещались войска, в остальных — транспорт и оружие. Капрал быстро провел меня в зал прислуги, не оставляя времени потаращить глаза, свернул в комнату с зелеными портьерами, где на стенах красовались портреты президентов Мэдисона и Тафта. Это была изумительно красивая комната, если не обращать внимания

на кофейник и бумажные стаканчики, стоявшие на картонном столе. На обитых креслах сидели четверо или пятеро гражданских: женщина, очень знакомая, как и двое мужчин, особенно негр, в нем я признал бывшего боксера-тяжеловеса; восемь-девять солдат во вражеской форме.

Двое из них встали и подошли ко мне.

Громадные десантники с капральскими лентами.

— Это майор Де Сота, сэр! — сказал мой спутник, козырнув, и ушел.

И чего только не случается в наше время! Мне еще не попадались капралы, отдающие честь другим капралам. Я сказал самому громадному из них:

— Капрал, первым делом мне хотелось бы кофе!

Он вопросительно приподнял густые, словно шевроны, брови, затем улыбнулся.

— Капитан Баггет, дайте этому человеку кофе! — произнес он.

А пока «капрал» номер два наливал кофе, «капрал» номер один сказал:

— Я полковник Франкенхарст, майор! Вы знаете свою миссию?

Я переориентировался.

— Простите, сэр! Совсем немного, только в общих чертах. Насколько я понял, я должен найти их президента, госпожу Рейган, а вы должны взять ее в плен и доставить сюда.

— Дерьмо! — произнес он бесстрастно. — Хорошо, это неважно! Мы с капитаном репетировали это сорок восемь часов. Как только выпадет возможность, я расскажу подробнее. Все вы, точно сговорились, похожи на сенаторов, — он уверенно улыбнулся, показывая, кто хозяин ситуации. — Не волнуйтесь, майор, мы можем и не пройти. Возникли какие-то неполадки с гляделками. Люди с той стороны убегают так быстро, что мы не поспеваем следом. Последнее, что я слышал, это то, что портал не открывается. Вперед, по крайней мере.

— Это вздор! — заметил капитан-капрал, подходя с моим кофе. — Они не должны тянуть до утра, чтобы мы не очень-то бросались в глаза.

Полковник только пожал плечами.

— Хорошо, — произнес капитан, разглядывая меня с ног до головы, — смокинг тоже не совсем подходящая одежда для восьми утра.

— Шесть одних и с полдюжины других, — сказал полковник. — Де Сота, вам представить остальных двойников? Это Нэнси Дэвис — вы, разумеется, видели ее по телевидению.

Что за вопрос, безусловно! Она стала звездой в переснятом фильме «Я вспоминаю маму». И как им удалось вырвать ее из студий и благотворительных вечеров (от общества защиты животных до «Права на жизнь»), я не мог себе представить.

— Она президент! — полковник Франкенхарст улыбнулся. — Джон служит капитаном полиции в спецслужбе Белого Дома в реальном мире, он пилот из Огайо. Этот шимпанзе, как и вы, сенатор, — он ответил на мое рукопожатие. — Вместе мы отлично поработаем! — удовлетворенно отметил полковник. — Конечно, некоторых пришлось отпустить. Мы нашли прислугу Рейган, но она оказалась на восьмом месяце беременности, они ведь не подумают, что их дурачат. И еще нам повезло на генерала Портеко, личного военного советника. К несчастью, наш парень совсем недавно вылез из белой горячки, и нет надежды, что он вспомнит свое прошлое.

Вперед выскочил какой-то штатский.

— Я не чей-нибудь двойник! — извинился он. — Я профессор Гринберг, политолог. Меня вызвали сюда определить структуру их общества. Я буду допрашивать двойников, чтобы найти различия. Но прежде всего, допрошу вас, майор, вы ведь уже однажды были там. На что это похоже?

Следующие полчаса я говорил то немного, что узнал сам. Что я мог увидеть на той стороне, кроме четверти квадратной мили пустыни Нью-Мехико? Но это было больше, чем знали остальные. Вопросы сыпались градом. Профессор Гринберг хотел знать, сколько стоит их кокакола. «Сенатор» Клей жаждал узнать, сколько негров в их армии. «Президент» Нэнси Дэвис желала знать, какие у них самые популярные телешоу и легальны ли аборт. Полковник-капрал Франкенхарст очень интересовался, как вели себя в рукопашной их парни, если это случалось на Сандии.

Я немного приукрасил свои заслуги. Но, когда пытался припомнить для Нэнси Дэвис, кто ведет их «Тудэй», в коридоре раздался шум, дверь распахнулась и в комнату

свалился лично президент Браун со своей свитой. Его лицо не сияло от счастья.

Я не ожидал его появления, поскольку слышал, что он сильно запил из-за вторжения в его частную жизнь армейских частей, не говоря уж о том, что ему пришлось отменить все встречи с теми людьми, кому не следовало знать о предстоящей операции (таким был почти каждый)...

— Так вот где вы! — огрызнулся он на ласково улыбающуюся Нэнси Дэвис. — Мне необходимо поговорить с вами!

По крайней мере, она не оскорбилась и любезно ответила:

— Разумеется, господин президент! Чем могу служить?

— Ответьте мне, Бога ради, что вы за человек! — прорычал он. — Вы не ответили ни на одно мое публичное заявление! Что вы наделали?

— Полагаю, вы имеете в виду другую «меня», господин президент? — улыбаясь, уточнила она. Когда ей нужно, на ее щеках выступали ямочки (уверен, это триумф косметической хирургии!) — Право, не уверена, смогу ли я ответить! В конце концов, я же не президент... здесь.

— Бога ради, не прикидывайтесь! — заорал он. — Вы не знаете, как успокоить эту заварушку? Я говорю не о каком-то смехотворном мире, а о нашем собственном! Русских тошнит от «подготовки к параду» и «археологических раскопок» в Нью-Мехико, кроме того, здесь замешана куча народу. Только вопрос времени, когда весь мир узнает правду. Что тогда случится? — Как только Нэнси открыла рот, президент продолжил: — Нет, я спрашиваю вас не о том! К черту, разве вы разбираетесь в этом? Я спросил вас о вас самой — другой «вас»! Думаете, это поможет, если я отменю операцию и поговорю с вами по телефону? Как президент с президентом, с глазу на глаз?

— Я уверена, что это зависит только от вас, господин президент! — задумчиво произнесла она.

— Я сказал правду! — рявкнул президент Браун. — Может быть нам стоит поменяться местами?

— Да! — медленно произнесла Нэнси Дэвис. — Я думаю, что я верна присяге. Полагаю, такую же дали и вы: оборонять Соединенные Штаты от всех врагов, внутренних и внешних, даже если они сразу и те, и другие. Я считаю, что не допущу, чтобы моя страна была захвачена без

сопротивления — при условии, что агрессор — это моя же страна!

Президент смотрел на нее в недоумении, потом сердито оглядел собравшихся, особенно людей в униформах. Предполагаю, это был единственный момент в моей жизни, когда я радовался своему низкому рангу. Не хотелось бы мне оказаться на месте шефа штаба армии... Затем он медленно опустился в кресло, задумчиво глядя куда-то в пространство. Один из его подлиз что-то прошептал на ухо, но президент только отмахнулся.

— Так нам придется воевать и на своей стороне! — сказал он.

Никто не отреагировал.

В комнате наступила тишина. Обеспокоенный лакей взглянул на наручные часы, затем на Джерри Брауна. Президент произнес, ни на кого не глядя:

— Я знаю! Это, вероятно, учебный! Выглянем в окно и посмотрим, не началось ли?

Помощнику было тридцать пять лет, но, когда он подошел к зеленым портьерам, он выглядел на все сто.

Он, собственно, ничего не сказал, так как все мы услышали моторы тягачей-ракетовозов и дизелей танков.

Все бросились к окнам — их было три — одно в центре мы оставили для президента. Он медленно подошел к окну и задумчиво посмотрел на августовскую ночь, а мы толкались у двух оставшихся.

Нам был виден Южный газон, предназначенный для фото с главами иностранных государств и поисков пасхальных яиц вашингтонскими ребятишками. Кто-то установил огромную структуру из брезента, прятавшую происходящее от посторонних глаз, но мы видели, что за ней скрывалось: гигантский черный прямоугольник портала, похожий на киноэкран до начала сеанса, только черный. Хотя я видел портал прежде, смотреть было страшновато, разыгрывалось воображение.

Еще страшнее стало тогда, когда заревел моторами первый отряд управляемых танков и исчез, сбивая и без того потрепанную траву... затем дюжина транспортов с пулеметчиками и зелеными беретами... за ними маршировала десантная группа в камуфляжных костюмах.

Президент отвернулся и побрел из кабинета, переваливаясь по-утиному. В коридоре нарастал гул. И все мы переглянулись, зная, что пришла наша очередь.

Мы шли бодро, как только можно выглядеть на рас-свете. Кругом, раскидывая приказы, шмыгали какие-то люди, летели искры. В моих ушах звенело, я очень воз-будился и готов был совершить что-либо героическое, чтобы удовлетворить даже старика Магрудера. Мы вышли из Зеленого зала, спустились по лестнице, миновав охрану со скорострельным оружием... сюда, в Овальную комнату, где когда-то стояли величественные кресла.

Сейчас все было по-другому: комната напоминала лабораторию ученого-маньяка. Большой президентский стол отодвинут к стене, тысячедолларовые стулья и кушетки в пять тысяч долларов свалены в одну кучу. В центре комнаты располагался прямоугольник из медных труб, окружавший нечто, подобно пустой картинной раме. Это занимало центр комнаты от пола до потолка. С одной стороны располагалась панель контроля, а с другой — при-земистые коробки генераторов.

Поля не было.

Ничего не происходило, кроме беспорядка и прон-зительного гула. Пугающее бархатное нечто не заполняло прямоугольник. Мы увидели это сразу. Полковник ругался (гнев да разочарование), пока техники снимали панели, чтобы найти неисправность. Перед панелями сердито стоял взвод десантников, а их капитан помогал словами, выкрикивая вслед за полковником такие выражение, что не приведи Господи услышать!

Это нельзя было назвать мирной сценкой.

К нам приблизилась управляющая порталом в форме майора. Она ни на кого не кричала, лицо ее выража-ло предельную усталость. Майор сказала моим «капра-лам»:

— Вы задерживаетесь. До поломки портала мы успели пропустить только восемь человек. Очистить проход!

Полковник-капрал Франкенхарст кивнул головой, чтобы мы выполнили просьбу, потом, помедлив, спросил:

— Они прошли на ту сторону?

Мы не стали ждать ответа. Это был глупый вопрос. Управляющая и не пыталась ответить: она повернулась и поплелась прочь. Конечно же, майор не знала, да и не могла знать. Раз группа прошла сквозь портал, она исчез-ла. Они стали невидимыми, неслышными и не могли ни-чего доложить. Они даже ничего не заметили, если портал на другой стороне работал. Если бы только действовали

гляделки... но они подключались непосредственно к порталу. Мы не знали...

Когда все наладилось, ситуация оказалась трудной. Операция была беспроектной и тактически неожиданной, но мы не достигли основной цели. Госпожа президент ускользнула через выход, не помеченный ни на одной карте.

В пределах десяти минут установилось двухстороннее сообщение, но это уже было ни к чему. Мы захватывали пленных наугад, мы выловили телохранителей и людей из спецслужб из шкафов и кладовки. Я видел военного атташе президента, бригадного генерала в парадной форме. Он кипел от бешенства и негодования:

— Почему именно меня?

Мы захватили даже первого джентльмена, который вернулся за видеокассетами со своими старыми фильмами, но мы не поймали нужную птичку.

Мадам президент смылась...

На рассвете я возвращался в «Шератон». Среди пленных и конвоя я смотрелся очень нелепо в своем смокинге. Мы шли с полей сражения!

Отверстие в щите было совсем крошечное. Вначале из него подул ветерок с легким ароматом томатов и сладким запахом зеленой кукурузы. Это было взято на заметку как курьез: в раскинувшемся гиганте Левит-Чикаго вот уже двадцать лет не выращивались сельскохозяйственные культуры. Затем появились птицы. Они летали вокруг, тщетно стараясь отыскать своих птенцов. (Так никогда и не нашли!) Любители птиц стали приходить сюда, подкармливать их и убирать экскременты. Мир не переменялся... за исключением того, что в их время занесло семена кудю. Семена упали на пустырь с сорняками и проросли. Впоследствии Иллинойс был зачумлен агрессивно разрастающимися кудю.

**АВГУСТ, 27, 1983 г. Время: 09.40 утра. Доктор
Доминик Де Сота-Арбенц**

Как только пульсир поднялся в воздух и погасла лампочка на ремне безопасности, я встал и побежал по проходу. Передо мной с ликующим взглядом через

плечо скользила женщина, одетая в пурпурное му-му. Но все оказалось в норме: она спешила в туалет, и я первым подбежал к телефону.

Собственно, слишком рано: мы еще не набрали нужную высоту и пилот не освободил радиоканал. В нетерпении я пару раз набирал свой домашний номер, но линия по-прежнему была занята. Слишком долго меня не было дома. Сначала, когда я уходил в другие времена, жена не спала по ночам. Она очень хорошо помнила, что случилось с Лари Дугласом. Но тот прыжок, по крайней мере, был ближе... институт Склодовской-Кюри находился в шести километрах от дома, кроме того, в Ро-времени, я просто испытал новый костюм. Внезапно появился и опять исчез.

Это оказалось очень легко, к тому же я был настороже. Но потом, когда мы начали изучать паравремени и занялись поиском других времен или теорией квантовой физики, география экспедиций стала расширяться. Бета имели лабораторию на юге Сан-Франциско, Пси — в Ред-Банке, штат Нью-Джерси. Я прошел через портал, немного проехал, прыгнул в пульсир, пролетел несколько часов и прыгнул сквозь другой портал, а ведь у меня были жена и ребенок!

Я набрал номер в третий раз и услышал сигнал соединения. Дороти дома и сразу же откликнулась. Никогда еще я не был так счастлив, как теперь, увидев ее ласковую круглую мордашку.

— Ты отлично выглядишь, До! — сказал я.

Она внимательно осмотрела мое изображение (линза на нашем домашнем видеофоне немножко не в фокусе, кроме того, на Дороти не было очков).

— Хотела бы сказать то же самое и тебе! — произнесла она наконец. — Этот бросок был неудачным?

По открытой линии говорить такое не следовало, но она могла видеть мое лицо, и этого было достаточно. Я ответил:

— Среднеужасным. Как Барни?

— Скучает по папочке, как же иначе? У него прорезались зубки!

Я застал ее с чашкой кофе, и она сделала небольшой глоток.

— Тебя что-то тревожит? — решила она. — Что именно, Доминик?

Удивляясь, я произнес:

— Ты права, До! Я чувствую... мне весело... не знаю отчего.

Она кивнула: я только подтвердил то, что Дороти знала и без того. Когда Дороти Арбенц поступила в наш институт в качестве психолога, я сразу отметил ее: она была просто великолепной, чуткой и очень способной. Позже, когда я женился на До, я почувствовал, что остаток моей жизни, она будет читать мои мысли. Дороти оставила в покое мое тревожное подсознание и переменила тему:

— Ты возвращаешься домой?

— Хотелось бы. В Институт Складовской-Кюри.

— В Вашингтон?

— Боюсь, что да!

Она снова отхлебнула кофе. Я немного научился читать мысли Дороти и знал, что произойдет после.

— Ты улетаешь опять? — спросила она.

Я помедлил с ответом.

— Не надо об этом! — напомнил я.

Моя жена знала, что это не ответ, и знала также, что если я снова пойду в разведку, то не для того, чтобы прокрасться на цыпочках и оглядеться вокруг.

Мы обменялись воздушными поцелуями, и я дал отбой. Затем задумался, что же меня беспокоило?

Однажды я это узнал и теперь не хотел вспоминать.

Здесь было слишком много нас!

Когда я прошупывал почву в Тау и Эпсилоне, я встретил других Домиников Де Сота, но это не было так странно, как сейчас, когда нас было трое. Удивление и страх — это передалось мне, и по спине поползли мурашки. Я намекаю на то, что все они были мной. И был не один «я», как жил раньше, но все «мы», кем я мог бы стать, а в их времена — стал. Я мог бы родиться в то время, когда наука была грязным бранным словом; в тридцать пять лет я мог бы остаться мальчиком, украдкой встречаясь с девушкой, на которой не мог жениться, меня бы терроризировало правительство, проводившее линию угнетающей социальной системы, которое заставляло стыдиться даже собственной наготы. Я мог бы стать Ники Де Сота, сознание которого было мне неясно, и в то же время я был им. Или я мог отказаться от науки в пользу политики и оказаться сенатором. Допустим, это вовсе

неплохо! Это было бы просто превосходно: богатство и сила, всеобщее уважение, но и здесь не все было гладко. Он (или я?) был связан тайным адюльтером с другой женщиной, так как не любил свою жену и не мог от нее освободиться без страшных последствий. Финансовый и политический крах оказались бы неминуемы!

Еще я мог выбрать военную карьеру, как другое мое воплощение, майор, гордящийся своим вероломством и скотским вторжением, или мог бы умереть в детстве, как это произошло с Домиником-Ро.

И все мы были мной!

Это было жутко и грозило поколебать стабильность моей жизни. Ведь каждый знает, что все могло бы быть иначе... но совсем другое дело знать это на сто процентов.

Я хорошо узнал двоих Домиников Де Сота. Даже через толстые стены было видно, что у Ники полупустое время с огнями дорожных фар за неделю до Дня Труда. И был сенатор. Наблюдать за ним одно удовольствие. Хотя оба они были так же разделены временем, как Марс... конечно, я — совсем другое дело!

Я видел, как деловой человек с места 32-Си раскладывал на столике содержимое своего дипломата, время от времени бросая раздраженные взгляды на видеосфон.

Я отвернулся и позвонил снова.

Я не стал искать через коммутатор, а сразу набрал личный код Гарри Розенталя. Как я и рассчитывал, он был не в Чикаго.

— Ты в Вашингтоне? — задал я вопрос.

— Чертовски верно! — заволновался он. — С нетерпением жду вас! Каждые пять минут мне звонят из армии, научный секретарь и из ЦРУ. Хотелось бы, чтобы вы прилетели быстрее!

Я не спросил зачем.

Этот звонок, как и разговор с Дороти, не был отрадным. У меня были две тревожные мысли: вторжение Гаммы в Эпсилон и баллистический отскок. Разговор обострил их еще больше.

— Пока мы еще пытаемся контролировать положение! — лаконично сказал Гарри. — Все по-старому! Вы смотрели последние известия?

— Какого дьявола! Когда это я мог успеть, Гарри?

— Могли бы и постараться! — уныло сказал он. — Над площадью стали возникать нежелательные последствия.

Мы не смогли доставить вовремя контролирующую аппаратуру, когда кругом чистое небо, а в столик кафе ударила молния, нетрудно представить, что произошло. — Немного погодя Гарри добавил: — Секретарь хотел бы знать, зачем вы прихватили людей из Тау?

— Но ведь Дуглас мог все разболтать! — запротестовал я. — Это мера предосторожности! Вы же сами приказали установить лимит знаний и мешать другим открыть существование паравремен.

Розенталь внимательно посмотрел на меня:

— Мы послали вас, чтобы достать нам Дугласа и спасти невольного эмигранта — сенатора. Никто не просил привозить еще четверых! Что вы будете делать с ними?

Так как у меня не было ответа, я прекратил разговор и подпустил к видеофону бизнесмена.

Когда я дошел до середины салона, я увидел двух других Домиников. Они жаждали поговорить со мной, но я дружески кивнул и прошел мимо.

Стюардессы деловито вытаскивали из микроволновой печи пузыри яичницы-болтуни, но когда я сказал: «В третий класс, пожалуйста!» — они не стали обсуждать, поскольку знали, что там находилось. Одна из них оторвалась на минуту от работы, впустила меня в лифт и отправила в брюхо лайнера.

Нижние отсеки использовались для самых различных целей. На некоторых авиалиниях располагаются бары или места третьего класса по сниженным ценам (они не пользуются особой популярностью). На трансконтинентальных линиях их употребляют для спальных отделений и специального назначения.

У нас и было особое назначение.

Даже более специальное, чем подразумевается всегда, когда перевозят преступников. Здесь были не заключенные, а всего лишь: пара фэбээровцев из Тау и их Лари Дуглас, который совершил не такие преступления, о которых пекутся в нашем мире. Здесь находился наш собственный Лари Дуглас, чей статус был очень туманен... Шпик, сидевший и читавший журнал, был обычной страховкой.

Я вышел из лифта в отделение, рассчитанное на тридцать человек — там было очень просторно. Фэбээровка и ее антропоид сидели в дальнем углу и о чем-то перешептывались. Сказать по правде, шептала женщина, а боксер покорно и почтительно слушал. Неподалеку

сидел их Лари Дуглас, тоскливо ожидавший приглашения к разговору. Наш Лари Дуглас находился в первом ряду и изображал безнадежность, опустив голову. Он не поднимал глаз, но я думал, он заметил мое появление.

Я посмотрел на доктора Дугласа. До чего он дошел! Мы узнали, что он работал над квантовым прыжком и перешел от болтовни к делу... Мы решали, что с ним делать. Меня послали за ним. Первым моим порывом было послать ему пару ласковых в задницу, как стае бешеных волков. Это представлялось привлекательной идеей.

Хоть я и не произнес это вслух, Лоуренс поднял голову и захныкал:

— Я не виноват, Дом! Они пытали меня!

Я с удивлением услышал контральто смеха из глубины купе: фэбээровка услышала нас и рассмеялась. Похоже, она уже слышала эту песенку раньше.

— Это правда! — отчаянно крикнул он. — В любом случае, здесь есть и ваша вина, Дом!

Меня это обидело. Я хотел было спорить, на что это он так намекает, но Дуглас опередил:

— Вы могли это прекратить! Почему не высвободили меня из плена? Почему не следили за мной?

Вот наглец! Это же было в самые первые дни проекта, задолго до того, как мы нашли ресурсы для создания новой модификации портала и глаз.

— Потому что не могли! — огрызнулся я.

Он метнул быстрый мятежный взгляд.

В разговор влез горилла:

— Что вы собираетесь с нами делать? — проворчал он.

Женщина из ФБР молчала. Это было все равно что слышать говорящую куклу во время отсутствия хозяина.

Я очень удивился, когда обнаружил, что эта обезьяна могла издавать членораздельные звуки.

— Как юрист, — загремел он, удивив еще больше, — я заявляю, что вы нарушили гражданские права! Вы незаконно арестовали нас, не объяснили наши права и не предьявили обвинения, вы не даёте нам возможность проконсультироваться с адвокатом!

— Вы же сами только что сказали, что вы юрист! — возразил я.

— Даже юрист имеет право на адвоката! — виртуозно выкрутился он.

Я, обезоруженный, взглянул на женщину:

— Этот болван в самом деле юрист?

Она улыбнулась и пожала плечами:

— Так он сказал, когда пришел к нам в Бюро. Лично я думаю, что он купил этот диплом в тюрюге! В любом случае, как насчет этого?

— Насчет чего?

— Что вы думаете с нами делать? — вежливо уточнила она. — Поскольку, любезнейший, Мо прав! У вас должно быть какое-то подобие законов, и я держу пари, что вы нарушили целую кучу!

Она была весьма наблюдательна! Я попробовал увильнуть от ответа.

— А что бы сделали вы? — поинтересовался я.

— Я? — она ухмыльнулась. — У меня есть большие бабки, и я уладила бы проблемы каталажки с судьей.

Это вовсе не казалось неосуществимым. Я стал подумывать о том, не дать ли им на самом деле хорошего адвоката и нескольких «себе» самому? Я не готовился к вещам подобного рода, когда нанимался на этот проект.

Все это было слишком несправедливо! Я видел синяки на теле Ники Де Сота и слышал, что творила с ним эта парочка. Гражданские права? Да какими, к черту, гражданскими правами они наградили его?

И вдобавок ко всему в их времени они были не преступниками, а самим Законом!

Я медленно проговорил:

— Полагаю, вы еще не знаете, с чем столкнулись!

— Так объясните нам!

Я заколебался. Потом подошел к линии внутренней связи и вызвал стюардессу.

— Не могли бы вы позвать сюда джентльменов с 22-Эй и 22-Эф? И кстати, как там с завтраком?

Видеть себя со стороны ужасно противно, но мне приходилось терпеть, когда я заглядывал в иные паравремена. Однако меня тошнило и тогда, когда я не находил в них Доминика (иногда попадались абсолютно пустые миры, но мне не хотелось бы вспоминать о них).

Еще труднее было видеть миры, где я ошибался или поступал правильно, но по-разному. Не могу сказать, что неправильно поступил сенатор Дом: даже в грязной одежде другого размера и разжевывавший подозрительную бурую мешанину, он выглядел довольным своей жизнью.

Ну а другой?

Конечно, его нельзя назвать счастливым. Добавьте еще мягкий костюм и брюки. (Представьте, и это в августе!) Вся его жизнь была не очень удачной. Сейчас Ники выглядел угрюмым.

И мне было больно смотреть на этого бедолагу. Когда пульсир взлетел, он был ошарашен: закрыв глаза, Де Сота вжался в кресло так, словно готов был провалиться внутрь. Когда мы полетели со скоростью восемьсот километров в час, я был уверен, что здесь уйма страдавших морской болезнью, и не мог сердиться на него. Он никогда раньше не летал на пульсире, и даже на неуклюжих поршневых моржах их времени Ники летал нечасто.

Я не знал, мог ли я поступить лучше, окажись на его месте... нет, неправда — я знал, что нет.

Я сомневался, смог бы я поступить как сенатор... но тот факт, что он это сделал, успокаивал. Сенатор сидел рядом с Ники и помогал снять пластик с яичницы, искоса поглядывая на меня. Я молчал и никак не мог начать разговор, но он помог мне.

— Дом! — произнес сенатор. — Я благодарен вам за спасение, но меня ждут в своем времени. Вы сумеете вернуть меня?

— Надеюсь, что да! — ответил я.

Он оценивающе разглядел меня и предложил:

— Вы могли бы изменить ход событий, если бы рассказали все при первой встрече.

— Этого уже не вернуть! — сказал я. — В игре сделано слишком много ходов.

Женщина рассмеялась: ей много раз приходилось видеть людей, попавших в переплет.

— Я расскажу вам все, что вы желали узнать, ведь вы имеете на это право, — вспыхнув сказал я. — Но позвольте начать с основ. Согласны? Сейчас все вы знаете о существовании параллельных времен, которых существует бесчисленное множество. Мы не сможем прорваться во все, в конечном счете, подразумевается неограниченность. Мы можем проникать во времена, имевшие отклонение в течение последних девяноста — девяноста пяти лет. Собственно, их только несколько сотен, но даже они вызывают интерес. В некоторых паравременах в 1933 году коммунисты захватили всю Европу под величайшим военным гением Троцкого. Есть целый комплект времен, где Франклин Д. Рузвельт избежал убийства и стал

президентом — таким образом, в стране не случилось военного переворота и интервалов междуцарствия. Поскольку в Конституции ничего не было сказано о том, кто станет президентом, если избранный президент умрет до принятия присяги, то Гарнер и Гувер рвали президентское кресло из рук в руки, пока не вмешалась армия и не навязала военную диктатуру. Затем...

— Дом! — настойчиво проговорил сенатор. — Я догадываюсь, что лучшего нельзя придумать, но, правда ли, что история волнует нас больше всего?

— Я просто давал пояснение.

— Хорошо. Мы знаем, что такое параллельное время... ладно, лгу: с этой штукой я разобрался не очень. Но что дальше? Все времена, насколько я слышал, в каких-то трещинах, где начинают возникать новые времена. Есть что-нибудь подобное? Так вот: почему мы попадали в миры со множеством различий?

— Понял! — кивнул я. — Замечательный вопрос!

Под ногами появилась твердая земля, ведь я прошел через кучи сенаторских комиссий и предусмотрел подобные капканы.

— Вначале я дам чисто технический ответ, если он поможет. Это происходит из-за явления, которое Стив Хоукинг назвал смешанным проникаемым прикосновением n -пространств.

Ясное дело, они ничего не поняли. Антропид Мо храпел, другие мужчины витали в облаках. И только Найла Христоф проявила дружеский интерес. Ловко вычерпывая яичницу, она кивала мне с умным видом. При этом Христоф не смотрела на еду и не пропускала мимо ушей ни слова.

— Я хочу дать вам аналоги. Думается, времена следует представить пучком бус. Если вы подсчитаете каждую бусинку, то увидите, что бусинки пять и шесть граничат друг с другом, но связаны единым источником. Время пять может прикасаться ко времени шестьсот и пятьдесят два, с другой стороны, может граничить со временем тысяча пятьсот или другим. Все зависит от радиуса искривления. Вы поняли?

— Допустим! — ответила за всех Христоф.

— Хорошо. Кроме того... я не хотел бы... но, видите ли, источник кривизны находится не в трех, а в n -мерном пространстве. И нам неизвестно, чему равно n ! Паравремена

окружают другие, столь различные. Вот почему мы не можем поймать времена, где расщепления произошли ранее, чем девяносто пять лет назад, исключая случайных беглецов. Но «ближайшие» не всегда «легкие». Вы устали? Я утомил вас?

— Что-то похожее! — улыбнулся Ники. — Смешно было бы понять!

Я сказал:

— Если выпадет возможность, прочитайте азимовский «Спутник интеллигентного человека по квантовой механике»!

— Нет уж, увольте! — сказал Ники. — Продолжайте, пожалуйста!

— Хорошо, покончим с теорией! Кое-что вы уже знаете... — Я взглянул на предателя Лари, который нахмурился и отвернулся к своей булочке с апельсиновым соком. — Мы усовершенствовали глаз паравремени и портал. Мне не хотелось бы вводить вас в технологию. Для такой вещи я не могу...

— Но вы же изобрели его! — сказала Христоф.

Я пожал плечами:

— Разве я мог это сделать один? Над проектом работали Гриббин и Хоукинг из Англии, Свердлич из Смоленска, ученые-эмигранты из Франции (там произошла вторая Варфоломеевская ночь), целая армия прикладных математиков и ядерных физиков. Но если вы упрекаете... да, его изобрел я. Но мы не приняли во внимание баллистический отскок! — Я глубоко вздохнул.

Я не знаю, на какую реакцию я рассчитывал, рассказ их пронял. Лари был подавлен, для другого Лари и фэбээровца это ровным счетом ничего не значило (ничего не выражающее тупое лицо является характерной чертой Тау, поскольку там принято скрывать свои мысли). Два других Доминика смотрели с интересом. Сделав глоток остывающего кофе (я даже не притрагивался к еде), я постарался объяснить.

— Между мирами существует сопряжение, вызванное оболочкой. Если в одном месте случился прокол, оболочка ослабляется в разных местах. Это похоже на пластиковую оболочку мяса в супермаркетах. — Они не знали, что это такое. — Или оболочку яиц... Они напряжены. Если мы сделаем прокол в одном месте, выделяется много энергии.

Сложно сказать, в каких именно местах — геометрия искажена... Хорошо, это непостижимо и очень трудно. Но происходит разрыв, и это переходит в другое место. Сначала проходит свет, потом газы. Затем что-нибудь посущественней. — Я взглянул на нашего Лари и сказал ему: — Стех пор как ты удрал, у нас было много сложностей. Внезапно открылась область с сильной бурей и погибло много людей. В паравремени Эта на месте заброшенной железной дороги построили жилые дома. В результате сквозь нижние этажи на большой скорости промчался поезд, затем все вернулось в свои времена.

Ники поднял руку:

— Док? У нас были слухи о пронзительных звуках около маленького аэродрома... может быть, это имеет отношение? Скажем, в другом времени пролетала такая же ракета, как эта...

Я хотел объяснить ему, что пульсир еще не ракета, но вовремя одумался.

— Вполне вероятно! И мы не в состоянии предотвратить это. Вначале мы думали, что это случается из-за утечки энергии из генераторов портала и, стоит только устранить ее, баллистического отскока не станет. Но теперь открыли, что здесь замешан закон сохранения. Если из моего времени в ваше перешло какое-то количество энергии или материи, то такое же количество переходит в другое время (не обязательно в мое!). Все может уйти целиком в какое-то время или по частям в несколько разных.

— И мы не можем остановить?

— О Боже! — презрительно сказала Найла Христоф. — Парни, вы играете с динамитом!

Вмешался сенатор Дом. Его тон был менее обвиняющим, но более далеким от дружелюбного.

— Было бы мудрой идеей, если бы вы остановили эксперименты на время, пока не научитесь контролировать ситуацию, — заключил он.

— Замечательно хорошая мысль! — пламенно поддержал я. — Но ситуация вышла из-под контроля, когда парни из Гаммы захватили нашего Лари. Мы можем остановиться, но этого нельзя оставлять так! Не говоря уже о том, что существуют изолированные времена... или опасные.

Сенатор спокойно заявил:

— Я не вправе ругать вас, Дом! Если бы мы продвинулись быстрее, то, наверное, сами проникли в другие времена, я не вижу причин, чтобы у нас получилось лучше. Но... это страшно, Дом! Хотелось бы, чтобы мы хорошенько подумали о последствиях, прежде чем начинать. Здесь очень много риска. Больше чем при развитии обычного оружия!

Я злился на себя, ведь он повторял мои мысли.

— Вы не можете остановить научные исследования, потому что не ведали об опасности, — огрызнулся я. — Во всяком случае, кто говорит об оружии?

Сенатор удивился:

— Я думал, это ясно...

— Военное применение может быть очевидным только для дикарей! Вам разве не понятно, что паравремена в основном подразумевают научные исследования? Особенно для тех наук, которые не могут ставить эксперименты!

— Я не совсем понимаю, что именно вы имеете в виду? — нахмурился он.

— Пошевелите мозгами! Социология, например. Вы же не можете изолировать общество и провести с ним опыт. Но только не здесь! У нас есть бесконечное количество самых разнообразных обществ, и мы можем создать новую науку сравнительной социологии. Или новую политическую, или социальную науку. Можно найти и иное применение: как-то к нам зашел метеоролог, так он на стены кидался, как только узнал, что в паравремени Ники не было Атлантического урагана. У нас он был, и убытки оказались грандиозными. Теперь ученые считают, что это связано с индустриализацией и ростом городов, может быть, мы сможем остановить это. И... торговать!

Лари-Тау насторожился:

— Я не понимаю, о чем вы говорите! Торговать с одним и тем же народом?

— Между двумя народами с незначительно различными историями. Незначительная для одних вещь может показаться причудливой для других. Например, только на хула-хупе можно сделать бизнес в двадцать миллионов долларов.

Мои гости были озадачены.

— А что такое хула-хуп? — спросил Лари-Тау.

— Игрушка. Но я говорю не только об игрушках, но и о более полезных вещах. Подумайте, каждое из

паравремен ежегодно тратит на исследования и усовершенствование около биллиона долларов, а если вы снимете сливки с пятидесяти разных паравремен, тогда, даже с дублированием, вы сможете получать большие и значительные результаты.

Минута тишины, пока они переварят все это. Затем вмешался Ники:

— Думаю, я все понял, Дом! Вы не можете узнать вещь, не испытав ее, ведь риск есть в любом деле. И, догадываюсь, добавление исследований других людей к вашим может оказать большую услугу. Но до сих пор... милейший Дом, я не вижу ничего, что имели бы с этого люди, такие как я.

— Это может спасти миллионы жизней! — сказал я.

— Продолжайте! Вы хотите поразить врага, прежде чем он нападет на вас... или что-нибудь в этом роде?

— Нет, не это! Может быть, это где-то и окажется истиной, но я говорил не об этом! Вы знаете, что такое ядерная зима? Это смерть всего, потому что в воздухе скапливается так много пыли, что она заслоняет солнце. Почти вся растительность и большая часть крупных животных умирает... в том числе и люди.

Они не знали, что это такое, но представили быстро.

— Что вы подразумеваете под выгодой? — с усмешкой иронизировала Христоф.— Убийство всего живого?

— Конечно, нет! Есть времена, где все это уже произошло. Мы нашли времена, в которых не осталось млекопитающих крупнее крысы: война в них произошла пять, десять и более лет назад, человеческая раса полностью истребила себя.

— Как мило!

Я с трудом сдерживался: эта женщина играла на моих нервах. Примерное такое же действие оказывала она и на сенатора, ведь он зачарованно смотрел на нее.

— Здесь нет ничего милого! — твердо сказал я.— Это факт! В некоторых линиях времени планета абсолютно безлюдна, хотя есть поля, иногда встречаются разрушенные города. Но там нет людей! Есть иные времена, где люди голодают и умирают от недостатка домов и земли. Наша Африка большую часть последнего десятилетия находилась в состоянии засухи. Часть Азии находится примерно в таком же страшном состоянии! В некоторых временах голодает вся Латинская Америка! Предположим, мы

возьмем этих умирающих людей и позволим эмигрировать на пустую планету!

Ники Де Сота воскликнул:

— Удивительно, Дом! Вы дарите жизнь миллионам! Что нужно для того, чтобы построить новый мир?

Он был в экстазе, и я понимал его чувства: когда-то я думал точно так же. Я осторожно ответил:

— Конечно же, средства к существованию! Этому народу потребуются домашние животные, иногда — машины. Им необходимы врачи и специалисты по сельскому хозяйству... по крайней мере, будут нужны! Этого мы еще не делали.

С грохотом рухнуло все богатство Ники и поднялось самодовольное презрение Найлы Христоф.

— Добренькие дяденьки! — ехидно заметила она.

— А почему нет? — удивился Ники.

— По трем причинам! — сказал я. — Первое: у нас возникла проблема баллистического отскока. Пока мы не научимся контролировать отскок, мы не можем рисковать перемещениями таких огромных масштабов! Нам следует на время прекратить использование порталов. И во-вторых... — Я посмотрел на своего старого друга Лари Дугласа. — Мы столкнулись с ситуацией Гаммы.

Он дернулся, но промолчал: он уже спел нам, что ничего не мог сделать.

Сенатор нахмурился:

— Это те люди, которые захватили Сандию?

— Не только Сандию, Дом! Сейчас они пошли дальше. Там идет настоящая война, правда, небольшая, только в Вашингтоне! Гамма захватили все мосты Потوماка, оккупировали Белый Дом и Национальный аэропорт, который вы зовете Гувер Филд. Возникло несколько жутких пожаров, в огне погибло, как минимум, пятьсот человек. Первое, что нам придется сделать, это потушить огонь, если сможем.

Теперь заволновался сенатор:

— Боже мой, что вы сказали?

Я постарался успокоить его.

— Пока бои затихли, — сказал я. — Полчаса назад там слышались лишь отдельные выстрелы из укрытий. Конечно, убито несколько гражданских...

Думаю, не успокоил.

— Гражданских? — закричал он. — Но почему они... я

полагаю, они могли... ради Бога... почему они не эвакуировали мирное население?

— Мне кажется, таких там немного! — озадаченно промямлил я (сенатор рассказывал, что его семья за тысячу миль, в Чикаго).

— Мне нужно срочно вернуться! — решительно заявил он.

— Хорошо, мы выполним вашу просьбу, Дом! — сказал я. — Вы помните, это не по мне. Но... фактически, я предлагаю, чтобы вы проникли в Вашингтон, округ Колумбия (Эпсилон — это ваше время, сенатор), и объяснили им происходящее, а также предложили нашу помощь. Я имею в виду почти всех вас! — прибавил я, взглянув на нашего Лари. Он не удивился и только пожал плечами.

В разговор влез другой Дуглас:

— Я не желаю уходить, куда бы то ни было! — закричал он.

— Прошу прощения, не понял!

— Я требую политического убежища! — заявил Дуглас. — Я не желаю возвращаться в свое время из-за политических преследований и не хочу забавляться вмешательством в какую-то дьявольскую войну, которая гремит неизвестно где! Вы кидаете меня в эту заварушку? Но ведь до некоторой степени вы обязаны мне, и я настаиваю, чтобы меня оставили в покое!

Большой болван угрожающе встал с места и двинулся на него, но наш охранник предостерегающе протянул руку к дротиковому пистолету. Христоф положила на плечи Мо свои руки, и эта громадина сразу осела, хотя и продолжала сверкать кровожадными глазами.

— Об этом позже! — весело сказала Христоф. — Давайте кончим с другим. Вы говорили о трех проблемах, но назвали только две.

— Ах да! — угрюмо откликнулся я. — В уравнении появились другие неизвестные. Кто-то заглядывал и к нам: мы не знаем, кто и с какой целью.

Христоф захихикала:

— Добро пожаловать в клуб!

Мой Лари расхрабрился (между ним и ей сидел охранник):

— Да замолчите вы! Дом? Это и есть то новое, что произошло с тех пор, как я... оставил вас?

Я кивнул.

— Нам неизвестен источник, и мы не смогли за ним проследить! Это доказывает, что их техника намного превосходит нашу, хотя мы изучили технику пятидесяти паравремен. В последние три месяца за нами кто-то усиленно следит!

— Как несколько дней назад за нами... — неопределенно выразился сенатор.

— Боюсь, что да! — признался я.

Он поджал губы, раздумывая.

— И что же вы собираетесь предпринять, Дом? — поинтересовался он. — Вы вернете меня в мое время?

— Думаю, что мы пойдем все туда! — сказал я. — Вы — потому что там живете, я и Лари — помочь с обороной. А остальные — поскольку жили в других мирах.

«И потому что они лишние!» — подумал я про себя. В самом деле, кому нужны в нашем мире два фэбээровца и клерк по кредитам?

Я толкнул вилкой в остатки яичницы. Она была скверной и холодной, но в любом случае у меня не было аппетита.

Когда на крытый стадион Мак-Кормик приехала машина для подготовки к спортивному шоу, фары вспугнули летучую мышь. «Какого черта она здесь летает?» — удивился водитель. Но еще большей проблемой стало, как избавиться от мыши. Вопрос решился сам собой. Летучая мышь неистово металась вокруг, затем проскользнула через двери ангара, где стояли аэросани. Никто не вспомнил об этом и не придавал значения, пока через несколько недель не начали дохнуть одичавшие кошки и бездомные собаки... а затем и люди. Они погибали от неизвестного ранее вируса бешенства, занесенного летучей мышью.

**АВГУСТ, 27, 1983 г. Время 8.40 вечера. Миссис
Найла Христоф Боуквист**

Они выгнали меня из прекрасного люкса! Даже Лави ничем не мог помочь, поскольку весь пентхауз заняла госпожа Рейган со своим персоналом, но он устроил мне комнату на пятом этаже. Номер был вполне пристойный:

там стояли две кровати, моя и Эми. Госпожа президент больше не хотела слушать мои пассажи, и мы нуждались в уединении. Не было визитов моего Дома, не было звонков от Ферди (телефонная связь прервана). Какое счастье, что я не смогла во всем признаться.

Мне казалось, я наделала массу ошибок. В первую очередь, осталась в оккупированной зоне. Капкан захлопнулся: аэропорт, все мосты и дороги контролировались захватчиками, повсюду их патрули. Я уже перестала волноваться за Рочестер, потому что никаких рейсов не было... слышались только звуки взрывов.

Радио говорило, что оружейный огонь слабый, я была не согласна с этим. Выглянув в окно, я заметила клубы дыма со стороны Амакости, обезглавленный монумент Вашингтона. Лихие парни были уверены, что там сидит корректировщик артиллерии. Это вызывало тревогу даже у меня.

Когда Джок Мак-Кленти постучался в номер, я боялась открыть дверь.

Я не ждала хороших новостей и даже не могла представить, что они могли быть. То же подразумевал и дождливый субботний вечер. Как только я увидела Джока и человека из спецслужб, первой мелькнула мысль, что я арестована.

— Миссис Боуквист! — сказал он. — Сенатор вернулся! Он здесь, в отеле, и просит проводить вас к нему.

Впрочем, было так: я заплакала. Меня обманывают! Не знаю, почему я так решила, наверное, у меня накопилось столько непролитых слез, что любой легкий толчок мог выхлестнуть их наружу. Они потекли из глаз. Я плакала даже на пути в пентхауз, хотя это длилось довольно долго. Сначала мы спустились в фойе, прошли через многочисленные проверки полиции и спецслужб, затем вошли в лифт.

Человек из спецслужб что-то пробормотал (как мило воспитывают этих людей!), остановил лифт и выпустил меня. Я вышла и осмотрелась по сторонам. Мой старый люкс по сравнению с этим походил на крестьянскую хижину из Камбоджи. Роскошный ковер! Окна соборного стиля, высокие потолки! Первым, кого я увидела, была Джеки Кеннеди. Она стояла у окна и разговаривала с кем-то, в ком я узнала Дома.

Это был Дом Де Сота!

— Дом! — закричала я и бросилась к нему, вся в слезах.

Это был Дом, правда, но совсем другой! Он не обнял меня, как это сделал бы Дом, он не сказал подходящих слов и даже запах от него исходил другой: трубочного табака и лосьона; более того, он сделал то, что никогда бы не сделал мой Дом!

Он оттолкнул меня!

Сделал это мягко... даже вежливо... но оттолкнул. И я даже не удивилась, когда Джеки сжала мои руки и сказала:

— Найла, дорогая! Это не тот!

Хорошо, что все оказалось правдой, и мой Дом тоже был здесь! Он поднимался по витой лестнице в личный номер президента. Увидев меня, Дом радостно вскрикнул и прыгнул вниз, и мы обнялись. Сначала он ничего не сказал, мы обнимались так откровенно, что даже если бы здесь были Ферди и Мэрилин, телеоператор и адвокат по бракоразводным процессам, я бы ни на секунду не разжала объятий. Потом он выпустил меня, посмотрел, поцеловал и, сказав: «Любимая!» — оглянулся на лестницу.

Наверху стоял секретарь президента и ждал. Я все поняла:

— Иди, Дом! Я буду ждать!

Он ушел, а Джеки и Джок Мак-Кленти старались толковать мне что к чему. Говорили они одновременно, но кое-что я все же поняла. Через минуту они проводили меня в спальную комнату, которая могла предназначаться шаху Ирана — зеркала на потолке. О Небеса: на стене подлинник Пикассо! Мы прошли в ванную к умывальнику, где кран был из чистого золота!

Это было прекрасно: я могла привести себя в порядок. Когда я вышла из царской ванной и прошла в шахскую спальню, я поняла, что это оказалось тюрьмой для всех нас. Когда я сказала «для всех нас», я имела в виду не только «всех нас», а даже более чем «всех» и более чем «нас». Вернулся мой Дом. Госпожа Рейган приглашала его и нескольких генералов для частной беседы. Дом и я, несомненно, были самыми большими «мы» во всей моей жизни. Но здесь было три «его», а если считать и того, из телевизора, то четыре.

И здесь было две «меня»!

Я с большой тревогой восприняла тот факт, что здесь было более одного моего возлюбленного, но еще больше обеспокоилась увидев свою копию. Это напоминало мне

случай, происшедший два-три года назад на уик-энде в долине Висконсин, куда я приехала с Ферди. С собой я взяла своего кастрированного кота по кличке Пантера, а Эми, сопровождавшая меня, свою холощеную калико Пу-Бир. Это нельзя было назвать счастливой встречей! Пу-Бир первым делом накинулась на лакомство, сбив по пути половину вырезанных из дерева зверюшек. Пантера, в свою очередь, залез под книжный шкаф. Они не шипели и не царапались, а просто следили друг за другом. Я ушла, а Эми потом рассказывала, что спустя полчаса они мирно лизали друг друга.

Это очень напоминало наше поведение, хотя нельзя было сказать, что мы облизывали друг дружку. Другая Найла сидела в углу, смотрела на меня и иногда что-то шептала премерзкой обезьяне. Я сидела в просторном кресле времен королевы Анны вместе с Домом (моим Домом!), обнимавшим меня, и он пересказывал мне все те волшебные события, которые ему довелось пережить. А мы — я и другая Найла — замороженно смотрели друг на друга и не могли оторвать глаз.

Хотя я и рассматривала ее внимательней любой женщины, я не заметила, что у нее не хватает больших пальцев, пока не подсказал Дом. Было и другое отличие. У нее совсем иное выражение лица. Наверное, циничное? Или, быть может, завистливое? Все равно — это была я!

Я очень благодарна Дому за то, что он обнимал меня.

Было уже неудивительно, что я не заметила еще одну вещь. Тот факт, что в комнате находилось три Дома, был нелепым. Присутствие Найлы-Не-Меня, было еще хуже. Но когда я перевела взгляд с Найлы, достаточно долго владевшей моим вниманием, на других, то заметила, что супруги Кеннеди беседуют с двумя молодыми людьми, очень похожими на моего старого знакомого Лаврентия Джугашвили, и оба они смотрели на меня.

— Лави? — спросила я обоих.

Они удивились. Дом рассмеялся и крепче сжал объятия.

— Это не послы! — произнес он. — Лаврентий встречает в аэропорту русских ученых.

— О Боже! — рассмеялась я (это было лучше, чем плакать). — Здесь что, каждой твари по паре?

— Не только по паре! Думаю, это число бесконечно! Но нас только двое — ты и я, мы вместе. Давай будем считать так!

Вдруг показалось, что в комнате появились еще двое, хотя оба они существовали только в воображении. Это были те же самые Мэрилин и Ферди, и выражения на их лицах полны гнева, обиды и обвинений.

Замечательно, что все это было только в воображении. Но позже они могут появиться и в реальности. Я выкинула из головы мысли о наших супругах.

— Я принимаю это предложение! — сказала я. — Не хочу больше наших разлук, за исключением тех моментов, когда я буду на гастролях.

— И не считая избирательных кампаний! — улыбнулся Дом. — Быть так!

Просто поразительно, как легко вы даете обещания, которые не сможете сдержать!

В этом мире по-прежнему оставались реальные Мэрилин и Ферди. Только им мы были обязаны маленькой свободой действий, пока они не узнали, что произошло. Несмотря ни на что, не обращая внимания на превратности судьбы и то, что прямо под окнами отеля шла жестокая война, я соблюдала приличия, особенно когда я заметила изучающий взгляд Джека Кеннеди.

Я покраснела и выпрямилась в кресле. Не оттолкнула руку Дома, но немного отодвинулась. Он правильно понял мои мысли и сделал то же.

Затем Дом очнулся и вновь положил руку на мое плечо. Гордо, почти вызывающе. О дьявол, подумала я, мы утратили всякую осторожность! Если наша связь и была тайной, сейчас она раскрыта.

Роскошь люкса не ограничивалась золотыми принадлежностями ванной. К люксу была подсоединена кухня, при которой состояли свой шеф-повар и официант

— Давайте поужинаем! — предложил Дом (мой Дом). — Все это уже оплачено налогоплательщиками.

Мы поели. Я обнаружила у себя зверский аппетит, как и все путешественники паравремен. Вероятно, за последнее время они ели слишком мало и теперь наверстывали упущенное. Еще они разговаривали. Я не принимала в беседе активного участия, а только прислушивалась, пытаюсь разобраться в происходящем.

В основном объяснял Дом, а Джек Кеннеди спрашивал.

— Этих паравремен, Джек, целый миллион! — говорил Дом. — Нет, даже не миллион, возможно, миллион миллионов! Правильнее сказать, бесконечность!

— Удивительно! — воскликнул Джек. — Я не имел об этом ни малейшего представления!

Он сидел напротив нас, сжимая руку Джеки. Хотелось бы, чтобы в их возрасте мы любили друг друга также сильно (но все эти сплетни о Джеке и куче женщин...).

— Правда, мы можем проникать только в ближайшие, — продолжал Дом. — Доктор Де Сота знает об этом больше меня! — Он дружески кивнул тому на того, к кому я бросилась в первые секунды и который с подозрением разглядывал свою тарелку.

Другой Дом сглотнул слюну.

— Они чуть-чуть напоминают наши миры, — согласился он, — но есть и различия! В одном из них — агрессоре — президентом США стал Джерри Браун.

— Джерри Браун! — вскрикнул Джек. — В это так трудно поверить!

— Но это в самом деле так! — Он попробовал фалафел и сказал: — Это очень вкусно! Когда вернусь домой, я посмотрю, сможет ли кто-нибудь сделать такое же блюдо. У паравремен есть преимущество: они повышают уровень жизни.

— Не могу сказать, чтобы наша жизнь стала комфортнее, Дом! — усмехнулся Джек. — Но продолжайте о других паравременах. — Хорошо! Есть времена, где президентом Рональд Рейган!

— Рони?

— Да! И в этих линиях времен двадцать лет назад президентом был Линдон Джонсон, а потом... вы! Только... — он заколебался. — Только там, сенатор, вы были убиты во время принятия присяги террористом по имени Ли Харви Освальд.

Жаклин поперхнулась, а Джек с тревогой взглянул на нее, потом снова на Дома. Сенатор причудливо изогнул брови, но другие мускулы лица оставались каменными.

— Ли Харви Освальд? Постойте... это было... да, я вспомнил. Это тот парень, который пристрелил губернатора Техаса?

— Да. Он самый.

— Чудесно! — сказал Джек Кеннеди и остановился, потом покачал головой. — Моя бедная жена! — он улыбнулся и хлопнул по руке Джеки. — Вы не знаете, доктор Де Сота, какой она стала вдовой?

— Не помню точно! — извиняющимся тоном ответил Дом, и я поняла, что он не захотел сказать правду.

Джек рассеяно кивнул. Действительно, он подумал то же самое, но удержался от вопросов из-за майора с золотым галуном. Офицер, зашедший в комнату, — свежевыбритый, с аккуратной прической и усталыми глазами. Он выглядел так, словно не спал несколько ночей. Вероятно, так оно и было.

— Сенатор Де Сота? — осторожно спросил он, переводя взгляд с одного Доминика на другого. — Вас хочет видеть госпожа президент! Всех трех, сэр! — добавил он.

И мой Дом обнял меня, поцеловал в щечку и ушел.

Я сидела с Кеннеди. Думаю, мы разговаривали, но я не помню о чем: моя голова была забита совсем другими мыслями, включая вторую Найлу, хотя мы и перестали разглядывать друг друга, но не потеряли интереса. Она стояла у буфетного столика и ловко, несмотря на отсутствие больших пальцев, разрежала сыр для себя и своего антропоидного спутника. Я не поймала ни одного ее взгляда, но была уверена, что она просто успевала отвести глаза. Я ничуть не сомневалась в этом, поскольку делала то же самое. Мне казалось, что я интересовалась ею гораздо больше, чем она мной. Во всяком случае, другая Найла интересовалась не из-за праздного любопытства, хотя я и не могла представить себе ее цели.

Я посчитала, что нам необходимо переговорить.

Но не смогла воплотить все это на практике, потому что вошел реальный Лаврентий Джугашвили, вытер пот и с любопытством взглянул на другую Найлу, затем подошел ко мне.

— Очень рад вас видеть! — сказал посол, галантно поцеловав руки мне и Жаклин. — Сегодня такой сложный день!

— Вы захватили с собой ваших парней? — спросил Джек Кеннеди.

— Да, конечно! Зупчин и Мережковский, два наших замечательных физика из Ленинского института теоретических наук. Кроме того, мне посоветовали вернуться на Родину! — с усмешкой прибавил он.

— У вас еще есть время? — сочувственно спросил сенатор Кеннеди.

— Я желаю удачи госпоже Рейган! — Лаврентий махнул рукой, выражая свое неподдельное расположение.— Хотя она и не коммунист.

Сенатор тоже продемонстрировал искренность:

— Я не могу сказать о нашей леди много хорошего,— сказал он.— Но она умна! Враги схватили ее супруга и заняли Белый Дом. Но наш президент не хочет уступать им и стать первым правителем с 1812 года, сдавшим столицу.

— О да! Уж будьте уверены! — согласно кивнул Лаврентий.— Особенно с тех пор, как захватчики усилили активность...— он сделал паузу и взглянул на нас.— Как, вы еще не в курсе? И даже не смотрели телевизор? Конечно, в таких роскошных апартаментах он должен быть! Давайте поищем!

Здесь и в самом деле был телевизор, скрытый за дверями из красного дерева. И по нему шло много новостей.

Ни одна из них не была хорошей.

Мы увидели самую гущу боя: в нескольких кварталах от нас, в конце Молл, около Капитолия. От здания Верховного суда ползли танки и транспортеры, разворачивались, зажимая Капитолий в клещи. Везде — трупы. Камера наплыла, показывая некоторые из них крупным планом. Я хотела бы, чтобы этого не было. Появились следующие кадры, и мы увидели колонну странных танков. Я не сразу поняла, в чем их необычность, а Лари что-то грязно и сердито сказал по-русски. Затем перешел на английский.

— Это их новое оружие!

Это были танки, но такие малюсенькие! Они едва доставали до колен и каждый волочил, точно хвост скорпиона, длинную пушку.

— В Союзе нет ничего подобного! — горестно отметил Лави.

— У нас в Америке также! — сказал Джек Кеннеди.— Держу пари, они радиоуправляемы! Милый младенец Иисус, вы только посмотрите, они еще и стреляют!

Так как пушки были не для показа — с каждым выстрелом от стен Капитолия отделялись большие грибы дыма и каменной кладки.

Сцена сменилась. Мы увидели военную комнату Эн-Би-Си, похожую на штаб-квартиру. За спиной Тома Брокау и Джона Ченкелора висела карта военных действий

в округе Колумбия. Комментаторы объясняли военное положение.

Они не могли сказать многого, а кадры показывали все. Красным цветом — войска агрессора — были заштрихованы: ближайший квартал города, зона около Капитолия, Белый Дом, бóльшая часть пространства около памятника Вашингтону, огромный сектор берегов реки и неоднородные участки Дистрикта. Вдоль большей части периметра загорались красные лампочки, отмечавшие местонахождение текущих боев.

Брокау показал на Капитолий.

— Самая крупная атака, — произнес он, — началась сорок пять минут назад на пересечении Первой улицы и авеню Конституции. Одновременно начались бои в некоторых других близко расположенных точках города. — Он перечислил их, затем повторил: — Установлена прямая линия связи между захваченным Белым Домом и штабом наших войск, расположившемся в неназванном месте в пределах округа. Как стало известно, агрессоры захватили в плен трех членов правительственного кабинета и три четверти штаба и обслуживающего персонала, нескольких сенаторов, конгрессменов и других важных лиц. В плен взят и Рональд Рейган. Всем заложникам, как называет их наше правительство, было предложено записать на магнитофон звуковые письма, которые переданы по телефону. Вот голос генерала Вестморилэнда...

Я уже слышала это и не стала слушать вновь, а взглянула на Найлу Христоф. Она на меня. Из того немногого, что успел нашептать Дом, я ожидала увидеть гибрид гестаповки и Маты Хари. Но она больше всего походила на меня. Христоф сидела спрятав руки, и я не могла усмотреть отсутствие пальцев. Я видела женщину с моим лицом и телом, нет... она была немного легче меня, и ее это нисколько не портило... Женщину, которую я по утрам видела в зеркале. Я знала, что Христоф внушала ужас. Я и не предполагала, что меня можно бояться. Но я воспитывалась не в том мире, где за мелкие магазинные кражи молодой женщине могли отрубить большие пальцы. Она молчала и без всякой вражды изучала мое лицо. Я тоже не проронила ни слова, хотя чувствовала, что на небольшой девичьей вечеринке (главным образом, салаты плюс коктейль для праздничного настроения), мы могли бы хорошо поболтать.

Постепенно мне становилось ясно, что не одни мы разглядываем друг друга. Лави Джугашвили собирался уходить, но сейчас заколебался и стал изучать двух Лари Дугласов. Он что-то шепнул Джеку Кеннеди, растерянно посмотрел, кивнул головой и, наконец, сказал:

— Мистер Дуглас? Можно вас на пару слов? Обоих, если не затруднит!

— Почему бы и нет? — сказал один из них (не могу сказать, какой именно!).

— Я заметил, — сказал Лави, — что мы... несколько похожи! Может быть, мы с вами родственники?

Один из Дугласов рассмеялся:

— О черт! Это убогий подход: держу пари, что мы намного больше, чем родственники! У нас та же пара родителей и те же дедушки!

— Вы имеете в виду дедушку Джо? — спросил один кивнув головой.

— Я имею в виду всех сразу! — сказал первый. — Просто Дедушка Джо самый знаменитый. Восемьдесят — девяносто лет назад он был очень горяч, обчищая банки Сибири и обходя закон. Когда в России стало слишком жарко, он эмигрировал в Америку и, используя награбленное, открыл собственное дело в Нью-Йорке по оптовой торговле тканью. На этом и составил капитал.

— С моим та же история! — крикнул второй. — Твой и кончил так же? Убит в своем летнем доме в Ашокане одним парнем с ледорубом?

— Это было зимой в Хоуб Санд, и это был не ледоруб! — заметил первый. — Но это было в самом деле так! Говорят, это сделал политический: вы же знаете, что дед забрал деньги, предназначенные для коммунистов? У вас так же, посол?

Лави внимательно осмотрел их, затем тяжело признался:

— Только истоки! Мои предки никогда не покидали Россию. Дедушка Джо остался и стал довольно известным под своей партийной фамилией Сталин! — Он вытер с лица пот и продолжил: — Все это весьма печально. Пожалуйста, извините меня — я должен уже быть в посольстве, но вы... эта ситуация. похожая на осуждение. Он остановился и покачал головой.

Я могла не помогать, но встала и обняла Лави рукой. Он был поражен не меньше меня, но ответил своим

объятием. Затем выпустил, отошел немного назад и поцеловал руку.

— Простите, я должен идти!

Он осекся, нахмурившись.

— Думаю, мне тоже пора,— я услышала тревожные звуки. Почти неразличимый дальний оружейный огонь стал очень громким и исходил снизу. На улице грохотал бой.

На меня не смотрел никто. Всеобщее внимание было приковано к лестнице, уходившей в пентхауз президента. Вначале показались телохранители из спецслужб, следившие за каждым нашим движением. Они прошли через салон, приказав всем подойти к стенам, первый из них назвался:

— Дженнер, спецслужбы! госпожа президент эвакуируется!

— Эвакуируется! — проворчал сенатор Кеннеди. — Какие-нибудь проблемы, Дженнер? Мы в опасности?

— Да, сэр! Если вы хотите уехать, то можете сделать это после эвакуации госпожи Рейган. Здесь есть проход через подземный гараж. Но подождите, пока не пройдут сопровождающие лица... пожалуйста! — добавил он и затем после раздумья: — сказал: — Сэр!..

Вниз по лестнице спустилась госпожа Рейган со своим окружением: много людей из спецслужб (три из них женщины), несколько полицейских из округа во главе с генералом Гленном, полковник из женских вспомогательных войск (она несла коды для запуска ядерных ракет), трое или четверо из штаба, пытавшиеся поговорить с госпожой Рейган, когда она спускалась, держась рукой за перила. И она что-то отвечала. Я не поддерживала политику Нэнси, но даже при отступлении она смотрелась настоящим президентом!

Как только она вошла в лифт, остальные понеслись вниз по лестнице одним большим стадом. В конце я увидела Домов (трех Домов!) и двух русских ученых, еще каких-то бодрых типов.

Они остановились. Я замерла. В комнате внезапно загрохотало, люди затаили дыхание, издавая звуки удивления и беспокойства. Я не знаю, что это было... точно. Я увидела спускавшихся по лестнице людей, а потом все они вдруг испарились.

Стало холодно и... думаю, вы можете назвать это

могильной тишиной (но с выстрелами!), как бывает в реактивном самолете, когда вы приспосабливаетесь к смене давления.

Затем прозвучало:

— Простите!

Сзади меня раздался хорошо знакомый голос.

— Неужели мы так никогда и не поговорим, Найла?

— Почему же? — я повернулась и взглянула в «свои» глаза. Они улыбались.

В ее улыбке было что-то такое, что заставило меня посмотреть ниже. Она вытянула на уровне груди свои беспальные руки, и между ними выглядывало острое лезвие ножа, взятого с буфетного стола. Оно было направлено на меня.

Объектом считалась голова человека, вероятно, это следует назвать ее образом, так как она была размером с пляжный мяч и состояла из точек света. Со стороны представлялось, что так же могла выглядеть и Галактика, если бы была плотно упакована звездами. Большая часть из точек была бледно-голубого цвета, но внутри сферы показались зеленые, желтые, оранжевые и даже красные, подобно расходящимся линиям гангрены вокруг зараженной раны. Над сферой линии, которые могли бы быть зеркалами и которые отражали озабоченные лица человека, но это были не зеркала. Волосы — длинней или короче. Некоторые волосы имели желтовато-коричневый цвет, другие — бледный, какие-то жирные, некоторые — тонкие. «Теперь проводим синхронизацию!» — дал команду сидящий. — Уверен, что мы можем проникнуть в этот мир. Я уже измерил гармоничность шестого порядка и по-прежнему распространяю... — Он остановился, чтобы взглянуть на несогласных, но таких не было. — Если это продолжается, — спокойно проговорил он, — я проведу проекции. Вероятность девять и девять, что в пределах стандартного года нарушения будут эффективно неограниченными и необратимыми!»

*АВГУСТ, 28, 1983 г. Время: 12.10 дня. Агент Найла
Христоф*

Никто не обратил внимания, когда я и Боуквист прошли в буфет. Если бы они внимательно посмотрели на ее лицо, то могли бы заметить неладное. Я приказала

ей улыбнуться. За буфетом находилась ванная, а дальше дверь на лестницу.

Никто не увидел, как мы вошли туда.

— Подождем минутку, Боуквист! — сказала я, не спуская с нее глаз.

Она хорошенькая женщина. Не толстая, а лишь слегка круглей меня, по-другому пахла, а я редко пользуюсь духами. А почему бы и нет? Мужчинам это нравится, а мне нравится, чтобы мужчине нравилось во мне все, когда мы направляемся в постель. Но для Боуквист это было естественно, и она душилась постоянно. Кроме того, аромат испускали и ее волосы. Они были длинней моих на добрых четыре дюйма и падали мягкими локонами.

— Почему — Боуквист? — спросила я.

— Фердинанд Боуквист мой супруг! — ответила она, не подавая никаких признаков испуга (я бы так не смогла!).

— Так я и думала! Но мне кажется, вы слишком уж тесно прижимались к сенатору!

Найла промолчала. Хорошо, на ее месте, я поступила бы точно так же. Рада видеть, что эта красивая респектабельная женщина не была круглой дуручкой.

— Что вы собираетесь со мной сделать? — спросила она.

— Очень немного, любовь моя! — ответила я. — Я узнала, что у вас где-то здесь комната... мы позаимствуем ее на время.

Как я и рассчитывала, двери распахнулись и вошел Мо, пригнавший двух Лари. Чужой был в унынии, а мой старый наложник кипел от ярости.

— Найла! Ты умом тронулась? — спросил он. — Я не знаю, что у тебя в голове, но ты не можешь...

— Заткнись, милоч! — сказала я. — Мы только немножко пройдемся!

Это не было «немножко», и это трудно было назвать прогулкой, если быть точным. Мы опускались по лестнице: четырнадцать этажей, двадцать восемь пролетов. Даже внутри отеля были слышны звуки боев на улице и в залах.

Этого хватило, чтобы испугаться. Мой Лари за-нервничал.

— Найла, Бога ради! — запыхаясь, он плелся позади меня. — Что ты получишь от этого?.. Эти люди вначале стреляют, а потом спрашивают!

Я тоже истекала потом и была рада остановиться на минуту.

— Никто не сделает этого, глупец! — сказала я. — Они сначала спросят, с какой мы стороны. Мы можем оказаться с какой угодно!

«Вот только Найла Боуквист... — добавила я про себя. — Но кто решится в нее выстрелить? Во всяком случае, нам осталось только три этажа!»

Это правда, но что я не приняла во внимание, так это то, что в их времени Вашингтон мог оказаться зоной высокой преступности. Двери лестницы открывались только с одной стороны — хуже того, они были стальными и висели на таких петлях, которые не вышибешь плечом. Я с сомнением взглянула на Мо и спросила:

— Думаешь, мы сумеем открыть?

Он не ответил, если не считать ответом мрачное хрюканье. Отойдя в сторону, он устремился вперед и ударил в закрытую дверь всем своим весом. — более двухсот фунтов...

Дверь не поддавалась. Было много шума, но никаких результатов. Мо подпрыгнул на одной ноге, потер другую и кисло посмотрел на меня. Я только пожала плечами и проговорила:

— Попробуй еще раз!

Но прежде чем Мо смог что-нибудь сделать или возразить, дверь распахнулась и в проеме показался солдат в оливково-зеленой униформе. Он направил на нас автомат и удивился, но не так сильно, как я.

— Кто вы такие, черт возьми? — спросил он.

Как я это выдержала, даже не знаю. Думаю потому, что мы были чужаками или просто он отдышался раньше, но тут Мо овладел ситуацией.

— Полегче с пушкой, приятель! — он оскалился и широко расставил ноги. — Я пытался вывести из огня этих очень важных персон. Я из ФБР! Сейчас я достану из кармана символ, чтобы доказать это... и сделаю это медленно...

Так он и поступил. Солдат оказался достаточно молодым и тупым. Он подошел поближе, чтобы получше разглядеть жетон. — Это и было его ошибкой.

— Уф! — он только это и смог вымолвить, когда Мо вонзил в него нож.

Так мы вошли в комнату Боуквист и овладели оружием,

как теперь у нас возникла проблема, чтобы никто не ал нам перцу за вынужденное убийство.

В комнате Найлы была оставлена записка: «Дорогая йла! Они заставляют меня покинуть отель. Я постараюсь раться до дома сенатора Кеннеди и буду ждать вас там. деюсь, с вами все в порядке. Эми».

Отсутствие Эми проверять не стоило: шкаф с одеждой пахнут и в ванной включен душ. Я оставила Мо зирать за дрожащими заложниками и встала под душ. Это было очень приятно. Кроме того, в душе мне ходят в голову самые умные мысли. Я так нуждалась их, поскольку дело приняло непредвиденный оборот. Хорошо, что у нас есть оружие, раньше я такого не ела. Но поскольку прицел, предохранитель, спусковой очок и банан магазина на месте, я могла без труда с ним авиться. Многие думают, раз у меня нет больших ьцев, я не могу пользоваться пушкой. В результате торые из таких болванов потеряли на этом деньги, а торые — еще и кое-что посущественней. Когда вы стреливаете в подвалах ФБР, вы без труда понимаете овное: в одном конце взрывается черный порох, из того конца ствола вылетает пуля.

Это не женское дело, но, когда натренируешься, оно нет истинно женским.

Я уж не говорю о занятии любовью, так как могу опать не менее дюжины мужчин, свидетельствующих ом, что женщина я первого сорта! Но думала я под ем совсем не о том, а о Найле Боуквист. Волосы ее сто великолепны, немного косметики — и глаза блестят, лучки-«шпильки»... Все это было не то! Но я думала нно об этом, когда стояла под горячим душем, мысли али где только можно.

Слишком далеко я не зашла: многое толкало обратно сальности, и реальность эта была мерзка.

Плохо, что появился труп, он мог подсказать многое...

Но практически это было несущественным — кругом лько трупов. Хотя мне это и не нравилось: я не была рожденной убийцей. Мне не нравились люди, которые вали, работая на меня, исключая стопроцентную бходимость. И совсем скоро Мо пожалеет о сделанном. Скоро, но не сразу, поскольку я совершила другое.

Закончив полоскать волосы, я подумала, что все идет надо! Обмотав волосы полотенцем, я распахнула

дверь, приковав к себе внимание трех мужчин, и обратилась к Боуквист.

— Я хочу одолжить у вас нижнее белье! Вы разрешите? — попросила я достаточно вежливо.

— В этом ящике! — Она показала где.

Эта Найла была слишком воспитана, чтобы намекнуть на мою наготу, но когда я выдвинула ящик, то заметила, что она не скрывает улыбки. Трусики, чулки и лифчики — все было аккуратно разложено. Эми — просто сокровище! Я выбрала себе комбинацию из белого шелка и одевалась во время разговора.

— Что мы сделаем, — сказала я, — так это то, что украдем портал! Затем уйдем домой!

Все так и оторопели! Особенно мужчины. Я замечала, что, когда они смотрят на обнаженную женщину, они становятся идиотами и не сразу возвращаются к действительности, тем более когда тело женщины розовое и влажное. Они достаточно быстро пришли в себя. Мой кивнул, принимая это как приказ. Другой Лари был ошеломлен, а мой собственный — огрызнулся:

— Ради Господа, Найла! Для чего? Разве ты не видишь, как здесь прекрасно? Давай останемся?

Я покачала головой:

— Может быть, ты и сможешь забыть все милый! — сказала я. — Ведь, по правде говоря, дома у тебя нет будущего! Но я работаю на Бюро. Они кое-чего ждут от меня... и я доставлю им это!

— О дьявол, Найла! — закричал он. — Ты хочешь вернуться туда, где тебя могут посадить в тюрьму только за то, что твоя юбка на три дюйма короче общепринятых норм? В сущности здесь ведь неплохое место! Раз у них идет война... — Тут его мысли догнали слова, и взгляд Лари стал подозрительным. — Что ты имеешь в виду под словами «нет будущего»?

Я спокойно пояснила:

— Ты ведь не можешь постоянно рассчитывать на мое покровительство... разве не так? Тебя пустят в расход, милейший!.. Я могу взять эти брюки, Боуквист?

— Но Найла! Ведь и я кое-что сделал...

— Да что ты говоришь, Лари? Ты сам запустил лапки в этот маленький политический скандал — надувательство и мелкое воровство. Я не осуждаю тебя... но наша встреча была ошибкой. Самый хороший способ, чтобы узнать,

закрыли ли мы твое дело,— это надавить на шефа Бюро. Да закрыли мы его, милый, закрыли! Я просто не говорила тебе!

— Найла! — он заволновался.

Другой Лари заметно повеселел: когда кто-то еще крепче попал в переplet, собственные неприятности представляются менее гнетущими. Оба они были одного поля ягода: скользкие взгляды и обаяние, посредственность везде и во всем.

— Не переживай, приятель! — застегнув молнию, я посмотрелась в зеркало. Брюки облегли не так плотно, как мне хотелось бы, но на это не стоило обращать внимания. Я хлопнула его по плечу. — Я получила то, что желала, да и ты узнал, что нужно. Безусловно, я могу поместить тебя в лучшую десятку мужчин, которых знала в постели. — Я размотала полотенце и потрогала волосы (еще не высохли!). — Боуквист, я могу одолжить на время сушилку для волос?

— Фен в ванной, — сказала она и хотела принести, но я остановила.

— Лари, принеси его и включи в розетку! — Это я обратилась к своему собственному. Обиженный, он ушел, и я слышала, как он шумел, открывая дверцы шкафчика. — Что мы будем делать, так это торговаться! Они хотят то, что у нас есть, а я — то, чем обладают они!

— Что же это босс? — загрохотал Мо, нахмурившись над непонятным выражением.

— Они обладают порталом! А у нас есть заложники! — я любезно улыбнулась другой Найле и другому Лари. — Думаю, они раскошелятся за одну только Боуквист! — пояснила я свою мысль. — Ведь дружок кинется выручать свою подружку! К несчастью, у него нет портала! Теперь очередь за вами, доктор Дуглас! Я сделала вывод, что кое-кто жаждет заполучить за вас еще больше...

— О нет! — закричал он. — Бога ради, послушайте! Не возвращайте меня к ним! У меня есть лучшая идея!

— Слушаю! — сказала я, все еще улыбаясь.

— Может быть, нам стоит позаимствовать портал, не знаю, каким образом. Затем мы вернемся в ваше время и я научу, как его делать, как в свое время научил других. Вы же хотели этого. До самой смерти я буду работать на вас, клянусь!

Я подумала:

— Возможно, это в какой-то степени, просто! — признала я. — Как мы получим портал? Вот в чем вопрос! — Я повернулась к Боуквист. — Здесь можете пригодиться и вы! Как вы полагаете, если мы поговорим с вашим славным дружкой, он сможет ненадолго устроить нам портал?

— Понятию не имею! — холодно и тихо ответила она.

Какие тонкие манеры! Я любовалась Найлой и хотела быть такой же. В какой-то мере моему подсознанию льстило то, что и я могла быть такой же в другом мире, ведь я, в конечном счете, была ей...

— Что?

— Я сказала, — повторила Боуквист, — что с вашим дружкой, кажется, что-то произошло! — она посмотрела на дверь ванной.

Через секунду до меня дошло, и я поняла, что она права. Шум в ванной прекратился, но Лари не возвращался. Я распахнула дверь.

Здесь негде спрятаться — и под раковиной, и в отгороженном душе (я раздвинула шторы, чтобы убедиться).

Его здесь не оказалось. Хотя других выходов, через которые он мог ускользнуть, не существовало, в ванной было совершенно пусто.

На этот раз я очень перепугалась и обернулась к Мо. Хотела сказать, чтобы он заглянул под кровать или еще куда-нибудь... Выражение лица Мо было озадаченным.

Потом выражение исчезло, поскольку не стало самого лица.

Что-то подобное...

Вначале я смотрела на него, а затем сквозь него, так как его здесь уже не было. Я видела только окно и оружие, снятое с убитого солдата, которое лежало на подоконнике. Но от самого человека не осталось и следа.

Я вдруг ощутила себя голой и испуганной. Я не понимаю под этим просто обнаженное тело, как тогда, когда я вышла из душа, я имею в виду беспомощность и незащищенность. Чисто рефлексивно я прыгнула к автомату.

Но не успела схватить его.

Комнату тряхнуло... И меня тоже не стало...

Они пролетели над зелеными полями Ирландии и находились в двухстах милях от Атлантического океана, когда закончили проверку билетов. Это нельзя назвать смехотворным, пассажиры были взволнованны и раздражены. Они чувствовали, что что-то здесь не так. Была необъяснимая задержка, они миновали ворота Хизроу и уже находились в воздухе, но диспетчер просил каждого предъявить свой билет. Это и было выполнено. Принято шестьсот сорок обедов, в воротах отмечено шестьсот сорок билетов — но в самолете находилось шестьсот тридцать девять пассажиров. Кто-то когда-то вышел в ворота с одного конца и не появился в другом. Несмотря на то что по распечатке с компьютера было проверено каждое сиденье на обеих палубах и во всех шести купе, включая восемнадцать туалетов и девять багажных отделений... они по-прежнему не знали, что случилось, хотя стало известно имя. «Хорошо! — угрюмо сказал экономист. — По крайней мере, мы знаем, что не ошиблись в подсчете. Но что мы скажем семье этого Джона Гриббина?»

**АВГУСТ, 28, 1983 г. Время: 10.50 вечера. Майор Де
Сота, Доминик П.**

Б ыть майором — это значит не быть им, когда у тебя нет отряда и твои парни далеко. Там идет сражение. Оружие, проташенное через портал без четверти одиннадцать, уже стреляет. Бой был кровавым, и я знал это: ведь, наблюдая портал возвращения, установленный под мостом, нельзя не видеть возвращающихся. Но я не смотрел на них, а только стоял с зажженной сигаретой в руке и ждал, пока кто-нибудь скажет мне, куда идти и что делать.

В целом операция выглядела ужасно. Возможно даже все потеряно. Новые группы пехотинцев, уходившие сражаться, уже не были головорезами с гордо поднятыми головами и ясными глазами, ссутулившись, они угрюмо брели в большой черный прямоугольник и молчали. Обратно возвращались единицы...

Те, кто возвращался, лежали на носилках медиков.

Сквозь портал возвращения доносились звуки оружейной стрельбы, бабаханье мортир и гранат. Даже воздух был более горячим и влажным. Он пах гарью и разбитой штукатуркой, дизельным зловонием танков.

Он пах смертью!

При других обстоятельствах это была бы прекрасная ночь, я вообразил себе прогулку вдоль реки, как моя рука обнимает прелестную девушку... Конечно, жарковато, но чего же еще вы ожидали от августа? Этот вечер был знойным, хотя на небе ни одной звезды, раздавался постоянный «зап-зап» наших стробов (их дюжины). Я считаю, теперь они уже не могли обвести вокруг пальца русские спутники, но они замечательно смотрелись, освещая дырявые облака.

Тем не менее, обстоятельства складывались плохо. Я был очень далек от того, чтобы меня могли назвать героем. По крайней мере, мне дали другую одежду — брюки и рубашку из ближайшего супермаркета — и я больше не смотрелся таким болваном во взятом напрокат смокинге. Но это ощущение не проходило. Я более чем ничто. Я сделал шаг назад, уступая дорогу громыхающему полугусеничному транспортеру с грузом носилок, и столкнулся с другим безработным зевакой.

— Извините! — сказал я, затем увидел на воротнике генеральские звезды. — Боже мой! — вымолвил я.

— Нет, майор Де Сота, — грустно сказал генерал Магрудер. — Это всего лишь я!

Генералу трудно перенести подобное сочувствие, особенно такому, как Магрудер, Крысья Морда. Сейчас это был совсем другой человек, чем тот, который пережевывал мою задницу в Нью-Мехико. Он выглядел обреченным, и было легко понять почему. Я вежливо, насколько мог, спросил генерала, какой зоной операции он сейчас командует.

И ответ Магрудера был краток:

— Никакой, Де Сота! Меня сняли и переназначили на форт Леонард Вуд. Вылетаю утром!

— О! — только и смог сказать я.

Когда генерала вытаскивают из военных действий и переводят на обучение гарнизона, вы не можете сказать ничего другого. Думаю, мои мысли были написаны у меня на лбу. Он улыбнулся мне со злорадством.

— Если вы по-прежнему беспокоитесь за трибунал, не спешите! — сказал он. — По списку перед вами около сотни людей!

— Рад слышать, сэр! — произнес я.

С удивлением и презрением он взглянул на меня.

— Рад? Я бы не сказал! — Генерал посмотрел на портал, откуда ковылял хромым сержант, поддерживаемый женщиной с лейтенантскими полосками и перевязанной головой. И вспыхнул: — Эта глупая президентская сука! Для чего она заставила нас применить силу?

— Она сумасшедшая, сэр! — заискивая, сказал я.

— Чертовски верно, она чокнутая! — сказал он злобно. — По крайней мере, я это понял! И этот проклятый яйцеголовый...

— Сэр?

— Этот ученый! — прорывал он. — Я имею в виду не Дугласа, а нашего собственного! Знаете, что сказал он нам теперь? Мы могли не проводить этой дерьмовой операции, а воспользоваться мирами, где нет людей!

— Нет людей, сэр!

— Вся эта чертовская раса перебила себя много лет назад! — раздраженно крикнул Магрудер. — Он недавно заглянул в эти миры! Похоже, в семидесятых у них была ядерная война... Вероятно, некоторые миры еще радиоактивны, но остальные-то... И нам никто бы не сопротивлялся! Мы могли послать туда целый флот, свободно пролетать над Россией и устанавливать порталы, где только захотим! Дерьмо! Нам даже не нужно бомбить их самолетами! Стоит только протолкнуть ядерную боеголовку... если необходимо, тысячу боеголовок, по всей их дьявольской стране... или захватить ее! Хотите по чашечке любимого? — внезапно закончил он.

— Не откажусь!

— Тогда пошли! — И мы двинулись к штабу. — Теперь все по е... — уныло бросил он через плечо.

Генерал сказал, что он хочет выпить кофе. Полковник с газетой уныло взглянул на меня, но я поспешил укрыться за генеральскими звездами. Он ничего не сказал, когда Крысья Морда вынул из кофейника две чашки и протянул одну из них мне.

— Новая операция, генерал... — начал я.

— Да-да! Я надеюсь, мы прервем ее! Но мы потеряли много времени!

— Времени, сэр?

— Русские! — пояснил Магрудер. — Они забегали!

Он долго возился с кофе: до точки кипения оставалось только два градуса, и маленький глоток обжег мне горло. Глотка генерала была луженой.

— Слова улечучиваются словно дым! — устало пояснил он. — Пленники сказали охране, а те проболтались подружкам. Раненые поделились с медсестрами, те признались репортерам. Недолго нам удалось сдерживать крышку... Какие-нибудь проблемы, полковник? — спросил он у коменданта.

Полковник отложил в сторону газету и сказал извиняющимся тоном:

— Простите, сэр! Но, кажется, этого человека зовут Доминик Де Сота! Да? О Боже, Де Сота, какого черта вы здесь? Вас давно ждут в точке вылазки! Поднимайте свою задницу и дуйте прямо в зоопарк!

Магрудер прилип ко мне как банный лист. Не говоря ни слова, он прыгнул вместе со мной в джип, а я не спорил. Машина рванула с места. На дороге машин было мало: гражданских предупредили, и они больше не высовывались. Дорожные цвета возвращались на свои места, освещенные фарами, а мы пролетали перекрестки, не останавливаясь, пока не завернули на авеню.

Авеню полностью блокировали. Это напоминало парадный строй в день инаугурации, словно эту маленькую улицу наводнила вся военная мощь республики. Офицеры в золотых и малиновых шлемах беспокойно шагали туда-сюда перед транспортом и переговаривались в плечевые рации. Но они готовились не к параду, а к вылазке через портал, за мадам президент... и еще одна неуместная деталь. Через проход эвакуировали крупных животных, не переносивших шума и стресса. Транспорт, походивший на фургоны для лошадей, но имевший крепкие решетки, уносил львов, леопардов и горилл. За ними следом через горячую вашингтонскую ночь обезумевшие сторожа гнали жирафов, зебр и слонов. Наш водитель раздраженно ударил по гудку, бешено заревел в ответ слон.

— Вот дерьмо! — закричал Магрудер в мое ухо. — Нам никогда здесь не проехать! Но пройти сможем, наверное.

Даже пешая прогулка не приносила радости. Военный транспорт почти не двигался; увертываясь, они старались не попасть под ноги слонов и не ехать по огромным массам слоновьего дерьма. Магрудер, Крысья Морда, двигался так, будто был защитником, несущим мяч сквозь рукопашные схватки, он что-то орал через плечо. Я не мог слышать, что именно, но пытался не отставать.

Сквозь портал ничего не проходило.

— Дерьмо! — снова крикнул Магрудер. — Живей!

И он направился к кафетерию зоопарка, где возле телеэкрана сгрудились командиры.

— Какие проблемы? — поинтересовался он.

Двухзвездный генерал поднял глаза.

— Смотрите сами! — он показал рукой на экран. — Это прямая трансляция со спутника из Женевы с заседания Лиги Наций.

Толстяк в пенсне читал свою речь в объектив камеры, слышался женский голос, делающий синхронный перевод с русского на английский.

— Русские? — догадался Магрудер.

— А вы очень догадливы! — сказал генерал-майор. — Это представитель Советов! Видите, какой он сонный, там сейчас около шести утра, и он, наверно, не спал всю ночь.

— Что он сказал? — спросил я.

— Он сказал... — всжливов ответил генерал. — Как же он выразился?.. Что они имеют неопровержимые доказательства того, что мы хотим напасть на их страну через параллельное время. Он заявил, что, если мы тотчас не остановим «агрессию», его народ будет считать, что мы атакуем их собственную страну... Смешно, не правда ли? Русские защищают американский народ от американцев!

Я сглотнул комок в горле:

— Что они хотят делать?

— Они объявили нам войну! Кажется, это имеется в виду Делайте ноги! Мы еще задержали дополнительные группы до того момента, пока кто-нибудь не придумает, что предпринять... И слава Всевышнему...

Видимо, оттого, что она была одной из очень немногих, кто мог понять невнятную речь мужчины, ей единственной позволялось возить его инвалидную коляску по ухабистым древним дорогам колледжа. Но она никак не могла справиться со ступеньками. «Помогите, хоть кто-нибудь!» — крикнула она и обернулась, услышав глубокий вздох. — О нет! Не беспокойтесь, доктор Хоукинз!» Даже в знойную жару английского августа помочь известному ученому с мировым именем, управлявшему Кембриджем, было большой честью. И очень ответственным делом. Когда она вернулась с рослым мужчиной из королевского колледжа, она вскрикнула

от неожиданности. «Но он ведь не мог встать с кресла!» — заплакала она. Тем не менее, кресло было пусто, хотя ремни по-прежнему застегнуты, а подножки установлены на уровне его усохших ног..

Стив Хоукинг совсем недавно был здесь.

Год 11-110 111-111; месяц 1-000; день 11-101; час 1-010; мин. 11-110. Сенатор Доминик Де Сота

В о время прыжка из одного параллельного времени в другое вы ничего не ощущаете, даже когда знаете, что происходит.

Я не знал.

Все, что я помнил, это то, что в один миг я спускался с лестницы, спеша к своей возлюбленной. Затем без ощутимой задержки (хотя это могли быть часы, дни) я уже лежал на спине и слышал чей-то сладкий голос. Голос шептал в мое ухо, чтобы я ни о чем не беспокоился, и как раз это начинало меня тревожить. Я знал, что лежу, и был испуган.

Боялось мое сознание, а тело находилось в абсолютном покое и было совершенно расслаблено. Я не думаю, чтобы раньше я был так расслаблен, за исключением тех моментов, когда кувыркался в постели со своей Найлой. Тогда мы лежали в узле, совершенно отрешившись ото всего. Я вовсе не намекаю на то, что мое нынешнее состояние было сексуальным... просто я находился в состоянии абсолютного физического покоя.

Но для этого не было повода. Зато было много причин для тревоги — это показывали мои напрягшиеся мышцы и взвинченные нервы. В поле зрения и в области слуха не было ничего успокаивающего. Я лежал на жесткой койке в комнате, смахивающей на морг. Здесь стояло еще около дюжины других кроватей, и на каждой лежало чье-то тело. Пахло медикаментами и чем-то отвратительным... полагаю, как в морге.

Человек, который шептал в мое ухо, также не успокаивал. Он (или она!) не имел(а) лица. Вы не можете назвать лицом странную пустоту телесного цвета между подбородком и волосами. Пустота колебалась, когда раздавался голос, но не открывала черт. Она (или он) говорила: «Вы должно быть, сильно напуганы, у-у-у, сенатор, у-у-у, Де Сота! Успокойтесь». И он посмотрел на меня (или она), хотя я и не мог видеть глаз, потому что

он(а) прикоснулся(лась) ко мне здесь, потрогал(а) там... и везде, где он (она) прикоснулся, было резкое покалывание или внезапная боль.

Со мной что-то делали. И я разрешал это.

Нет, я давал этому произойти! Я не имею в виду, что мне все было безразлично, нет, боялся очень, ужасно. Но здравый рассудок говорил мозгу, что тело мое расслаблено и податливо. Этого даже не нужно объяснять словами, достаточно прикосновений и жестов — и тело мое удерживалось, переворачивалось или представляло свою часть для чего-то.

Однажды я видел нечто похожее, когда Найла-Без-Пальцев и Мо были усыплены во время нашего бегства из нью-мексиканского мотеля... Но они только уснули, а здесь было намного-намного хуже. И к тому же раньше я был простым наблюдателем. Я не мог представить себе унижения своего тела, перевернутого и приподнявшего крестец для финального выстрела.

В этом месте до меня дошло, что я абсолютно голый. Я бы и не заметил этого, если бы не голос: «Вам необходимо встать и одеться, а потом дожидаться остальных у парилки».

Мое любезное тело натянуло на себя шорты, теннисные тапки и майку. Все это было сделано из какой-то безразмерной ткани. После тело столь же любезно поплыло за мужчиной (женщиной) из бездверной палаты. Здесь не было вовсе дверей... Нет, они не появились по мановению волшебной палочки. Случилось так, что он (она) пошел прямо на стену и прошел через нее. Я поступил так же и очутился среди семи-восьми человек, одетых в такую же всеразмерную пляжную одежду бежевого цвета.

И в самом деле, мы были на пляже... или чем-то подобном. Еще это напоминало аэропорт (странная смесь очень современного и дряхлого). Был жаркий-жаркий летний день, с солончака едкий бриз доносил запах морской воды и мертвой рыбы. Через дорогу поблескивали волны. За обрывком флагштока находился бетонный блок с надписью из вдавленных ракушек. Зимние снега и жар солнца сделали свое дело, но буквы еще различались. «Флойд Беннет Филд».

За приземистым белым зданием, откуда мы только что вышли (в наружной поверхности двери также отсутствовали), показался дельтакрылый самолет с реактивным двигателем, спустил закрылки, повернул двигатели и

приземлился в нескольких ярдах за зданием. Прокатился пару футов и остановился совсем. Здание, в свою очередь, начало перемещаться. Оно задрожало, ускорилося и накрыло самолет. Через четверть мили с неуклюже раздутым брюхом проскользнуло в другое белое здание. Я обернулся к счастливому зомби, стоявшему рядом со мной, и сказал:

— О Дороти, я полагаю, мы уже не в Канзасе!

Он раздраженно взглянул на меня, потом выражение смягчилось.

— Мы с вами случайно не знакомы? — спросил этот оживленный покойник.

Приглядевшись получше, я изумился:

— Доктор Гриббин? Из Сандии?

— О, я, наверное, уже в аду? — сказал он. — А вы тот самый янки-конгрессмен? Вы случайно не знаете, куда мы попали?

Ну как вы ответите на подобное? Пока я раздумывал, что ему сказать, голос за спиной избавил меня от ненужных хлопот.

— Это параллельное время! — сказал с умным видом Ники Де Сота. — Вы разбираетесь в квантовой механике? Отлично, кажется, Эрвин Шредингер или кто-то там еще предположил, что некоторые виды ядерных реакций, которые могут иметь альтернативу, идти двумя путями. Из этого следует, что...

Я отвернулся, с трудом удерживаясь от смеха. Какой-то клерк объяснял головоломку Шредингера! И кому? Одному из самых крупных специалистов в мире по этому вопросу! Но у Ники было одно преимущество перед Гриббином: он видел, как все это происходит. Послушать разъяснение Ники подошел еще один человек, но я не обратил на него внимания и смотрел на чужой мир, удивляясь, почему я здесь, вернусь ли к нормальной жизни в сенате... хорошо, это отбросим. Больше всего меня интересовало, куда делась моя возлюбленная. В группе счастливых зомби было несколько женщин, но ни одна из них не была мне знакома. Еще здесь находилась безликая персона в белом комбинезоне, перчатках и ботинках, она стремилась загнать нас в автобус. С водителем разговаривала какая-то девушка, но, заметив нас, она спрыгнула с подножки и побежала прочь, словно мы были прокаженными.

Я не знал, что и подумать.

И повернулся к Ники и Гриббину.

— Будет лучше, если мы сядем в эту штуковину! — сказал я.

Гриббин озадаченно посмотрел на меня, затем вновь на Ники.

— Вы двойники! — крикнул он.

Ники улыбнулся.

— Частично, да! — согласился он. — А вы разве не заметили? Вас тоже двое!

И он показал на человека, стоявшего рядом с отвисшей челюстью и выпучившего глаза на Гриббина. Он изумленно потрогал свое собственное лицо, словно не замечал его раньше.

— Кровавый жуткий ад! — сказал второй Гриббин, сделав для себя окончательный вывод.

Какими бы пилюлями они нас ни напичкали, их действие подходило к концу. Мой приятель-свечка начинал возражать безликому пастуху — и не всегда вежливо. По мере того как действие наркотика проходило, моя самоуверенность возрастала. Как и Ники, я пробовал раньше эту гадость, и никакого удовольствия не было, а только меньше раздражались нервы.

Насколько я мог судить, из нашей вашингтонской команды в эту группу посчастливилось попасть только мне и Ники. Меня не тревожило отсутствие еще одного Дома, не говоря уже о русских и паре Лари Дугласов. Но вот что здесь не было Найлы — это уже плохо. Мне очень хотелось узнать у кого-нибудь, смогу ли я снова увидеть свою Найлу, но все терзались собственными вопросами, были возбуждены и напуганы больше меня.

— Что происходит? — спросил один из Гриббинов, и безликое ответило:

— Проходите в парилку. Пожалуйста, садитесь и ждите!

И он (или она) отвернулся, когда кто-то схватил ее (его) за руку.

— Я не знаю, где я, но когда же, наконец, я узнаю, кто заказывают музыку? Мне срочно необходимо в лабораторию! — он продолжал протестовать. — Сейчас там должна начаться встреча на высшем уровне! Если меня там не будет, это обойдется нам в половину дотации на следующий финансовый год... — он с негодованием замолчал, потому что безликий расхохотался ему в лицо.

— И об этом-то вы сейчас волнуетесь?..— пояснил он(а) снисходительно.— Прошу вас, в парилку!

Я решил, что лучшего выбора не было, и сел в эту штуковину, заняв ближайшее место. Ники проскользнул рядом.

Когда безликая назвала это «парилкой», я немедленно перевел это в «судно на воздушной подушке». Так оно и оказалось! Я никогда не был в подобных машинах, но, когда почувствовал легкое трепетание и мы начали скользить над треснувшим бетоном к дороге, я был уверен в этом на сто процентов.

Дорогой это можно назвать только с большой натяжкой. Ею не пользовались длительное время. Широкая и пустынная, она вытягивалась под нами и тянулась к дальнему городу, едва видневшемуся на горизонте.

Я видел преимущества транспорта на ВП. По таким рытвинам и неровному асфальту не проехать ни на каких колесах. По большим ямам когда-то прошлись бульдозером, и никто не убирал в стороны случайные кучи ржавчины, которые раньше звались автомобилями. Встречались места, где болотная рогоза полностью скрыла асфальт, и я видел камыши и вспорхнувших птиц. Каждый раз, когда парилка сворачивала и наша цель была видна отчетливо, я внимательно всматривался в дальний горизонт. Иногда это казалось чем-то знакомым...

Подпрыгнув от волнения в соседнем кресле, Ники Де Сота крикнул:

— Черт возьми, это же... Нью-Йорк! Я еще не был в этой части города...— улыбаясь, он пихнул меня локтем.— Ты заметил, эта штука с кондиционером!

— Ну и отлично! — сказал я.

Это все, конечно, было интересно, но меня больше занимало то, что впереди нас. Около отделения водителя располагался отгороженный отсек, внутри которого и находилась женщина (мужчина), которая привела нас к автобусу. То, что она делала, ясно обозначило пол. Наклонив лицо, она вперилась в него рукой и потянула. Вау! Пустота телесного цвета соскользнула и осталась в руке. Теперь здесь находилось настоящее лицо, и, кстати, довольно прелестное. Она распахнула комбинезон, открыв еще более веские доказательства женственности, и повернулась к нам.

— Доброе утро! — раздалось из внутренней связи.

За мной крикнул Ники:

— Доброе утро!

Так же поступили и другие, словно пятилетки в школьной группе.

— Теперь, — продолжала она, — ваши транквилизаторы перестали действовать, и я объясню, что случилось. Есть новости хорошая и плохая. Начнем с хорошей: через ути-пут дней вы будете иметь право свободно передвигаться по нашему прекрасному миру. Теперь плохая: вы останетесь здесь навсегда!

Женщина улыбнулась, наступила пауза, потом градом посыпались вопросы. Ее ласковая улыбка не пропала.

— Я еще не успела подключить обратную связь, поэтому пообщайтесь пока между собой. Потом я расскажу вам, что произошло и почему, что вам следует ждать от будущего, затем настанет время для вопросов. Через тоттер-тот минут мы подведем к вашему отелю.

Она улыбнулась нам еще раз и отвернулась к водителю.

Все это называлось поездкой, но происходило слишком многое. Вероятно, при рождении я испытывал подобные чувства. Сейчас я был завален новизной всего. Как и все... кроме Ники. Он все воспринимал с ликованием и радовался новому прекрасному чужеземью.

Я так не мог. И удивился бы больше, чем кто-либо другой, если бы снова увидел Найлу.

Хоть одну...

Когда мы миновали соленую воду, женщина начала объяснения. Мы пролетали вдоль широкой авеню между рядами развалин и выжженных магазинчиков на первых этажах. Два-три раза мы уменьшали скорость, пропуская встречные парилки (водители приветствовали друг друга рукой). Некоторые парилки были совершенно пусты. На улицах ни души — я видел черепах, размером с большое блюдо, которые грелись на дороге, видел свернувшуюся в клубок змею (уверен — гремучая!). Она лежала не двигаясь, хотя голова приподнялась и глаза-бусинки взглянули на нас. Я видел, как лиса преследует кролика, он безумно петлял вдоль того, что когда-то было тротуаром. Шум наших вентиляторов рассек воздух, и они мелькнули где-то под нами.

И я слушал.

Вначале она вынесла нам приговор изгнания.

— Неконтролируемая эксплуатация порталов пара-

времени,— осуждающе произнесла она,— должна была привести к хаосу, и мы решили тогда прекратить все это! Мы переместили всех новых основных экспериментаторов и людей из перемещенных времен на эту планету... В то же время мы привели все центры по исследованию паравремени в опасное для жизни состояние с помощью индуктированной радиации. У нас не было другого выхода... или убить всех.

Я потянулся и зевнул. Мы продолжали движение, не обращая внимания на высокие неопрятные деревья, тянувшиеся к нам со всех сторон. Впереди была сфера двадцатипятиэтажных зданий, до самого высокого рукой подать. У них всех были выбиты стекла, а их стены оббивал густой плющ.

— Когда-то,— говорила женщина,— эта планета стала необитаемой для людей. Здесь была война, они называли ее мировой, и кто-то решился использовать биологическое оружие. Все люди умерли — и не только они... Практически здесь вымерли все приматы... не осталось даже горилл... но все остальное выжило.

Она мельком взглянула на запястье, будто там находилась шпаргалка.

— Да, вот еще! Не бойтесь заболеть, вам сделана предохранительная прививка против заражения. И уж конечно, против всех занесенных вами микроорганизмов, у вас была целая смесь вирусов! — у нее на щеках проступили ямочки.

Возможно, здесь было что-то обнадеживающее, и мы улыбнулись в ответ.

— Во всяком случае, некоторые из паравремен начали использовать планету с целью колонизации, люди покидали свои дома по той или иной причине. Как правило, это была засуха или что-то подобное. Правда, всегда найдутся люди, которые хотят стать пионерами. К вашему счастью, здесь уже создана целая инфраструктура. Это один из немногих пригодных к жизни городов — пригодный более или менее — но все же вам, в основном следует переселяться на фермы. В конце концов, еда — это самое главное!

Никто из нас не улыбнулся, в свое время каждый из нас был кем угодно, но только не фермером.

И я начинал сомневаться в социальной полезности должности сенатора, что мог он принести новому миру?

Соскользнув вниз с холма, мы подплыли к еще более высокому зданию — небоскребу с часами на вершине. С одной стороны — три с четвертью, с другой — где-то между десятью и одиннадцатью. Под нами потянулась заржавелая трамвайная линия — впереди возвышался ржавый скелет трамвая. Мысль, что мы пройдемся под этими столбиками, была мне не по нраву. Но водитель знал, что делает. Медленно проплыв под дюжиной блоков, мы снова набрали скорость и свернули в сторону.

— Вопросы есть? — весело спросила женщина.

Первым вылез Ники.

— Что такое — тоттер-тот? — спросил он.

— Что? — удивилась женщина.

— Вы говорили, что это займет «тоттер-тот» минут, и я не понял, что это значит.

Прелестная мордашка прояснилась:

— Ах да! Я совсем забыла. У вас десятичная система? Дайте подумать! Ум-м! — Она снова посмотрела на запястье. — Все путешествие заняло около четырех-пяти минут... Около, ум-м, двадцати минут... Другие вопросы есть?

Руку поднял один из Гриббинов.

— Один большой, мисс! — произнес он. — Я специалист по квантовой механике и не знаю, с какой стороны подходить к плугу!

— Конечно! — поддержала женщина. — Это очень серьезная проблема. Нам нужны фермеры, рабочие и инженеры. Но здесь есть программа по переподготовке.

Она задорно улыбнулась, и мы внезапно откликнулись на улыбку.

В фургоне стали перебрасываться словами туда-сюда, но вопросы были нечастыми. Возможно, никто из нас не интересовался ответами. Лично я смотрел вперед, вытянув шею, мельком увидев мост. Мне было страшно пересечь Ист-ривер по мосту, который не касались полвека.

Женщина продолжала расточать улыбки.

— Если кто-нибудь из вас желает немедленно приступить к работе, нам нужны повара и уборщики, разнорабочие для гостиницы. Видите ли, в период карантина вам придется все делать самим. И вы будете работать.

Я не слушал. Напрягся, когда мы направились к разрушенному подступу, расслабился, когда свернули в

сторону, и снова заволновался, когда подъехали к воде. Где мы возьмем паром? Переплывем вплавь или остановимся здесь? На том берегу виднелись обещанные нам заплесневелые небоскребы.

Ничего подобного! Мы не остановились, а скользнули вниз в грязную реку, поплыли над водой так же легко и уверенно, как парили над ямами старых городских улиц. В дальнем конце реки виднелись останки пирса: голые купальщики равнодушно взирали на нас. Их больше интересовал свой парень, который вынырнул в нескольких дюжинах ярдов, посмотрел на них глазами в защитных очках, с удовольствием выплюнул воду и взмахнул четырехфутовой рыбой, бьющейся на конце гарпуна.

По крайней мере, эту часть Нью-Йорка я знал. Признал Кэнал-стрит, хотя указатели давно заржавели. Я не узнавал улиц, через которые мы проносились, но почти признал Пятую авеню. Сбивало с толку то, что здесь не было «Эмпайр стейт билдинг», по иному выглядела Тридцать четвертая улица. Любопытно, что на следующем перекрестке над улицей возвышались останки паукообразной полицейской будки.

Здесь мы снова остановились, водитель и наш гид натянули свои телесные маски.

— Это здесь! — громко произнесла женщина. — Когда-то это называлось отелем «Плаца». Возможно, он несколько устарел и покрылся плесенью... но, мои друзья, зато какой здесь восхитительный вид на Центральный парк!

Мы разместились по номерам старого отеля и получили еду. Отныне мы звались перемещенным паравременными лицами — ППЛ для краткости. Неделью находились на карантине — достаточно долго. И хотя мы сможем через несколько дней оставить отель, нам уже никогда не выбраться из этого особенного паравремени.

Мы находились на вечном хранении.

В старом отеле «Плаца» была уйма работы — женщина не обманывала. В моем собственном 1983-м от рождества Христова, насколько я знал, это было прекрасным местом. В полночь сюда, к ближайшему фонтану, выходили играть Скотт и Зелда Фитцджеральд.

Безусловно, отель не обслуживали вот уже шестьдесят лет — не было человеческого персонала. В ресторане на нулевом этаже устоялся противный запах звериного логова (так и оказалось). Четверть окон была разбита, но

некоторые уже заменены пластиковой пленкой. В отдельных номерах из крана бежала ржавая вода, в других ее не было совсем. Мебель пребывала в плачевном состоянии, особенно кровати. Хлопок превратился в плесень, плесень — в пыль, пружины матрасов — в ржавчину. Прежде чем мы легли спать, нам с Ники пришлось основательно потрудиться, изготавливая новые постельные принадлежности. Поперек кровати положили деревянные доски, все еще пахнувшие лесопилкой, на доски осторожно водрузили дырявые матрасы... вполне сносно! Иногда мы сдували с пальцев капли крови, подтверждая это силой своего голоса. Разумеется, мы уже не стали беспокоиться о шерстяных одеялах. В этом отеле, похоже, не приходилось думать и о кондиционере.

Не все в комнате было рассыпающейся стариной. Одна вещь была очень новая. Вначале я подумал, что это телевизор, но приводило в замешательство наличие подсоединенный клавиатуры. Когда Ники в порядке эксперимента нажал кнопку «вкл», экран вспыхнул и на розовом фоне появились черные буквы: «Привет! Каков ваш личный код?»

Этого мы не знали и никак не смогли удовлетворить свое любопытство: штукавина долго и упорно отказывалась работать. Неважно, какие клавиши мы нажимали, работала только одна кнопка с пометкой «выкл»!

День промелькнул быстро. Когда солнце село, наш люкс сделался вполне пригодным для жизни... более или менее. Мы получили полотенца и подушки, приличную одежду и мыло, а также остальные вещи, необходимые для жизни. Мы узнали, как открываются пластиковые щиты на окнах, и проветрили помещение. Блаженству помешало то, что вместе со свежим воздухом в помещение влетели рои москитов с той самой зелени, которая была когда-то ухоженным Центральным парком. Их привлек свет в окнах, и нам пришлось погасить лампы.

Мы утомились. Я почистил зубы, и когда Ники делал то же самое, полюбовался видом парка — действительно чудесным, как и обещала наша проводница, хотя и чужим. Когда-то в нем было многолюдно, внизу проезжало много машин, сейчас не было ничего подобного. В небе ярко сияли звезды, чего я никогда не видел в Нью-Йорк-Сити своего времени.

Это был мертвый город, лишь только небольшое

пространство вокруг отеля было центром инфекции, куда снова начинала вторгаться жизнь.

И это был пустой город, для меня совершенно безлюдный, потому что здесь не было Найлы Боувист.

Поражало еще одно обстоятельство: быть может, в моем собственном времени Найла стояла здесь, в этой самой комнате. Я знал, что, когда она играла в Карнеги-Холл, она останавливалась в «Плаце». Зал находился в нескольких кварталах отсюда. Вполне вероятно, она стояла у этого окна и смотрела на ухоженные газоны, спортплощадки у озера, велосипеды у входа в парк, миллионы машин, ползущих по прилегающим улицам. Я видел временные сооружения в форме пузырей и лампы, установленные над одним из расчищенных участков.

Я осознал, что сзади меня стоит Ники и расчесывает мокрые волосы.

— Разве не чудесно, Дом? — спросил он.

Я посмотрел на него с неоправданным раздражением. Ники не виноват, что он не Найла.

— О чем ты говоришь, Ники? Это изгнание, и мы останемся здесь навсегда.

Он сказал с сочувствием в голосе:

— Я знаю, что тебе трудно, Дом! Ты потерял многое, я — нет. Но это не только изгнание! Это совершенно новый мир! Рай! Они подарили нам новую жизнь!

— Мне она не нужна! — сказал я. — Во всяком случае, они сделали это не ради нас!

— Ладно, Дом, это так! — он скромно отвернулся, надевая пижамные брюки. — Но, согласишься, они вложили в это дело массу усилий. Они подготовили этот район, знаешь, сколько здесь было работы? Починить водопровод, восстановить электростанции. Очистить город от мусора, я не имею в виду сгнившее постельное белье. Здесь умерли люди, и остались их трупы... скелеты, по крайней мере. Кто-то вывез их отсюда, прежде чем прибыли мы.

— Возможно, они сделали это для себя, имея собственные намерения! — возразил я.

— Но и мы извлекли отсюда выгоду! — заметил он.

— Нас загнали сюда. Это и для их собственного блага! Они беспокоились о своей монополии на паравремена!

Ники задумчиво взглянул на меня и залез на кровать.

— Их это не волнует, — сказал он. — Они доставили нас сюда, накормили, дали нам жилье и одежду...

— Верно! Как еще они могли прекратить наши исследования?

— Ну хорошо! — он укутался в простыню. — Думаю, кое-кто мог позаботиться по-другому: просто убить нас... Спокойной ночи, Дом!

После франко-индийских войн многие племена не смогли ужиться с новым правительством, и некоторые из них уехали в Америку. В моем штате осела одна такая колония — из восемнадцати сотен беженцев, которые никогда не видели поезда и телевизора, не знали, что такое газовая плита или пылесос. Разговор о культуре потрясал. Нам не приходилось учить их управлению автомобилем или газонокосилками: это сражало их на повал. Мы учили дикарей, как открывать банки с пивом и использовать кредитные карточки. Объясняли, почему на красный свет надо стоять, а идти — на зеленый. Почему надо мочиться в туалете, даже если вы можете уйти в кусты. Когда я прибыл вместе с делегацией конгрессменов к этим мисс из Карбональ, то очень жалел их — и много забавлялся.

Если бы хоть один из них появился в «Плаце», мы оказались бы на одинаковом уровне. Я был так же растерян и смущен, но юмора здесь не было.

Первый день Ники и я потратили на элементы искусства выживания в этом мире. То, что я усвоил к концу дня, оказалось еще труднее, чем можно было предположить. В этом нам помогала консоль, находившаяся в комнате — это было не только телевизором, но и телефоном, компьютером и будильником. Мы выяснили, что нашим личным кодом является любое слово или фраза из четырнадцати букв. Я выбрал: «Найла-моя-любовь». Нам нужно было многому научиться, и эта штука терпеливо учила нас всему. Мы смогли найти ответ на любой вопрос, даже на такой, какой и не думали задавать. Например, мы узнали, что наша комната и еда не бесплатны: они предоставлены в кредит, рано или поздно мы должны будем либо расплатиться, либо умереть с голоду. Но как расплатиться? Хорошо, для начала была работа и в отеле: делать кровати, чистить комнаты, готовить еду и

передвигать мебель. Кроме того на моем континенте и повсюду в мире — целая технологическая инфраструктура нуждалась в рабочих руках. Колонисты-добровольцы сделали многое, но их было недостаточно.

Я не знал, чем я могу помочь им: им были нужны водопроводчики и рабочие, механики и электрики — люди которые могли что-нибудь создавать и ремонтировать. Для сенаторов не оставалось ни одной лазейки, как и для квантовых физиков, которые составляли большую часть ППЛ. Наиболее полезными могли оказаться Коты — люди, которые оказались вне своего времени. В основном это были двадцатидвухлетние парни из армии захватчиков, их было сотни в нашем отеле и тысячи в других местах.

Когда мы научились пользоваться комсетом, мы первым делом узнали размещение других ППЛ. Дело оказалось безнадежным: там было девятнадцать Стивов Хоукингов, не говоря уже о девяти Доминиках Де Сота (к счастью, в этом городе нас было только четверо, остальные прошли карантин и куда-нибудь уехали). Из моего времени здесь было шестьдесят человек...

Но ни один из них не был Найлой Христоф Боуквист.

Когда на третий день мы спускались сдавать анализы крови, Ники переживал. Основание для некоторой нервозности было: позарез нужно оказаться здоровыми. Мы прибыли сюда из различных паравремен, провоняв микробами, вирусами и прочей мерзостью всех сортов, но наши хозяева не терпели болезней. В их мирах оспа, туберкулез, рак и обычные болезни не могли существовать долго... даже грипп или венерические, даже кариес зубов. И они не хотели пропустить их сюда. Поэтому, пока мы были без сознания, они сделали все необходимые инъекции и теперь два раза в день собирали анализы нашей крови. Чистая кровь подразумевала некоторые привилегии. Если сегодня мы по-прежнему будем чисты, то сможем перейти с изнурительной работы по передвижению мебели на более изящную — раздавать пищу. Если и завтра все будет в порядке, нам могут разрешить выйти на улицу. По крайней мере, мы сможем посетить остальные гостиницы и встретиться с друзьями из нашего времени, если нельзя побегать в парке и подышать свежим воздухом.

Чтобы так тревожиться, этого было явно недостаточно.

Когда утром мы сдавали кровь, я спросил у Ники, чем он озабочен.

— Будущим! — ответил тот. — Своим будущим. Я начал новую жизнь и хочу что-нибудь делать... но, кажется, в этом Эдеме не очень-то нуждаются в маклерах!

— Или сенаторах! — заметил я, но он не слушал.

— Я полагаю, здесь должны быть банки! — сказал он, указывая, куда передвигать мебель. — Но я не заметил в их списке ничего подобного... И эта дьявольская арифметика сводит меня с ума!

Он разбирался в ней лучше меня: двойные числа так запугали меня, что я даже не старался их понять, когда на комсете возникала такая необходимость.

Я понял, что сказанное мной все же проникло сквозь туман его мыслей, потому что Ники подмигнул мне и сказал:

— О да! Ты тоже. Но я не знаю, Дом, кем ты был до того, как стал сенатором.

— Юристом! — рассмеялся я.

— О! — сказал он с симпатией. — У них они тоже не нужны?

Он остановился и кивнул мастеру.

— Докладывай, Чак, — сказал он, — что ты приготовил нам на утро?

— Кучу дел, — лаконично ответил Чак.

Это был негр, одетый в униформу с лейтенантскими полосками, в армии захватчиков он командовал танком и был моим врагом... кажется, это уже не имеет значения. Он отличался от нас только тем, что прибыл на сутки раньше, поэтому, он был мастером, а мы грузчиками.

— В полдень прибыло семьдесят пять новичков, значит, вы должны очистить от хлама девятый этаж.

Все, кого мы видели, были ППЛ. Котом была даже женщина, бравшая анализы крови... хорошо, Котами считались мы все — последние пять лет планета была полностью свободна от людей. Но и Коты были разные — настоящие колонисты не жили в отеле. Иногда мы видели, как один из них приходил в защитном костюме с маской и забирал анализы крови или отдавал приказы. Такие колонисты не задерживались долго.

То, что я знал о них, было немного, в основном то, что по крупницам удалось собрать из комсета. Настоящие

поселенцы прибыли не из одного, а из целой ассоциации паравремен... восемнадцати — двадцати различных миров. От нас они отличались только тем, что научились управлять созданными коммуникациями на четверть века раньше.

Для них это было нелегко. У них были те же самые страшные времена с «баллистическим отскоком» — прежде, чем они научились сводить его до минимума посредством ограничений количества межвременных туннелей и осторожной эксплуатацией порталов. Они начали колонизацию пустых миров.

И в этом были достоинства. Проблемой паравремен занимались в двадцать раз больше; кроме того у них было преимущество в том, что они могли заглядывать внутрь множества миров.

Короче говоря, их эволюция и исследования продвигались в сотни раз быстрее наших: они учились тому, что знали другие. Из одного мира они получили компьютерную технологию, из другого — космические спутники, термоядерный синтез, генетическую инженерию, фантастическую химию и изумительную медицину... все это они взяли из иных времен.

У меня было много времени подумать, пока мы трудились на девятом этаже — Ники не отличался особой разговорчивостью и терзался своими вопросами. Вот только когда мы сбрасывали последний ящик сгнивших рубашек в старый чемодан из свиной кожи и тащили его к лифту, тут, кажется, он и проявился. Именно здесь он сказал:

— А тут не так уж и плохо! Верно, Дом?

— Поживем — увидим! — сказал я, спускаясь по лестнице.

Ники покачал головой:

— Нам тяжело, — сказал он, — потому что нас не спрашивали. Но истинные поселенцы пришли сюда по своей воле и, думаю, поступили правильно. Целая новая планета, Дом! Черт возьми, у меня была подобная мысль! Неисследованная, о которой мы ничего не знаем!

Я остановился, поджидая его.

— Как это?

— Это наша собственная планета. Все ресурсы нанесены на карты. Если вы нашли месторождения нефти на Аляске, а британцы из моего времени в Аравии... это еще

существует в этом мире! Нас ждут природные богатства! И чистые озера, реки, несрубленные леса и прозрачное небо... вот здорово, Дом! Тебя это не волнует?

— Меня больше интересует, что у нас на ужин!

— Ох, Дом! Ты думаешь совсем не о том!

Я упрямо возразил:

— Нет, я в самом деле имею это в виду, поскольку не хочу думать о будущем. Ники, мне не по душе мысль, что я буду находиться в этой ловушке постоянно... я хочу вернуться домой!

Он задумчиво посмотрел на меня и ничего не ответил... я тоже. Мы спустились на шесть пролетов. Только когда дошли до ресторана, Ники повернулся ко мне.

— Дом,— спросил он,— ты слышал, как кто-то говорил, что мы не сможем вернуться домой?

— Ну да, слышал! — раздраженно ответил я. — Что ты думаешь об этом? Поскольку все мы пойманы, они закрыли порталы, запечатали нас, чтобы мы ничего не испортили «баллистическим отскоком». Поэтому мы торчим здесь. Ты думаешь, нам удастся построить свой собственный портал?

Он покачал головой:

— Они не допустят этого и будут постоянно присматривать за нами.

— Тогда не болтай глупостей! — огрызнулся я. И не извинился: я был усталым и раздраженным.

Ники был таким же.

— Какого черта ты намекаешь на мою глупость, Де Сота? — рассердился он. — Вероятно, в свое время ты действительно был большим человеком, но здесь ты такой же ППЛ, как и я!

Разумеется, он был прав. Дурные привычки сохраняются, я начинал думать, что мое второе «я» — зануда. Мое отношение к Ники можно было назвать терпимостью, еще точнее — презрением.

Он этого не заслуживал. Я презирал в нем всего лишь отражение своей худшей стороны, о которой я не любил вспоминать. Стороны, удерживающей Найлу Боуквист в трусливом адюльтере, ведь у меня не было смелости принять правильное решение... выбор оставался открытым, и все другие Найлы были искушением. Ники был другой. Со всеми хорошими и плохими сторонами. Он носил такие же шорты и рубашку этого нового Эдема, как и я

(мой спортивный костюм теперь, не более чем зола в крематории), он походил на меня, и все внутри было то же самое.

— Ники! — сказал я, садясь за стол. — Я прошу прощения!

— Все нормально, Дом! — он улыбнулся.

— Мы поднялись против хаоса, — извинился я.

— Мы поднялись не против кучки суперменов. Дом! Это тот же самый народ — просто они знают больше нас, ведь у многих они украли знания... но они не ловкачи! Их август 1983-го — такой же, как ваш и мой! Они не из будущего! Они — это мы сами! — твердо сказал он.

Я подумал.

— Хорошо, ты прав! — сказал я. — Об этом ты и думал раньше? Мы их догоним и сможем делать, что хотим, не имея на то разрешения?

Де Сота опустил голову и побормотал:

— Не совсем так!

Он не объяснил, что хочет этим сказать, а я не настаивал.

Как я узнал позже, немного позже, это было ошибкой.

Когда я в первый раз получил назначение в сенат, я тут же обучился новой жизни. Была масса привилегий, и я учился их использовать. В лифте я имел право ездить один: неважно, сколько людей ждет на других этажах. Право на пользование маленьким метро, доставляющим нас из офиса в Капитолий. Неприкосновенность корреспонденции. Посещение сауны и спортзала — только для сенаторов. Я также учился и менее приятным вещам: например, на публике я всегда обязан появляться чисто выбритым и должен отвечать на любое приветствие прохожих, ведь вы не можете знать, кто станет вашим избирателем. Первые недели я не думал о своей прежней жизни в Чикаго.

Здесь было почти то же самое. Приходилось столькому учиться, что я почти забыл покинутый мир. Я забыл о фермерском законопроекте. Я забыл войну, бушевавшую во время моего похищения. Я забыл Мэрилин... впрочем, это не впервые.

Я не забыл Найлу!

Казалось, что я никогда не увижу ее и потерял что-то главное. Все, что говорил об этом мире Ники, правда. Я мог вообразить себе, что однажды мой переходный

период пройдет и я построю для себя прекрасную жизнь в этом новом рае. Смогу производить вещи, встречу красивую женщину, женюсь на ней и наделаю кучу детишек, буду счастлив... но как я смогу жить без Найлы? Это будет второй жизнью. Сомнения не исчезали.

На четвертый день нас признали достаточно чистыми, и это подразумевало привилегии. По первой из них нас послали перебирать пищу — серьезный шаг наверх! По второй мы могли выйти наружу.

Если быть честным, мы не могли бродить где попало и портить чистый воздух Эдема своим потенциально нечистым дыханием. Ники и я получили пропуск, комбинезон и микропоровые маски. И разошлись в разные стороны.

Я думал встретиться со знакомыми в одной из соседних гостиниц. По комсету я узнал, что Де Сота — физик — поселился на углу через сквер.

Днем раньше прошел сильный ливень. Воздух был влажным и прохладным. Высокие деревья, вытягивающиеся вверх, качались на ветру. На улице было порядочно людей, они бродили или куда-то спешили. Некоторые были такие же безликие, как и я, а остальные сторонились нас. Я был беспечен: как только я вышел из отеля, мое настроение сразу же улучшилось. Я хотел, чтобы и Найла была здесь: мы прошли бы под руку по улицам этого чудесного нового мира, но и без нее мне было весело. Когда я входил в вестибюль «Пьера», я засиял от счастья: первое же лицо, которое я встретил, оказалось знакомым. Человек сидел за регистрационным столом и что-то кричал в старый телефон.

— Вы который? — спросил я, стягивая маску.

Он разозлился.

— Я тот, с кем вы имели хлопоты в первом месте, подонок! — резко ответил он.

Поскольку он не мог быть Лаврентием Джугашвили или ученым; он был мошенником из паравремени Тау.

— Я не тот, на кого вы подумали! — сказал я. — Я сенатор, а Ники — это мой товарищ по комнате в «Плаце».

— Надеюсь, он там сохнет! — Дуглас положил трубку и пожал плечами. — О дьявол! Простите, я не хотел вас обидеть! Забудем, хотите чашечку кофе?

Короче, он старался казаться любезным. И у него бы-

ло кофе! Даже здесь есть преимущество в знакомстве с мошенником. Мы сели и поболтали. Я рассказал ему обо мне и Ники. Он рассказал о себе более, чем я рассчитывал узнать. В первую ночь он разместился с фэбээровцем Мо. Дуглас заметил мой взгляд и пожал плечами:

— Возможно, я уже говорил: забудем прошлое!

Но Мо нашел другого Мо—свою копию. И они решили поселиться вдвоем. Более того, они узнали, что здесь есть третий, и после карантина собираются уехать вместе, может быть, на постройку газопровода Техас — Южная Калифорния, может быть, в бригаду первопроходцев или на стройку плотины в Алабаме. Они назвали место Масие Шоало. Там всегда есть много работы для здоровенных парней. А знаю ли я, что и Найла здесь, в отеле?

Внезапный прилив надежды и разочарование, ну конечно же, он говорил о женщине из ФБР.

Я допил отстатки кофе, пропуская остальные сплетни Лари Дугласа мимо ушей. Мою голову заполнили вопросы морали. Найла, которую я любил, была безнадежно недосыгаема.

Мог ли я устроиться с другой Найлой?

Я даже не задавался вопросом, поселится ли со мной эта упрямая полицейская ищейка. Это не имело значения.

Ответ скрывался в моей, а не в ее голове. Что я любил? Было ли это физически материальным женским телом, в котором я находил так много удовлетворения? Были ли это особенности и привлекательные черты Найлы, которая замечательно играла на скрипке, была во власти страсти и добра во всех отношениях? Любил ли я Найлу Боуквист менее, если бы она не видела разницы между Брамсом и Бетховеном или не очаровывала и волновала элиту? Одним словом, буду ли я любить ее, знаменитую? Или, спустившись к вопросу, на который нет ответа, что я понимаю под «любимой»?

Когда вы восхищаетесь собственным пупом, очень трудно следить за действительностью. Я не удивился, когда Лари прекратил свою болтовню и с подозрением покосился на меня.

— Извините, я задумался! — сказал я
Он фыркнул.

— Может быть, вы, наконец, скажете, зачем пришли сюда? — спросил он.

— Я пришел посмотреть на Доминика Де Сота, ученого.

— А, понятно! Здесь их целая куча — в своем времени они говорили о паравремени и всех этих штуках! Здесь даже двое «меня». Вероятно, вы найдете их в баре...

Так я и поступил. Как он и сказал, в баре было десять-одиннадцать человек, они пили пиво и оживленно разговаривали. Двое из них были Лари Дугласами, четверо — Стивами Хоукингами (в том или ином состоянии здоровья), двое — Джонами Гриббинами (образцы которых я встретил во Флойде Беннет). Они даже не взглянули на меня, как и пояснил прохожего, они обменивались впечатлениями.

Пройдя в бар, я обзавелся банкой пива и сел, наполовину слушая их и наполовину размышляя над своими проблемами. Мечталось легко, поскольку их разговор несколько не мешал моим мыслям. Я не понимал ни единого их слова.

— Мы начали с расщепления ольтрона! — говорил один из них.

Другой прерывал:

— Постойте, а что вы называете ольтроном?

Первый говорил ему что-то подобное:

— Это обозначает лучевой поток, имеющий расхождение в пяти точках.

Другой удивлялся:

— Расхождения?

И они чертили диафрагмы реакций частиц, пока один из них не сказал:

— О, вы имеете в виду тела Ньютона? Правильно! Это расщепляется на альфа-А и гиммел, верно?

И они все начинали по новой... Я пропускал это мимо ушей, тут пришел Доминик Де Сота и заметил меня.

— Эй, Дом! — крикнул он. — Ты уже вернулся? Слушай, Гриббины сказали мне, что на своих ускорителях они использовали пластины из ванадия — результат получился вдвое лучше. Что ты об этом думаешь?

Я улыбнулся и признался:

— Ничего! Я, Дом, тот, который сенатор, с которым ты был в Вашингтоне, когда нас похитили.

— Ах, тот! — сказал, забавляясь, доктор. — Ладно, я тоже не тот Дом! Он пошел проведать свою жену.

Я моргнул:

— Тогда ладно, передай ему, что я заходил!

Отвернувшись, я подумал, что было бы неплохо, если бы вместо бесполой женщины похитили мою Найлу... и тогда...

Я осекся, сглотнув комок.

— Эй! — сказал я. — Они же не похищали его жену, ведь она не работала над паравременем и находится в собственном мире!

— Разумеется, она не занималась паравременем! — другой Дом озадаченно посмотрел на меня. — Он попросил, чтобы она присоединилась к нему, только и всего! И пошел встречать.

— Попросил... присоединилась... вы хотите сказать, что...

И Дом в самом деле имел в виду именно это. Это было политикой — похитители не бесчеловечны! Они позволяли перенести семьи, если те согласятся.

Нужно только сделать запрос!

Через сорок минут я был в отеле «Билтмор», ожидая своей очереди и... полагаю, здесь уместно слово «предложение». Я был не одинок, в очереди стояло пятьдесят человек. Мы мало говорили, и каждый зубрил свою речь. Когда я почувствовал удар в плечо, я вздрогнул.

Но это был всего лишь Ники.

— Ты тоже сюда, Дом? — его рот растянулся до ушей. — Я уже кончил. Теперь, если только Грета скажет «да»...

Мы оказались в центре внимания. Все обернулись, чтобы услышать, о чем поведает человек, уже прошедший это.

— Она еще не ответила? — спросил я.

— Ответ? Нет! Ты говоришь не непосредственно с ней, — пояснил он. — Полагаю, для этого недостаточно туннелей. Знаешь, ты заходишь в комнату, и они делают нечто вроде фильма. Это не совсем фильм, во всяком случае, ты говоришь то, что хочешь, потом они засекают местонахождение адресата и пересылают... Как называется эта штукавина?.. Голограмма? Что-то вроде этого. Ты говоришь ровно минуту, затем послание направится ей...

Направится ей.

Что надо сказать женщине, чтобы она оставила свой мир во имя рискованных приключений в изгнании? Медленно продвигаясь в очереди, я искал веские причины. Их не было. Посулы. Легкомысленные призрачные обещания, что наша жизнь будет подобна... чему, если бы я только знал!..

Когда, наконец, я очутился перед объективом и яркий свет ослепил мои глаза, я отказался от всех обещаний и причин. И сказал просто: «Найла, моя дорогая! Я люблю тебя! Пожалуйста, иди ко мне и выйди за меня замуж!»

В субботу мы окончательно избавились от всех микробов и готовились начать новую жизнь. К этому времени мы успели намозолить глаза женщине из «Билтмора». Число туннелей в другие времена строго ограничено, объясняла она, и трудно проверить все сразу. Нет, она еще не знает, получила ли Найла мое послание. Да, ей скажут все, что она захочет узнать об этом мире: на что он похож и как сюда попасть. Нет, она даже не знает, сколько это протянется. Иногда требуется меньше дня, но некоторые не имеют ответа и спустя три недели...

Я не хотел ждать три недели — не мог быть одиноким столько времени... особенно если узнаю, что остался таким навсегда.

Я тянул время, у Ники была та же проблема, но он, казалось, не был взволнован. Когда он не работал, он слонялся вокруг, когда и это надоедало, Ники сгибался над терминалом и пытался чему-нибудь научиться. В трудное время я как-то зашел спросить его, как много ути перешло в одди-пут, и он сказал:

— В самом деле, Дом, как ты будешь здесь жить, если не можешь сделать элементарный перевод?

— Ники; это так умопомрачительно для моих мозгов, эти нули и единицы!

— Это двоичная система,— поправил он:

$$1 = 1$$

$$10 = 2$$

$$11 = 3 \text{ — И он вытянул строчку. —}$$

$$100 = 4$$

$$101 = 5.$$

— Ну хорошо, Ники, это действительно так! — проворчал я. — Но когда получатся десяти или двенадцатизначные числа? Как их выговорить?

Он серьезно ответил:

— Сейчас ты будешь изучать код!

— Кто, я? Нет-нет, я его знаю! Я должен учить этот код только потому, что торчу здесь, а если бы я находился в Риме, мне пришлось бы изучать римские цифры? Только это глупо? Должны же иметь цену их миллионы, переложенные с десятичной в двоичную систему!

Он засмеялся:

— Ты хочешь знать их цену? Имей в виду, что они перекладывают данные в электронную память. Где-нибудь нажимается кнопка, и машины производят глобальные замены-поиски. Все сразу и повсюду! Это стандарт!

Я пристально взгляделся в него.

— Это уже компьютерный разговор! — сказал я. — Ты многому научился с тех пор, как исчез из своего времени!

— У меня не было другого выбора, Дом! — сказал он. — Рано или поздно ты это поймешь... я хочу, чтобы ты начал учиться! — Он выбил на клавиатуре несколько команд и поднялся. — Тебе пора научиться считать! — И он оставил меня наедине с комсетом.

Да, он был совершенно прав.

Я стал серьезным, на время забыл все свои мысли и проблемы (даже Найлу!) и попытался сконцентрироваться.

Ники вызвал для меня старую документацию «Двоичное исчисление и человеческие привычки». Там было сказано все, что я хотел узнать, как записывать и произносить.

Научился записывать — очень легко. Числа двоичной системы записываются в группы из шести единиц (в середине ставится дефис), например, 000-000. Когда в числе более шести единиц, используются запятые (как для тысяч и миллионов!). Пример: 000-000, 000-000. Я старательно перевел текущий год в двоичное число, и год 1983 стал 1-111, 011-111.

Для меня это выглядело довольно необычно.

Прочитав дальше, я узнал, что каждую шестерку знаков они производят в соответствии с одним смехотворно нелепым правилом. Это стало легче, когда я изучил таблицу. Каждая триада произносится по-разному, в зависимости от того, находится ли она до или после дефиса.

10 с. с	2 с. с.	Произношение первой группы	Произношение второй группы
0	000	оли	пол
1	001	ути	пут
2	010	ата	пата
3	011	одди	под
4	100	ту	ту
5	101	тоттер	тот
6	110	дай	дай
7	111	типер	ти

Так, числа, подобные 10, то есть 1-010, стали ути-пата, а 50, или 110-010, стали дай-пата. Когда Ники возвратился, я сказал ему:

— Через четыре месяца, в канун Нового года, я пожелаю тебе счастливого Нового ути-ти, одди-ти!

— Превосходно, Дом! — он улыбнулся. — Только это текущий год! Следующий будет 1984 — ути-ти, ту-пол!

Я застонал:

— О, огни ада! Я никогда не научусь всем этим штукам!

Ники возразил весело:

— Было бы желание! В конце концов, как я сказал, у тебя нет выбора.

Я не мог постоянно витать в облаках, думая о Найле, или изучать арифметику. Решение было принято, и не просто решение: мы уходили работать! Не могли же мы вечно торчать в «Плаце»! Ведь в карантинные кварталы каждый день поступали тысячи новых Котов. Мы не могли идти работать в горничные или водители автобусов. В Эдеме не было свободных дорог, да и не могло быть! Раньше на всей этой планете едва ли было пятьдесят тысяч отважных пионеров, недовольных своим прежним правительством или просто героев. Сейчас сюда перемещено почти двести тысяч Котов, и их количество удвоится прежде, чем перемещение из других времен завершится. Каждый из нас нуждается в пище, жилье, в целом миллионе маленьких приспособлений и удобствах, составляющих цивилизованную жизнь. Еда — это почти все! Я никогда не был даже простым огородником, но первая же моя поездка в поисках работы была в северную часть парка, где я убирал бревна и выкорчевывал пни, распахивал поля

и высевал озимые культуры. Вторую поездку я совершил к Бруклинскому мосту, где инженеры проверяли прочность кабелей и опор, готовили старый мост к новой службе. Третью, четвертую и пятую поездки я совершил за город, где пришлось восстанавливать водопровод и линии электропередач, проверять готовность зданий к зиме и собирать металлолом, чтобы снова пустить металл в дело, создавая из отходов старых времен новые механизмы и плуги, двухтавровые балки (железные рудники Месаби пока еще не начали давать руду). О, здесь, был непочатый край работы—еще больше, чем людей! Но, кажется, ни одно из этих занятий не подходило для человека, основным искусством которого было составлять речи и основывать денежные фонды, смотреть сквозь пальцы на то, как проект расчистки трущоб заменяется на программу обучения пилотов.

— Все будет отлично, черт возьми! — бодрился Ники.— Вот увидишь! Им нужны все, Дом, и рано или поздно им потребуется правительство! Когда придет Грета...— он зажал рукой неземную идиотскую улыбку.— Дом! Жена! Семья! Пол-акра земли, огороженной высоким забором, где мы будем ходить нагишом, когда захотим...

— Извини, Ники! У меня деловая встреча! — сказал я и ушел, оставив его наедине с грезами.

Я не солгал — разговор с женщиной из «Билтмора» можно назвать и «деловой встречей». Она сразу признала меня:

— Доминик Де Сота? Я не ошиблась? Подождите секунду! — она пригнулась к комсету, изучая содержимое экрана. Затем ее выражение потемнело.

Прежде чем она смогла подыскать слова, я понял, что произошло.

— Я в самом деле, очень сожалею...— начала она и не закончила.

У меня всегда наготове улыбка, я приклеил ее, и это сработало.

— Кончим играть. Хорошо, милашка? — сказал я, улыбаясь.— Что вы делаете сегодня вечером?

Улыбка могла одурачить ее, но я видел, что женщина молчала — была слишком доброй. Возможно, она уже говорила сотням ППЛ, что их возлюбленные и близкие

не видели возможности начать новую жизнь в новом мире.

— Многие и в самом деле боятся путешествий в паравремя! — сказала она.

Улыбка жгла, но я удержал ее и попытался продолжить беседу.

— Что тут поделаешь? — сказал я и ухитрился пожать плечами. — Найла храбра, как никто другой! Но я не виню ее, на ее месте я бы, возможно, сказал: «Ну уж нет, спасибо, это уже слишком». Во всяком случае, подумал... — И замолк, потому что женщина выглядела озабоченной.

— Простите, как вы ее назвали?

— Найла! Найла Боуквист. Что-нибудь не так?

— О, дьявол! — она снова занялась клавиатурой. — Я просто перепутала: тот же номер комнаты и тоже Доминик Де Сота... Женщина по имени Грета сказала: «Нет»! Ваша... — она нахмурилась и сделала повторный контроль. Затем подняла глаза и улыбнулась небесно-лучезарной улыбкой. — Ваша заявка на Найлу Христоф Боуквист удовлетворена. Ваша подруга уже во Флойд Беннет на предварительной дезинфекции и завтра утром будет в отеле.

Штабной сержант Найла Самбок уже не была сержантом, так как им не был никто. Советы распустили американскую армию с помощью сил Лиги Наций. Тем не менее, Самбок по-прежнему носила униформу, грязную и измятую. Ничего другого у нее не было. Когда она ждала на станции Индианополис поезд домой, сидевший рядом экс-капитан слушал радио. Там повторялось одно и то же сообщение, пояснявшее события:

«Мы устранили всех лиц, перемещенных во времени и ваших исследователей в области паравремени.

Мы индуктируем радиацию, сделавшую ваши исследовательские центры непригодными.

Мы строго запрещаем вам дальнейшие исследования в этой области!»

Найла не хотела слушать это снова. Если бы она знала раньше! Подводные лодки Советов запустили ракеты и были предельно эффективны. Они стирали с лица земли Майами и Вашингтон, Бостон и Сан-Франциско, Сиэтл. Бомбар-

дивовишки американцев начали бомбить русских и делали то же самое с Ленинградом и Киевом, Тифлисом и Одессой, Бухарестом. Все думали, что худшее уже свершилось, поскольку число ядерных ударов ограничено, но наступила ядерная зима. Это продлится месяцы, хотя об этом еще не знал никто.

*Год 11-110 111-111; месяц 1-010; день 1-100;
час 1-00; мин 1-111. Ники Де Сота*

Мэри Водчек, пилот блимпа, вернулась в каюту, чтобы разбудить меня: мы были уже где-то возле Скрантона.

— Вставать пора! — позвала она через дверь. — Нью-Йорк через час!

Я поблагодарил ее и слез с койки, дрожа от холода. Сносная для остальных температура воздуха на дирижабле мало напоминала Пальм-Спрингс. Пока я набирался храбрости для принятия душа, Мэри позвала меня опять, чтобы убедиться, что я проснулся.

— Знаете, мы полетим раньше, чем сядет солнце. Вы не полетите с нами?

— Пусть ваша бочка улетает на... — крикнул я и услышал ее смех.

Затем Мэри ушла, а я, пока не ослабили нервы, поспешил в душ. Вода показалась не такой холодной, как я боялся, — немного теплее воздуха. Во всяком случае, я с радостью выскочил из душа и быстро натянул на себя одежду. Так начался этот день.

Для нашей компании это был просто праздник, ведь я мог выиграть время, и мы работали за двоих, включая и уик-энды, делая запасы. Мы могли лететь тодди-от, ути-под, но 12 октября был праздник Дня Колумба, его праздновали многие из нас. Вам в диковинку арабские и африканские финиковые пальмы в наших широтах, поспевающие ко дню открытия Америки. День Колумба — это очень американская причуда: эфиопы, давшие нам деревья, спрашивали, куда это мы так торопимся, украшая кроликов?

Многие из нас родились в Соединенных Штатах, хотя почти все были Котами. Я имею в виду подневольных. Наша фермерская община основана настоящими колонистами из двадцати паравремен, но им не понравилось обрабатывать землю. Когда пришли мы, пити-дипис (ППС), то они решили, что в этом мире есть более интересные вещи.

Для меня это — как нельзя лучше. Все мы были равны. Это не значит, что хотя бы один из них что-нибудь знал о Тау-Америке — моей Америке. Я не встретил ни одного человека, который знал о Моральном Благоприличии Движений. У них не было богатых арабов, скупивших все вокруг с потрохами. Арабы были частью коллектива — такие же, как я. Здесь не было законов, не разрешающим пить спиртные напитки лицам моложе тридцати пяти лет, законов, запрещающих аборт и контрацептивы. Более того, не было ни одного правила о том, насколько должна быть открыта кожа (естественно, исключая законы природы, нормальные люди остерегаются подставлять кожу под жаркое калифорнийское солнце).

В первое время я дал этому новому миру название Эдем. Оно пришлось ему в самый раз! Хотя я и не предполагал, что мне понравится земледелие, я бросил подсчет закладных цен в Чикаго ко всем чертям.

Но это умение пришлось как нельзя кстати, ведь именно оно удерживало меня от грязной работы (за исключением уборки, когда не хватало рабочих рук). Я освоил двоичную арифметику, и случилось так, что я взял на свои плечи все финансовые дела нашей компании. Это было солидным преимуществом, и они не хотели, чтобы я уезжал в Нью-Йорк.

Раньше такого не случалось.

Прекрасно, продолжим. Блимп мягко качнулся над болотами старого Нью-Джерси, и я сделал вид, что пересчитываю ящики с авокадо и салатом-латуком, а на самом деле смотрел вперед на дом... мой настоящий, около Пальм-Спринго.

Он был так близко, что я замечтался. В молодости я был очень религиозным... ведь у меня не было выбора. Моральное Благоприличие Движений всегда было со мной, особенно в пригородах Чикаго. Я хотел быть добрым и избежать извивающейся вечности в жгучем пламени ада (в этом уверял меня каждое воскресенье преподобный Мэникот), а туда я непременно попаду, если выпью, пропущу воскресную школу и пойду купаться в одних только плавках. Правда, иногда он упоминал и Небеса. В моем представлении, это было нечто вроде Таити. Я знал, где это находится, но не видел шансов попасть в рай... по крайней мере, без хороших адвокатов, могущих прогрызть лазейку в законах. Я имею в виду,

смог бы Господь простить мне тяжелое шестилетнее бремя грехов? Я лгал. Я крал никелевые монетки из маминого кошелька. И непочтительно относился к старшим. Я был плохим, верно! Но иногда я грезил, на что же похожи Небеса? И это похоже на «Гармонию пустыни». Даже тот факт, что преподобный Мэникот говорил, что на Небесах нельзя жениться. В Калифорнии это было действительно так. Женщин здесь было около половины населения, но все они, как правило, присоединились к своим мужьям или любовникам. Резервов для покинутых мужчин не существовало.

И от поездки в Нью-Йорк я ждал решения этой проблемы.

Мы причалили к Грит-Медоу, где винтчмены подцепили наши канаты, и я посмотрел в окно. Нью-Йорк-Сити почти не изменился. Ведь прошло только шесть недель с тех пор, как я отправился на заработки в Калифорнию... но, мой Благодетель, это казалось таким огромным сроком!

Как только мы закрепились, я вышел в дождливый октябрьский день Нью-Йорка, и с первого же шага мои тенниски покрылись грязью. Герби Мадиган ждал меня, сидя на плетеной корзине и сгорая от нетерпения. Даже раньше чем приветствия он вытянул из моих рук накладную, и глаза его моментально побежали по списку.

— Помидоры? — возмущенно спросил Герби. — Зачем вы их привезли? У нас их навалом с Джерси и Айленда.

— Через пару недель они кончатся, и вы приступите к нашим. Во всяком случае, есть еще финики и авокадо! Его глазки загорелись.

— И еще для пробы я положил апельсины...

— Апельсины? — он удивился.

— Боюсь, мы не можем доставить их очень много, — сказал я, — придется подождать, когда деревья будут более плодоносными. Может быть, нам стоит выйти из дождя?

Нам не удалось это сделать сразу же, так как меня оставил человек из воздушных служб и спросил, не видел ли я по пути из Калифорнии хоть один признак баллистического отскока? Инспектор выглядел слишком удовлетворенным, когда я сказал, что не видел, и менее, когда я объяснил ему, что половину времени спал, а

остальное занимался бумажной работой. Он сказал что больше никто не испытывает порталы, вероятно, резонанс потух.

Потом мы зашли в офис Герби, ярко освещенный грязный участок в одном из сооружений-пузырей в парке. Полчаса поторговались. Я даже стянул свои промокишие тапки и сушил носки. У Мадигана нашлось немного кофе, и он угостил меня чашечкой (удивлюсь, если мы сможем его вырастить!). Люди из «Гармонии» уже отправились исследовать Байю и другие части Мексики. Когда-нибудь у нас будут плантации кофе, может быть, даже папайи и бананов, но до этого очень далеко. Во всяком случае, планов на будущий год у меня хватало.

— Через месяц у нас будет свежий шпинат и виноград, — сказал я Герби. — К Рождеству появятся дыни, хотя мы работаем недолго. Вы не знаете, никто из настоящих фермеров не появился?

— Больше не появится никто! — рассеянно произнес он, думая о рождественских дынях. — Они захлопнули все порталы, за исключением нескольких станций слежения. В любом случае вы можете набрать рабочих: в отелях сидят еще несколько сотен солдат и физиков.

Я тяжело вздохнул. Переподготовка физиков и военных отняла у меня достаточно времени.

— Если сможете, дайте дюжину добровольцев, — сказал я. — Мы улетаем сегодня ночью. Самое лучшее — семейных. Или одиноких женщин.

Он, как я и предполагал, рассмеялся. Когда мы сторговались и составили контракты на будущее, Герби добавил кофе и, откинувшись в кресле, пристально взглянул на меня.

— Доминик! — сказал он. — А как вам понравится работа на меня?

— Нет, благодарю!

Он упорствовал:

— Вы будете иметь прекрасную работу! Я подберу приличную плату, и вы будете жить в городе, обеспечивать водой и едой половину Вест-Сайда! Все будет изумительно!

— Вы сорвете на этом куш! — я улыбнулся.

— Верно, лет через пять...

— Через пять лет, — сказал я, — мы приберем к рукам Сан-Диего! Там хватит места. Не говоря уж о теплом климате.

Мадиган задумался и сказал:

— А вы знаете, я никогда не хотел жить в Калифорнии.— Мне необходим Лос-Анджелес...

— Лос-Анджелес? Кто его восстановит? — Я взглянул на часы.— Герби, у вас хорошо подвешен язык, но полет не ждет, а у меня еще несколько дел! Можно одолжить пару сухих башмаков и, если не жалко, плащ?

Вестибюль отеля был чист и пустынен. Через центры перемещения Нью-Йорка прошло около двадцати двух тысяч пети-дипс — и двести из них остановились в «Плаце». Некоторые отели уже были законсервированы до лучших времен: когда они потребуются для людей, прибывших не через порталы, а на самолетах и автомобилях.

Я не медлил. Вначале воспользовался общим терминалом, ввел нужные данные и получил адрес. Выяснив у соседа, как попасть в Ривер-Сайд, я понял, что могу поймать такси. Только тут я подумал, что мне нечем расплатиться за проезд. Или за что-нибудь еще.

— Я могу расплатиться калифорнийской кредитной карточкой? — спросил я, а он попытался не рассмеяться.— Если вы нуждаетесь в наличных, в вестибюле денежный автомат. Стоит вам только сунуть карточку, он, вероятно, позаботится о вас.

Так я и сделал. С помощью двух наблюдателей, конечно. Автомат выплюнул две дюжины шестнадцатидолларовых банкнот. Я схватил их и убежал прочь. Провинциал в большом городе! Некоторые вещи не меняются.

В такси я получше рассмотрел необычные деньги. Действительно, неудобно использовать карточки для мелких вещей, или даже таких крупных, как торговля с независимыми общинами Лола Алто и Санта-Барбара, или субботней игры в покер. Банкноты имели интересную окраску: зеленовато-золотые и черные с одной стороны, золотые и алые — с другой. Числа, разумеется, в двоичной системе. Деньги были сделаны не на банкнотной бумаге, которую я видел в своей предыдущей жизни, а на чем-то вроде шелка (я потрогал уголок — определенно, их трудней оторвать). Но все это очень похоже на деньги. С одной стороны портрет Эндрю Джексона, а с другой — Белый Дом (это была не гравюра на стали, а голограмма). Покрутив банкноты в руках, я заметил, как перспектива слегка изменилась, вокруг изображений засияли иные

цвета: красный, белый и голубой за Джексоном и разноцветная радуга над Белым Домом. На банкнотах напечатано название типографии: предприятие в Филадельфии. В первое время я даже не знал, что там было. И сделал для себя пометку — на следующей встрече совета я внесу предложение, чтобы и мы напечатали для себя такие же. Такси тем временем тряслось по рытвинам и треснувшему цементу Бродвея.

Затем мы очутились на Ривер-Сайд, я расплатился с водителем и огляделся по сторонам. Текла чистая и приятная река. Это Гудзон. В стороне Джерси на скалах выросли большие деревья, но я не видел моста Джорджа Вашингтона (и предположил, что он не был построен). Но жилой дом, к которому я подошел, был в отличном состоянии: пол из чистого кафеля и стекла в окнах. Поднимаясь на шестой этаж, я услышал шум мотора и понял, что лифт работает. Когда я добрался до квартиры 6-Си и постучал в дверь, она тут же открылась. Вот только человек, открывший дверь, был не тем, кого я рассчитывал увидеть. Это был сенатор.

— Ники! — воскликнул он. — Эй, Найла! Это Ники Де Сота! Приди сюда и поздоровайся!

Затем явилась она — милая и счастливая, очень похожая на ту, которую я искал (ведь я тоже был похож на сенатора), почти похожая, это легко заметить во время рукопожатия. Я зашел к ним, и мы пили более чем настоящий кофе, болтали о том, чем занимаюсь я, чем они, как прекрасно в этом новом мире и каким ужасным был старый.

Очень печально, что это была не та Найла.

Но они подсказали, где настоящая. И спустя двадцать минут я уже торопился туда. В столичный музей искусства. Не более чем в двух минутах ходьбы от того места, где приземлился мой блимп.

Сенатор и его Найла были удивлены, увидев меня. Найла-Без-Пальцев удивилась еще больше. Она была поражена и держалась настороженно.

— Все, что было дома, конечно! — сразу же предупредила Христоф. — Если вы сердитесь на меня, я вас не осуждаю, но и не извиняюсь!

— Я вовсе не сержусь на вас! — сказал я. — А просто хотел пригласить на ужин... может быть, в тот ресторан в парке, среди деревьев?

— Ну что вы, я не могу себе этого позволить!

— Зато я могу! Прогуляемся? Я хочу заодно взглянуть, загружают ли мой блимп.

И мы пошли. Я показал Найле, как грузят по частям тракторы коробка за коробкой, базу данных для наших машин (все это в обмен на продукты). А она рассказывала мне о работе в музее. Это не работа по искусству, сразу же предупредила Найла, но это хорошая работа. К счастью, говорила она, перед войной построили новое хранилище. Поэтому многие из уникальных экспонатов прекрасно сохранились и находятся в хорошем состоянии. Но вот выставленные вещи, особенно картины, никто не умеет реставрировать. Но экспонаты опрыскали, уничтожив плесень, высушили и собрали все чешуйки краски, упавшие на пол. В один прекрасный день кто-нибудь положит их на место. — Я и не подозревал, что вы так интересуетесь искусством! — Я зашел с Найлой в ресторан. Аромат был просто изумительный, ресторан находился рядом с рынком и получал оттуда самые свежие продукты.

— Полагаю,— заметила она,— вы знаете про меня совсем немного, разве не так? Вполне вероятно, я этого и добиваюсь! Вы будете бояться меня еще больше!

Я пропустил ее вперед. Мы сели за столик, у нас приняли тут же заказ. Начали с авокадо, набитых мясом крабов (крабы поставлялись прямо из Гудзона, а авокадо были моими, абсолютно свежими и безупречными).

— Работа, конечно, хорошая! — сказал я. — Но, полагаю, в этом пока не очень-то и нуждаются, верно? Я имею в виду картины. Но другие вещи... когда мы проходили, я видел обелиск Клеопатры. С ним ничего не случится, раз он так сохранился.

Обелиск лежал на земле и в нескольких местах был разрушен от падения. Тысячелетиями он хранился в Египте, но несколько десятилетий в Нью-Йорк-Сити сделали свое дело.

Найла выскребла остатки мяса из авокадо и взглянула на меня:

— Ну и...

— Да так, мне просто интересно, может быть, вас интересует другая работа? Не по специальности, конечно... здесь не очень-то по линии тайной полиции. Как вам понравится дирижировать оркестром?

Найла отложила вилку:

— Дириж... оркес?... Вот дерьмо! Ники, какого черта вы говорите об этом?

— Зовите меня Домиником, хорошо? — Я забыл, что она сквернословила. Возможно, Найла просто привыкла к этому, многие только прикидываются такими.

— Ну... тогда, Доминик. Что вы задумали? Я никогда не дирижировала оркестром!

— И не хотели играть на скрипке?

— Я играла! — инстинктивно она спрятала руки на коленях.

— Теперь это невозможно, верно? — Я кивнул. — Понимаю! Но ведь это не помеха, чтобы управлять другими музыкантами?

— Какими другими?

Я улыбнулся:

— Они называют себя филармонией Пальм-Спринго. Собственно, они любители... хотя и неплохие. Для них это только хобби. Все они работают в компании.

— Какой компании?

— Я главный управляющий по финансам в «Гармонии пустыни»... На сегодня мы имеем хороший оркестр. Решайтесь сразу, сейчас... Хорошо, у нас есть еще пара вакансий.

— Каких?

— Первая — это обучать детей музыке... и взрослых, по желанию. У нас нет учителя музыки.

Найла поджала губы. Принесли тушеного кролика. Она одобрительно понюхала и попробовала блюдо.

— И... Ну хорошо... собственно говоря, это совсем не работа. Я имею в виду... выходите за меня замуж!

Не думаю, чтобы я когда-нибудь поражал ее. Я вообще не уверен, что удивлял кого-нибудь, как не удивлялся и сам. Найла пристально смотрела на меня, забыв про тушеного кролика. Мой кролик стремительно погружался внутрь моего желудка, я умирал с голоду, кроме того, это было изумительно вкусно.

— А как же Грета? Как там ее? Стюардесса?

Я пожал плечами.

— Знаете, я просил ее приехать сюда, послал одну-минутную коммерческую, но Грета отказалась! — И улыбнулся (когда я думал об этом ретроспективно, это казалось очень смешным). — Я получил голокарточку с ее отказом...

Я как бы вернулся назад в свою комнату, когда сенатор вышел и я проиграл ее ответ. Грета была хорошенькая, как всегда. Тогда я совсем не плакал, но был близок к этому... Она сказала: «Ты очень милый человек, Ники, но от тебя одни только неприятности! Мне это не нужно, и оставь меня в покое!»

Найла засмеялась по той же самой причине.

— Ладно, ты милый человек, Ники! — призналась она.

— Доминик!

— Да, Доминик!

— Это о Грете! А как там Мо?

Она посмотрела на меня испуганно и почти возмущенно:

— Эта обезьяна? Ты считаешь, что я с ним трахалась, Ни... Доминик? — Найла попробовала кролика и подобрела. — В конце концов, он конченный педик! — пояснила она. — Он и те двое! Все трое встретились, полагаю, прежде они не были голубыми... но сейчас не прочь иметь в качестве любовников тех, кто знает о них все. Думаю, каждый человек хочет такого же... — она заколебалась и посмотрела на меня. — Ты понимаешь, о чем я сказала? Я подразумеваю, точно знать, что делать. Ладно, хватит об этом!..

— Я понял, что вы имсете в виду, — решительно заявил я. — Так как насчет этого?

— Насчет замужества? — Найла задумалась (но не о тушенке, которая была совершенна, а о самой мысли).

Я подумал, что надо бы достать рецепт для наших поваров. Найла расправилась с кроликом и огляделась в поисках кофе. Я подозвал официанта и заказал кофе.

— Хорошо! — она рассмеялась. — Это всегда легко решить!

— Ответ мне нужен немедленно!

— Я знаю, Дом! — сказала Найла. — Я попытаюсь, только не уверена в... Я ведь не то, что можно назвать невинной невестой... ты ведь понимаешь... и я далеко не безобидна. Но, Доминик, ты всегда производил на меня впечатление тупого осла в подобных вопросах.

Я возразил:

— Найла, наше прошлое не делает нам чести. Не обижайся, но ты была порядочной змеей, а я — тряпкой! Это прошло, Найла. Теперь мы другие... подожди! — Официант принес кофе и счет. — Как бы это выразиться? В не-

котором роде мы были такими из-за того мира. Наверное, очень жестокого. Мы ошиблись и пошли не той дорогой. Могло бы быть лучше даже в наше время. Но не все мы совершали ошибки. Взгляни на наших двойников! Сенатор и ученый, Найла Боуквист... Мы могли бы стать такими же. И еще не поздно, милая!

Я не собирался использовать это слово, но оно выскользнуло непроизвольно. И Найла услышала его. Я видел, как она воспринимает новинку... кажется, слово «милая» не вызвало у нее отвращения. Я заспешил:

— Сенатор сейчас возвращается в кругах администрации западной части города. Найла ждет ребенка. Они изменили свои жизни, и мы можем перевернуть наши.

Христоф отхлебнула кофе, поглядывая на меня.

— О чем ты говоришь, Дом? Не только замужество, но еще и дети? Маленький домик в деревне с верандой, увитой розами и горячий кофе по утрам?

Я улыбнулся:

— Кофе пока не обещаю, компания еще не настолько богата, но остальное... да! Даже розы, если они тебе нравятся...

Она поддалась.

— Дерьмо! — воскликнула она. — Я просто обожаю розы!

— «Да» или «нет»? — нажал я.

— Ну ладно, в конце концов, законом это не запрещено! — Найла поставила чашку на столик. — Да! Ты хочешь поцеловать свою невесту?

— Ну еще бы! — я улыбнулся и прикоснулся к ней губами. Экс-агент Найла Христоф пахла кофе и тушеным кроликом и еще самой собой. Это был сногшибательный аромат! — Поэтому, — продолжал я, — пойдем дальше! Сейчас ты возьмешь свои вещи и скажешь, что увольняешься. Скажем, на это у тебя два часа... Один-два останется на магазины, чтобы купить все необходимое, что может понадобиться в Калифорнии, а затем блимп улетает. В пути нас обвенчает капитан.

Найла наливала себе кофе и немного пролила.

— О Боже, Дом! — она выглядела так, словно в первый раз увидела себя. — Разве так можно?

— Милая! — заметил я. — Может, ты забыла, где мы находимся? Это новая жизнь! Не стоит беспокоиться о законности, мы прибыли сюда из различных миров, где

много всяких правил... и все получится само собой! Все будет замечательно!

Спустя несколько часов мы обвенчались и попробовали друг друга на маленькой койке блимпа где-то над Нью-Джерси. И над Пенсильванией... думаю, над Огайо (мы не сверялись с географией). И занимались бы этим где-нибудь над Индианой, если бы не Мэри Водчек, которая принесла нам кофе и тосты с апельсиновым соком.

— Думаю, вам следует подкрепиться! — она улыбнулась молодым доброжелательно и сразу же любезно исчезла.

Потом мы сидели на койке, поддерживая руками друг друга и чувствовали себя превосходно в мягком качании блимпа... Найла сказала:

— Доминик? Ты знаешь, я уверена, что, если кто-нибудь предложит мне уйти отсюда, я откажусь!

— Я тоже! — прижался к ее щеке.

Найла рассеянно пододвинулась ко мне.

— Это смешно! Когда я работала в музее, я мечтала о чуде... Как было бы прекрасно, если бы я вернулась героиней... Но это та же земля, и такая чужая, я никак не могла к этому привыкнуть!

— Это хорошо! — я поцеловал ее теплую подмышку. — Я не гарантирую, что так будет всегда. Я имею в виду то, что мы останемся в этом мире!

Она выпрямилась и посмотрела на меня с неопределенной улыбкой, словно ожидая, что все это шутка, но еще не поняла, в чем именно.

— Что ты хотел этим сказать? Порталы заблокированы!

— Это так, милая! — признался я. — Но это не имеет значения! Слушай, душ здесь маленький, но держу пари, мы в нем поместимся...

— Постой, мальчик! Сначала объясни, что ты хотел сказать!

Я склонился над Найлой и отхлебнул холодного кофе.

— Я хотел сказать, что люди Большого Времени всего лишь люди! Они не боги! Не сомневаюсь, что они закрыли все порталы, за исключением электронных соглядатаев. Они не могут допустить, чтобы баллистический отскок выскользнул из рук.

— Ну и что?

— Это не укладывается в рамки! Разве они одни использовали портал? Здесь только тридцать или сорок

времен, которые владели порталом или приближались к его построению. Но этого мало! Сколько будет тридцать по отношению к бесконечности?

— Не забивай меня математикой, Дом!

— Это не математика! Сейчас октябрь 1983, верно? И не только здесь, а везде! Они не обогнали нас во времени! Им просто повезло... пятьдесят или сто лет назад. Но ведь это октябрь 1983-го и для бесконечного количества параллельных времен — не только их и нас... всех Времен! И везде время летит вперед! Может быть, в эту самую секунду, в каком-то паравремени, куда никто не заглядывал, ты и я прорываем оболочку времен! И может быть, найдутся четыре-пять, кто еще не сделал этого, но пойдет следом. К Рождеству возникнет дюжина паравремен, вмещающих в себе другие миры, к январю — на двадцать пять — тридцать больше... и в феврале... и на следующий год... и потом!

— О Господи! — прошептала Найла.

— И однажды, — закончил я, — их станет так много... их будут тысячи и миллионы... они прорвутся все разом! Ты думаешь, кто-нибудь сможет остановить их?

— Милый святой крошка Иисус! — сказала Найла.

— Вот именно!

— Но ведь это же баллистический отскок!

Я кивнул, подтверждая правильность догадки. Найла то ли с ужасом, то ли с уважением (для того, чтобы это понять, я ее знаю недостаточно) взглянула на меня.

— И ты единственный, кто знает об этом?

— Конечно же, нет! Об этом знают, например, те люди, которые нас схватили. И, уверен, есть другие! Все это можно увеличить в несколько раз. Многие народы... как у сенатора, еще не дошли до этой стадии. Многие... хорошо, они просто не говорят об этом — боятся, я полагаю.

Она воскликнула:

— Чертовски точно, они боятся! Лично я — просто в панике!

— Ну ладно, все это очень плохо. Если вы не боитесь, значит, у вас не все дома. Но посмотрим и с хорошей стороны. С нами, несомненно, все будет о'кей! Мы уйдем в пустыню. Это будет эксцентрично, но не так опасно, как в городе... где, я не знаю, что может случиться...

например, в вашу спальню влетит цеппелин или еще куда-нибудь.

Найла посмотрела на меня как-то странно: немного с неприязнью.

— Ты сказал, — ехидно заметила она, — что мы выживем и потесним остатки человеческой расы? Верно? — она перешла на крик. — И ты еще посмел сказать, что я была грубой и эгоистичной, жестокой...

— Но-но! — я нежно прикоснулся ладонью к ее губам. — Я не говорил ничего подобного! Точно, и мне не безразлична судьба людей, я о них забочусь!

— Но... но зачем тогда мы заговорили об этом, Дом? Я сказал:

— Просто так, любовь моя! С этим мы ничего не можем поделать, но это непременно случится... Правда, есть один хороший момент.

Я подождал, когда Найла заинтересуется. Как только она начала сердиться, и нахмурила брови, приоткрыла ротик, я подумал, что, если она спросит первой, мне это не понравится... и поспешил:

— Это начнется с малого! Я уверен, прежде чем станет в самом деле плохо, мы сможем эвакуировать города или что-нибудь предпринять. Это неотвратимо... ты меня понимаешь? Мы сделаем самое лучшее, что только можно!

Она соскочила с постели и посмотрела вниз, на пустынные равнины. Я дал ей время на размышление.

— Дом, — спросила она, — а ты уверен, что мы поступаем верно? Я говорю о ребенке... Иногда мне кажется, что это понравилось бы и мне самой... Но примет ли этот страшный мир наших детей?

Я поднялся и подошел к Найле, обнял за плечи.

— А ты считаешь, что это знает кто-нибудь?

СОДЕРЖАНИЕ

Путь на Врата	5
Часть первая. ПОСЕЩЕНИЕ	6
Часть вторая. ТОРГОВЦЫ НА ВЕНЕРЕ	13
Часть третья. АСТЕРОИД ВРАТА	99
Часть четвертая. ИСКАТЕЛИ ЗВЕЗД	104
Часть пятая. НА РОДНОЙ ПЛАНЕТЕ	118
Часть шестая. ДРУГИЕ МИРЫ	123
Часть седьмая. СОКРОВИЩА ХИЧИ	138
Часть восьмая. В ПОИСКАХ ОБЩЕСТВА	151
Часть девятая. ЗОЛОТОЙ ВЕК	159
Часть десятая. В ЯДРЕ	170
Нашествие Квантовых Котов	177

Литературно-художественное издание

Фредерик Пол

Собрание сочинений. Том 8 (дополнительный)

Ответственный за выпуск
Гусейнов И.

Лицензия ЛР № 070335 от 28.01.92.

Сдано в набор 08.02.95. Подписано в печать 24.03.95.

Формат 84×108/32. Бумага типографская. № 2.

Печать высокая. Гарнитура Тип Таймс. Усл. печ. л. 21,0.

Тираж 15 000 экз. Зак. № 2918.

Амбер Лтд., 665830, Ангарск, 76-9

Издательство «Сигма-пресс».

107140, Москва, Б. Краснопрудный туп., 8/12.

Ордена Трудового Красного Знамени

ПО «Детская книга» Роскомпечати.

127018, Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

